

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

«ДРАНГ
НАХ ОСТЕН»
и ИСТОРИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
и ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН»
И ИСТОРИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

Редакционная коллегия:
В. Д. КОРОЛЮК (отв. редактор),
В. М. ТУРОК, Н. Д. РАТНЕР, А. И. РОГОВ

1-6-3
74-67-1

СТАТЬИ

(материалы международного симпозиума
по проблеме «Дранг нах Остен»
и историческое развитие стран Центральной,
Восточной и Юго-Восточной Европы»,
20—23 апреля 1966 г.)

В. Д. Королюк

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН» И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

В настоящее время нет еще возможности точно указать время, когда впервые в политической и научной литературе появился термин «Drang nach Osten» — «натиск на Восток». Ссылаясь на работы К. Шайнохи², польский исследователь Г. Лябуга полагает, что он возник еще до 1860 г.^{2а}.

Впрочем, вопрос о времени появления термина «Дранг нах Остен» не является сколько-нибудь существенным, хотя общепроизводственные соображения, учитывающие нарастание пангерманских тенденций в политике немецкой и австрийской буржуазии в конце 40—50-х годов XIX в. и соответствующую обостренную реакцию на эти тенденции в славянских странах, дают основание предполагать, что именно 50-е годы были вполне вероятным периодом появления и распространения термина «Дранг нах Остен». Для целей настоящего сообщения гораздо более существенно, что как в советской, так и в польской, чехословацкой и других славянских странах в то время не было еще никаких терминов, обозначающих это явление.

¹ Настоящая статья ставит своей задачей дать общий обзор проблематики подготавливаемого сектором славяно-германских отношений Института славяноведения АН СССР коллектива двухтомного труда «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Хронологические рамки статьи — от эпохи раннего средневековья до конца XVIII в.— определяются хронологическими рамками первого тома этой коллективной работы.

² K. Szałposcha. Opowiadania historyczne, t. II. Lwów, 1861, s. 10—11.

^{2а} См.: «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе». Сборник статей по истории так называемого «Дранг нах Остен». М., 1965, стр. 42—44.

словацкой и немецкой марксистской историографии³ вполне четко сформулирован и обоснован тезис, что германский «Дранг нах Остен» есть непреложный исторический факт и что за этим термином стоит вполне реальное историческое явление — много-вековая экспансия, осуществлявшаяся либо путем прямых захватов, либо в скрытой форме феодальной и патрицианской колонизации или позже — в форме капиталистического проникновения. Совершенно очевидно, что при этом историки-марксисты решительно выступают против попыток буржуазно-националистической историографии (как немецкой, так и славянской⁴) представить восточную экспANSию Германии как свойство, имманентно присущее немецкой нации, как ее какую-то особую культурную и социально-экономическую миссию на Востоке или ее неотъемлемую черту народа-захватчика. Вместе с тем ненаучными следует признать и попытки некоторых современных западногерманских историков затушевывать остроту славяно-германских отношений в прошлом, вопреки общизвестным историческим фактам идеализировать прежде всего польско-германские и германо-чешские отношения в средние века и новое время.

Анализируя многовековый процесс германской экспансии на Восток, историки-марксисты исходят из тезиса, что, подобно каждой экспансии, осуществляющей классовым обществом, германская восточная экспансия имела также классовый характер, служила прежде всего классовым интересам сначала германских феодалов, а затем буржуазии и обуржуазившегося юнкерства и, наконец, интересам империалистических монополий. Это не означает, что в ходе экспансии не происходили более или менее крупные передвижения населения, что в колонизационных потоках на Восток не участвовало трудовое население, крестьянское и городское, о чем еще придется более подробно говорить впоследствии.

Сама по себе длительность процессов германской восточной экспансии, растянувшейся более чем на тысячелетие, хотя и представляла собой явление исторически сложное, не может все же считаться чем-то совершенно исключительным. По длительности она вполне сравнима с продвижением русского и украинского крестьянства, казачества, купцов, промышленников и лишь

³ Автор не ставит своей задачей дать общий обзор литературы, относящейся к проблемам «Дранга». Такой обзор мыслится как вводная глава предполагаемого коллективного исследования.

⁴ См. например, высказывания таких видных исследователей, как Г. Беллов в Германии или Ф. Знанецкий в Польше (G. V. Below. Die italienische Keiserpolitik des deutschen Mittelalters. München—Berlin, 1927; F. Znaniecki. Sily społeczne w walce o Pomorze.—Сб. «Polskie Pomorze». т. III. Toruń, 1931; cp. H. von Srbik. Mitteleuropa. Das problem und die Versuche seiner Lösung in der deutschen Geschichte. Weimar, 1938; W. Feldman. Dzieje polskiej myśli politycznej. 1864—1914. Warszawa, 1933; J. Buczek. Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków. Lwów, 1909; J. Feldman. Problem polsko-niemiecki w dziejach. Katowice, 1946).

отчасти помещиков, хозяйственно-осваивавших экономически неосвоенные или почти неосвоенные север, юг и восток нашей страны. Огромные территориальные масштабы германской экспансии, развертывавшейся на пространстве между Балтийским морем и Адриатикой и между Лабой и Черным морем и далее на Восток до Волги,— тоже явление неисключительное в мировой истории. Если польская феодальная экспансия на Восток, как и экспансия средневековой Венгрии, уже в XI в. прочно подчинившей себе Словакию, а затем Хорватию (XII в.), на Восток, Юг и Юго-Запад по территориальным масштабам и не могут идти в сравнение с экспансиею германских феодалов, то еще больший территориальный масштаб имела феодальная арабская экспансия.

Само собой разумеется, что, как и в иных аналогичных случаях, германская восточная экспансия не была непрерывным, равномерно развивающимся процессом. Периоды усиления этой экспансии сменились этапами ее временного ослабления. При этом успехи и неудачи германской экспансии на Восток определялись не только внутренним состоянием Германии, но и в огромной мере силой и организованностью противостоящих ей стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. К этому положению нам еще придётся неоднократно возвращаться в ходе наших дальнейших рассуждений. В настоящей же связи гораздо важнее подчеркнуть, что основные, решающие этапы германского «натиска на Восток» уже достаточно убедительно определены в литературе вопроса⁵.

Применительно к рассматриваемому здесь периоду феодализма до конца XVIII в. можно четко охарактеризовать четыре основные волны германской восточной экспансии.

IX в.— борьба восточнофранкских феодалов с Великоморавской державой, прерванная вторжением венгров, неоднократно опустошавших во время своих стремительных набегов, особенно в первой половине X в., не только славянские, но и немецкие земли; в IX же веке франкские феодалы повели широкое наступление на Посавскую и Далматинскую Хорватию, закончившееся полной неудачей к концу столетия.

⁵ См. «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». М., 1944; Н. С. Державин. Вековая борьба славян против немецких захватчиков. М., 1943; ср. также соответствующие разделы в многотомном издании «Очерки истории СССР» (М., 1953—1958) и коллективных трудах «История Польши» (т. I—III. М., 1956—1958), «История Чехословакии» (т. I—III. М., 1956—1960), «История Югославии» (т. I—II. М., 1963); из польской литературы следует в первую очередь указать на материалы конференции, состоявшейся во Вроцлаве в 1950 г. по германо-польской проблематике (*Sobótka*, 1950, № 5); сб. «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе»; Ф. Х. Гентцен. Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого остфоршунга (*Советское славяноведение*, 1965, № 3). Здесь дана подробная библиография вопроса (ср.: Leo Steg. Die Klerikalimperialistische Abendländideologie in Dienste des deutschen Imperialismus. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1962, N 2).

Вторая половина X — начало XI в. — натиск Германской империи на полабо-прибалтийское славянство, Чехию и Польшу, не приведший, однако, к осуществлению широких захватнических планов германских феодалов на Востоке сначала из-за всеобщего восстания полабо-прибалтийского славянства в конце X в., а затем из-за длительных и кровавых польско-немецких войн начала XI в., закончившихся безрезультатно для империи: важную роль сыграла при этом и сложная политическая игра раннефеодальных Венгрии и Чехии.

Вторая половина XII — начало XV в. — захват словенских земель Габсбургами, покорение полабо-прибалтийского славянства, затем пруссов, экспансия в Восточную Прибалтику, осуществлявшаяся Бранденбургом, Тевтонским и Ливонским орденами и приостановленная Ледовым побоищем в середине XIII в., Грюнвальдской битвой и Гуситским революционным движением в начале XV в., а затем Тринадцатилетней войной Польши с Тевтонским орденом (1454—1466 гг.) и разгромом Ливонского ордена Россией в середине XVI в.

XVI—XVIII вв. — образование в Дунайском бассейне многонациональной монархии Габсбургов, поработивших Чехию, Словакию, Венгрию и Хорватию и приступивших к широкой экспансии на Балканах, а также начавшийся с середины XVII в. военно-политический подъем Пруссии Гогенцоллернов, захвативших в начале XVIII в. Западное Поморье, в середине XVIII в. — основную часть Силезии и в конце этого столетия подчинивших себе в результате разделов Речи Посполитой львиную долю польских земель. Этот последний, четвертый, этап германской феодальной экспансии на Восток был прерван в конце XVIII — начале XIX в. событиями французской революции, войнами революционной Франции с европейскими абсолютистскими режимами, а затем наполеоновскими войнами, из которых и Пруссия и Австрия вышли серьезно ослабленными в военно-политическом отношении. Особенно болезненный удар был нанесен военному престижу Пруссии с характерным для нее культом военщины, муштры и бездумной дисциплины.

Новый этап германской восточной экспансии, начавшийся в середине XIX в., связан уже с политикой и идеологией германской и австрийской буржуазии, заключившей союз со своими переходившими на путь капиталистического хозяйствования помещиками и с военно-феодальными монархическими режимами Гогенцоллернов и Габсбургов. Но этот этап уже не входит в хронологические рамки данной статьи.

Краткий обзор основных этапов германского феодального «натиска на Восток» позволяет, помимо сформулированного уже положения, что «Дранг нах Остен» не был непрерывным и все парастающим процессом, прийти к еще одному важному выводу:

с ходом времени изменялись не только темпы германской экспансии, но и силы феодального класса Германии, а также состав групп феодалов, заинтересованных в политике «Дранг нах Остен» и являющихся ее инициаторами. Таким образом, не только абсолютно ненаучно объявлять «Дранг нах Остен» исторической миссией всего немецкого народа, но необходимо еще четко выделять на разных его этапах те группы германских феодалов, которые были его инициаторами и проводниками, осуществлявшими жестокую подчас истребительную колонизацию уже освобожденных в хозяйственном отношении местным главным образом славянским населением земель.

Следует сказать, что и в этом отношении германская феодальная экспансия не представляла собой какого-либо исключительного явления. Тот факт, что с течением времени очаги немецкой экспансии передвинулись далеко на восток, а проводниками ее стали не только германские феодалы по происхождению, но и германизированная часть феодалов покоренных территорий, находит параллель в истории соседней Польши. Польская феодальная восточная экспансия, начатая в XIV в. малопольскими феодалами, в XVI—XVII вв. осуществлялась отнюдь не силами одного польского господствующего класса, но и силами полонизировавшихся феодалов Литвы, Белоруссии и Украины, а главные очаги этой экспансии передвинулись на так называемые восточные кресы. Итак, ни классовая природа германской восточной экспансии, ни ее масштабы и даже ни ритм ее исторического развития сами по себе не дают еще оснований считать ее явлением, присущим именно и только Германии.

В чем же в таком случае состоит специфика германской экспансии на Восток, заставляющая историков нескольких поколений столь скрупулезно анализировать ее как историческое явление, самым внимательным образом изучать ее как процесс?

На наш взгляд, специфика эта определяется прежде всего тем, что кровавый «Дранг нах Остен», бывший в период феодализма формой и направлением феодальной германской экспансии, в XIX в. с возникновением империи Бисмарка приобретает еще и функцию одной из основ буржуазно-юнкерской националистической идеологии германского капитализма, а впоследствии и империализма. Став идеологией, «Дранг нах Остен» помог классу юнкеров-помещиков и военно-феодальной монархии заключить союз с германской буржуазией, дал, так сказать, историческое и идеологическое обоснование воинствующему пангерманизму. При Вильгельме II он служил германскому империализму в качестве исторического обоснования планов установления германской гегемонии в Европе, а в Третьем рейхе оказался краеугольным камнем фашистских «теорий» жизненного пространства, расовой неполнценности славянских и других центрально- и восточноевропейских народов, служил чудовищным планам завоевания мирового господства германским империализмом.

Развиваясь параллельно, в тесной взаимозависимости как политика восточной экспансии и как ее идеология, «Дранг нах Остен» способствовал развязыванию двух опустошительных мировых войн, вторая из которых поставила под угрозу само существование человеческой цивилизации. И сегодня идеи «Дранг нах Остен» как якобы «исторической миссии» всего немецкого народа являются краеугольным камнем идеологии тех политических сил, которые угрожают человечеству третьей мировой войной.

Но, определив таким образом специфику «натиска на Восток», очевидно, необходимо поставить и следующий вопрос: является ли сам факт превращения феодальной экспансии в идеологическое орудие капиталистической экспансии случайностью в истории Германии (а шире — в истории всей Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы) или он был подготовлен предшествующим конкретно-историческим ходом германской феодальной экспансии на Восток?

Вопрос этот требует ответа, так как именно от него зависит общая оценка «Дранг нах Остен» как исторического явления, его роли и влияния на историческое развитие сопредельных с Германией народов.

Думается, что ответ на этот вопрос может быть только один: специфика «Дранг нах Остен», его превращение в империалистическую идеологию не было исторической случайностью, а было обусловлено как особенностями развития «натиска на Восток» в период феодализма, так и прежде всего самим характером возникшего в результате «Дранг нах Остен» германского прусско-юнкерского государства, в котором феодальные традиции и в первую очередь «Дранг нах Остен» сделались частью официальной государственной идеологии.

Говоря о специфике германской восточной экспансии в период феодализма, следует, на наш взгляд, принять во внимание при этом два следующих важнейших фактора. Во-первых, начиная продвижение на Восток, германские феодалы сталкивались не с отсталыми, находившимися еще на стадии первобытнообщинного строя племенами, для которых, как свидетельствует исторический опыт, губительным является уже само соприкосновение с цивилизацией классового общества, а с народами, уже вступившими на путь развития феодального общества, следовательно, во всяком случае стадиально находившимися на том же уровне развития, что и немцы. Следует подчеркнуть, что наблюдение это касается не только славянских народов, в IX—X вв. создававших свои относительно единые крупные раннефеодальные государства, но и венгров, в течение X в. на основе усвоения местной высокой культуры быстро прошедших период формирования типичных для земледельческой страны феодальных отношений и к концу X в. выступавших уже на европейской политической арене в качестве сильного государства раннефеодального

типа, и даже народов Восточной Прибалтики, хотя процессы феодализации развивались здесь относительно более замедленными темпами.

Такое положение было естественным следствием высокого уровня развития материальной культуры, достигнутого этими народами в I тысячелетии н. э., так что в X в. славянские народы во всех основных областях хозяйственной жизни не отставали от своих западных соседей⁶. Вместе с тем для развития самой Германии было показательно заметное отставание от стран Западной Европы. Особенно важно подчеркнуть это относительно Саксонии⁷, куда в X в. переместился центр политической жизни страны.

Во-вторых, многовековая кровавая немецкая феодальная экспансия, несмотря на ряд успехов, в результате которых под властью немецких феодалов оказались обширные пространства на Востоке и Юго-Востоке, что привело в свою очередь к существенному расширению территории немецкого языка, не имела, однако, своим следствием политическое преобладание немецких феодалов в Центральной и Юго-Восточной, а тем более в Восточной Европе. Результатом ее было обострение национальных противоречий в этой части Европы, подъем национального самосознания в таких странах, как Польша, Венгрия, Русь и другие, что явилось прямым следствием их общего, хотя и неравномерно развивающегося, социально-экономического и культурного прогресса.

Иными словами, оказав существенное влияние на историческое развитие народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, германский «Дранг нах Остен» за известными исключениями (об этом речь пойдет ниже) не смог прервать их самостоятельного развития.

Второй фактор, разумеется, самым тесным образом генетически связан с первым. Вместе с тем обстоятельства эти определили и необычайно жестокий характер немецкого буржуазного национализма, ибо германская буржуазия ставила своей задачей не просто порабощение в той или иной форме соседних народов; она стремилась представить их неисторическими, неспособными к самостоятельному политическому, экономическому и культурному развитию. Оба эти фактора, на наш взгляд, с учетом территориальных и временных масштабов германской экспансии на Восток, с учетом ее исторического значения (при характеристике временных и территориальных масштабов невольно напрашивается сравнение с польской магнатско-шляхетской восточной экспансией, потерпевшей сокрушительное поражение уже в середине XVII в.) и должны определять проблематику этой темы.

⁶ См.: W. Hensel. Słowiańska wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. wyd. 2. Warszawa, 1956.

⁷ См.: А. И. Неусыхи. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.

Общеизвестно, что германская феодальная экспансия на Восток развивалась не только в форме военно-политической агрессии. Огромное значение для всей истории «натиска» имели и другие формы немецкой экспансии, поскольку их сумели использовать в интересах своей восточной политики германские феодалы: социально-экономическая, демографическая и идеологическая. Вместе с тем совершенно очевидно, что наряду с экспанссией во всех этих сферах исторического развития существовали оживленные и плодотворные, взаимообогащающие обе стороны контакты между немецким народом и его соседями на Востоке и Юго-Востоке. Следовательно, при характеристике проблематики исследования необходимо проводить четкое разделение между явлениями, служащими интересам немецкой феодальной экспансии, и явлениями нормальных и плодотворных исторических связей.

Переходя к характеристике основной проблематики подготовляемого Институтом славяноведения коллективного исследования, определим его начальную грань. Такой естественной гранью, на наш взгляд, являются события эпохи Великого переселения народов и падения античного рабовладельческого способа производства в Европе. В советской историографии уже утвердилось представление, что именно перемещения славянских племен наряду с германскими, завершившиеся в VII в., сыграли решающую роль в становлении феодальной Европы⁸. Но такая трактовка роли славян в «штурме и натиске» Великого переселения позволяет сделать весьма существенные общеисторические выводы. Облик средневековой Европы оказывается не романо-германским, как подчеркивалось в буржуазной литературе со временем Л. Ранке⁹, а романо-германо-славянским, что, впрочем, не в состоянии полностью отрицать и некоторые западногерманские историки¹⁰. Славяне наряду с другими народами были твор-

⁸ Подробнее об этом см.: А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи («Вестник Древней истории», 1939, № 1); Б. Д. Греков. Киевская Русь («Избранные труды», т. I. М., 1959); Е. Э. Лившиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация («Византийский сборник». М.—Л., 1945); она же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма («Византийский временник», 1947, № 1); Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма («Вопросы истории», 1956, № 9); А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удалцов. Византия и Запад в современной буржуазной историографии (Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959) и др.

⁹ L. Ranke. Geschichte der romischen und germanischen Völker. Bd. I. Berlin, 1824, Einleitung, S. XXVII.

¹⁰ См.: E. Lemberg. Osteuropa und Sowjetunion. Salzburg-Freilassing, 1956, S. 37; J. Neander. Grundzüge der russischen Geschichte. Darmstadt, 1955, S. 8; J. Haker. Osteuropa-Forschung in der Bundesrepublik.—«Aus Politik und Zeitgeschichte», 1960, N 37, S. 618; H. Ludat. Die ältesten geschichtlichen Grundlagen für das Deutschen-Slavische Verhältniss.—«Das östliche Deutschenland». Würzburg, 1959, S. 127.

Однако, даже признавая роль народов Центральной и Восточной Европы в развитии европейской цивилизации, западногерманские историки, как пра-

цами новой феодальной Европы, творцами новой европейской цивилизации эпохи феодализма, наследниками античной культуры. В значительной мере именно благодаря прогрессивному общественному развитию славянских народов феодальная европейская цивилизация распространилась на обширные пространства Центральной и Восточной Европы, далеко выйдя за пределы средиземноморского круга античной цивилизации. А если принять предложенную Б. Ф. Поршневым расширительную трактовку социально-экономического синтеза, учитывающую роль античных технических традиций, денежной системы, письменности, права, наконец, мифологии и идеального наследства¹¹, то придется признать, что славяне были активным элементом лежавшего в основе европейского феодального развития синтеза не только на Балканах, в пределах Восточно-Римской империи, а затем Византии, но и на всем пространстве занимаемой ими территории.

Но если в период II—VII вв. германские и славянские племена играли в общем аналогичную роль в истории Европы и выступали как бы естественными союзниками в борьбе с загнившей рабовладельческой системой, то уже к концу этого периода можно отметить и первые явления германской (франкской) феодальной экспансии на Восток.

Понятно, что в условиях феодализма эта экспансия должна была проявиться прежде всего в военно-политической форме.

Следует сразу же оговориться, что на разных этапах экспансия эта оказывала неодинаковое влияние на историческое развитие соседних народов и, как уже говорилось выше, приводила к далеко не одинаковым результатам.

Германская феодальная экспансия, носившая кровавый и разрушительный характер, в период раннего средневековья была направлена против складывавшихся в Центре и на Востоке Европы относительно единых раннефеодальных государств. Германским феодалам удавалось в ряде случаев столкнуть между собой своих восточных соседей (Польшу и Чехию, Польшу и Русь, Чехию и Венгрию), играя на противоречиях между ними. Но именно борьба против германской экспансии являлась могучим стимулом для усиления объединительных процессов, происходивших в соседних с Германией странах. Определенные особенности в этом отношении представлял исторический процесс у полабо-прибалтийского славянства, где германская феодальная экспансия в конечном счете повлекла за собой торможение политической консолидации. В условиях существования рядом с Германской империей крупных и самостоятельных раннефео-

вил, преувеличивают цивилизаторскую роль Германии на Востоке, а подчас и пытаются противопоставить историю развития Польши и Чехии историческому развитию России как государства, якобы противостоявшего Европе. Подробнее об этом см.: М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. М., 1963, стр. 66—76.

¹¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 507—518.

дальных монархий успехи германских феодалов на Востоке оказывались явно незначительными в сравнении с затраченными на них усилиями.

Положение коренным образом изменилось в период феодальной раздробленности, когда германским феодалам удалось широко использовать не только противоречия между феодалами соседних стран, но и междуусобную борьбу феодалов одной национальности и продвинуть границы своих владений на Восток. Большое значение при этом имел и тот факт, что именно на востоке империи в покоренных землях процессы феодальной раздробленности протекали значительно слабее аналогичных процессов на западе. Здесь складывались крупные государственные образования, проводившие захватническую восточную политику (Бранденбург, немецкие ордена в Прибалтике, наследственные земли Габсбургов). Особенную опасность представляло продвижение германских феодалов в районе Балтийского моря, где они подчинили себе, а впоследствии подвергли жестокой ассимиляции не только полабо-прибалтийское славянство, пруссов и часть польских земель, но и захватили территорию Восточной Прибалтики, потерпев решительное поражение только в столкновении с Русью. Во всех тех случаях, когда немецким феодалам удавалось прочно укрепиться в захваченных странах, нормальное политическое развитие последних насилием прерывалось. Это в равной мере касается Словении и полабо-прибалтийского славянства, Поморья, Пруссии, восточной Прибалтики, где позднее сложились латвийская и эстонская народности. Более того, именно на захваченных землях сформировались те немецкие политические организмы (владения Габсбургов, Бранденбург, Тевтонский и Ливонский ордена), которые в дальнейшем стали главными очагами германской феодальной агрессии на Восток.

Процессы развития германской феодальной агрессии на следующем этапе, когда в Центральной и Восточной Европе стали складываться национальные государства, более сложны и требуют более детального анализа. Пример Польши и Литвы свидетельствует о том, что и в этот период немецкая феодальная агрессия могла играть роль фактора, ускорявшего процесс централизации, объединения отдельных земель в рамках национального государства. Более сложным и противоречивым представляется чешский государственный процесс, особенно с того момента, когда именно Чехия оказалась центром Священной Римской империи германской нации. Вопрос о том, какое значение это имело для дальнейших судеб Силезии, например, требует еще дополнительного изучения.

С другой стороны, в Центральной и Восточной Европе процессы формирования национальных государств очень скоро переросли в процессы формирования государств многонациональных. Нет сомнения, что германский феодальный натиск сыграл в этом

отношении для Польши и Литвы роль, аналогичную той, которую сыграла для Руси татарская агрессия. Германский феодальный наиск в XIV и особенно в XV в. испытывала и такая центральноевропейская страна, как Чехия. В то же время с конца XIV в. на политическое развитие Европы серьезное влияние стал оказывать еще один внешний фактор — турецкая феодальная агрессия. Именно в таких условиях возникали различные династические комбинации, объединявшие или пытавшиеся объединить Польшу и Венгрию, Польшу и Литву, Польшу и Чехию, Венгрию и Чехию, Чехию и Австрию, Венгрию и Австрию. На основе этих комбинаций происходил процесс формирования двух многонациональных государств — Польского и Австрийского. Процесс этот вполне определился уже в XVI в., когда образовалась Речь Посполитая, а центром формирования многонационального государства в Дунайском бассейне оказались австрийские владения Габсбургов. Соперничество Габсбургов и Ягеллонов в этом районе закончилось победой Габсбургов, в XVII в., после подавления восстания чешских сословий, полностью подчинивших себе Чехию, затем после длительной борьбы — Венгрию и начавших экспансию на Балканы.

Такому развитию событий в немалой степени способствовала в XV—XVI вв. политика восточной экспансии, проводимая польскими магнатами и шляхтой, которых гораздо больше интересовали планы польско-литовской, чем польско-венгерской или польско-чешской унии. Польско-литовская восточная экспансия не только облегчила положение Габсбургов в Дунайском бассейне, но впоследствии создала условия для быстрого усиления Пруссии, начавшегося уже в середине XVII в.

Восточная экспансия польско-литовских феодалов, их политика экономической и политической изоляции России, что особенно наглядно проявилось в ходе борьбы за Прибалтику, была одной из причин успешного развития германской феодальной агрессии на Восток и Юго-Восток в XVI—XVII вв.

Особого исследования в связи с политическим развитием Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы в XVI—XVIII вв. заслуживают вопросы о значении австро-турецких войн для развития освободительного движения на Балканах, а также о значении союза Габсбургов с Римской курией для политики германских феодалов в отношении России и Речи Посполитой.

Совершенно новую расстановку сил в Центре и на Востоке Европы принес с собой XVIII в. Сильнейшей державой на севере и востоке Европы стала Россия, добившаяся выхода к Балтийскому морю, а затем в результате борьбы с Турцией присоединившая Крым и утвердившаяся на Черном море. Но параллельно с неуклонным ростом военно-политического могущества России продолжалось усиление милитаристской Пруссии. Используя заинтересованность России в союзе с Пруссией для борьбы со

Швецией и военно-политическую слабость Речи Посполитой, Пруссия в ходе второй Северной войны сумела овладеть Западным Поморьем. Захват основной части Силезии в середине XVIII в. и быстро прогрессировавшее ослабление Саксонии в первой половине XVIII в. превратили Пруссию в одно из двух сильнейших государств империи. А в конце XVIII в. неудачи захватнической царской политики в Речи Посполитой, провал попыток царизма поставить ее под свое исключительное влияние, а также его затруднения в борьбе с Турцией и страх перед буржуазной революцией во Франции привели к тому, что под властью Гогенцоллернов в результате разделов Польши оказалась основная масса польских земель. Другая часть попала под власть Габсбургов, продолжавших развивать экспансию на Балканы. Третий раздел Польши был кульминацией немецкого феодального натиска на Восток. Необходимо, однако, учитывать, что успех Гогенцоллернов был обусловлен не только и, пожалуй, не столько экономическим и политическим усилением Пруссии, сколько изменившейся расстановкой сил в самой Германии, сколько военно-политическим бессилием Речи Посполитой и политической линией царизма. Царизм несет полную историческую ответственность за порабощение германскими феодалами польского и части украинского народов в конце XVIII в.

Итак, масштабы и направление восточной экспансии германских феодалов определялись не только их собственными планами и силами, но и внутренним развитием их соседей, противоречиями между государствами Центральной, Восточной и Северной Европы, общей расстановкой сил в этом районе.

Само собой разумеется, что развитие немецкого феодального «натиска на Восток» оказывало влияние не только на судьбы славянских и других народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Не могло оно не оказать влияния и на развитие самой Германии. Всестороннее исследование этой проблематики лежит уже, правда, за рамками данной статьи, однако некоторые аспекты этой проблематики следует здесь затронуть, хотя бы в форме предварительной постановки вопроса.

Первое, на чем, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить внимание, это уже отмеченный выше факт перехода инициативы в восточной экспансии в XIII—XV вв. к немецким политическим образованиям, сложившимся на восточных окраинах империи (на захваченных германскими феодалами славянских землях и землях народов Прибалтики). В своей экспансии Бранденбург, Тевтонский орден, Габсбурги пользовались, конечно, широкой поддержкой феодалов остальной империи, но вместе с тем по мере усиления этой экспансии происходило смещение на пограничье центров политической жизни Германии. Поэтому кажется вполне закономерным выдвижение тезиса, что восточная экспансия, пожалуй, даже в больших масштабах, чем итальянские по-

ходы в период феодальной раздробленности, тормозила развитие центростремительных и благоприятствовала развитию центробежных сил в Германии, а следовательно, мешала и процессу дальнейшей национальной консолидации немецкой народности. В XVI в. с образованием многонациональной империи Габсбургов, быстрым экономическим подъемом Саксонии и упадком (в связи с Великими географическими открытиями и перемещением мировых торговых путей из Средиземноморья в Атлантику) прирейнских земель процесс передвижения центра политического развития Германии на Восток уже вполне завершился. Еще более показателен в этом отношении XVII в., ознаменовавшийся усилением Пруссии и продолжающимся подъемом Саксонии. Поэтому представляется вполне закономерным, что в XVIII в. в борьбе за главенство в империи основными соперниками выступили Австрия, Пруссия и Саксония. При этом каждый из соперников стремился опереться на ресурсы стран Центральной и Восточной Европы. О Габсбургах, стоявших во главе многонациональной Дунайской монархии, нет даже нужды говорить подробно. Более важно подчеркнуть, что Саксония попыталась противопоставить себя Габсбургам, опираясь прежде всего на унию с Речью Посполитой. Неудача этой унии, захват Пруссией Силезии и разделы Речи Посполитой выдвинули Гогенцоллернов в качестве главного соперника Габсбургов. Разделы Польши были безусловным успехом прусской политики. Они ослабили позиции Австрии в империи¹² и были явным провалом политики царизма. Несмотря на неудачи конца XVIII — начала XIX в., прусские территориальные захваты конца XVIII в. и присоединение Пруссией части Саксонии, Рейнской области и Вестфалии, в начале XIX в. явились важным этапом в ходе австро-пруссского соперничества, подготовившим победу Пруссии и торжество прусской, так называемой малогерманской программы объединения Германии, олицетворяемой фигурой железного канцлера.

В тесной связи с военно-политической экспансией следует рассматривать и социально-экономические и демографические формы германского проникновения на Восток. Речь при этом, разумеется, не пойдет о нормальных экономических и культурных контактах между народами, способствовавших их общему социальному прогрессу, ибо изоляция никогда не создавала благоприятных условий для прогрессивного развития человеческого общества. Речь пойдет о том, в какой мере германским феодалам и торговой верхушке удалось использовать в целях своей восточной экспансии многообразные экономические связи, на протяжении веков развивавшиеся между странами изучаемого европейского региона, направлять их развитие в своих экспансионистских интересах.

¹² На это обстоятельство обратил уже внимание польский историк Я. Волиньский. См. сб.: «Z dziejów stosunków polsko-niemieckich. Praca zbiorowa». Warszawa, 1964, str. 34—35.

Уже в дореволюционной литературе обращалось внимание на тот факт, что немецкая Ганза воспользовалась наследием своих славянских предшественников в развитии балтийской торговли, а ганзейским городам на Балтике предшествовали славянские¹³. Еще более важно отметить, что издавна складывавшиеся торговые пути в известной степени определили и направление германской феодальной агрессии как в сторону Средиземноморья, так и на Восток в район Балтики — покорение полабо-прибалтийского славянства, наступление на польское Поморье, земли пруссов и Восточную Прибалтику, что германская феодальная агрессия в этом районе преследовала не только цели захвата территории и порабощения населения, но и подчинения балтийской торговли немецким феодалам и торговой верхушке немецких городов. Овладев устьем Вислы, Тевтонский орден извлекал огромные прибыли из польского экспорта. Не случайно именно устья Вислы так добивались Гогенцоллерны в XVIII в., стремясь экономически подавить свою восточную соседку. Агрессия Ливонского ордена против Пскова и Новгорода преследовала тоже цель торговой блокады Руси на Балтийском море, монополизации в руках ордена русского экспорта и импорта через Балтику. В определенной мере это удалось Ливонскому ордену.

Но тут мы подходим к более широкой проблеме — немецкой колонизации к востоку от Лабы, причем не только феодальной, но и городской. Последняя охватила в XII—XVII вв. не только области, оказавшиеся непосредственно под властью германских феодалов (земли полабо-прибалтийских славян, Пруссии, Восточную Прибалтику) или попавшие в состав империи (Западное Поморье, Силезию, Чехию и Моравию), но и распространилась на Польшу и Западную Украину, Словакию и Венгрию. Цепочка немецких колоний, где руководящая роль принадлежала прежде всего заинтересованному в развитии транзитной международной торговли городскому патрициату, вытянулась вдоль важнейших путей, связывающих Западную Европу и Германию с Балканами, Восточной Европой, бассейном Балтийского моря.

В оценке немецкой феодальной и патрицианской колонизации даже в тех случаях, когда колонизация эта не сопровождалась завоеваниями, в советской историографии нет разногласий. Она рассматривается либо как открытая, либо как скрытая форма германской агрессии на Восток. Во всех случаях эта колонизация, нарушая национальную однородность господствующего класса, создавала в нем прослойки, не заинтересованные в самостоятельном национальном развитии той страны, в которой образовывались колонии. В ряде случаев происходила полная

¹³ Ф. Я. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование ганзейского союза. Киев, 1877.

германизация господствующего класса (Восточная Пруссия, Западное Поморье) или даже замена местного господствующего класса пришлым. Особенно показательна в этом отношении судьба Восточной Прибалтики (Латвия и Эстония) в XVI—XVIII вв. с ее немецким дворянством, патрициатом и богатым бурггерством городов. Дворянство беспокоилось только о своих социальных привилегиях, городская верхушка заботилась лишь о выгодах, проистекавших из ее роли торгового посредника. Следует подчеркнуть очень активную роль в процессе германизации городского патрициата и богатого бурггерства, оттеснивших от участия в городском самоуправлении местное население, жестоко угнетавших местное ремесло и торговлю (Силезия, Прибалтика). В Польше процесс объединения страны натолкнулся на открытое сопротивление немецкого патрициата Познани, Кракова и других городов; в Чехии ожесточенным противником национального подъема в конце XIV — начале XV в. оказались именно немецкие феодалы, духовенство и городской патрициат.

Существенно иной должна быть, разумеется, оценка значения и роли колонизационных процессов, связанных с переселением трудового люда — крестьян и ремесленников. В странах Центральной и Восточной Европы средневековая немецкая крестьянская колонизация происходила в различных размерах и сыграла неодинаковую роль в их историческом развитии. Приток немецких колонистов на чешские земли начался раньше и приобрел, очевидно, большие масштабы, чем на таких польских землях, как Малая и Великая Польша. В самом Королевстве Польском масштаб немецкой сельской и городской колонизации был заметно меньшим на востоке, чем на западе. Способствуя развитию производительных сил и внутреннему хозяйственному освоению страны, такая колонизация играла прогрессивную роль. На большей части территории Чехии и Польши мы имеем дело именно с таким характером немецкой городской и сельской колонизации. Немецкой колонизация эта может быть названа, правда, только условно, так как в составе сельских и городских колонизационных потоков на восток принимали участие не только немцы по происхождению, но и выходцы из Голландии и других западноевропейских стран, а часть немецких переселенцев на восток составляло более или менее германизированное население оказавшихся в составе империи западнославянских земель, например силезцы в Королевстве Польском. Такая колонизация не нарушала национальной однородности страны, а тесные экономические и культурные связи пришлого и местного населения ускоряли естественный ход ассимиляции колонистов коренным населением. В данном случае, может быть, даже уместнее было бы употребить термин консолидация. В Польше этот процесс консолидации пришлого населения с коренным в рамках одной народности приобрел вполне отчетливый характер уже в XV в.

К иным историческим последствиям средневековая сельская и городская колонизация приводила в тех случаях, когда она, во-первых, происходила в захваченных германскими феодалами землях при условии уничтожения или германизации местного господствующего класса, во-вторых, осуществлялась в масштабах, серьезно нарушавших национальную однородность страны.

Сама по себе феодальная колонизация, как нам кажется, не могла обусловить полного нарушения процесса естественного национального развития местного населения. Так, феодальная немецкая колонизация Восточной Прибалтики, захват ключевых позиций в восточноприбалтийских городах не повлекли за собой германизацию основной массы местного латышского и эстонского населения. Восточная экспансия польских и литовских феодалов, полонизация феодального класса на Украине, в Белоруссии и Литве, за небольшими исключениями (Виленщина), также не повлекли за собой сколько-нибудь массового процесса полонизации украинского, белорусского и литовского народов. Веками сохраняли свои этнические особенности в пределах царской России народы Поволжья.

Очевидно, что ассимиляция местного населения пришлым возможна только в том случае, когда феодальный захват и перемена национальности господствующим классом сопровождаются организованной новым по национальности классом феодалов колонизацией страны в широких масштабах и национальной дискриминацией местного населения. Именно такие процессы имели место, очевидно, в землях полабо-прибалтийского славянства, где местное население не было уничтожено в период завоевания¹⁴, а было постепенно поглощено пришлым населением, в Пруссии, на Западном Поморье, отчасти в Силезии и северных районах Чехии.

В одних случаях такая колонизация резко нарушала национальную однородность страны, создавала препятствия на пути ее национальной и политической консолидации, в других — приводила к исчезновению целых народностей (бодричи, лютичи, пруссы). Главная опасность такой колонизации для дальнейших судьб народов Центральной и Восточной Европы заключалась в том, что она создавала условия для возникновения далеко выдвинутых вперед форпостов германской феодальной агрессии на Востоке.

Немецкая сельская и городская колонизация сопровождалась рецепцией немецкого городского права как в городе, так и в деревне. В результате этого в Польше и Чехии сложилось своеобразное сельское право, отличное от сельского права в самой Германии^{14а}. Нормализуя повинности и правовое положение

¹⁴ Д. Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I-II. М., 1915—1916.

^{14а} Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян от древнейших времен до XV века. М.—Л., 1958.

крестьянского населения, способствуя хозяйственному освоению страны, право это сыграло заметную роль в развитии производительных сил обеих этих стран. Более сложную картину представляла собой рецепция немецкого городского права. Она была подготовлена предшествующим самостоятельным развитием не только городов, но, по-видимому, и городского строя в Центральной и Восточной Европе (свидетельством самостоятельного развития городского права и строя у славянских народов может служить древнерусский город)¹⁵, борьбой городского населения за городское право. Применительно к славянским городам вопрос этот уже получил освещение в советской и польской литературе¹⁶. Недостаточно выясненным следует считать вопрос о влиянии немецкого городского права на процессы германизации в областях массовой немецкой колонизации и вопрос о значении рецепции изменившегося в условиях бытования в центральных и восточноевропейских странах немецкого права для развития городской жизни в период позднего средневековья (XVI—XVII вв.), например, на Украине.

Нам остается коснуться идеологического аспекта немецкого феодального «натиска на Восток», но именно коснуться, так как сколько-нибудь детальный анализ проблематики идеологии «Дранг нах Остен» в период феодализма требует особой статьи. На протяжении почти всего средневековья главным идеологическим обоснованием восточной экспансии германских феодалов служила идеология воинствующего христианства, а после разделения церквей — католичества. Идеологии этой в той или иной мере всегда сопутствовало национальное высокомерие, хотя, разумеется, феодальный национализм был явлением гораздо менее развитым в сравнении с национализмом эпохи капитализма. Универсалистская имперская идеология саксонской династии, а до нее идеология восточнофранцузских феодалов, в сущности говоря, покоилась на универсализме Рима, подобно тому как византийский универсализм в той или иной мере покоился на универсализме константинопольского патриаршества, на цезарепапизме византийского императора¹⁷. Оформившаяся окончательно в XII и XIII вв. теория универсальной Священной Римской империи германской нации, которая базировалась на библейско-христианской идеологии, идеологии Византийской империи и использовала античные традиции в области государственного права, провозглашала, что именно к немецкому народу перешли права Рима на мировое господство¹⁸. Эта теория в сочетании

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

¹⁶ «История Польши», т. I. М., 1956; W. Hensel. Archeologia o poczatkach miast slowiańskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.

¹⁷ См.: А. Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 82, 459.

¹⁸ «Monumenta Germaniae Historica Scriptores», t. XX, p. 338. Нужно сказать, что уже в XII в. теория эта вызывала протесты европейских политиков.

с захватнической идеологией Немецкого ордена и Бранденбурга, с тенденцией рыцаря-захватчика трактовать покоренных славян или пруссов как существа низшего порядка, с попытками колонизатора из городского патрициата высокомерно третировать эксплуатируемое им местное население создавала благоприятную среду для развития немецкого феодального шовинизма. Этот шовинизм нашел в дальнейшем свое наиболее крайнее выражение в шовинизме прусско-юнкерского толка. Угадывая эту преемственность идеологии средневековой и империалистической экспансии на Восток, Болеслав Прус воскликал в 1910 г.: «На месте Тевтонского ордена выросла Пруссия, бюрократия которой не только усвоила основные идеалы крестоносцев, но и еще играет первостепенную роль в Европе и душит свободу, где может»¹⁹.

И византийскому и германскому универсализму государства Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, как правило, стремились противопоставить программу своей политической и церковной самостоятельности, хотя в отдельных случаях феодалы той или иной страны и делали попытки использовать в своих интересах и саму универсалистскую имперскую идеологию. В этом смысле нет никаких оснований делить Европу на две замкнутые сферы: византийскую и западную. Иное дело, что разделение церквей имело своим прямым следствием обострение национальных и религиозных противоречий, затормозило и нарушило процессы развития международного общения в Европе.

Если в странах, придерживавшихся православия, католическая идеология немецкой феодальной агрессии вызывала резкое усиление религиозной исключительности, то в других, например в Польше, она толкала господствующий класс на культтивирование в своей собственной стране идеологии воинствующего католицизма. В том и другом случае она становилась таким образом стимулом для нового обострения национальных противоречий в Центральной и Восточной Европе, мешала консолидации сил для отпора германскому феодальному натиску. Только что приведенный пример Польши в этом смысле чрезвычайно показателен. Католицизм Ягайло и Олесницкого (противопоставленный католицизму Тевтонского ордена) оказался непреодолимым препятствием на пути унии Польши и Литвы с гуситской Чехией, а затем торжество контрреформации превратило Речь Посполитую в орудие крайнего национального и религиозно-культурного угнетения восточнославянских народов.

С торжеством реформации в восточной части Германии (вопрос о роли распространения реформационных идей для процесса германизации польских западных земель еще недостаточно изучен), а затем с установлением в Австрии и Пруссии си-

¹⁹ Цит. по: Z. Szwedowski. Kilka uwag o «Krzyżakach» Sienkiewicza. — «Pamiętnik Literacki», 1957, N 4, str. 302.

стемы так называемого просвещенного абсолютизма претерпела, что вполне естественно, изменения и идеология германской феодальной экспансии. В XVIII в. Габсбурги и Гогенцоллерны проводили политику германизации во имя так называемых государственных интересов и насаждали идеологию безусловной преданности монархии. А засилье в австрийском и прусском государственном аппарате немецкого чиновничества приводило к культивированию немецкого феодального, а затем буржуазного шовинизма.

Нужно сказать, впрочем, что захватническая идеология германского феодального «натиска на Восток», встречая отпор со стороны народов Центральной и Восточной Европы, во многих случаях усиливала объединительные тенденции в их развитии. Как уже говорилось, ответом на нее было выдвижение программы государственной самостоятельности, и не только в период раннего средневековья, но и позже, в эпоху формирования национальных феодальных государств. Огромный национальный подъем в Чехии, Польше и Литве, ознаменованный Грунвальдом и Гуситскими войнами, нашедший яркое выражение в революционной идеологии гуситского движения и трактате Павла Влодковица о незаконности насильтственного обращения в христианство язычников, тоже был ответом на теорию и практику германского феодального «Дранга».

Германизаторская политика Гогенцоллернов и Габсбургов в конце XVIII в., оскорбляя национальные чувства, не только проводилась в условиях подъема национально-освободительного движения порабощенных народов, но и активизировала этот подъем.

Важным, хотя и далеко не изученным вопросом для периода феодализма является вопрос о роли идеи так называемой славянской взаимности в борьбе с наступающими германскими феодалами. Отзвуки этой идеи довольно отчетливо улавливаются в гуситской Чехии, в Польше, Хорватии и Далмации XV–XVII вв. Наиболее яркое выражение она нашла в творчестве Юрия Крижанича. Во второй половине XVIII в. зародилось и славяноведение как самостоятельная научная дисциплина.

Заканчивая этот краткий обзор проблематики, связанной с изучением немецкого феодального «натиска на Восток», необходимо, конечно, оговориться, что он ни в коей мере не исчерпывает всех подлежащих изучению проблем и тем более не может предложить каких-либо окончательных решений поставленных вопросов. Настоящая статья носит сугубо предварительный характер и преследует цель лишь наметить в самых общих чертах некоторые, как нам казалось, важные направления предстоящих исследований.

Но один вывод из всего сказанного выше представляется нам вполне обоснованным: «Дранг нах Остен», под каким бы углом

зрения мы его ни изучали, всегда был реакционным явлением, нарушавшим нормальный ход экономического, политического, культурного, национального и этнического развития народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. На Востоке Европы германские феодалы и городская верхушка отнюдь не играли роль организаторов международного общения, а превращали нормально развивающиеся контакты между народами в орудие их эксплуатации и порабощения. Политика господствующих классов Германии не служила взаимовыгодной интеграции народов в этом регионе Европы, а вела к обострению национальных противоречий между немецким народом и его соседями, способствовала обострению международных противоречий на востоке Европы. Именно поэтому изучение проблематики германского феодального «Дранг нах Остен» и значения его для исторических судеб соседних с Германией стран представляется научно актуальным сегодня, когда так живо и всесторонне обсуждаются вопросы европейской интеграции. Развитию контактов должно в данном случае предшествовать четкое и полное выявление всего того, что мешало этому развитию в прошлом.

3. Качмарчик

СРЕДНЕВЕКОВАЯ НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ПОЛЬШЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ НА СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ¹

Немецкий натиск на Восток в средневековые не всегда проявлялся только в военных и политических успехах немецких феодальных государств. Помимо этих, чисто политических средств, можно говорить также об экономической экспансии, например, ганзейских городов, о колонизационных потоках немецкого населения и о социально-культурном воздействии, идущем с территории Германии и охватывающем, например, область права, культуры и т. п. Свое сообщение я хотел бы ограничить характеристикой тех явлений, которые относятся прежде всего к распространению немецкого права и, в частности, немецкого городского права. Не говоря уже о политических проблемах, я не касаюсь здесь широко вопросов демографии, поскольку эти вопросы особые. Они имели и политическое значение и были уже мной подробно рассмотрены в моей книге «Немецкая колонизация на Восток от Одры» (Познань, 1946 г.).

Если мы посвящаем столько внимания проблемам распространения немецкого права на польских землях в средневековые, то главным образом потому, что немецкая буржуазная наука рассматривала это распространение как некое особое культурно-цивилизаторское достижение Германии и пользовалась им в своей реваншистской пропаганде. Разоблачение этой лжи и точное определение, чем была сама колонизация по своей сущности,

¹ В настоящей работе автор использовал следующие издания: «Historia Polski», t. I, cz. 3-a. Warszawa, 1964; J. Bardach. Historia państwa i prawa Polski, t. I. wyd. II. Warszawa, 1964; Z. Kaczmarczyk. Początki miast polskich (zagadnienia prawne).—«Czasopismo Prawno-historyczne», t. XIII, 1961; Z. Kaczmarczyk. Początki miast w Jugosławii.—«Sprawozdania z prac naukowych wydziału I PAN r. 1963», z. 3-4; W. Hensel. Słowańszczyzna wczesnośredniowieczna. Wyd. III. Warszawa, 1965.

являются, собственно говоря, целью моих исследований. Я смогу охарактеризовать здесь только главные черты проблематики.

Появление немецкого права на польских землях следует рассматривать в тесной связи с экономическими изменениями, а именно: с развитием осадничества и с внутренней колонизацией страны. В период от IX до XII в. в польской деревне происходят дальнейшие процессы феодализации, укрепления феодальной собственности. Развитие крупного землевладения привело уже в XII в. к усилению процесса внутренней колонизации для увеличения дохода с земли путем корчевания лесов, заселения пустошей, создания новых деревень. Процесс этот будет продолжаться и в дальнейшем. Все более интенсивное экономическое развитие деревни вызвало также и дальнейшее развитие города в Польше уже в конце XII в., что было доказательством самостоятельного экономического и культурного развития страны. Дальнейшее развитие городской и сельской колонизации требовало ускорения замены и распространения новых форм права. Этого требовало развитие самой Польши. Тогда очень быстро и широко окупалось предоставление крестьянам большей свободы, в том числе и экономической, взамен за постоянный, в том числе и даже денежный, чинш. Начинаящийся товарно-денежный обмен между городом и деревней стал вместе с тем двигателем экономического оживления. Таким образом, в Польше и в соседних с ней странах уже в конце XII в. началась внутренняя колонизация, которая развивалась уже с XI в. в Западной Европе.

Для получения большего эффекта феодалы начали привлекать крестьян к колонизации, создавая для них лучшие экономические, общественные и правовые условия. Внутренняя колонизация была связана с большой экономической и правовой реформой в деревне, изменила способ ведения хозяйства, улучшила орудия труда и повлияла даже на облик самой деревни и расположение ее полей. Вместо старого переложного или двухпольного хозяйства стали переходить к трехполью. Это увеличило и обрабатываемую площадь и урожай особенно в связи с введением железного плуга и боронь. Была ликвидирована че-респолосица и создан регулярный раздел земли на три поля для всей деревни. Были запаханы луга и пастбища, намечены точные границы между деревнями. Зачастую деревни переносились на новое, более удобное место. Новые сельские колонисты рекрутировались не столько из числа разросшихся семей местных феодально зависимых крестьян, сколько из пришельцев, которых удавалось поселить в деревне. Были это так называемые гости (*hospites*), выходцы из различных деклассированных слоев, иногда из-за границы, в принципе свободные, которые заключали с собственником земли договоры.

Чтобы заинтересовать вольных «гостей» в колонизации, феодалы давали им льготы. Ликвидировались различные и точно

не определенные повинности, особенно отработки, и вводились регулярно уплачиваемые чинши в натуре или деньгами. Чиншевое хозяйство было основой договоров, заключавшихся между феодалом и новым колонистом. Хозяин освобождал его также в течение ряда лет от уплаты чинша, чтобы укрепить хозяйство.

Это были принципы сельской колонизации, которые в общем можно считать принципами польского права. Его правовые основы развивались самостоятельно внутри страны.

На рубеже XII—XIII вв. некоторые польские монастыри, заинтересованные в колонистах, начали через свои монастыри-метрополии в Германии направлять в Польшу немецких крестьян и крестьян из Фландрии. Угнетаемые у себя на родине, эти крестьяне искали в Польше лучших экономических условий и общественного положения. В XIII в. примеру монастырей последовали епископы, князья и можновладцы. Стремясь привлечь на свои земли как можно больше колонистов, они представляли им более выгодные условия поселения, в принципе близкие к условиям поселения по польскому праву. Однако, кроме чинша, временного освобождения от повинностей, права ухода, лучших владельческих прав, немецкие или другие колонисты приносили с собой местное самоуправление во главе с солтысом и сельской лавой, а также собственные судебные права. Вместе с ними проникала и несколько иная, более развитая западноевропейская система сельскохозяйственного производства, пригодная для быстрого развития также и польской деревни. Численность немецких колонистов в польской деревне, однако, была невелика. Они заселили густо только окраинные, расположенные на западе земли — Западное Поморье над Одером и Судетскую возвышенность в Силезии. На остальной территории страны в XIII—XIV вв. возникли разрозненные небольшие островки, которые позднее подверглись полонизации. Немцы, следовательно, не сыграли большую роль во внутренней колонизации Польши, но условия колонизации еще в XIII в. применялись и к польскому населению, и его поселяли по немецкому праву. Это развитое так называемое немецкое право *«ius teutonicum»* само основывалось на опыте Франции, Бельгии или Голландии. Речь шла просто о перенесении на польские земли западноевропейского образца сельского права, присущего феодализму. Поэтому это право можно с полным основанием называть западноевропейским или просто западным правом. Существующие польские деревни переводились с польского права на немецкое.

Таким образом, прогресс внутренней колонизации в средневековой Польше осуществлялся почти целиком внутренними силами, а позитивную роль сыграл только западноевропейский образец сельского права, перенесенный на наши земли немногочисленными немецкими и другими колонистами.

Одновременно с сельской колонизацией в Польше с конца XII в. все шире развивалась сеть городов и местечек и осуществлялась также реорганизация города на новых принципах. Явление это уже давно было замечено немецкой буржуазной наукой, которая приписывала развитие городов в Польше немцам и немецкому праву. Однако исследования польских ученых (особенно послевоенные) целиком опровергли эти утверждения. Сегодня мы уже знаем, что первоначально города в Польше образовались вокруг важнейших гродов уже в период зарождения феодализма, в IX в., а может, даже в VIII в. В любом случае уже с середины X в. около больших княжеских гродов можно определенно наблюдать поселения ремесленников в так называемых предместьях. Из них создались первые города тогдашней Польши. Сеть этих городов была еще относительно редкой. Однако уже в X в. в важнейших из них концентрировалась торговля с соседними странами. Возникшие таким образом первые города в Польше крепли вместе с феодализмом в течение XI—XII вв. Ремесленные предместья собирали на торги все больше и больше населения из близлежащих поселений. Вокруг больших городов росли новые поселения, даже не укрепленные, которые располагали большими торговыми площадями и в которых селились в дальнейшем ремесленники или торговцы. Такие большие города, как Познань, Краков или Вроцлав, уже в XI в. представляли собой комплексы многих поселений с различными функциями. Начиная с этого периода, мы знаем о создании в городах первых колоний чужестранцев, особенно евреев. Экономическое оживление вызвало со второй половины XI в. количественный рост сети городов. Наряду с давно возникшими городами-предместьями возникают новые города, основанные зачастую частными собственниками. Сеть торговых поселений (*foga, villaes forenses*) к концу XII в. перевалила за 100. Именно в них начал производиться обмен между сельским населением и ремесленниками. Начали возникать правовые различия в отношении предместий и торгов, выделяющие их из общей массы поселений. Комплекс этих прав обычно называют торговым правом. Торговые поселения также освобождались от таможенных и иммунитетных оплат. В таких случаях они назывались вольными торгами (*forum liberum*). Таким образом, уже в XII в. начало создаваться польское городское право.

На рубеже XII—XIII вв. дальнейшее развитие городов было возможно только путем их реорганизации как в пространственном, так и в правовом смысле. Большие городские центры притягивали к себе в начале XIII в. не только поляков, но и чужестранцев — евреев, валлонов, немцев, фламандцев.

В период средневековья это было вполне нормальное явление, вероятно, для всех европейских городов. Каждая народность, оседающая в городе, пользовалась своим правом и имела также

определенное групповое самоуправление. Самыми многочисленными были колонии немецких купцов и ремесленников. Наиболее ранняя из них, в Щецине, относится к 1187 г. Такие отдельные немецкие общины на одной улице или в одном районе появились уже в начале XIII в. в нескольких больших польских городах (Вроцлаве, Гданьске, Познани, Кракове, Сандомире, Любуше). Немецкой общиной управлял тогда солтыс. Образец самоуправляющейся общины, примененный князем ко всей немецкой колонии, оказался примером и для использования его применительно к польскому населению, а значит, и ко всему городу. Это, однако, не произошло сразу. В течение всего XIII в. и в дальнейшем основываются города на польском праве, получают его и некоторые старые поселения. Так было на Гданьском Поморье, в Мазовии, частично в Великой Польше и Куявах. Вместе с этим медленно начинает распространяться новая форма локации городов по немецкому праву. Это началось уже с 1211 г. в Нижней Силезии. Прибывающие немецкие поселенцы здесь стали применять права города Магдебурга. В свою очередь в этой части Силезии, где возникло наибольшее число городов нового типа, создался собственный правовой образец, так называемое городское право, позднее широко распространившееся в Польше. Другой комплекс городов, которые позднее приняли немецкое право, возник начиная с 30-х годов XIII в. в Западном Поморье, а примером для этих городов послужило городское право Любека, которое было основано на синтезе датских и славянских прав. Третий центр создали крестоносцы в районе Хелмской земли, размещаясь в 1231—1233 гг. в городах Торунь и Хелмно и создав здесь хелмское право на основе права Магдебурга. Оно действовало затем в XIV в. в Гданьском Поморье, Мазовии и собственно Пруссии. Образец городского управления по немецкому праву или в действительности по городскому западноевропейскому праву оказался приемлемым для польских городов.

В том виде, как этот образец оформился на Западе, во Франции, Италии и на Рейне (на землях старой римской городской цивилизации), он имел большие возможности развития и в связи с этим мог ускорить развитие польских городов. Города эти, конечно, сами достигли бы высшего уровня организации, но это протекало бы значительно дольше, в то время как рецепция уже готовых образцов эту эволюцию ускорила. Проверенное на опыте к середине XIII в. в малых городах немецкое право распространялось во второй половине XIII в. и на большие города. К концу XIII в. на немецкое право было переведено в Польше 250 уже существовавших или основанных заново городов. Переведение какого-либо города на немецкое право или его локация были длительным процессом, требующим существенных финансовых. В больших центрах локация городов основывалась главным образом на концентрации населения в одном большом поселении.

Затем единообразно распланированные города окружали стеной. В городских поселениях по немецкому праву продолжалась жизнь старых городских поселений по польскому праву, в лучших, однако, условиях градостроительства. Кроме того, город получал судебное самоуправление, которое исполнялось войтом и городской лавой. Самоуправление города первоначально не существовало, так как войт был независим от горожан и представлял феодального владельца города. Это были отношения, подобные отношениям в центральных французских, бельгийских, голландских, а также далматинских городах.

Полного самоуправления польские города достигли только в конце XIV в. В области судопроизводства в городах с немецким правом употреблялось обычное немецкое право. В Польше наибольшее распространение получило городское право таких городов, как Магдебург или Любек. Отсюда следует, что нельзя говорить о возникновении польских городов только в XIII в., поскольку тогда происходило их дальнейшее успешное развитие путем использования западноевропейских форм, принесенных немцами. Немецкие колонисты появились не во всех городах Польши. Особенно много было их в Западном Поморье и Нижней Силезии, на остальной территории Польши их можно было встретить только в крупных центрах. В этих городах, куда немецкие колонисты пришли как богатые купцы или ремесленники, они захватили управление, писали первые книги по-немецки, но нигде не составляли единственного населения города.

Помимо немцев, проживали в нем поляки, зачастую более многочисленные и более бедные. Дальнейшее политическое развитие привело к тому, что на землях, где утвердилась непольская власть, города сохранили свой немецкий облик (Силезия; Поморье). На территориях же, объединенных под властью польского короля, немецкое население было полонизировано.

Итак, из сказанного выше следует, что средневековая как сельская, так и городская немецкая колонизация на польских землях была количественно слабой. Сыграв определенную положительную роль носителя западных правовых норм, немецкое население в принципе растворилось в польском народе. Образцы были западные, носителями их выступали немцы, но идея использования этих образцов принадлежала польским государственным и общественным кругам, в большинстве своем осуществлялась польскими силами, и новые образцы не создали в Польше ни чиншевого хозяйства, ни городов, но единственно ускорили их возникновение и распространение. Таким образом, как мы видим, роль немецких колонистов в экономическом развитии Польши явно ограничена.

В заключение я хотел бы затронуть еще одну, более широкую проблему, а именно: проблему сравнительного фона развития польских городов и польского городского права.

В целом можно сказать, что во всех западнославянских землях наблюдается сходство с Польшей, если речь идет о проблеме возникновения развития городов. Здесь одинаковы и зарождение городов и рецепция в XIII в. западноевропейского городского права, называемого обычно немецким. Это относится и к Чешскому королевству, и к Словакии, принадлежавшей тогда Венгрии, и еще более к территориям полабских славян или пруссов, где основание городов часто носило принудительный характер и где сложился тип колониального города (особенно в Пруссии, а также в Латвии и Эстонии), в котором роль немцев и немецкого права была преобладающей. Этот тип отношений, сложившийся на славянских или прусских землях под политическим господством немецких феодалов и территориально очень ограниченный, немецкая буржуазная наука пытаясь позднее распространить на все славянские земли. Однако отношения на западнославянских землях складывались иначе, чем у восточных славян. Согласно исследованиям Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова и Б. Д. Грекова, города здесь появились совершенно самостоятельно уже в VIII в., и дальнейшее их развитие про текало без соприкосновения с немецким или западноевропейским правом, а также и без немецких горожан, которые сюда в большом количестве никогда не проникали.

Если говорить о южных славянах и о Венгрии, то проведенные мною исследования показали, что города там представляли совершенно иную динамику развития и основывались на иных образцах. Следует помнить, что эти территории, лежавшие в границах древней Римской империи, несмотря на серьезные разрушения, которым подверглись старые города во время переселения народов обнаруживают, однако, определенные связи с античностью. Связи эти очень различны в зависимости от судьбы данной территории. В Словении, где развитие городов происходило часто на развалинах римских городов, славянские городские поселения довольно рано подверглись влиянию Южной Германии, и Словения с этой точки зрения напоминает скорее отношения, господствующие у западных славян.

Совершенно иначе сложились судьбы старых римских городов на побережье Адриатики, а значит, в Далмации, в рамках Хорватского государства и частично Сербского. Так как здесь сохранилась и после VII в. часть римского населения, то и в средневековье продолжалось развитие многих старых античных городов. Здесь на основе остатков римского управления, развития христианской общины с епископами во главе, эволюции в направлении развития автономии сформировалось новое право далматинских городов. В действительности оно было создано римским населением и не имело ничего общего с Германией, а сосуществование римского населения и славян вызвало достаточно быструю славянизацию этих городов и проникновение

городского права далматинских городов внутрь Хорватии. Таким образом, южные славяне на территории Хорватии, опираясь на римское наследие как в области градостроительства, так и права, получили самостоятельный местный образец городского права, независимый не только от Германии, но и от Италии. На территории Боснии и Герцеговины, а также континентальной Сербии города развивались так же, как и польские, на основе больших градов, посадов и торговых поселений. И здесь появились, правда, значительно позднее, почти во второй половине XIII в., немецкие колонии горняков, которые пользовались собственным правом и имели собственное самоуправление. Кроме немцев, называемых саксонцами (из Спиша), в сербские города проникали также далматинские купцы и ремесленники, которые, несомненно, превышали численно немцев. Развитие городов на этих территориях, к сожалению, было задержано турецким нашествием в то время, когда, опираясь на свои собственные славянские начала и немецкие, далматинские и византийские образцы, эти города стояли на пути создания своего правового и организационного устройства. Особняком стоят города Македонии и Болгарии, где проявляется исключительная медлительность развития городов со временем римских и где посителями образцов городского устройства издавна были греки и большую роль сыграли византийские примеры. Но и сюда проникло влияние далматинских городов или колоний итальянских купцов, но они не сыграли решающей роли. На этих территориях города продолжали последовательно развиваться, начиная с античности, на основе приспособления восточноримского, греческого права к новым феодальным условиям. Кроме всего прочего, это означало полновластие государства и отсутствие автономии. Этим объясняется особый облик болгарских городов.

Итак, если в Македонии и Болгарии победил византийский образец, то у остальных южных славян подобную роль сыграли далматинские города. Их влияние в области организации города не закончилось на славянских территориях, его можно определенно найти на собственно венгерских землях. Венгры, создавшие свои города главным образом на развалинах старых римских городов, первоначально все же основывались на старых славянских городских поселениях эпохи Великоморавского государства. И сначала поэтому в развитии этих городов в период раннего феодализма наблюдаются большие аналогии с развитием польских или сербских городов. Ускорение правового и организационного развития не было привнесено в Венгрию из Германии. Немецкие примеры были ограничены в Венгрии к тому же территориально Спишем и Семиградьем.

На собственно венгерских территориях нам чаще встречается население романское, итальянское или французское, локационные привилегии имеют яркую аналогию и, видимо, идентичны

с вольностями, которые значительно раньше получили далматинские города. Итак, венгерские города подверглись главным образом влиянию далматинского права, использованного совершенно сознательно венгерскими королями.

Как следует из моего беглого изложения, развитие славянских городов и городского права происходило на разных территориях по-разному при сохранении большого сходства на начальных стадиях развития.

В принципе везде можно отметить самобытность развития и большое значение государственной власти в формировании города и его административного и правового устройства. Образцы, которые использовались для ускорения развития городов на славянских землях, не являются исключительно западноевропейскими. Последние доминируют у западных славян, словенцев и в Семиградье, в то время как территории южных славян остаются в сфере влияния далматинских городов и Византии. Независимое и самобытное положение занимают города Киевской Руси. Образ Центральной Европы, Балкан и Восточной Европы вырисовывается совершенно иным. Роль влияния немецкого права оказывается ограниченной территориально. Везде издавна сохраняется самостоятельность и самобытность процесса возникновения города, а рецепция чужого городского устройства в области организации и городского права, являющаяся явлением общеевропейским, характерным для феодализма, происходит на соответственной стадии самобытного развития городов данной территории. Заимствования эти везде были приспособлены к местным условиям и создавали богатство национальных отличий.

A. I. Рогов

**АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА
С НЕМЕЦКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ АГРЕССИЕЙ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВЕ**

Досточудная и преславная память
твоя вossaия в Рустей земли... чтущим
любовию доблести твоя и борения.

*Из службы Александру Невскому
(ГИМ. Епарх., 493, лл. 70—72)*

Александр Невский относится к числу тех национальных героев русского народа, имена которых навсегда остаются в народном сознании как символ стойкости и независимости родной страны. Полководец и мудрый государственный деятель одного из самых сложных и критических периодов русской истории, он воскрешался в народной памяти в важные моменты последующих времен, а борьба под его руководством с немецкой агрессией в середине XIII в. навсегда осталась вдохновляющим примером борьбы за независимость. И характерно, что борьба эта расценивалась еще шире — как великая борьба славян за свое достоинство и свободу с немецкими феодалами. Уже в древнейшей редакции Жития Александра Невского, одного из самых замечательных памятников древнерусской литературы, возникновение которого, по-видимому, следует относить ко второй половине XIII в., имеются такие знаменательные слова о походе Александра Невского против Ливонского Ордена: «...Поиде на землю Немецкую в велице силе, да не похваляются, ркуще: „Укорим Словенъский язык ниже себе“»¹.

¹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913. Приложение, стр. 5; Ю. К. Бегунов. Памятник литературы XIII века. М.—Л., 1965, стр. 169.

Может быть, еще при жизни Александра Невского в дружинной среде слагались песни о нем и его соратниках. Один из исследователей древнерусской литературы Н. О. Скрипиль усматривает следы такой дружинной песенной славы в Житии Александра Невского (эпизод с шестью храбрецами)². Но если это и не так, то совершенно несомненным является тот факт, что в Новгороде существовало живое дружинное предание о жизни и подвигах Александра Невского. О существовании этого предания прямо говорит автор древнейшей редакции Жития Александра Невского, слышавший его «от отец своих»³.

Как уже упоминалось, во второй половине XIII в., по-видимому, было составлено и само это Житие. Оно послужило основой огромного количества редакций и разновидностей замечательного памятника, дошедшего до нас во множестве списков. Исследованием Жития Александра Невского занималось немало учёных, с большей или меньшей степенью убедительности классифицировавших списки и установивших происхождение и взаимоотношение редакций памятника⁴. Настоящая статья не ставит своей целью рассмотрение этой большой проблемы. Наше внимание редакции Жития будут привлекать только в связи с тем, насколько в изменениях, вносившихся в них, отражались представления об Александре Невском на протяжении XIV—XVII вв.

Дружинное предание составило ядро Жития Александра Невского и придало ему ту неповторимую окраску непосредственности воспоминаний, которая столь резко выделяет этот памятник как из числа других житий, так и из круга летописных произведений. Как заметил В. О. Ключевский, в нем «соединены именно такие черты, которые рисуют не историческую деятельность знаменитого князя, а его личность и глубокое впечатление, произведенное им на современников, и эти черты переданы в том свежем, не потертом виде, в каком они ходили между современниками»⁵.

Автор Жития, бесспорно, был начитанным человеком, хорошо знаявшим священное писание, а также другие Жития и такие памятники светской литературы, как «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», «Девгениево деяние»⁶. Однако составитель Жития Александра Невского с редкостной свободой относился к трафаретам и формам, не выдерживал даже элементарных приемов житийского жанра. Не случайно в XVI в.

² «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, стр. 288.

³ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 62 и 159.

⁴ В. Мансикка. Указ. соч.; Н. Серебрянский. Древнерусские книжеские жития.—«Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1915, кн. 3; Ю. К. Бегунов. Указ. соч.

⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 68—69.

⁶ В. Мансикка. Указ. соч., стр. 26—28; Н. Серебрянский. Указ. соч., стр. 183—190.

этому первоначальному Житию старались придать именно те формы, которые позволили бы в нем сразу увидеть традиционное Житие святого.

Впрочем, отмеченная особенность Жития, его необычная форма все-таки не превращала и его первоначальный вид в простую воинскую повесть. В Житии есть немало эпизодов, включенных в него для доказательства не только храбрости и мужества, но и святости Александра, покровительства ему божественных сил. Само Житие (жизнь) князя названо не только «честным и славным», но и «святым»⁷. Он, как и подобает идеальному князю русских летописей, «иереелюбец и мънихолюбец и нищая любя. Митрополита же и епископы чтяще и, послушааше их, аки самого Христа»⁸. Во время Невской битвы ему помогают святые Борис и Глеб, а во время Ледового побоища «полк Божий на воздухе»⁹. При погребении его совершаются чудеса, а тело его названо в Житии не иначе, как святое. Все эти особенности первой (древнейшей) редакции Жития присущи не только поздним спискам (XVI и XVII вв.), в которых можно было бы заподозрить интерполяцию текста, вызванную официальной общерусской канонизацией Александра Невского в 1547 г. Эти особенности находим также в списке Псково-Печерского монастыря XV в.¹⁰, в житиях, содержащихся в летописях, представленных списками XIV—XV вв.: Лаврентьевской (1377 г.)¹¹, Новгородской I (XV в.)¹² и Псковской II (XV в.)¹³.

В начальной редакции Жития нельзя не отметить еще одну характерную тенденцию. Об Александре Невском постоянно говорится как о князе — потомке славных киевских князей Бориса и Глеба, которые в видении Пелгусия называют его «сродником своим»¹⁴, и Ярослава Мудрого, которого сам князь называет «прадедом нашим»¹⁵. Храбрый и святой князь предстает, таким образом, как наследник киевских князей, объединявших под своей властью всю Русскую землю. Это делает значимей и соб-

⁷ Так, в списках XV в.—Псковской Второй летописи и Псково-Печерского монастыря (см.: Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 159).

⁸ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 176. Ср., например, характеристику Тверского князя Михаила Александровича, помещенную в «Летописце княжения тферского благоверных великих князей Тферских»: «...Ереи же и слуги церковныа в чти имя, зело же любяше иноческий чинъ» (Полное Собрание Русских Летописей, т. XV, стлб. 467 (далее — ПСРЛ)).

⁹ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 171.

¹⁰ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 159, 179.

¹¹ В Лаврентьевской летописи сохранилась лишь часть Жития, но и в ней Александр Невский назван один раз святым (ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 477).

¹² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 290, 453.

¹³ «Псковские летописи», т. II. М., 1955, стр. 11, 15.

¹⁴ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 165.

¹⁵ Там же, стр. 171.

ственные достоинства Александра Невского, о котором сказано, что он «наполнил жителями города», «творил праведный суд» («в правду судяй»)¹⁶.

Так, уже в самом первом памятнике, запечатлевшем образ Александра Невского, он осмысливался как полководец и как государственный деятель, подымающий своей святостью сами эти стороны человеческой деятельности. Равным образом и борьба с немецкой агрессией расценивалась современниками и поколениями, ближайшими к этому времени, как борьба священная, занимавшая главное место в жизни святого князя, преемника великих киевских князей; война, которая не только благословляется свыше, но и в которой высшие силы сами принимают участие. Едва ли можно себе представить что-либо более значительно санкционированное с точки зрения человека средневековья, чем такое явление.

Многие из сторон последующего осмысления образа Александра Невского, как мы это увидим далее, будут применительно к новым историческим условиям восходить к этому представлению о нем, сложившемуся еще в столь небольшом хронологическом отдалении. Неудивительно поэтому, что и Житие уже вскоре стало тем памятником, который оказал заметное влияние на другие произведения древнерусской литературы, посвященные темам, так или иначе созвучным с одной из сторон в деятельности любимейшего героя русского народа.

Среди этих произведений первое место занимает тема борьбы с внешним врагом. Поразительно, насколько быстро в них отразилась эта тема Жития Александра Невского. Уже Житие псковского князя Довмонта, составленное, вероятнее всего, в начале XIV в., в значительной мере можно назвать сколком с Жития Александра Невского. Как справедливо отметил Н. Серебрянский, специально изучавший вопрос о взаимоотношении этих двух памятников, «параллель здесь напрашивалась сама собою; литературные заимствования оправдывались не только высоким качеством литературного образца, но и однородностию с ним фактического содержания новой работы»¹⁷. Действительно, как и Александру Невскому, выходцу из Литвы, псковскому князю Довмонту большую часть своей жизни пришлось вести борьбу с немецкими нападениями. Автор Жития Довмонта эту борьбу прямо уподобляет той, которую вел Александр Невский: «Тако же и великий князь Александр». Почти одними и теми же словами описываются многие эпизоды полководческой деятельности князей. Сравним для примера описание нападения на них врагов.

¹⁶ Там же, стр. 175.

¹⁷ Н. Серебрянский. Указ. соч., стр. 268--269.

«Слышав же мастер земля Ризьская мужество князя Довмонта, со-вокупи много вои своих и ополчився в силе тяжце...»

«Слышав же пороль части Римская таковое мужество князя Александра и помысли в себе: «Пойду и плёню землю Александрову». И събра силу велику и наполни корабля мно-гы полков своих, подвижеся в силе тяжце...»¹⁸

В Житии Довмонта проводится идея Жития Александра Невского о том, что «сей же князь не единем храборством показан бысть от Бога, но и боголюбцем показася»¹⁹, хотя уже, как видно из этой фразы, определяющее значение для автора имело именно «храборство». Чрезвычайно сходно описываются похороны обоих князей²⁰.

Александр Невский и Довмонт настолько были близки в глазах псковичей между собой по их жизни и «трудам», что в Житии Довмонта, которым открывается I Псковская летопись (по Архивскому I и Тихановскому спискам), псковский князь пре-вращен в современника, родственника и, что особенно важно, участника героических походов Александра Невского. «Тако же и великий князь Александр и сын его князь Дмитрий с своими боляры и с мужи новгородцы и с зятем своим Довмонтом и с его мужи псковичи побежая страны погансыя Немец и Литву, и Чудь и Корелу... И паки же и великим князем Александром и сыном Дмитрием и зятем его Довмонтом спасен бысть Новъград и Псков от нападения поганых Немець», — читаем в I Псковской летописи²¹.

Не менее разительное совпадение с Житием Александра Невского можно наблюдать и в памятниках, связанных со славной победой на Куликовом поле в 1380 г., — «Летописной повести» (по Софийской I и Новгородской IV летописям) и особенно в «Сказании о Мамаевом побоище», составленном не позже начала XV в.²² В этих памятниках речь идет о борьбе с татарами в со-вершенно иных исторических условиях, чем во времена Александра Невского, и тем не менее в Повести и Сказании мы найдем немало очевидных воспроизведений из Жития. Так, Дмитрий Донской, вступая на территорию врага, согласно Повести, говорит: «Господи, не повелел еси в чюжд предел ступати»²³. Это трудно не поставить в зависимость от слов, вкладываемых в уста Александру Невскому его Житием: «Боже, поставивый

¹⁸ Н. Серебрянский. Указ. соч., стр. 270.

¹⁹ Там же, стр. 271.

²⁰ Там же, стр. 273.

²¹ «Псковские летописи», вып. 1. М. — Л., 1941, стр. 4.

²² Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. X. М.—Л., 1954, стр. 185—199.

²³ «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 33 (далее — «Повести»).

пределы языкомъ и жити повелевый не преступая в чужую часть»²⁴. Как и в описании Ледового побоища в Житии, Куликовская битва в Повести начинается в шестом часу дня²⁵, русским войскам в битве помогают ангелы и Борис и Глеб²⁶. Интересно, что рассказы об этом и в Повести и в Житии подтверждаются ссылкой на свидетелей, хотя и без текстуального совпадения.

Повесть

Житие

«Видеша бо Гвернин»²⁷ «Се же слышиа от самовидца»²⁸

Но в другом памятнике Куликовского цикла — Сказании о Мамаевом побоище ссылки совпадают буквально: в Сказании читаем: «Се же слышахом от верного самовидца»²⁹.

Как и в Житии Александра Невского, в Сказании о Мамаевом побоище описывается явление одному из стражей войска Бориса и Глеба двух юношей светлых, спешащих на помощь русскому князю, своему предку; по Житию это видит Пелгусий, а по Сказанию — Фома Хабычев или Хабесов³⁰. Узнав об этом, Дмитрий, совершенно как Александр Невский, сказал видевшему: «Не глаголи сего никому же» — и закономерно вспомнил об Александре Невском, обращаясь к богу с молитвой (согласно основной редакции Сказания): «Господи, владыко человеколюбче, молитвами святых мученик Бориса и Глеба, помози ми, яко Моисею на Амалиха и прадеду нашему великому князю Александру на хвалящегося на римского короля Магнуша, и разорив его отечество». Напомним, что в Житии Александра Невского Александр также вспоминает о помощи Моисею на Амалика, правда, добавляя еще: «и прадеду нашему Ярославу на окоааннаго Святополка»³¹. По-видимому, древнерусские книжники прекрасно понимали родство двух этих памятников и, расширняя Сказание в так называемую распространенную редакцию, ввели и эту недостающую часть фразы, добавив слова «и пръвому Ярославу на Святополка»³².

Такое напоминание об Александре Невском в Сказании было бы неправильно рассматривать только в связи с цитированием его Жития. Характерно, что, когда Дмитрий Донской размыш-

²⁴ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 163.

²⁵ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 166, 189; «Повести», стр. 35.

²⁶ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 165; «Повести», стр. 12, 36.

²⁷ «Повести», стр. 36.

²⁸ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 171.

²⁹ «Повести», стр. 70. Большая близость Сказания Житию была отмечена Андре Вайяном (см.: André Vajnert. Les recits de Kulikovo «Relation de chroniques» et «Skazanie de Mamaï». — «Revue des études slaves», v. 39. Paris, 1961, p. 70—71).

³⁰ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 164; «Повести», стр. 65, 144.

³¹ Там же, стр. 171.

³² «Повести», стр. 144, 190.

ляет с боярами о переходе через Дон, они, по Сказанию, напоминают ему о примере Александра Невского, говоря: «Прадед твой князь великий Александр Неву реку перешед, короля победи, а тебе, нарекши бога подобаеть то же творити»³³. Сказание вообще уподобляет Дмитрия Донского Александру Невскому. Первое, что говорят князья и бояре, увидев князя после победы, это: «Радуйся, князю нашъ, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагом»³⁴.

Важно отметить, что именно в такой напряженный момент, как Куликовская битва, когда решались судьбы России, значительно возросло почитание Александра Невского. Интересные данные в отношении осмысления Александра Невского в этот период дают «Чудеса», приложенные к Житию. Как рассказывается в одном из них, незадолго до Куликовской битвы пономарь Рождественского монастыря во Владимире, где был похоронен Александр Невский, «видел» двух таинственных старцев, пришедших ко гробу князя и звавших его помочь своему правнуку Дмитрию Донскому³⁵. Как рассказывает «Чудо», Александр встал из гроба, и вскоре все трое стали невидимы. Два старца этого сказания, по-видимому, инохи Ослябя и Пересвет, сражавшиеся в войсках Дмитрия Донского, здесь как церковные люди как бы связывают настоящее с прошлым. Подобно тому, как, согласно Житию Александра, в Невской битве участвовали его предки Борис и Глеб, теперь он сам сражается за своего потомка в его войсках.

Победа на Куликовом поле в связи с таким образом мышления людей средневековой Руси закономерно явилась поводом для канонизации Александра Невского, официального объявления его святым, первоначально, впрочем, только в пределах Владимирского Рождественского монастыря³⁶. Однако почитание Александра Невского именно в Рождественском монастыре не могло сразу же не выйти за его пределы. Дело в том, что Владимирский Рождественский монастырь являлся вплоть до 1561 г. первым в ряду («лестнице») русских монастырей³⁷. С ним самым непосредственным образом поэтому были связаны московские митрополиты. А значит почитание Александра в Рождественском монастыре могло довольно быстро перерости в его общерусское почитание. Вот почему уже вскоре после местной канонизации князя митрополит Киприан в переработанном им

³³ «Повести», стр. 61.

³⁴ Там же, стр. 73.

³⁵ В. Мансикка. Указ. соч., стр. 27, тексты.

³⁶ Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866, стр. 254; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви.—«Чтение в Обществе Истории и Древностей Российских», 1903, кн. 1, стр. 65 (далее — ЧОИДР).

³⁷ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российских церквей. СПб., 1877, стр. 661.

Житии митрополита Петра (около 1381 г.³⁸) называл Александра Невского «блаженным»³⁹. На это обстоятельство историки, интересовавшиеся вопросом о канонизации Александра Невского, до сих пор не обращали внимания, полагая, что только с 1547 г. князя стали называть святым⁴⁰. Напомним в связи с этим, что уже в списках Жития Александра Невского, относящихся к XV в., он также уже назван святым.

В связи с этим нельзя не отметить, что, помимо списка Жития по Лаврентьевской летописи, созданной в том же Владимирском Рождественском монастыре, все эти списки имеют новгородское или псковское происхождение. И это, конечно, не случайно. Именно в этих землях постоянно не прекращалась борьба с немецкой агрессией, что делало и память об Александре Невском и его почитание особенно значимым.

Наименование князя Александра «блаженным» в Житии митрополита Петра приобретало в конце XIV—XV вв. особый смысл. Не случайно упоминание о нем содержится в той части памятника, где идет речь о приходе митрополита Петра к Ивану Калите, который назван «сын Данилоб, внук же блаженного князя Александра». Идея о том, что род московских князей происходит от святого князя⁴¹, имела в период собирания русских земель вокруг Москвы немалое значение. Вместе с тем и для церкви, за укрепление позиций которой в Московском государстве так ратовал Киприан⁴², было важно подчеркнуть высшую

³⁸ До последнего времени Житие обычно датировали 1397—1404 гг. (см.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 88; «История русской литературы», т. II, ч. I. М.—Л., 1948, стр. 235). Однако Л. А. Дмитриев недавно привел убедительные доводы в пользу датировки его 1381 г. (Л. А. Дмитриев. Роль и значение Митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — «Труды отдела древнерусской литературы», т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 251—252. Далее — ТОДРЛ).

³⁹ Так и во всех рукописях киприановского Жития митрополита Петра, в том числе и рукописях XV в. См., например: ГИМ, Синодальное собрание (далее — Син.), № 637, л. 165 (датированная рукопись 1459 г.) и Син., № 494, л. 52 об. (XV в.).

⁴⁰ И. А. Шляпкин. Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского. — «Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества», т. XI. Пг., 1915, стр. 89; Ю. К. Бегунов, основываясь на «невозможности» употребления по отношению к Александру Невскому наименования «блаженный» до 40-х годов XVI в., датирует редакции житий (см.: Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 31).

⁴¹ Московские князья, начиная уже с Юрия Даниловича, щедрыми пожалованиями наделяли Рождественский монастырь — «гроб деда своего, великого князя Александра». На жалованные «старые граматы великих князей» об этом ссылается в своей жалованной подтверждительной грамоте монастырю тот же митрополит Киприан в 1399 г. (см.: «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. III. М., 1964, стр. 117—118).

⁴² В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, стр. 147.

степень церковного благочестия родоначальника московских князей, позволившую почитать его как «блаженного».

Прочное осмысление Александра Невского как святого родоначальника московских князей проявлялось и в представлении о преемственности московскими князьями его политики, как внутренней, так и внешней. Московский летописец, труд которого вошел в состав Троицкой летописи 1408 г., делает очень интересное в этом отношении замечание, сообщая под 1392 г. о «розмирье» новгородцев с Москвой: «Таков бо есть обычай новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся и не чудится тому: беша бо человеки суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни. Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им»⁴³. В это же самое время, как уже отмечалось, новгородцы и псковичи не менее чтут Александра Невского. Для них он тоже символ независимости, хотя, конечно, только от иноземцев. В знаменитом памятнике новгородской публицистики XV в. «Магнушовом рукописании» норвежский король Магнус напоминает своим потомкам, побывавшим на Новгород, о славной победе Александра Невского над шведами⁴⁴. Псковичи же и в XVII в. в челобитных вспоминали о своих старых героях, погибших в войнах с немцами, могилы которых «и до сего дне» видимы по всей Псковской земле⁴⁵.

Как и во времена Дмитрия Донского, и в середине XVI в. Александр Невский упоминается литературными памятниками в связи с борьбой с татарами, теперь уже — с Казанским ханством. Борьба с этим ханством была в это время самой насущной, самой необходимейшей задачей, стоявшей перед Русским государством, а значит при решении ее вновь возникал образ Александра Невского. Как рассказывает Степенная книга, Иван Грозный «идый к Казани ратию и бывшу ему во граде Владимире и в монастыри в церкви Рождества Пречистые Богородицы моления своя к Богу исполняющий»⁴⁶. Именно в это время у гроба Александра Невского в Рождественском монастыре происходит «чудо исцеления», которое от лица церкви должно было засвидетельствовать покровительство Александра Невского своему потомку в столь важный для государства момент.

Характерно, что во время похода Иван Грозный получил послание митрополита Макария, в котором он напоминал царю о «храбrosti» его «прапородителей»: «богом венчанного царя Владимира Манамаха и храбра великого князя Александра Невско-

⁴³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М. — Л., 1950, стр. 438—439.

⁴⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 216.

⁴⁵ М. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941, стр. 58.

⁴⁶ ПСРЛ, т. XXI, стр. 569—570.

го»⁴⁷. Приветствуя царя с победоносным возвращением, митрополит вновь вспомнил об Александре Невском, победившем «латын»⁴⁸.

Но и после того, как Казанское ханство было повержено, Москва не раз страдала от набегов крымских татар, так называемой «скорой татаршины». Оборона Москвы от этих набегов также связывалась с воспоминанием об Александре Невском. В 1591 г., когда на Москву был совершен набег хана Казы-Гирея, вологодский епископ Иона Думин включил в свою переработку Жития Александра Невского описание «чуда» у мощей князя во время опустошительного набега хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 году⁴⁹. «Чудо» это описывает, как ко гробу Александра Невского подошли князья Борис и Глеб и призывали его помочь вместе с ними «сроднику нашему царю, великому князю Ивану, брань бо ему днесь бысть со иноплеменники». Далее рассказывается, как все трое едут к гробницам святых князей в Ростове и Владимире. Последней деталью картина великого заступничества предков русского государя за него делается еще более внушительной.

Такое устойчивое восприятие Александра Невского в связи с борьбой с татарами, как это уже отмечалось выше, не могло не показаться крайне противоречивым при сопоставлений с теми сведениями об отношении его к татарам, которые содержались в Житии. Однако публицисты XVI в. готовы были скорее изменить Житие, чем отказаться от такого знамени борьбы с врагом (а главным врагом этим были татары), каким являлся в течение нескольких веков Александр Невский. Так, в Псковском Крыпецком монастыре в середине XVI в. иноком Василием-Варламом была составлена новая редакция Жития, где Александр Невский выступает как исповедник христианства перед лицом татар. Как и Михаил Черниговский и Федор Ярославский, Александр Невский, согласно этой редакции, отказывается, несмотря на приказ хана, поклониться предметам языческого культа. Описание этих действий Александра Невского Василий-Варлам и заимствовал соответственно из Житий Михаила и Федора⁵⁰.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXIX, стр. 88—89.

⁴⁸ Там же, стр. 115.

⁴⁹ Это «Чудо» помещено не во всех списках Жития в редакции Ионы Думинина (см.: В. Мансики. Указ. соч., стр. 114—115).

⁵⁰ В. Мансики. Указ. соч., стр. 135. В связи с этим нельзя не напомнить, что в 1262 г., за год до своей смерти, Александр Невский выступил инициатором борьбы с татарами. В Устюжском летописном своде под 1262 г. помещено известие о том, что «принде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославича, что татар бити» («Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 48). Как показал А. Н. Насонов, известие Устюжского свода представляется «вполне правдоподобным». Для выступления против татар это был наиболее благоприятный момент, так как именно в 1262 г. особой остроты достигла распри между Монгольской империей и фактически отде-

В годы Ливонской войны Иван Грозный вспоминает Александра Невского как «храбраго великого государя Олександра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшего»⁵¹. Этими словами Иван Грозный вспоминает Александра Невского в первом послании к князю Курбскому в 1564 г. Примерно то же Грозный пишет в послании к польскому вице-регенту Ливонии Александру Полубенскому в 1577 г.⁵² Права России на земли в Ливонии как на вотчину оправдываются Иваном Грозным между прочим и тем, что ими русское государство владело «от великого государя Александра Невского»⁵³. Очень характерно, что здесь Иван Грозный называет Александра Невского уже не князем, а государем, как именовались московские великие князья только с XV в. Иными словами, Иван Грозный видит в Александре Невском князя во всем, даже по титулу, подобного московским князьям, ближайшим предкам Ивана Грозного.

Одним из наиболее драматичных эпизодов Ливонской войны была осада Пскова войсками Стефана Батория в 1581 г. В памяти псковичей она вновь воскресила победу Александра Невского, освобождение им Пскова. В замечательном литературном памятнике, посвященном осаде 1581 г., — «Повести о приходении Стефана Батория на град Псков», автором которой был современник этих событий псковский иконописец Василий⁵⁴, рассказывается, что псковичи, обращаясь с молитвой к Дмитрию Солунскому, говорили: «...Владыку умоли и яко же пособивый иногда великому князю Александру Невскому на великом Чудском озери, над погаными немцы, того же великаго града Пскова обороныющему»⁵⁵. Обращение псковичей с молитвой к Дмитрию Солунскому, как пишет автор «Повести» — иконописец, было вызвано тем, что камень из вражеского стана повредил древнюю икону Дмитрия Солунского и псковичи вспомнили, что от этой же иконы получил помощь Александр Невский «на великом побоище... с немцы»⁵⁶. Хотя бы малейшее упоминание о таком эпизоде в каком-либо другом памятнике, связанном с жизнью Александра Невского, мы не найдем. Это устное предание, бытовавшее в Пскове, где так помнили Александра Невского, не случайно обратило на себя внимание автора — иконописца по профессии.

лившейся от нее Золотой Ордой (см.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 51—52).

⁵¹ «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 9, 71.

⁵² Там же, стр. 202.

⁵³ Там же.

⁵⁴ «Повесть о приходении Стефана Батория на град Псков». М.—Л., 1952, стр. 24.

⁵⁵ Там же, стр. 85.

⁵⁶ Там же, стр. 86.

Особенно возросшее почитание Александра Невского в XVI в. нашло свое завершение и официальное оформление в его общерусской канонизации. Выше уже говорилось о том, что почитание Александра Невского издавна носило общенародный характер, хотя формально он считался только местночтимым святым. Канонизация Александра Невского в 1547 г. была одним из важных явлений в проходившей в эту эпоху централизации Русского государства серии государственных и церковных мероприятий по сведению воедино местных праздников и местных святых, по собиранию воедино памятников, связанных с ними («Четыи-Минеи»).

В связи с такой канонизацией Александра Невского была составлена Служба ему. Автором ее был инок Рождественского монастыря во Владимире, о чем содержатся упоминания в некоторых списках служб⁵⁷. Было бы крайне поверхностно видеть в этом памятнике, как это делается в отношении русских церковных служб, лишь составленный по каноническим нормам богослужебный текст. Служба — своеобразный памятник поэтической публистики, вобравший в себя все аспекты восприятия Древней Русью Александра Невского, с подчинением, однако, этих аспектов главному — идею покровительства святого своему самодержавному потомку. Все это и побуждает специально остановиться на рассмотрении Службы Александру Невскому, тем более что до сих пор в литературе не была даже поставлена такая задача.

Из нескольких аспектов прославления Александра Невского в произведении инока Михаила важным является похвала князю, как «соблюдавшему» и «соблюдающему отчество свое»⁵⁸, «отечеству пресветлому светилнику и твердому заступнику»⁵⁹, как «отечеству своему заступление»⁶⁰. Александр Невский назван в Службе «велий щит и крепость Руской земли»⁶¹, «веселие земли Рустей»⁶². Он был, по словам Службы, в списках XVII в. «поборниче непобедимыи»⁶³, «варваром побеждение»⁶⁴, «победе истинне именитеи в истину верным людям к победам крепким помощник»⁶⁵.

⁵⁷ Так, например, в списке XVI в. сказано: «Сътворено смиренным иском Михаилом той же обители, иде блаженного тело лежит». — ГБЛ, Троицкое собрание, № 619, л. 148 об. (далее — ГБЛ, Тр.).

⁵⁸ ГБЛ, Тр., № 624, конец XVI — начало XVII в., л. 158 и ГИМ, Епархиальное собрание (далее — ГИМ, Епарх.), № 493, XVII в., л. 71.

⁵⁹ ГБЛ, Тр., № 619, XVI в., л. 43.

⁶⁰ Там же, л. 52 об.

⁶¹ Там же, л. 51.

⁶² ГБЛ, Тр., № 624, л. 57 об.

⁶³ ГИМ, Епарх., № 493, л. 61 об.

⁶⁴ ГБЛ, Тр., № 624, л. 151.

⁶⁵ Гос. б-ка БССР, ⁰⁹¹ 4199 к, л. 92.

В икосе 6-й песни канона инок Михаил, используя акафистную форму похвалы, восклицает: «Радуйся, велехвального короля победив пособием божиим. Радуйся, град свой свободивый Пленьской от власти немецкия»⁶⁶. О борьбе с татарами Александра Невского, мысль о которой муссировалась в XVI в. в Службе в полном соответствии с источниками, нет ни слова. Об отношениях с ними Александра Невского говорится лишь, что он — «безбожного царя удивил..., христоименитым людяттишину исходатайствовал»⁶⁷. И только в редакции Службы, представленной в списках XVII в., Александр Невский призывается помогать «сроднику своему царю нашему на агарян»⁶⁸.

В основном же составитель Службы обращается к Александру Невскому с молитвой сохранять свое отечество «от языка чуждого»⁶⁹, устрашать врагов «ополчающихся на христолюбивое воинство»⁷⁰ и этим в обобщенном виде передает восприятие Александра Невского русским народом.

Нельзя не обратить внимание на одну существенную деталь цитированной выше части Службы — обращение к Александру Невскому как к сроднику «царя нашего». В списках XVI в. мы этой фразы не найдем. Правда, и в них он назван «царь поборник»⁷¹, но в основном Александр Невский именуется там помощником «князей православных»⁷², их «похваление»⁷³. В 1547 г., когда была составлена Служба, царский титул только начинал еще входить в обиход. Ведь только в этом году состоялось венчание Ивана IV. Зато в списках Службы XVII в., отражающих более позднюю редакцию, он именуется «царем русским похвали»⁷⁴ или «царю нашему похваление»⁷⁵, «пособник на враги благочестивому царю»⁷⁶. Не случайно поэтому в Службе появляются такие выражения, как «благочестиваго корене святопомазанная розга»⁷⁷, «благочестив скипетроносец»⁷⁸, «богоименит венценосец»⁷⁹, «боговенчанный Александре царем держава свеноносная»⁸⁰. Уже сам факт переработки Службы в подобном духе показывает, какое политическое значение ей придавалось. И в самом деле, если Житие читали только грамотные люди, то

⁶⁶ ГБЛ, Тр., № 619, л. 48 и 624, 159 об.

⁶⁷ ГИМ, Епарх., 493, л. 61 об.

⁶⁸ ГИМ, Епарх., № 493, л. 61 об.

⁶⁹ ГБЛ, Тр., № 619, л. 51 об.

⁷⁰ Там же, л. 51.

⁷¹ ГБЛ, Тр., № 624, л. 46.

⁷² ГБЛ, Тр., № 619, л. 48.

⁷³ Там же, л. 51; Гос. б-ка БССР, 4199⁰⁹¹ к, середина XVI в., л. 82 об., 84.

⁷⁴ ГИМ, Епарх., № 493, л. 55 об.

⁷⁵ Там же, л. 77.

⁷⁶ Там же, л. 62 об.

⁷⁷ Там же, л. 51.

⁷⁸ Там же, л. 54 об.

⁷⁹ Там же, л. 55.

⁸⁰ Там же, л. 61 об.

Службу мог услышать раз в год любой. Житие читалось далеко не во всех храмах, да и то как составная часть службы (после 6-й песни канона).

И. А. Шляпкин в свое время высказал весьма вероятное предположение, что появление множества редакций Жития Александра Невского во второй половине XVI в. «указывает, что они были нужны в эпоху казней Грозного и предчувствовавшейся в грядущем смуты, когда общий авторитет царствующей династии подвергся колебанию»⁸¹. Не была ли аналогичным явлением отмеченная выше переработка Службы как сильного средства идеологического воздействия.

Было бы ошибочным полагать, что воинское и государственное начало свело на нет церковное и монашеское восприятие Александра — в схиме Алексия. Более того, даже в очевидном противоречии со всем, что говорится в Службе, Житии и летописях о трудах и доблестях князя-полководца, инок Михаил пишет, что Александр Невский, «вся земная презрёв»⁸², «земных всех возгнушався к небесным прилепл себе»⁸³. Автор Службы прибегает к таким чисто агиографическим приемам, как изображение своего героя «милостивым, кротким»⁸⁴, «многим мнихом прибежищем»⁸⁵. Александр Невский назван в Службе ее автором монахом «церкви Христове красота»⁸⁶, и он призывается не только помогать в борьбе с иноплеменниками, но и утолять «междоусобную брань страстей наших»⁸⁷. Александр, по словам Службы, преславный чудотворец, исцеления которого «не может язык человечь изглаголати»⁸⁸. Инок Михаил подчеркивает, что Александр Невский «римская учения презрёв и прелести их ни во что же вменив»⁸⁹ и «прелестных обличив и сам укорив»⁹⁰, «еретическое нечестие поправ»⁹¹. В Службе отмечаются также заботы Александра Ярославича о храмах и в связи с этим делается довольно неясное замечание о том, что Александр Невский церковь «пением украсил». Как это следует понимать? Не могли ли в Рождественском монастыре сохраняться предания о том, что Александр был автором каких-либо церковных песнопений? В других источниках мы не найдем об этом никакого упоминания. Может быть, впрочем, автор просто имел в виду заботу Александра Невского о красоте церковных служб,

⁸¹ И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 92.

⁸² ГИМ, Епарх., № 493, л. 56.

⁸³ Там же, л. 54 об.

⁸⁴ Там же, л. 64; ГБЛ, Тр., № 619, л. 42.

⁸⁵ ГБЛ, Тр., № 619, л. 49.

⁸⁶ ГИМ, Епарх., № 493, л. 66.

⁸⁷ ГБЛ, Тр., № 624, л. 153; ГИМ, Епарх., № 493, л. 64; Тр., № 619, л. 42.

⁸⁸ ГБЛ, Тр., № 619, л. 51.

⁸⁹ Там же, л. 48.

⁹⁰ Там же, л. 51.

⁹¹ ГИМ, Епарх., № 493, л. 78 об.

тем более что в другом месте памятника говорится «церкви разоренные воздвигнув, пения исполни»⁹².

Службе есть еще одно загадочное с фактической стороны место, не находящее подтверждения ни в летописях, ни в жизнях. Это 4-я песнь канона, в которой говорится: «Источил еси реки, блаженне, и верных напаяя сердца и мутныя воды многообожия иссущил еси»⁹³. Очевидно, здесь имеются в виду какие-то заботы Александра Невского о миссионерской деятельности, распространении христианства среди народов Севера. Некоторый свет на это проливает история русско-норвежских отношений. Норвежская сага о короле Хаконе, сыне Хакона, говорит о том, какую заинтересованность проявлял в середине XIII в. новгородский князь («конунг Хольмгардов») об утверждении новгородского влияния на территории саамов. О разграничении сфер влияния на них Александр Невский вел переговоры с норвежским королем⁹⁴. Трудно себе представить, чтобы, утверждаясь на землях Карелии и Кольского полуострова, Александр Невский мог оставаться равнодушным к делу христианизации язычников, живших там⁹⁵. Жития и летописи, дошедшие до нас, не сохранили сведений о такого рода деятельности Александра Невского, но во Владимирском Рождественском монастыре, где тщательно собирались все сведения об Александре Невском и где не случайно поэтому было написано и его Житие, среди устных преданий и рассказов могло сохраняться известие и о христианизации им саамов. Оно не было зафиксировано письменным образом до составления Службы, почему и представляет собой смутное, в самой общей форме упоминание.

В связи с затронутыми вопросами об источниках инока Михаила нельзя не отметить, что составленной в 1547 г. Службе, очевидно, предшествовали существовавшие в Рождественском монастыре песнопения в честь Александра Невского, включенные затем Михаилом в состав своего произведения. Только этим можно объяснить такой анахронизм в службе, как наименование города Владимира «царствующим градом»⁹⁶, каким он не являлся не только в XVI в., но еще в XIV в. Не случайно Владимир назван так именно в том песнопении, где говорится об Александре Невском как о «прибежище мнихом», т. е. более всего напоминающем о Владимирском Рождественском монастыре.

Имя Александра Невского не было забыто и в Смутное вре-

⁹² ГИМ, Епарх., № 493, л. 78 об.

⁹³ ГБЛ, Тр., № 619, л. 45.

⁹⁴ И. Шаскольский. Посольство Александра Невского в Норвегию.—«Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 112—116.

⁹⁵ Напомним в связи с этим, что в 1227 г. отцом Александра Невского, князем Ярославом Всеволодовичем было крещено «множество корел, мало не все люди» (см.: ПСРЛ, т. I, М., 1962, стлб. 449).

⁹⁶ ГБЛ, Тр., № 619, л. 49.

мя. Правда, о борьбе под его руководством с немецкой агрессией тогда не вспоминалось. И это понятно. Главная угроза исходила со стороны Польско-Литовского государства. Ни о каких намеках на войну с ним во времена Александра Невского не могло быть и речи. Главной стороной его деятельности, о которой вспоминали в это время, было отстаивание им православия. Авраамий Палицын в своем знаменитом Сказании пишет о католической угрозе: «И лесть того от мног лет протязуется на России и искус его в посланиях благоверным князем Александром Невским облечен есть»⁹⁷. Конечно, Авраамия, как церковного человека, более всего волновал вопрос о нерушимости православия, но не забудем, что и для многих героев этого времени, таких, например, как Минин и Пожарский, борьба за сохранение православия была знаменем, под которым велась борьба за сохранение Родины, за национальное самосознание в эти годы разрухи. Здесь уместно напомнить также, что псковичи, обороныя свой город от войск шведского короля Густава Адольфа, вспоминали и об Александре Невском наряду с князьями Всеvolodom-Gavriilom и Dovmontom-Timoфеем⁹⁸.

Иначе было нужно имя Александра Невского для Шуйских, которые боролись в Смутное время за власть в стране. Узаконивая и освящая свое вступление на престол, Василий Иванович Шуйский в грамоте о воцарении, как и в целовальной грамоте, называет великого государя Александра Ярославича «прадителем нашим»⁹⁹. Настойчиво проводившаяся Шуйскими идея о происхождении их от Александра Невского, т. е. от родоначальника, общего и для Шуйских и для царского рода, оставила свой след во многих литературных исторических и публицистических памятниках, посвященных Смутному времени. «Иное сказание», «Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов», «Плач о пленинии и разорении Московского государства», «Сказание о царстве царя Федора Ивановича» — все эти памятники, рассказывая о воцарении Шуйских, подчеркивают, что они ведут свой род «от благоверного князя Александра Ярославича Невского, от того святого корене великаго»¹⁰⁰.

Памятники XVII в. не вносят ничего принципиально нового в осмысление образа Александра Невского. Родоначальник московских князей, скончавшийся в схиме,— вот, пожалуй, главное, что мы найдем в произведениях XVII в., упоминающих об

⁹⁷ «Сказание Авраамия Палицына». М.— Л., 1955, стр. 115.

⁹⁸ «Повесть о приходжении свѣйскаго краля с немцами под град Псков». — ЧОИДР, 1869, кн. I, отдел V, стр. 6—7.

⁹⁹ «Собрание Государственных Грамот и Договоров», т. II, стр. 303—304; «Акты Археографической экспедиции», т. II, стр. 102. Шуйские вели свой род от сына Александра Невского — Андрея, тогда как московские князья — от Даниила.

¹⁰⁰ «Русская Историческая Библиотека», т. XIII, изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 60, 168, 227—228, 832.

Александре Невском. Таким он предстает перед нами в повестях о начале Москвы, в «Истории о царях и великих князьях земли Русской» дьяка Федора Грибоедова (ок. 1669 г.) и в многочисленных родословиях. Только дьяк Грибоедов вспоминает о том, что с Александром Невским связано «много преславных побед на татар и на немец»¹⁰¹, и то ставя на первое место вымышленные победы над татарами как явное отражение взглядов на Александра Невского книжников XVI столетия.

Исследователями русской историографии XVII в. давно была отмечена известная печать фантазии, лежавшая на исторических повествованиях того времени. Коснулось это и содержащихся в таких памятниках известий об Александре Невском. В одной из редакций «Повести о начале Москвы» (по классификации М. А. Салминой, изучавшей и издавшей эти памятники,— повести переходного типа от первого ко второму) рассказывается об «обновлении» Москвы в 1252 г. после татарского разорения князем Александром: «В лето 6760-го паки обнови град Москву от татарского пленения святый благоверный великий князь Александр Юрьевич (!), внук Всеволода Великого и посади в нем государевати сына своего святаго великаго князя Даниила Александровича Невского»¹⁰². Как могло появиться такое «известие»? По-видимому, сообщение летописей о занятии Александром Невским именно в 1252 г. владимирского великокняжеского престола послужило отправной точкой для данного до-мысла. Книжник, в центре внимания которого была Москва, решил, что родоначальник Московской династии, во власть которого перешел этот город, не мог не заботиться о нем. Таким образом Александр Невский оказывается и родоначальником и строителем будущей столицы России, и это, конечно, еще более поднимало его значение в глазах москвичей. А такие «неточности», как искаженное отчество Александра или то обстоятельство, что его сына Даниила в это время еще не было на свете и он никогда не именовался Невским, в эпоху так буйно развившейся фантазии в области историографии никого не могли смущать.

Одним из других распространенных в XVII—XVIII вв. фантастических исторических сказаний была «Повесть о стране Вятской». В ней также, хотя и мимоходом, упоминается об Александре Невском. Согласно Повести, о нем вспоминали новгородцы, когда они, завоевывая вятскую землю, якобы в 1174 г. (т. е. почти за полстолетия до того, как родился Александр Ярославич) штурмовали Болванский Чудской городок (впоследствии названный ими городом Никулицыным). «И приступиша к тому граду вельми жестоко и сурово призываху на помощь свя-

¹⁰¹ «Федора Грибоедова «История о царях и великих князьях Земли Русской».—«Памятники древней письменности», СXXI. СПб., 1896, стр. 18.

¹⁰² М. А. Салмина. Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964, стр. 182.

Рис. 1. Александр Невский и Иоанн Дамаскин. Фреска работы Феодосия
Благовещенский собор Московского Кремля

Рис. 2. Александр Невский. Шитая пелена, 1613 г.
(Владимирский музей-заповедник)

тых страстотерпцев Бориса и Глеба, глаголюще: «Яко же иногда новгородцому великому князю Александру Невскому даровали есте победу на сопротивныя шведы за рекою Невою явистесь, пловуще в насаде, тако и ныне нас способствуйте»¹⁰³. «Повесть о стране Вятской» была составлена в конце XVII в. на основе устных рассказов местного происхождения¹⁰⁴, в которых также жила память о славном новгородском князе.

Затрагивая в связи с любым вопросом русскую историографию второй половины XVII в., нельзя пройти мимо такого выдающегося памятника, как «Синопсис». Написанный в Киеве около 1670 г., по-видимому, архимандритом Киево-Печерской Лавры Иннокентием Гизелем, «Синопсис» стал настольной книгой по русской истории. Для нашей темы, однако, «Синопсис» почти ничего не дает: его автора интересуют почти исключительно события, происходившие на юге России. Об Александре Невском в «Синопсисе» лишь кратко упомянуто и постольку, поскольку это необходимо для связного перечня киевских (в это время уже собственно владимирских) князей. «По смерти князя Ярослава Все́володовича бысть князь Киевский и земли Российские Александр Ярославич Невский»¹⁰⁵ — это все, чем счел нужным обмолвиться автор «Синопсиса» об Александре Невском, не сказав ни единого слова о его победах над шведами и немцами и даже о том, что он являлся родоначальником московской династии¹⁰⁶.

Впрочем, вообще нельзя не отметить, что во второй половине XVII в. интерес к Александре Невскому постепенно начинает затухать. Обычно он аккуратно упоминается в церковных месяцесловах, как святой князь — ионик. Князь-полководец все более начинает предаваться забвению, но характерно, что, как только вспыхивает война России со Швецией в 1657 г. (период первой Северной войны), Александр Невский как полководец — победитель шведов вновь становится знаменем Русского государства. В своем донесении от 25 октября 1657 г. в Стокгольм шведские послы прямо писали о том, что патриарх Никон, при-

¹⁰³ «Повесть о стране Вятской». — «Труды Вятской Губернской ученої Архивной Комиссии», т. III, отд. II. Вятка, 1905, стр. 30—31.

¹⁰⁴ Такого мнения придерживается большинство историков (см.: А. С. Верещагин. Откуда почерпнуты и насколько достоверны вообще показания Вятского летописца. — «Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле», т. I. М., 1890, стр. 127; П. П. Смирнов. Сказание о холопьей войне в древней Руси. — «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. II. М., 1947, стр. 19). Только П. Н. Луппов полагает, что Повесть возникла между 1725 и 1739 г. (см.: П. Н. Луппов. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской». — Записки Удмуртского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. XII. Ижевск, 1949, стр. 76).

¹⁰⁵ «Синопсис», Киев, 1678, л. 183.

¹⁰⁶ О начале Москвы в «Синопсисе» говорится не по русским источникам, а согласно «Хронике» Стрыйковского, заимствовавшего эти сведения в свою очередь у Герберштейна.

зывая царя на войну со Швецией, указывал на пример победоносного похода Александра Невского^{106а}.

Только начало XVIII в., ознаменовавшееся второй Северной войной, принесло небывалый рост популярности Александра Невского, однако рассмотрение этого явления хронологически не входит в рамки настоящего исследования.

* * *

Представить себе во всей полноте осмысление и оценку деятельности Александра Невского Древней Русью в различные исторические периоды было бы невозможно, не остановившись на отражении этой тематики в древнерусском изобразительном искусстве.

Древнейшим из дошедших до нас изображений Александра Невского является фреска 1508 г. в Благовещенском соборе Московского Кремля. Выполнена она, как и вся роспись собора, под руководством Феодосия — сына великого русского художника Дионисия. Изображение Александра Невского находится на восточной стороне северо-западного столба собора. Александр Невский изображен рядом с знаменитым византийским поэтом и мыслителем Иоанном Дамаскиным (слева от него). Князь представлен схимником. Нельзя не напомнить в связи с этим, что во время создания росписи собора Александр Невский не был еще канонизирован в общерусском масштабе и поэтому изображение его в церкви, как и почитание, могло быть связано с традициями Владимирского Рождественского монастыря, где его чтили, как мы уже знаем, как «прибежище монахом». Правда, на других столбах этого придворного собора можно найти изображения киевских и московских князей, предков московских государей, и даже изображенных с nimбами. Однако в этих случаях, даже несмотря на nimбы (с ними в византийском искусстве изображались и не канонизированные византийские императоры), князья даны попарно и, за исключением Владимира Святославича, не смешаны с канонизированными лицами; Александр Невский помещен рядом с монахом и сам в монашеской одежде.

Такой вид изображений его не только самый ранний из дошедших до нас, но и наиболее распространенный. Иконы Александра Невского в своем подавляющем большинстве лишь с теми или иными вариациями пейзажа или какого-либо другого окружения сводятся к этому виду, т. е. в конечном счете к какому-то прототипу, издавна существовавшему во Владимирском Рождественском монастыре. Последним обстоятельством, по-види-

^{106а} Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700).— «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1898, апрель, стр. 323.

мому, и объясняется особая устойчивость и распространенность такого типа изображения Александра Невского. Иконописцы старались брать за образец изображение наиболее древнее, как бы освященное и удостоверенное местом, где был погребен князь Александр. Так складывалась традиция. Она была закреплена соответствующими рекомендациями иконописных подлинников, своеобразных инструкций, которыми пользовались в своей работе древнерусские иконописцы¹⁰⁷.

Суммируя эти рекомендации, так называемый Сводный иконописный подлинник, дошедший до нас в списке XVIII в., так описывает распространенный иконографический облик Александра Невского: «...В схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист»¹⁰⁸. Последняя черта («телом плечист») кажется несколько неожиданной в этом облике смиренного схимника. А между тем о ней не забывают упомянуть и другие подлинники. Один из них (XVII в.) даже добавляет: «сановит и добротою исполнен»¹⁰⁹. В приобретенном недавно Государственным историческим музеем лицевом (т. е. иллюстрированном) иконописном подлиннике второй половины XVII в. Александр Невский изображен именно таким широкоплечим и сановитым человеком¹¹⁰. И главное, что действительно, в большинстве иконных изображений Александра Невского в схиме,— перед нами сильная плечистая фигура. В этом невольно хочется видеть какие-то смутные отголоски того портрета князя-полководца, который нарисован в его Житии: «Взор его паче инех человек и глас его — аки труба в народе, лице же его — аки лице Иосифа... Сила же бе его часть от силы Самсона»¹¹¹.

Как уже было сказано, изображений Александра Невского в схиме дошло довольно много. Одна из наиболее ранних таких икон хранится в Костромском музее и опубликована недавно Ю. К. Бегуновым¹¹². Она может быть отнесена к концу XVI в.

¹⁰⁷ Не все иконописные подлинники XVII в. имеют указание на то, как следует изображать Александра Невского. Некоторые из таких подлинников вообще не содержат упоминания о нем (например, ГБЛ, Собр. Тихонравова, ф. 310, № 527), другие под 23 ноября лишь отмечают день памяти Александра Ярославича, ничего не говоря об его изображении (см. например, ГБЛ, Собр. Тихонравова, ф. 299, № 457, л. 43 об.). Очевидно, такие редакции памятника восходят без сколько-нибудь существенных изменений к подлинникам, существовавшим до 1547 г., т. е. канонизации Александра Невского. Не случайно в них отсутствуют описания изображений и вообще всех тех русских святых, которые были канонизированы в этом же году.

¹⁰⁸ «Сводный иконописный подлинник XVIII века». — «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1874—1876». М., 1876, стр. 67.

¹⁰⁹ И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 95.

¹¹⁰ ГИМ, Муз., № 4167, л. 39 об.

¹¹¹ Ю. К. Бегунов. Указ. соч., стр. 160—161.

¹¹² Там же, рис. 5.

Острым, проницательным взглядом волевого человека смотрит мудрый князь. Особой торжественностью и величием преисполнена фигура Александра Невского на иконе Государственного Русского музея (далее — ГРМ) — инв. № 459, также относящейся к концу XVI в. То же можно видеть и на двух изображениях князя на складнях XVII в. из ГРМ — инв. № 203 и 455, на которых он находится в окружении других святых, преимущественно русских.

Но, пожалуй, нигде с такой непосредственностью не проявилось стремление мастеров показать физическую силу и красоту Александра Невского, хотя и в схиме, как в произведениях шитья — его надгробных пеленах. Это и парадоксально и в то же время глубоко закономерно. Известны три таких пелены: во Владимиро-Сузdalском музее-заповеднике — инв. № 425, Загорском историко-художественном музее-заповеднике — инв № 5552 и известная только по воспроизведению пелена, хранившаяся в Древлехранилище Александро-Невской Лавры в Петербурге¹¹³. Все три пелены относятся к XVII в. Несомненно, что они происходят в конечном счете из Владимирского Рождественского монастыря и некогда покрывали гробницу князя. Иного назначения подобных пелен просто не могло быть. По-видимому, сохранившаяся, как уже многократно отмечалось, память об Александре Невском в этом монастыре, работа там над его Житием с замечательным портретом князя наполнили пелены таким необычным для надгробных изображений ощущением как бы внутренней скрытой мощи. Особенно выделяется пелена Загорского музея. Изучившая ее Н. А. Маясова пишет об этом изображении Александра Невского: «Вся его монументальная фигура, сильные руки, красивое лицо с энергичным рисунком бровей, дышат спокойной уверенностью, заснувшей силой»¹¹⁴.

Интересно, что пелена, хранившаяся во Владимирском музее, была положена на гробницу Александра Невского в 1613 г., т. е. на следующий год после завершения событий Смутного времени. Пелена была «приложена», а быть может, и вышита женой царевича Ивана Ивановича Прасковьей Михайловной Солово. Об этом мы узнаем из текста, вышитого в нижней части пелены: «Лета 7121-го приложила сию пелену церкви великого князя Александра Ярославича всея Руси царица Парасковия»¹¹⁵. В пелене Прасковы наряду с величественностью ослепляет цар-

¹¹³ Ф. М. Морозов. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. СПб., 1910, стр. 13.

¹¹⁴ Н. А. Маясова. Два произведения художественного шитья XVII в.—«Сообщение Загорского Государственного историко-художественного музея-заповедника», вып. 2. Загорск, 1958, стр. 41.

¹¹⁵ В. В. Стасов. Шитая пелена с изображением святого Александра Невского 1613 г.—«Известия имп. Археологического общества», т. IV. СПб., 1863, стр. 74—76.

ственная роскошь. Фон пелены алого цвета, шитье выполнено золотом, серебром и шелком. Верхняя одежда щита золотом с черной шелковой оторочкой по краям. Не была ли эта пелена вышита как своеобразное напоминание о великом родоначальнике ушедшей царской династии?

Впрочем, и представители династии Романовых, усиленно включавшие себя в общее царское родословное древо, не забывали о своем якобы предке. Дочь Михаила Федоровича, царевна Татьяна Михайловна в нарисованном ею самой в 1676—1682 гг. Родословном древе в Синодике Ново-Иерусалимского монастыря поместила и Александра Невского, изображенного ею традиционно в схиме¹¹⁶.

В одной из своих интереснейших и очень сложных по композиции икон «Насаждение древа Государства Российского» (Государственная Третьяковская галерея. Далее — ГТГ), написанной в 1668 г., выдающийся русский художник XVII в. Симон Федорович Ушаков изобразил Александра Невского как строителя Русского Государства, правда, опять-таки в схиме и даже не среди государей, а среди монахов, внесших свой вклад в дело строительства государства — Сергия и Никона Радонежских, Саввы Звенигородского и Пафнутия Боровского¹¹⁷. В этой особенности иконы сказалось известное забвение в XVII в. истинного облика и роли Александра Невского в истории России, что можно было проследить уже по памятникам письменности этого времени.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что в XVII в. появляются иконы Александра Невского, где он изображен на молитве в состоянии смирения и, что особенно удивительно, беспомощности. Таковы иконы Александра Невского, молящегося Богоматери (ГРМ, инв. № 748 и 455; ГТГ, инв. № 28726). Первая из этих икон, по-видимому, относится к началу XVII в. и происходит из Ярославля, о чем свидетельствует орнамент басмы, характерный именно для ярославских мастеров¹¹⁸. Близка к этим двум иконам и икона (ГИМ, И VII/304), происходящая из Щукинского музея. На этой иконе фигура Александра Невского изогнута в направлении к благословляющему из облака Христу. В верхней части поля вязью сделана надпись: «Преподобный

¹¹⁶ И. И. Срезневский. Родословное древо русских князей и царей.—«Известия имп. Археологического Общества», т. IV. СПб., 1863, стр. 308—310. В настоящее время этот Синодик находится в экспозиции ГИМ.

¹¹⁷ Знаменитый географ и историк Сибири конца XVII — начала XVIII в. С. У. Ремезов в своей «Служебной чертежной книге» (1702—1730 гг.) поместил родословное древо под названием «Статья дрежавств российских». В одном из медальонов «древа» изображен и Александр Невский, однако как князь со скипетром, что вполне соответствовало восприятию Александра Невского в петровское время (см. воспроизведение этой миниатюры в кн.: Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, стр. 105).

¹¹⁸ М. М. Постникова-Лосева. Мастера-серебряники городов Поволжья XVII века.—«Древнерусское искусство. XVII век». М., 1964, стр. 276.

благоверный князь Александр Невский на молитве». У ног Александра Невского изображен тюльпан, изображать тюльпаны на иконах особенно любили мастера Оружейной палаты (например, см. «Благовещение» 1670 г. работы Ивана Максимова из собрания ГТГ)¹¹⁹. По-видимому, одним из таких мастеров была выполнена и настоящая икона.

Кроме цветка, на иконе ГИМ изображены два ряда деревьев — лес, являющийся фоном иконы. Это несколько необычная деталь для икон, изображающих Александра Невского. Другие изображения, как правило, вообще бывают лишены такого фона. Можно назвать только одну книжную миниатюру, где Александр Невский изображен на фоне пустынных холмов. Эта миниатюра находится в одном из сборников, хранящихся в Отделе рукописей Научной библиотеки МГУ им. А. М. Горького (№ 5 М. с. 83) и относится к самому концу XVII в. или началу XVIII в. Она открывает Житие Александра Невского. Интересно, что имеющиеся в сборнике другие изображения русских святых даны на сложных архитектурных фонах. Изображение же Александра Невского на молитве в голой степи невольно напоминает его поездки в Орду с нелегкой миссией умиротворения хана. Может быть, художник хотел показать последнюю из таких поездок князя, завершившуюся его кончиной.

Хотя изображения Александра Невского в схиме и составляют подавляющее большинство всех дошедших до нас его древнерусских изображений, они не исчерпывают всех их. Более того, есть основания думать, что наряду с иконографическим типом, сложившимся во Владимире, в Новгороде существовал свой тип. Там, конечно, помнили об Александре Невском в большей мере как о полководце, чем как о схимнике во Владимире. Вот почему в Новгородском иконописном подлиннике XVI в. об изображении Александра Невского сказано: «Преподобный Александр Невский, аки Георгий, риза киноварь, испод лазорь»¹²⁰. К сожалению, ни одной такой новгородской или какой-либо другой древнерусской иконы, где Александр Невский изображен в виде всадника (так следует понимать выражение «аки Георгия»), не сохранилось. Имеющаяся в коллекции ГРМ (собрание И. А. Шляпкина, № Б-277/5509) икона Александра Невского на коне не может быть отнесена ко времени раньше второй половины XVIII в.¹²¹, но, вероятно, является отголоском новгородского иконографического типа.

¹¹⁹ В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в., т. II. М., 1963, табл. 135.

¹²⁰ Иконописный подлинник новгородской редакции XVI в.— «Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее». М., 1878, стр. 46.

¹²¹ Икона издана в цвете в указанном сочинении И. А. Шляпкина (табл. XVIII).

Историки древнерусского искусства видят изображение Александра Невского в одном из юных всадников на огромной иконе середины XVI в.— «Воинствующая церковь»¹²². Икона эта изображает возвращение из победоносного Казанского похода русских войск во главе с Иваном Грозным. В рядах русских воинов едут святые князья-покровители: Владимир Святославич, Борис и Глеб, Михаил Черниговский и много других. Среди них во главе нижнего ряда видят Александра Невского. Теоретически это вполне возможно. Выше говорилось уже, что в годы Казанского похода имя великого русского полководца вспоминалось неоднократно. Однако доказательств того, что юный всадник в броне и голубом шлеме, скачущий на вздыбившемся вороном коне, и есть Александр Невский, не имеется решительно никаких. Надписи ни на этой иконе, ни на двух других ее более упрощенных вариантах (в собрании Музеев Московского Кремля и в Шведском музее) не сохранились.

Среди древнерусских изображений Александра Невского совершенно особое место занимает его икона в Покровском соборе (так называемом храме Василия Блаженного) на Красной площади в Москве. В центре иконы изображен Александр Невский в схиме со свитком в левой руке. По краям этого средника расположены 36 клейм, иллюстрирующих Житие князя и его «посмертные чудеса». Назовем сюжеты этих клейм, чтобы определить, какой литературный памятник, посвященный Александру Невскому, был взят за основу мастером, создавшим икону. Собственно «житийные» клейма на иконе следующие: рождение князя; его крещение; обучение его книжной грамоте; поучение князя боярам; молитва перед Невской битвой; видение Пелгусия; Ледовое побоище; первая поездка в Орду; прощение новгородцев; последняя поездка в Орду; принятие схимы и смерть; чудо с грамотой; погребение князя. Далее идут клейма с изображением «чудес»: чудо перед Куликовской битвой; рассказ о нем пономаря митрополиту и открытие мощей; чудо перед пожаром 1491 г., поклонение уцелевшим после пожара мощам; автор Жития вкладывает пальцы в «скважню» гроба; исцеление сухонского; два клейма — исцеление инока Давида; возгорание свечи; исцеление бесноватого Терентия; исцеление Истомы Головкина; исцеление расслабленного, приведенного родственниками; исцеление бесноватого из села Старого; исцеление Федора бесноватого; исцеление слепой из села Красного; Борис и Глеб подъезжают к монастырю в 1571 г., инок Антоний видит их перед гробом Александра Невского; Александр встает из гроба; в Успенском соборе г. Владимира из гробов встают князья Андрей Боголюбский, Всеволод, Георгий и Ярослав, и все летят по воздуху в Ростов; победа над Девлет-Гиреем в

¹²² В. И. Антонова, Н. Е. Мнёва. Указ. соч., стр. 129.

1571 г. Последние из названных чудес, начиная от исцеления Федора, содержатся только в редакции Жития 1591 г., составленной вологодским архиепископом Ионой Думниным. Интересно, что на иконе и в этой редакции Жития (и только в ней) перед Невской битвой Александр молится Богоматери. Указанные особенности иконы позволяют датировать ее временем после 1591 г. Но едва ли икону можно отнести и ко времени, более позднему, чем начало XVII в. Этому противоречит колорит памятника, особенно его клейм, выдержаных в розово-белых, по-особому просветленных тонах, навеянных в известной мере искусством великого Дионисия. И, наоборот, одежда Александра Невского в среднике выдержана в плотных коричнево-желтых тонах, свойственных русской живописи второй половины XVI в.^{122а}.

Нельзя не обратить внимание, что мастер, создавший эту икону, особенно обстоятельно изобразил события 1571 г. Они нашли свое отражение в пяти клеймах, где они как бы завершают всю икону (нижний ряд клейм). Этим Александр Невский как бы приближается к тому времени, современниками которого являлся и сам художник и первые зрители произведения.

Общеизвестны миниатюры Лицевого летописного свода второй половины XVI в., изображающие Невскую битву и Ледовое побоище. Они многократно воспроизводились в научных и популярных изданиях и изучались учеными. Поэтому здесь целесообразно привести лишь итоги их изучения.

Как теперь можно считать установленным, свод был создан между 1556—1585 гг.¹²³ Миниатюры, связанные с Александром Невским, содержатся в Лаптевском томе (1114—1252 гг.) в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде и в Остремановском томе (1253—1379 гг.), хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Они изображают главным образом батальные сцены. С особым вниманием художник отнесся к эпизодам Ледового побоища (Лаптевский том). Он изобразил ожидание Александром Невским врагов у Вороньего камня (л. 937), встречу русского и немецкого войск на льду Чудского озера (л. 937 об.), разгар побоища (л. 938), бегство рыцарей (л. 938 об.), встречу Александра Невского в Пскове после победы. Александр Невский изображен всюду как святой, с nimбом. В батальных сценах он на коне, до битвы — в торжественной княжеской одежде, во время битвы — в доспехах. Как это отметил А. В. Арциховский, русские изображены в островерхих шишаках, шведы и немцы — в сферических саладах. Интересно, что, начиная с миниатюр, посвященных Ледовому побоищу,

^{122а} Недавно Ю. К. Бегунов посвятил иконе статью: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в.— ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., 1966.

¹²³ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей М., 1965, стр. 103.

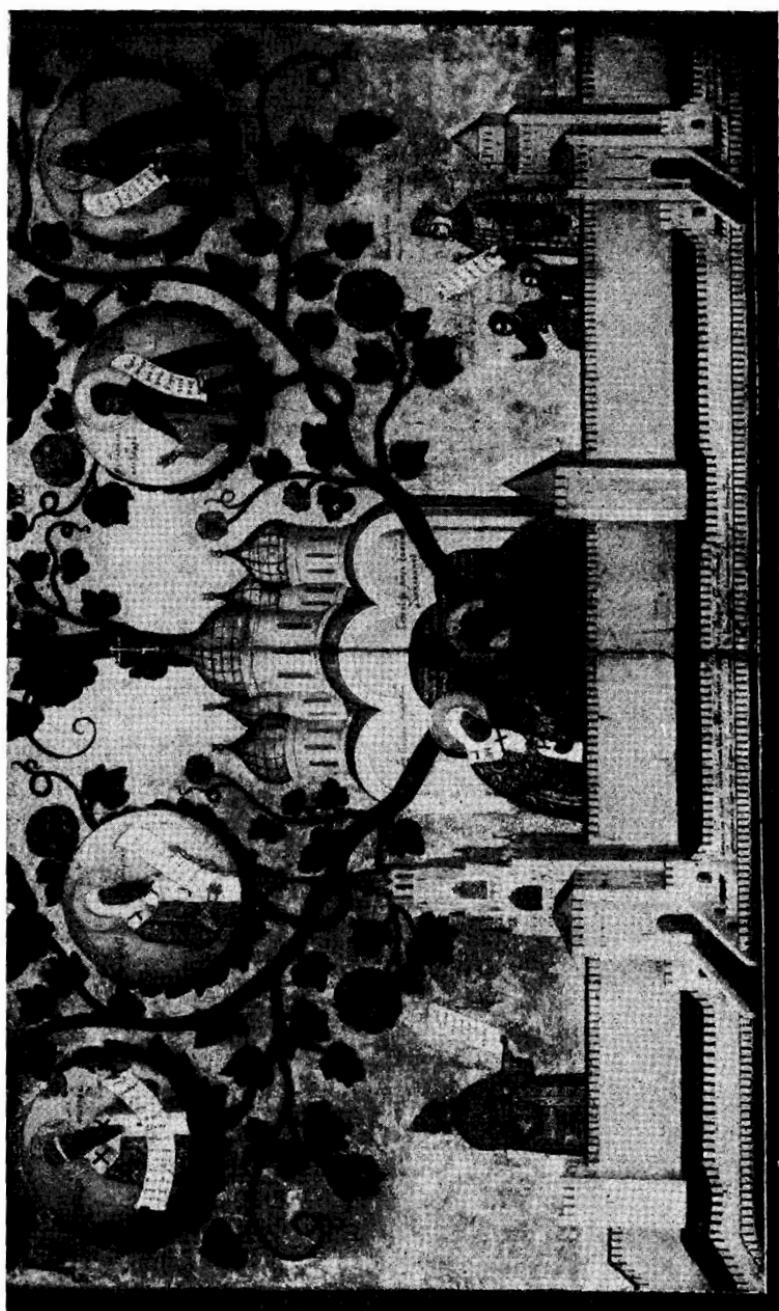

Рис. 3. Симон Ушаков. *Насаждение дерева государства Российского*, 1668 г. Фрагмент

(Государственная Третьяковская галерея)

Рис. 4. Александр Невский. Миниатюра конца XVII — начала XVIII в.
(Рукопись научной библиотеки МГУ им. А. М. Горького)

такого рода противопоставление выдержано и по отношению к другим эпизодам русско-немецких столкновений¹²⁴.

Несколько миниатюр в Лицевом своде посвящено государственной деятельности Александра Невского. На одной из них (Лаптевский том, л. 898) изображено вождение Александра Невского¹²⁵. Он сидит на престоле («столе»), в руке жезл, на голове шапка с опушкой. Интересно, что в верхнем левом углу помещено изображение киевского князя Владимира Святославича в царском венце, нимбе и, что очень примечательно, с таким же жезлом, как у Александра Невского. Александр Невский, таким образом, представлен на миниатюре как наследник власти Владимира Святого, стоящего во главе «степеней» царского родословия. В свою очередь через Александра Невского и московские князья являются наследниками его власти. Так, в книжной миниатюре, посвященной Александру Невскому, обращалась одна из ведущих идей его прославления в московской письменности. Не только в битвах, но и в делах правления князя Александра миниатюрист усматривал аналогии событий XVI в. На одной из миниатюр того же Лаптевского тома изображен суд Александра Невского в освобожденном им от немцев Копорье над предателями, которые тут же изображены повешенными¹²⁶. Александр Ярославич сидит на престоле на фоне храма удивительно напоминающего Кремлевский Успенский собор. Последнее обстоятельство свидетельствует о стремлении миниатюриста оправдать казни Ивана Грозного авторитетом святого князя и героя. Для Ивана Грозного это был довольно обычный прием. Напомним, что в первом послании Курбскому царь напоминает о жестоких казнях, совершившихся святыми царем Константином Великим и ярославским князем Федором Ростиславичем за «злолукавную измену» «И за святых почитаются», — восклицает торжествующе Иван Грозный¹²⁷.

Александр Невский как князь и государственный деятель трактуется и некоторыми русскими художниками XVII в. Как и мастера миниатюр лицевого свода, они были связаны с официальными заказами государственной важности: росписью Архангельского собора — усыпальницы великих князей и царей и «ТИтулярика», книги, сделанной для Посольского приказа и в его мастерской. В том и другом произведении такое изображение Александра Невского было связано с прославлением его именно как предка государей царских, среди которых Александр Невский занимал столь почетное место. Роспись Архангельского собора

¹²⁴ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 62.

¹²⁵ Миниатюра воспроизведена в указанном сочинении О. И. Подобедовой (стр. 281).

¹²⁶ Миниатюра воспроизведена в кн.: А. Нечволов. Сказания о Русской земле. Изд. 3-е, ч. II СПб., 1913, стр. 315.

¹²⁷ «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 81.

была исполнена в 1652—1666 гг. мастерами Симоном Ушаковым, Степаном Рязанцем, Яковом Рудаковым и Федором Зубовым. Изображение Александра Невского находится в первом ярусе северной стороны юго-западного столба собора¹²⁸. Он представлен мудрым старцем, убеленными сединами, в богатой княжеской одежде. В этом изображении мы не найдем ни малейшего намека на то, что он был полководец, а перед смертью принял схиму.

Соединение в изображении Александра Невского облика мудрого князя и полководца находим на фреске Вологодского софийского собора (северная сторона первого яруса юго-восточного столба), расписанного ярославским мастером Дмитрием Григорьевичем Плехановым в 1686—1688 гг. Александр Невский изображен на этой фреске как мудрый князь с мечом в руках.

Очень близко по характеру и изображение в Титулярнике (1672 г.)¹²⁹, только там на лице князя лежит печать большой усталости,—усталости человека, который, по словам I Новгородской летописи, «много потрудился за Русскую Землю».

Как можно было видеть, образ Александра Невского проходит через всю древнерусскую письменность, находит отражение в древнерусском искусстве. В каждую эпоху в Александре Невском видели свое знамя в соответствии с задачами, стоявшими перед русским государством,—настолько многогранен был этот образ: полководец, государственный деятель, князь-схимник—вот основные аспекты его восприятия в Древней Руси. Причем до XVI в. можно наметить как бы две разные традиции в памяти об Александре Невском: новгородско-псковскую, видевшую в Александре Невском прежде всего князя-полководца, и владимирскую, согласно которой Александр Невский воспринимался в первую очередь как князь-монах. В общерусском почитании Александра Невского, начавшемся официально с 1547 г., виден синтез этих двух тенденций с тем важным добавлением к ним, что Александр Невский предстает в памятниках публицистики и историографии Русского централизованного государства и как мудрый правитель, родоначальник московских государей, их покровитель, мысль о чем зародилась еще в Московском княжестве XIV в.

Каждое из важнейших внешнеполитических событий в то же время как бы поворачивало образ Александра Невского разными его сторонами. Так, в годы войны с Орденом и Ливонской войны об Александре Невском вспоминают как о победителе над немцами; в период борьбы с татарским игом он воспринимается как знамя этой борьбы; Северная война со Швецией воскрешает в памяти Невскую битву 1240 г.

¹²⁸ Воспроизведение в цвете см. в кн.: О. В. Зонов. Художественные сокровища Московского Кремля. М., 1964 г.

¹²⁹ Воспроизведение см.: «Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г.». СПб., 1903, стр. 17.

Г. Э. Санчук

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИДЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО «ДРАНГ НАХ ОСТЕН» В РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Для современной историографии по вопросу немецко-славянских отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) характерно наличие двух противоположных тенденций. Марксистская историография (советская, польская, чешская, немецкая) интенсивно разрабатывает вопросы генезиса раннеславянских государств, ставит и решает задачу материалистического освещения их истории и в том числе проблемы немецко-славянских отношений. Буржуазная историография (западнонемецкая, французская, английская) подходит к данной проблеме с идеалистических позиций. Для подавляющего большинства ее представителей характерен тенденциозный, идеалистический подход к этим вопросам. Особенную остроту данной проблеме придает активизация западногерманского острофоршунга в послевоенный период¹.

В послевоенной западнонемецкой историографии наметился пересмотр некоторых вопросов из истории западнославянских народов раннефеодального периода. Так, например, при изучении истории полабо-прибалтийских славян некоторые историки пытаются отойти от традиционного освещения этой проблемы, характерного для реакционного направления. Некоторые историки выдвигают на первый план вопрос об изучении внутреннего устройства славянских племен². Другие ставят

¹ M. P. Тульчинский. Адвокаты реванша. М., 1963, стр. 5; L. Stern. Die Klerikalimperialistische Abendlandideologie in Dienste des deutschen Imperialismus.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», H. 2, 1962, S. 386, ff. (далее — «ZfG»); F. H. Gentzen, I. Kalisch, G. Voigt, R. Wolfgang. «Die Ostforschung» — ein Stoßtrupp des deutschen Imperialismus.— «ZfG», H. 6, 1958, S. 1205, ff.

² Характерен в этом отношении сборник статей «Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder». Gießen, 1960. Ср. также работы:

проблему пересмотра традиционной концепции истории Европы, согласно которой игнорировалось развитие славянских народов в ходе общеевропейского исторического развития. Пытаясь учесть результаты исследования польской и чешской историографии послевоенного периода, эти авторы выдвигают тезис о необходимости сравнительно-исторического изучения славянских народов и немецко-славянских отношений³. Несмотря на явную непоследовательность в освещении названных проблем⁴, новая постановка вопроса этими исследователями представляется нам перспективной, так как открывает возможность для научной дискуссии. Отход от некоторых точек зрения традиционной буржуазной историографии по вопросу роли славян в общеевропейском историческом процессе безусловно имеет историографическое значение. Тем не менее даже указанные авторы далеки еще от вполне объективных выводов, пересмотр ими традиционных идеалистических и реакционных концепций увенчался пока что лишь отказом от некоторых антиисторических положений. Наряду с этим (и для нас это представляется еще более важным) многие ведущие представители западнонемецкой медиевистики, такие, например, как Т. Мейер и Г. Аубин⁵, известные своими работами еще по до военному периоду, продолжают отстаивать по вопросам немецко-славянских отношений раннефеодального периода великодержавную немецкую историческую концепцию. Проблему раннефеодального немецкого государства, Немецкой империи и отношения последней к славянским народам они освещают с

W. Brüske. Untersuchungen zur Geschichte des Lutizenbundes.—«Mitteldeutschen Forschungen», Bd. 3. Münster—Köln, 1955; W. Fritze. Beobachtung zur Entstehung und Wesen des Lutizenbundes.—«Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands», 1959. О попытке этих историков отойти от шовинистических взглядов немецкой историографии см.: «Deutschland in der Feudalperiode von der Wende des 5/6 Jhg. bis zur Mitte des XI Jhg.»—«Lehrbuch der deutschen Geschichte (Beiträge)» 2/2. Berlin, 1963, S. 171, 275 (далее—«Lehrbuch 2/2»).

³ Характерны в этом отношении работы гиссенского профессора Г. Людата. H. Ludat. Die Slaven und das Mittelalter.—«Die Welt als Geschichte», N 12, 1952, S. 60, ff.; H. Ludat. Vorstufen und Entstehung des Stadtwesens in Osteuropa. Köln—Bransfeld, 1955, S. 7, ff. Ср.: Г. Э. Санчук. Империя и чешско-немецкие отношения в западнонемецкой историографии послевоенного времени.—«Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965, стр. 147 и сл. Об учете результатов исследований польских историков со стороны Г. Людата см.: J. Błapka c k. «Zur Frühgeschichte der feudalen Staaten auf westslawischen Boden».—«Wiissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Leipzig», Jhg. 5, 1957/58, N. 1/2, S. 154.

⁴ Об этом подробнее Г. Э. Санчук. Указ. соч., стр. 149.

⁵ В данной связи особенно надо отметить следующие работы авторов: Theodor Mayerg. Die Ausbildung der Grundlagen des modernen deutschen Staates in hohen Mittelalter.—«Historische Zeitschrift», 1939, Bd. 159, N. 3 (далее—«H. Z.»); он же. Deutschland und Europa, 1940; Herman Aubin. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches. Leipzig, 1938; он же; Zur Erforschung der deutschen Ostbewegung. Leipzig, 1939.

точки зрения апологии имперского немецкого универсализма X—XII вв.⁶ На указанной концепции основаны современные «теории», призванные обосновать закономерность немецкого «Дранг нах Остен» в раннефеодальный период. Следует обратить внимание на наиболее характерные из этих «теорий».

1. Особое место в современной западногерманской медиевистике занимает «теория» о «едином средневековом Западе». Наиболее видными и последовательными ее выразителями являются Г. Аубин⁷, Г. Мейер⁸, В. Гольцманн⁹. Существо идеалистической концепции «Запада» сводится к тому, что исторический факт разделения Римской империи на западную и восточную, факт проникновения германцев в западноримское государство и, наконец, имевший место синтез между элементами романской и германской культуры в период раннего феодализма, выразившийся, в частности, в распространении католической веры, представляется буржуазными историками как проявление особой культуры «германо-романского Запада». «Западному миру» при этом приписывается постоянное политическое, идеологическое, историческое и культурное единство, решающее превосходство и духовносозидающая сила в процессе формирования всех человеческих ценностей, определяющее воздействие на формирование современной культуры. Единство «Западного мира» мотивируется традицией, идущей от мировой римской державы и освященной идеей христианства. «Западу» противопоставляется «восточная сфера», истоки которой относятся к Византии и «азиатскому влиянию». Понятие «Запад» мистифицируется, переносится в область метафизики, поскольку речь идет о существовании якобы абстрактной «европейской идеи», «европейской души», «единых европейских

⁶ Из послевоенных работ упомянутых авторов весьма примечательны Т. М ау е г. *Grösse und Untergang des heiligen Reiches*. — «H. Z.», Bd. 178, 1954; он же. *Königsfreie des Staat des frühen Mittelalter Linden und Konstanz*. 1955; он же. *Böhmen und Europa. Bohemia. Jahrbuch des Collegium Carolinum*, Bd. 1. München, 1960, S. 9—11. Для Г. Аубина характерно прежде всего переиздание им довоенной работы: Н. A u b i n. *Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches*. Würzburg, 1959. Еще более последовательно автор развивает свои взгляды в новых работах. См.: Н. A u b i n. *Der deutschen Osten und des Abendland*. München, 1953; он же. Otto der Große und die Erneuerung des abendländischen Kaisertums in Jahre 962. — «*Studien zum Geschichtsbild*», H. 9. Göttingen, 1962. Критику взглядов названных авторов в послевоенный период см.: А. И. Данилов. Современное состояние немецкой буржуазной историографии раннего средневековья. См.: «Средние века», вып. V. M., 1954, стр. 355 и сл.

⁷ См. работы Г. Аубина, указанные в сноска 6; см. также: Н. A u b i n *Der Aufbau des Abendlands im Mittelalter. Grundlagen—Strömungen—Wandlung*. — «H. Z.», Bd. 187, H. 2, 1959, S. 200, ff.

⁸ См. сноска 6.

⁹ W. Holtzmann. *Imperium und Nationen*. — «*Relazioni del X Congresso Internationale delle Scienze Storiche*», v. III. Firenze, 1955, p. 281.

норм»¹⁰. Апологеты абстрактной идеи «средневекового Запада» реконструируют историю раннего средневековья в таком виде, который должен утвердить веру в будущее капиталистического общества: преемственность идеи христианского западного «культурного цикла» представляется залогом незыблемости капиталистической Европы. Согласно Г. Аубину, «Запад», «несмотря на все изменения, происходившие на протяжении времени, остается и по сей день ведущей исторической величиной»¹¹. «Западу» приписывается «великое сознание ответственности за народы всей земли и за ее историю»¹². Эта реакционная теория «Запада» кладется в основу объяснения немецко-славянских отношений раннефеодального периода. Немецкая империя X—XII вв. рассматривается как выражение единства раннесредневекового «Запада», в основе которого, как утверждают авторы, лежала религиозная вера¹³.

Раннефеодальное Немецкое государство X—XII вв. изображается как образец гармонии, а власть немецкого императора наделяется функцией высшего суверенитета над всеми государствами Европы¹⁴. Отсюда делается вывод: религиозно-политический идеал мировой имперской власти должен оправдать порабощение славянских народов, это порабощение изображается как великое культурное благодеяние для славянских народов, как фактор, ускоривший их развитие.

¹⁰ Указанные выше положения развиваются в своих работах Г. Аубин, Т. Майер, В. Гольцманн. См. сноски 6, 7, 9. Особенно четко тезис о «европейской идее», «единых европейских нормах» и прочем сформулировал Ф. Геер (см.: F. Heer, *Anfang Europas. Eine Studie zu den Zusammenhängen zwischen Religiosität, Frömmigkeitsstil und den Werden Europas im XII Jahrhundert*. Stuttgart, 1949; он же. *Die Tragödie des heiligen Reiches*. Stuttgart, 1952). Марксистскую критику теории «средневекового Запада» («Абендлянда») см. в работах советских историков. Развернутая критика этой теории содержится в работах немецких историков-марксистов (см. В. Töpfer. *Das Abendland in der mittelalterlichen Geschichte*.—«Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin-Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reiche», Jhg. IX. 1959/60, N 1/2, S. 89, ff.; Theodor Büttner. «Abendland». Ideologie und Neo-Karolingertum im Dienste der Adenauer C.D.U.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Jhg. VII, 1959, H. 8, S. 1808, ff (далее—«ZfG»); Leo Stern. Die klerikal-imperialistische Abendlandideologie in Dienste des deutschen Imperialismus.—«ZfG», Jhg. X, 1962, H. 2, S. 287, ff. А также в работепольского историка-марксиста И. Башкевича. См.: J. Baszkieiewicz. Uwagi o uniwersalizmie i Koncepcji suwerenności państwowowej feudalnej teorii politycznej (do pocz. XIV wieku). Cz. I.—«Czasopismo prawnohistoriczne», t. VII, z. 2. Warszawa, 1955, str. 9 (далее—J. Baszkieiewicz. cz. I); «Czasopismo prawnohistoryczne», t. VIII, z. 1, 1956, str. 9 (далее—J. Baszkieiewicz, cz. II).

¹¹ H. Aubin. Die Aufbau des Abendlandes im Mittelalter. Grundlagen—Strömungen—Wandlungen.—«H. Z.», Bd. 187, H. 2, 1959, S. 200.

¹² W. Stählin. Die christliche Grundlage des Abendlandes.—«Neues Abendland», 1952, H. 11, S. 641 (ср. Т. Büttner. Указ. соч., стр. 1811).

¹³ W. Holtzman n. п. Указ. соч., стр. 281.

¹⁴ Там же, стр. 279.

2. Другой разновидностью фальсификации истории немецко-славянских отношений раннефеодального периода можно считать так называемую «теорию» об общей судьбе западнославянских народов с «немецким миром»¹⁵. Согласно одному из выразителей этой теории — Ф. Гансе, «немцы» включили, например, полабских и прибалтийских славян в «Западный культурный мир» по добровольному согласию этих народов. Западные славяне якобы чувствовали «общность судьбы» с «немецким миром», и это присоединение их к немцам объединило западных славян и немцев в немецко-западнославянский оборонительный союз против мнимого общего врага — восточных славян, которые якобы и представляли угрозу с востока... «Западу! Только этот «оборонительный фронт», по словам автора, преградил впоследствии путь «продвижению русских на Запад»¹⁶. Эта концепция немецко-славянских отношений раннефеодального периода шита белыми нитками: она призвана исторически «обосновать» мнимую «извечную противоположность» западных и восточных славян, а теперь — европейских стран народной демократии Советскому Союзу¹⁷.

3. Одним из «оправданий» феодального «Дранг нах Остен» в раннефеодальный период призвана в современной западнонемецкой историографии сыграть теория «священной монархии» — концепция, которую наиболее последовательно развивают, например, П. Шрам¹⁸, Ф. Геер¹⁹ и др. Эта идея лежит в основе одного из самых распространенных в настоящее время учебных пособий ФРГ²⁰. По этой «теории» возникновение и развитие «немецкого государства» объясняется религиозными верованиями людей того времени. Европеец X—XI вв. был якобы убежден в божественном происхождении и характере королевской власти. Немецкое государство было якобы священным королевством (*Sakralkönigtum*). В немецком обществе X—XI вв. на основе культа «священного короля» как бы утвердилось теократическое представление о государственной власти. Немецкая империя Оттонов действительно, как говорят эти авторы, была священной, по своей природе она была теократическим государством. Теория о «священном королевстве» появилась впервые еще в работах не-

¹⁵ H. A u b i n. Die Ostgrenze des alten deutschen Reichen. Würzburg, 1959, S. 15; W. Holtzman n. Указ. соч., стр. 286.

¹⁶ F. G a n s e. Deutsch-slavische Schicksalgemeinschaft. Abriss einer Geschichte Ostdeutschlands und seiner Nachbarländer. Mainz, 1953, S. 5, ff.

¹⁷ Ср. критику этого взгляда в работе немецких историков-марксистов. См.: «Lehrbuch, 2/2», S. 171.

¹⁸ P. E. S c h r a m m. Die Geschichte des mittelalterlichen Herrschentums im Lichte der Herrschaftszeichen.—«H. Z.», Bd. 178, H. 1. München, 1954, S. 1, ff.

¹⁹ F. Heer. Die Tragödie des heiligen Reiches. Stuttgart, 1952, S. 15, ff.

²⁰ B. G e b h a r d t. Handbuch der deutschen Geschichte, B. I. Frühzeit und Mittelalter. Stuttgart, 1954.

мецкого историка Ф. Керна²¹ и получила особое развитие в работах О. Гефлера при нацистах²². Теперь в работах западнонемецких историков подчеркивается особая роль «священного немецкого королевства», особая роль его для христианского мира. Именно «немцы» явились будто бы создателями «священного королевства» и поэтому оказались выше других народов. Теория «священного немецкого королевства» пытается оправдать феодальный немецкий «Дранг нах Остен» раннефеодального периода²³. Эта «теория» пытается снять проблему классового анализа немецко-славянских отношений X—XII вв.

4. Следует, наконец, остановиться на весьма характерной трактовке немецко-славянских отношений раннефеодального периода, представленной «новой» теорией о «мирном восточном движении», которую наиболее пристранно изложил В. Шлезингер²⁴. Он также отталкивается от идеи «Запада», однако в отличие от своих предшественников заявляет о своем несогласии с некоторыми тезисами открытого реваншистского направления. Учитывая результаты исследований марксистских советских, польских и чешских историков, автор пытается более завуалированно трактовать некоторые вопросы, он даже критикует взгляды тех буржуазных историков, которые смотрели на славянские народы X—XII вв. как на «бескультурные». Автор отрицает пресловутый тезис о том, что раннефеодальный немецкий «Дранг нах Остен» проходил в «культурном вакуме» или «пустом пространстве»²⁵. К немецко-славянским отношениям X—XII вв. не-приемлемо, по мнению Шлезингера, и представление о «великом подвиге» немецкого народа в деле колонизации славянских стран. Известно, что тезис о «великом культурном подвиге» немцев защищают современные западнонемецкие историки²⁶, повто-

²¹ F. Kergn. Recht und Verfassung im Mittelalter.—«H. Z.», Bd. 120, H. 1, 1919; он же. Der deutsche Staat und die Politik des Römerzeuges.—«Aus Politik und Geschichte», 1928.

²² H. Höfler. Das germanische Kontinuitätsproblem.—«H. Z.», Bd. 151, H. 1, 1937. Ср.: Н. Ф. Колесниченко. Исследование по истории феодального государства в Германии. М., 1959, стр. 56.

²³ Немецкий историк-марксист Готфрид Кох убедительно показал, что «теория священного королевства» в издании современных западнонемецких историков является в значительной степени возвратом к католической реставраторской идеи «Запада» и великодержавным воззрениям истории второй половины XIX в. Ю. Фикера и к нацистским мистификациям 30—40-х годов XX в. (см.: Gottfrid Koch. Die mittelalterliche Kaiserpolitik im Spiegel der bürgerlichen deutschen Historiographie des XIX und XX Jahrhunderts.—«ZfG», Jhg. X, 1962, H. 8, S. 1838, ff.).

²⁴ W. Schlesinger. Die geschichtliche Stellung der mittelalterlichen deutschen Ostbewegung.—«H. Z.», 1957, S. 50, ff.

²⁵ Такой тезис особенно четко проведен в работах: Н. Aubin. Die Ostgrenze des alten deutschen Reiches. Darmstadt, 1959, S. 5, ff.; T. Mayer Größte und Untergang des heiligen Reiches.—«H. Z.», Bd. 178, 1954, H. 3, S. 480, ff.

²⁶ W. Holtzmann. Imperium und Nationen, S. 284.

ря традиционную теорию немецкой буржуазной историографии²⁷. Согласно В. Шлезингеру, «восточное движение немцев», как он именует раннефеодальный немецкий «Дранг нах Остен», по существу сводилось лишь к поселению немецких крестьян и горожан на славянских землях, причем, что самое главное, по его мнению, поселение это происходило по приглашению самих славянских князей и королей, по приглашению самого славянского народа²⁸. «Восточное немецкое движение» было якобы лишено элементов насилия и завоевания. Тезис сам по себе тоже не новый в немецкой буржуазной историографии. Новое — в попытке объяснить это явление. Согласно концепции В. Шлезингера, «восточное немецкое движение» было обусловлено «промежуточным положением» немецкого народа между «Западом» и «Востоком», историческая обусловленность «восточного немецкого движения» заключалась-де в существовании исконной так называемой западновосточной культурной покатости (*westöstlichen Kulturgefälles*) в Европе, в силу которой степень культуры и общественного развития в Европе уменьшалась якобы с запада на восток, и поэтому славянские народы «естественно» оказывались культурно менее развитыми, чем немцы²⁹. «Немецкое восточное движение», т. е. то, что мы понимаем под «Дранг нах Остен» раннефеодального периода, по мнению Шлезингера, несло в славянские земли X—XII вв. «западные конституционные правовые и экономические нормы», оно преодолевало эту отсталость, выравнивало «культурную покатость» и в конечном итоге приводило славянские народы к экономическому и культурному расцвету. «Среднеевропейский восток» в результате «немецкого восточного движения» стал как бы «интегральной частью Запада», какой, по Шлезингеру, является реальным понятием исторического и политического единства народов высшей культуры. Величайшее историческое значение «немецкого восточного движения» по этой теории в том, что оно превратило западнославянские народы — чехов и поляков — в «интегральную часть Западного мира», образовав в «Культурной западновосточной покатости» так называемую Европейскую середину, которая придала стабильность всей Европе. Как было замечено немецкими историками-марксистами, В. Шлезингер «пытается критиковать некоторые тезисы о феодальной немецкой экспансии — с тем, чтобы протащить их через заднюю дверь в новой одежде, соответствующей актуальным политическим требованиям западногерманской буржуазии»³⁰. Следует подчеркнуть, что теория В. Шлезингера не соответствует историческим фактам и по существу свое-

²⁷ A. Dopsch. Der deutsche Staat des Mittelalters. Das Mittelalter im Einzeldarstellung. Wien, 1930, S. 230.

²⁸ W. Schlesinger. Указ. соч., стр. 5.

²⁹ Там же, стр. 60.

³⁰ «Lehrbuch 2/2», стр. 171.

му реакционна³¹. Тезис В. Шлезингера о том, что в основе так называемого «немецкого восточного движения» было мирное заселение славянских земель немецкими крестьянами, что движение это якобы ничего общего не имеет с понятием «восточная экспансия», — не соответствует историческим фактам. Марксистская историческая наука показала, что территория славян за-воевывалась немцами, а немецкая колонизация сопровождалась порабощением и онемечиванием славянского населения³². Известно, что процесс продвижения немецких феодалов в славянские земли сопровождался применением силы, жестоких мер выселения коренного населения в менее благоприятные по естественным условиям места, германизацией оставшегося населения³³. Несостоятельной является попытка В. Шлезингера приписать ведущую роль в «восточном немецком движении» немецким крестьянам и снять вопрос о социальном, классовом существе раннефеодального немецкого «Дранг нах Остен». Марксистская историография показала, что немецкие феодалы и патриции в своем продвижении в славянские земли вели себя как колонизаторы³⁴. Исторические факты не подтверждают гипотезы В. Шлезингера о существовании пресловутой «Западно-восточной культурной покатости», обусловившей якобы в раннефеодальный период (Х—XII вв.) отсталость славянских народов по сравнению с Германией^{34а}. Такой взгляд упрощает исторический процесс и в конечном счете его искаивает.

Бытующие в современной буржуазной историографии теории, призванные «объяснить» немецко-славянские отношения в

³¹ На реакционный характер «теории Шлезингера» в связи с критикой теории «священного королевства» в советской историографии особое внимание обратил Н. Ф. Колесницкий («Исследование...», стр. 54).

³² Это показали прежде всего советские историки. См.: Н. С. Державин. Вековая борьба славян против немецких захватчиков. М., 1943; «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». М., 1944; Н. П. Грацианский. Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу.—«Уч. зап. Моск. гос. ун-та», вып. 18. М., 1945, стр. 134; А. И. Неусыхин. Исторический миф третьей империи.—«Ученые записки Моск. гос. ун-та», вып. 18. М., 1945, стр. 18; Н. Ф. Колесницкий. Исследование.., стр. 183; J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. I, стр. 11. С критикой указанного тезиса Шлезингера выступила Ингрид Хагемани (см.: Ingrid Hagemann. Die Mittelalterliche deutsche Ostexpansion und die adenauische Außenpolitik.—«ZfG», Jhg. VI, 1958, N. 4. S. 797, ff.).

³³ См. соответствующие разделы в издании «Очерки истории СССР» (М., 1958), в коллективных трудах «История Польши» (т. I. М., 1956), «История Чехословакии» (т. I, 1956); см.: Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. и его результаты.—«Вопросы истории», 1946, № 2-3; J. Hagemann. Указ. соч., стр. 804.

³⁴ G. Labuda. Walter Schlesinger. Die Geschichtliche Stellung der mittelalterlichen deutschen Ostbewegung.—«Przegląd zachodni», R.XIV, 1958, N 1, str. 186.

^{34а} Достаточно указать на многие марксистские работы, посвященные социально-экономической истории славянских народов раннефеодального периода. Наиболее примечательной в этом отношении является работа историка-марксиста из ГДР Бранкача по истории полабских славян X—XIII в.

период раннего феодализма, точнее говоря,— оправдать немецкий феодальный «Дранг нах Остен» X—XII вв., исходят из идеализации Немецкой империи, из тенденциозной трактовки той идеологической программы, которая лежала в основе феодальной немецкой восточной экспансии того времени. Исходным моментом в данном случае является идеалистическое объяснение причин образования империи Оттонов X в. Эти причины усматриваются в возвышенных государственных и религиозных идеях, которыми якобы руководствовались германские феодалы и короли³⁵. Последние устремились в X в. в Италию и захватили Рим как бы во имя идеи империи Карла Великого, во имя образования «универсального государства»³⁶. Вся последующая внешняя политика раннефеодального немецкого государства и прежде всего немецко-славянские отношения этого времени оправдываются той концепцией имперского универсализма, которую взяли на вооружение немецкие короли в X—XII вв.

В чем же существо концепции немецкого феодального имперского универсализма и в чем тенденциозность его трактовки современными буржуазными учеными?

Имперская теория, начавшая формироваться при Оттонах в X в., испытала эволюцию на протяжении X—XIII вв.; она принимала различный вид при различных династиях немецких императоров — при Оттонах, при Салической династии, при Штауфенах³⁷. Выяснение специфики идеологии имперского универсализма на каждом из исторических этапов не исследовано еще полностью, и анализ ее составляет одну из задач марксистской медиевистики³⁸. Историки, однако, имеют вполне четкое представление о тех идейных источках, которые питали концепцию имперского универсализма уже в X в., и о тех классических формах, в которые она вылилась. Согласно концепции имперского универсализма в ее завершенной форме, известной при императоре Фридрихе II и Генрихе VII, немецкие короли, получившие титул римского императора, трактовались господами мира (*domini mundi*), которым должны подчиняться все государства (*omnia regna*) и все люди (*omnia anima*)³⁹. Под «всем миром»

³⁵ Об этом подробнее см.: Н. Ф. Колесницикий. Священная Римская империя в освещении современной западногерманской историографии.— «С. В.», вып. XIV. М., 1959, стр. 154 и сл.

³⁶ Эта концепция проходит через все буржуазные немецкие работы, посвященные данному вопросу. Наиболее сжато и последовательно она сформулирована в обобщающих работах. См., например: R. Holtzman p. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit. Berlin, 1962, S. 6, ff.

³⁷ Об этом подробнее см.: J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. I, стр. 9 и сл.; ч. II, стр. 10.

³⁸ На это обратил внимание польский медиевист И. Башкевич (см.: J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. II, стр. 15).

³⁹ Об этом подробнее, со ссылками на литературу и источник см.: J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. II, стр. 20.

понималась территория древней Римской империи — так называемый *orbis Romanus*, дополненная территориями славянских народов. Концепцию имперского Универсализма в ее развитом виде ее апологеты пытались подкрепить различными аргументами: цитатами из Библии, нормами римского права, античными реминисценциями⁴⁰. Нас в данном случае интересуют исходные идейные истоки концепции немецкого имперского универсализма, их классовое существо и значение их в формировании идеологической основы раннефеодального немецкого «Дранг нах Остен».

Следует прежде всего отметить, что уже с момента образования немецкой империи немецкие феодалы стремились обосновать свои экспансионистские планы с помощью религии. Немецкий император изображался как глава христианства, как божий наместник на земле. Бог один, *Respublica christianum* в смысле «божьего государства» Августина (*civitas Dei*) — едина, поэтому император один. Империя понимается как божий порядок на земле, причем на первом этапе, при Оттонах, универсализм связывается с универсализмом церкви: на этом этапе папство играет активную роль в возрождении имперского универсализма. Следствием религиозного характера имперской теории явилась идея об особой миссии империи, идея защиты церкви⁴¹. Эта идея призвана была освятить немецкую феодальную экспансию не только в Италии, но прежде всего в славянских землях.

Другим исходным идеологическим постулатом имперского универсализма Оттонов явилась теория так называемого переходения римской империи, что в латинской форме звучало как *«translatio imperii Romani»* — акт имперской коронации Оттона I в 962 г. (как и акт коронации Карла Великого в 800 г.), который представлялся как передача наследства Римской империи «от греков к германцам»⁴². Эти элементы немецкого имперского универсализма, нашедшие выражение у различных идеологов господствующего феодального класса и государства X—XII вв., буржуазные историки считают главной причиной образования немецкой империи и оправданием ее внешней, прежде всего восточной, политики⁴³. Идея единства христианской церкви и идея мировой Римской империи,— утверждают эти историки,— воодушевляли немецких феодалов и королей в их политике, ибо только немецкий народ призван был осущес-

⁴⁰ Об этом подробнее см.: J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. II, стр. 9.

⁴¹ B. Elisabeth. Politische Begriffe und Gedanken sächsischer Geschichtsschreiber Ottotonenzeit. Münster, 1948, S. 5, ff.

⁴² Об этом подробнее см.: P. E. Schramm. Kaiser, Rom und Renovatio, B. I. Leipzig, 1929, S. 127.

⁴³ Такая точка зрения пронизывает многие работы немецких буржуазных историков довоенного и послевоенного периода. Помимо названных (см. сноски 6, 7, 9), весьма характерны работы довоенного историка Бракманна (см.: A. Brackmann. Gesammelte Aufsätze. Weimar, 1941, S. 188, ff.).

вить эти идеи. Поэтому восточная политика Оттонов представляется как претворение религиозно-политического идеала мировой имперской власти, а порабощение славянских народов как великое культурное благодеяние. Классическую формулировку этот тезис получил в докладе Вальтера Гольцмана на X конгрессе историков в Риме в 1955 г.: «Оттоны выполняли здесь великую культурную миссию, хотя и пользовались средствами, не одобряемыми нашей гуманистической эпохой»⁴⁴.

Тенденциозность трактовки концепции немецкого имперского универсализма буржуазными историками состоит в том, что, не давая объяснения внутренних, социально-экономических причин возникновения концепции, они саму идею имперского универсализма провозглашают причиной и оправданием немецкой феодальной экспансии X—XII вв. Согласно буржуазным ученым, в основе образования феодальной империи Оттонов и ее внешней политики лежали не материальные предпосылки, а идея единства христианской церкви и мировой империи⁴⁵.

Марксистская историография принципиально расходится с такой точкой зрения. Советские, польские, немецкие историки-марксисты сделали большой вклад в изучение данной проблемы. Одной из попыток объяснения данного исторического явления на основе исторического материализма является широко аргументированный взгляд советского медиевиста А. И. Неусыхина, показавшего, что империя Оттонов «родилась из недр незрелого германского феодализма»⁴⁶. Он же дал впервые анализ социально-экономических предпосылок формирования идеологической программы немецкой феодальной агрессии в виде так называемого имперского немецкого универсализма. Социальные корни экспансии первых немецких королей, как полагает автор, крылись в незавершенности процесса феодализации, в том, что процесс поглощения мелкой земельной немецкой собственности крупным вотчинником не привел к полному исчезновению свободных землевладельцев⁴⁷. В силу большого удельного веса аллодиальных владений и недостаточного развития ленной системы королевская власть в Германии X в. смогла опереться на слой аллодистов, превращая их в своих вассалов и наделяя их бенефициями. Экспансионистская программа немецкого имперского универсализма, по Неусыхину, покоялась «на той же социальной базе, что и завоевательная политика первых Каролин-

⁴⁴ R. Holtzman p. *Imperium und Nationen*, S. 285.

⁴⁵ R. Holtzman p. *Geschichte der sächsischen Kaiserzeit*, S. 10, ff. Из очень большого количества работ буржуазных ученых в этом аспекте особенно характерна: R. Holtzman p. *Der Weltherrschaftsgedanke des mittelalterlichen Kaisertums und die Souveränität der europäischen Staaten*.—«H. Z.», B. 159, N. 2, S. 251, ff.

⁴⁶ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 11.

⁴⁷ Там же, стр. 20.

гов,— на тенденции королевских вассалов, одаряемых земельными пожалованиями, к расширению своих земельных владений путем военных захватов»⁴⁸. Точку зрения А. И. Неусыхина на социальную основу имперского универсализма X в. разделил немецкий историк Мюллер-Мертенс⁴⁹.

Марксистский подход к проблеме формирования идеологии имперского универсализма разделяет историк из ГДР Ч. Бартмусс, посвятивший этому вопросу ряд интересных статей. Обратив внимание на дискуссионность тезиса о завершенности процесса феодализации в некоторых частях Германии X в. (особенно в Саксонии), он особое внимание обратил на значение внутрифеодальной борьбы для усиления королевской власти и для роста ее внешних экспансионистских устремлений⁵⁰. Проблема материалистического освещения предпосылок имперского универсализма X в. ждет еще детального исследования. Принципиальное значение имеет, однако, то, что историки-марксисты основывают свое исследование на посылках, методологически противоположных тем, которые мы наблюдаем у буржуазных историков. Только на марксистской основе можно понять и так называемую епископальную систему Оттона I, которая по существу создала опору немецкой королевской власти в церковных феодалах.

Эта система была порождена также особенностью немецкого феодального государства (наличие сильных герцогств), она нуждалась в санкции папы, что и послужило важным мотивом вмешательства немецких королей в итальянские дела. К этому присоединились торговые и земельные интересы немецких феодалов в Италии^{50a}. Стремление к Риму, к захвату имперской короны со стороны немецких королей, желание, наконец, повысить свой феодальный титул и санкционировать затем имперской короной феодальную агрессию — вот истинные мотивы имперских планов господствующего феодального класса Немецкого государства X в. Таким образом объяснение образования Немецкой империи X в. и особой агрессивности немецкого феодального государства того времени следует искать не в религиозно-политических идеях имперского универсализма, как это делают буржуазные историки, а в социально-экономических особенностях развития немецкого государства раннефеодального периода.

Историки-марксисты обращают также внимание и на своеобразие международной обстановки и специфику развития со-

⁴⁸ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁹ E. Müller-Mertens. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955, S. 35.

⁵⁰ Hans Joachim Bartmuss. Ursachen und Triebkräfte im Entstehungsprozeß des frühfeudalen deutschen Staates.— «ZfG», Jhg. X, 1962; «H. Z.», 1956; он же. Die Entstehung des ersten selbstständigen Staates auf deutschen Boden.— «ZfG», Jhg. X, 1962, S. 359, ff.

^{50a} А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 41.

сёдних с Германией стран того времени. Именно на эту сторону проблемы обратил внимание советский историк Н. Ф. Колесницкий. Разделяя в основном тезис А. И. Неусыхина относительно значения внутренних предпосылок образования империи Оттонов, автор отметил, что международная обстановка содействовала политике германских королей (отсутствие внешней угрозы с Запада, со стороны Франции, благоприятная обстановка для вторжения в Италию и пр.)⁵¹.

Классовую природу немецкого имперского универсализма X—XII вв. особенно удачно, на наш взгляд, охарактеризовал польский историк Башкевич. Он подчеркнул, что программа имперского универсализма явилась юридической формой, мотивированной и идеологическим выражением немецкой феодальной агрессии, она служила политике немецких феодалов на территории Италии и в славянских странах, она санкционировала вмешательство в дела европейских государств.⁵²

Причину столь больших размеров немецкой феодальной агрессии, в частности феодального немецкого «Дранг нах Остен» X—XII вв., следует искать в объективном экономическом законе феодальной формации, который толкал немецких феодалов к постоянному увеличению своих владений, к увеличению своей власти над все большим количеством феодально зависимых крестьян и порабощенного населения. Особенность исторического развития Германии X—XII вв. состояла в том, что немецкие феодалы пытались решить указанную выше проблему в первую очередь путем внешней экспансионистской политики по отношению к славянским странам.

Из краткого обзора различных точек зрения на немецко-славянские отношения раннефеодального периода можно сделать вывод, во-первых, о настоятельной необходимости критического подхода к буржуазной историографии послевоенного периода по данному вопросу и, во-вторых, вывод о том, что конкретное исследование данной проблемы, в частности социально-экономических, политических и идеологических предпосылок феодального немецкого «Дранг нах Остен» X—XII вв., составляет одну из задач марксистской славистики.

⁵¹ Н. Ф. Колесницкий. Исследование..., стр. 103 и сл.

⁵² J. Baszkiewicz. Указ. соч., ч. I, стр. 15.

Н. Д. Ратнер

ИЗ ИСТОРИИ ПАНГЕРМАНИЗМА

Тема, которую мы предлагаем читателю, слишком широка для одной статьи.

Поэтому из всего комплекса вопросов, связанных с пангерманизмом и национальным движением в славянских землях Австро-Венгрии во второй половине XIX в., мы остановимся в настоящей статье только на двух.

Во-первых, мы хотим показать в общих чертах возникновение и оформление пангерманизма как идеологии, проанализировать его истоки, показать, как и почему это реакционное политическое направление нашло благодатную почву для своего развития именно в Германии в XIX в.

Во-вторых, задачей настоящей статьи является также характеристика идеологии и политики австрийского пангерманизма и его места в системе пангерманизма в целом. Австрийский пангерманизм представляет собою специфическое и заслуживающее внимания явление. Он показывает, какие формы пангерманизм принял в стране, где немцы были господствующейнацией, но большинство населения составляли не немцы, а славяне.

Литература о пангерманизме, в первую очередь имперском, велика. И в прошлом и в настоящее время историки на Западе уделяли и уделяют внимание этой проблеме (Шерадам, Вейль — в начале века, Верхтхаймер — в период между войнами и многие другие. В 1954 г. во Франкфурте А. Крук опубликовывает монографию, посвященную Пангерманскому союзу). Естественно, что сценка этого крайне реакционного течения менялась в зависимости от политических взглядов автора, от конъюнктуры¹.

¹ A. Chéradame. L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle. Paris, 1900; A. Chéradame. Le plan pangermaniste démasqué. Paris, 1916; G. Weil. Le pangermanisme en Autriche. Paris, 1904; O. Bonhard. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Berlin, 1920; M. S. Wertheimer. The Pan-German League. 1890—1914. N. J., 1924; L. Werner. Der Alldeutsche Verband. Berlin, 1935; A. Kruck. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.

Историки стран социалистического лагеря также не прошли мимо этого явления (Кучинский, Коржалка, Тёкеди и др.)².

В советской исторической литературе пангерманизму (в частности пангерманизму австрийскому) не было уделено достаточного внимания, если не считать отдельных разделов в книгах Ф. А. Ротштейна «Из истории прусско-германской империи» (М., 1948) и в монографии А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.» (М., 1951).

Пангерманизм — идеологическое и политическое направление наиболее воинственных и реакционных кругов германского империализма организационно оформился в конце XIX в., когда в Берлине в 1891 г. был образован Пангерманский союз. Появление этой организации в период перехода капитализма домонополистического в империализм, в период завершения раздела мира между великими державами и начала борьбы за его передел — явление вполне закономерное.

Характерные для пангерманизма положения — тезис о «превосходстве» немецкой расы, дающей якобы немцам право захватывать чужие территории, порабощать и истреблять другие народы, — были взяты на вооружение, использованы, «развиты» и «дополнены» гитлеровским фашизмом. Связь фашизма с пангерманизмом несомненна.

* * *

В XIX в. (речь идет о периоде до 1871 г.) Германии как единого национального государства не существовало.

Был Германский союз — конгломерат тридцати с лишним государств, разных как по своим размерам, так и по социально-экономическим и общественно-политическим условиям, в который входили реакционные феодально-абсолютистские монархии, среди которых первенствующая роль принадлежала габсбургской Австрии и гогенцоллерновской Пруссии, и мелкие государства Западной Германии, испытавшие большое влияние Великой французской революции. Однако этим мелким государствам грозило поглощение более крупными. Так, Рейнская область в 1815 г. стала частью Пруссии.

Германские государства, запоздавшие в социально-экономическом отношении (в смысле развития капитализма) по сравнению с Англией и Францией, стояли перед буржуазно-демократической революцией.

² J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus Bd. 2. Berlin, 1950; G. Töködi. Die Pläne des Alldeutschen Verbandes zum Umgestaltung Österreich — Ungarns. — «Acta Historica», Budapest, 1963, N 1—2; J. Kořalka. Všeňmecký svaz a česká otázka koncem XIX století. Phaha, 1963; H. Krause. Die alldeutsche Geschichtsschreibung vor dem 1. Weltkrieg — «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2, Berlin, 1965. S. 190—226.

Но не только социально-экономическая слабость, а слабость политическая и национальная была характерна тогда для Германии.

Поэтому не только развитие экономики (особенно бурное с 40—50-х годов), для которого раздробленность была настоящим бедствием и тормозом, настоятельно требовало объединения страны.

Еще до того, как стал действовать экономический фактор, немцы, слабые в политическом и национальном отношении, психологически стали стремиться к объединению, к созданию сильного в политическом отношении немецкого государства.

Раздробленность, страх перед будущим, ощущение своего бессилия по сравнению со своими западными и восточными соседями усиливали мечты среднего немецкого бюргера об объединении, о превращении разрозненного и поэтому слабого Германского союза в сильное единое немецкое государство.

Росло немецкое национальное самосознание, однако, сталкиваясь с убогой действительностью, немцы обращались к прошлому Германии. И тут на сцену выступили такие исторические традиции, как традиции Священной Римской империи, немецкой нации, имперского универсализма и т. п.

Традиции эти были взяты на вооружение не только дворянством, но и буржуазией, они проникли в широкие слои немецкого мещанства.

Идеологи немецкого дворянства и буржуазии — философы, историки, писатели — начинают воспевать прошлое своей страны. Начинает формироваться идея о величии Германии, а так как такой на деле не было, то идея о величии немецкого духа.

Этот немецкий дух прославляли философы — Фихте и Гегель, в нем они усматривали высшее начало, свойственное немецкой нации как таковой. А отсюда вытекал тезис о превосходстве, хотя бы духовном, немцев над остальными народами³. Вершиной этого духовного величия, идеальным воплощением духа систематичности и организованности в конечном итоге оказывалось прусское государство.

Все эти «идеи» всевозможными способами насаждались и пропагандировались среди широких слоев немецкого мещанства.

Следует подчеркнуть, правда, что национализм немецкого бюргера, хотя безусловно имел уже экспансионистские тенденции, был еще главным образом направлен на объединение раздробленной Германии.

Но, захватив тогда широкие слои немецкого населения, этот национализм стал в дальнейшем той питательной средой, на которой пышным цветом возросла пангерманская шовинистическая идеология.

³ H. Meier. Zur Europa-Ideologie im XIX. Jahrhundert.— In: «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 27.

Развитая затем господствующими классами объединенной Германии — монополистической буржуазией и реакционным юнкерством,—эта идеология стала одним из мощных рычагов превращения немецкого обывателя из простодушного Михеля 40-х годов XIX в. в покорного Гитлеру Фрица XX столетия.

Революционный путь объединения Германии — сметение всех монархий и образование демократической республики, за который боролись революционно-демократические силы с Марксом и Энгельсом во главе, не смог победить в революции 1848—1849 гг.

Объединение Германии произошло не снизу, а сверху, путем подчинения остальных немецких государств более сильному. Давнишняя борьба Австрии и Пруссии за гегемонию в Германском союзе становится борьбой за то, кто возглавит это объединение.

Многонациональная ли Габсбургская монархия, в которой собственно немецкие ее части — Австрийские земли — составляли меньшую часть территории страны, или Пруссия, созданная на завоеванных в течение веков славянских землях, немецкое государство, хотя и с большим славянским меньшинством? (Речь идет о территории Польши и Сербо-Лужичан.)

В борьбе этих двух путей объединения сверху (обоих не демократических) — великогерманского под эгидой Австрии и малогерманского во главе с Пруссией, исключавшего Австрию из Германии, победа оказалась на стороне бисмарковской Пруссии. Прусское государство, классовую основу которого составляли прусские юнкера, заключившие союз с крупной буржуазией, оказалось сильнее раздираемой национальными противоречиями Габсбургской монархии. Три победоносные войны (1864 г. с Данцигом, 1866 г. с Австрией и 1870—1871 г. с Францией) завершили образование Германской империи с милитаристской Пруссией во главе. Австрийская империя оказалась исключенной из Германского союза.

Два фактора сыграли важную роль в формировании пангерманизма: 1) объединение германской империи «кровью и железом», по прусскому образцу и 2) рост национально-освободительного движения ненемецких народов Габсбургской монархии и в польских областях Пруссии, с особой силой вспыхнувшего в революцию 1848 г.

Эти два фактора наложили отпечаток на развитие пангерманской идеологии. С помощью силы объединить раздробленную Германию и создать свое «великое немецкое государство». Затем с помощью силы подавить освободительное движение угнетенных — прежде всего славянских народов, утвердить гегемонию объединенного немецкого государства в центре Европы, увеличивать его территорию, присоединяя другие, уже ненемецкие области, стремясь к мировому господству.

Немецкий шовинизм, впоследствии выродившийся в открытый расизм, проявился уже в работе Франкфуртского парламента.

Всенемецкий Франкфуртский парламент, созванный в 1848 г., проводил реакционную политику в отношении национальных движений ненемецких национальностей; даже лидеры буржуазно-демократического направления при обсуждении национального вопроса скатывались на позиции шовинизма и стремились во что бы то ни стало удержать в составе будущей Германии земли, населенные славянами (например, Чешские земли). Свою агрессивность немецкие националисты «объясняли» необходимостью «обороны» против надвигающейся славянской «опасности» (так называли они рост национального движения славян), угрожающей мол целостности Габсбургской монархии и немцам вообще; этот тезис со временем, в связи с ростом пангерманизма и его антиславянской направленности, приобретет все большее значение.

Зарождавшаяся в этих условиях пангерманская идеология нашла очень благоприятную почву для своего развития — немецкий национализм.

Идеи немецких философов о превосходстве немецкого духа и т. п. были конкретизированы историками, пришедшими им на помощь.

Ранке и его последователи создали специальную теорию об особом географическом положении Германии, обосновывающем закономерность немецкого абсолютистского государства, содержание больших армий, проведение агрессивной политики, претензий на мировое господство. Историки проповедовали и развивали тезис о превосходстве немцев над остальными народами⁴.

Уже тогда появляются первые проекты организации Таможенного союза, объединяющего государства Центральной Европы под главенством Германии, являющегося прообразом будущей империалистической «Срединной Европы» (К. Брук, Ф. Лист, К. Франц и др.).

Настанет время, и пангерманизм — эта шовинистическая идеология — будет взят на вооружение мощным империалистическим государством, рождение которого было ознаменовано не только объединением вокруг Пруссии мелких немецких государств, но и аннексией ненемецких территорий — датского Шлезвига, французских Эльзаса и Лотарингии. Сначала как неофициальная, но популярная и поддерживаемая свыше программа Пангерманского союза, пресловутой «Гакаты», Колонизационной

⁴ Подробно на этом остановился академик А. М. Деборин в своей уже посмертно опубликованной работе «К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти» (в кн.: Славяно-германские исследования. М., 1963). См. также: «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 1. Berlin, 1963, S. 241—270.

комиссии и других объединений немецких шовинистов, пангерманизм станет затем уже почти официальной программой покорной Германии «Срединной Европы» и, наконец, доведенный до своего логического завершения, станет важнейшим элементом человеконенавистнической идеологии гитлеризма.

Но еще до этого он вобрал в себя опыт, накопленный особым ответвлением пангерманизма — пангерманизмом австрийским.

* * *

В Австрии пангерманская идеология нашла благодатную почву для своего развития. Здесь уже с конца 60-х годов появляется пангерманское течение, в котором характерная черта пангерманской идеологии — расоненавистничество — звучит более открыто, резко и непримиримо⁵.

Специфические условия исторического развития габсбургской монархии в 60-х годах были причиной этому. Исключение Австрии вследствие поражения в войне 1866 г. из Германского союза означало не только крушение надежд на главенство в объединенной Германии, но и потерю немецкой буржуазией и дворянством Австрии своего немецкого тыла, потенциальной опоры против усиливающегося национально-освободительного движения народов, населяющих Габсбургскую монархию. Рост национальных противоречий в многонациональной монархии, стремление немецких господствующих классов в Австрии удержать привилегированное положение в стране, в которой немецкое население составляет меньшинство, характерно для истории Австрии во второй половине XIX в.

Временным выходом из внутриполитического кризиса в 1867 г. стал дуализм, т. е. преобразование Австрии в Австро-Венгрию, в которой власть разделили господствующие классы немецкой и венгерской национальностей. Идя на это, немецкие помещики и немецкая буржуазия Австрии все еще надеялись, укрепив свое положение, возобновить борьбу с Пруссией за главенство в объединенной Германии. Однако франко-прусская война 1870—1871 гг. разбила эти надежды.

Не смог дуализм остановить и рост национально-освободительного движения.

Бурное развитие капитализма, характерное для последних десятилетий XIX в., сопровождалось ростом национальной бур-

⁵ Н. Д. Ратнер. Возникновения пангерманизма в Австрии. В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965; см. также: Н. Д. Ратнер. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии.—«Советское славяноведение», 1965, № 4; история австрийского пангерманизма посвящена работа австрийца П. Молиша, написанная с позиций ярко выраженного немецкого шовинизма (P. Molisch. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich... Jena, 1926); нацист Метниц в своей книге «Die deutsche Nationalbewegung. 1871—1933» (Berlin, 1939) также пишет об австрийском пангерманизме. Этой теме уделяет внимание и упоминавшийся выше западногерманский историк А. Крук.

жуазии, увеличением численности и силы рабочего класса, что имело большое значение как для усиления национального движения, так и для укрепления политического веса национальной буржуазии. Славяно-немецкие, в особенности чешско-немецкие, противоречия стали основным фактором во внутреннем развитии Австрии.

В обстановке усиления национальных противоречий вставал вопрос о возможности дальнейшего существования Австро-Венгрии, о путях ее развития: дуализм или федерализм (последний означал усиление славянских элементов).

Против федерализма выступили единым строем австро-немецкие господствующие классы, поддержанные венгерскими помещиками. Стремясь сохранить немецкий характер австрийской половины монархии, они пошли на соглашение с бисмарковской Германией. Союз, заключенный в 1879 г., в новой создавшейся исторической обстановке отвечал интересам как германского юнкерско-капиталистического государства, так и немецко-венгерских господствующих классов Австро-Венгрии. В борьбе со славянами немцы Австрии получали мощного союзника.

Итак, из соперника Австро-Венгрия превратилась в младшего партнера прусской Германии. Германская империя — немецкое национальное государство, — не знавшая столь острых национальных противоречий, которые раздирали Габсбургскую монархию, стала для многих немцев в Австрии притягательной силой.

Шовинистическая, расистская идеология пангерманизма в Австрии, в конкретно-исторической обстановке того времени, также, попав на благоприятную почву, получила свое специфическое австро-пангерманское направление.

Развиваясь в условиях резкого обострения национальных противоречий, непосредственно в атмосфере все усиливающегося национально-освободительного движения славянских народов, австрийский пангерманизм был более откровенно расистским, приобрел более резкую антиславянскую направленность.

Недаром Гитлеру, выходцу из Австрии, была так по душе крикливая расистская пропаганда его австрийских предшественников; недаром австрийские пангерманцы и особенно их вождь Шённерер были подняты на щит в фашистской Германии⁶.

⁶ Не только профашистские публицисты, но и сами вожди германских нацистов (Гитлер, Розенберг) очень высоко оценивали деятельность Г. Шённерера. Шённереру посвящена довольно большая литература, в основном исходящая из лагеря его сторонников. Наиболее обстоятельную биографию Шённерера (в шести томах), правда, фальсифицирующую историческую действительность, написал австрийский пангерманец Э. Пихль во втором десятилетии XX в.; эта работа, являющаяся безудержным восхвалением деятельности Шённерера, была переиздана в гитлеровской Германии (E. Pichl. Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschstummes in der Ostmark. Ein Lebensbild. 1. Auflage. Wien, 1913—1923; 2. Auflage. Berlin, 1938).

Для внутренней политики пангерманцев Германской империи славянский вопрос не был вопросом № 1, хотя, безусловно, в стремлении германских империалистов к мировому господству он играл очень существенную роль. В самой Германии немцам как господствующей нации славяне непосредственно не угрожали, что не мешало, однако, прусским властям очень рьяно проводить германизацию польских и сербо-лузицких земель.

Во внутренней жизни Австрии славянский вопрос имел для австрийских немцев чрезвычайно важное значение, по сути для немецкой гегемонии в Австрии он был вопросом жизни и смерти. В Австрии немецкое господствующее меньшинство столкнулось со все усиливающимся национальным движением ненемецкого (в основном славянского) большинства населения монархии.

Основной целью пангерманцев поэтому было не только удержание немецкого господства (это было в конечном итоге задачей всех немецких политических партий монархии), но такое укрепление его (путем преобразования Цислейтании, австрийской половины монархии), которое положило бы конец национальным устремлениям и вообще национальному движению славян в монархии, сделало бы возможным полную германизацию.

Представляя самое крайнее направление среди других немецких шовинистических группировок Австрии, пангерманизм не играл, однако, в политической жизни монархии первостепенной роли. Безусловно, более значительным было влияние других шовинистических течений (например, христианско-социального движения Люэгера, немецкой Народной партии).

Однако важно подчеркнуть, что политические идеи пангерманизма сыграли немалую роль в судьбе не только Австро-Венгрии, но и Австрийской республики⁷.

В своих планах австрийские пангерманцы исходили из того, что Австрия должна быть преобразована в немецкое государство, которое в конечном итоге должно войти в германскую империю.

Призыв к аншлюсу, вначале очень непопулярный среди австрийских немцев, с течением времени, в ходе подчинения Австро-Венгрии интересам вильгельмовской Германии и как реакция на рост национально-освободительного движения среди славян Австрии, все более укоренялся среди значительной части немецких господствующих классов и содействовал созданию той политической атмосферы, которая впоследствии способствовала порабощению Австрийской республики гитлеровской Германией.

Пропаганда аншлюса вкупе с антиславянской и антисемитской пропагандой и крикливой социальной демагогией австрий-

⁷ На это указывает австрийский коммунист, публицист А. Фукс, автор очень интересной книги, посвященной политико-идеологическим течениям в Австрии (A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich. 1867—1918. Wien, 1949, S. 169).

ских пангерманцев — яркое свидетельство идейной близости гитлеровского фашизма и австрийского пангерманизма.

Но невозможность во второй половине XIX в. в Габсбургской Австрии открыто проповедовать аншлюс привела к тому, что официальным лозунгом австрийских пангерманцев стал тогда не непосредственно аншлюс, а требование теснейшего политического и экономического союза с Германией. Под последним понималась таможенная уния, которая должна была стать основой будущей «Срединной Европы».

Такую Австрию, связанную тесными узами с Германией, пангерманцы хотели сделать немецким государством, германизировать. Надо отметить, что планы перестройки монархии относились пока только к австрийской половине монархии — Цислейтании, оставляя в стороне земли Венгерской короны⁸.

Для того чтобы сделать Цислейтанию немецкой, из нее должны были быть выделены три славянские области — Галиция, Буковина и Далмация, которым предоставлялось «Sonderstellung» («Особое положение»), своего рода автономия в рамках Цислейтании. Эти три области не должны были принимать участия во внутреннеавстрийских делах. Таким образом, на первом этапе германизаторской политики поглощению подлежали чехи и словенцы. Планы пангерманцев преследовали совершенно определенную цель: расправиться с национальным движением чехов на севере, словенцев на юге, т. е. прежде всего уничтожить тот котел национальных противоречий, который представляли из себя земли Чешской короны, особенно те районы, где имелось большое немецкое меньшинство. В чешских землях, наиболее развитых в экономическом отношении областях монархии, в которых резко столкнулись интересы немецких и чешских господствующих классов, национальный антагонизм проявлялся особенно сильно. Немецкие капиталисты всеми силами старались сохранить здесь свое привилегированное положение против наступающей чешской буржуазии. Не случайно именно чешские земли стали опорой пангерманцев; понятно также, почему пангерманцы свой первый залп направили против них, стремясь к германизации именно этих областей. «Мы смогли бы тогда (в случае отделения Галиции.—*H. P.*) дать отпор чехам, скрутить их в барабаны рог», — раскрыл сущность «особого положения» видный австрийский пангерманец К. Тюрк⁹.

Области южной Австрии, населенные в основном словенцами, имели большое стратегическое значение не только для Австрии,

⁸ Отчетливо планы перестройки австрийской половины монархии были выражены в Линцской программе 1882 г. (N. Ratner. Program pangermański austriackich uchwałony w Linie w 1882 r.—«Przegląd zachodni», 1964, N 5-6).

⁹ «Unserfälschte Deutsche Worte», 1899, N 22, S. 261.

но и для Германской империи в ее планах подчинения себе Юго-Восточной Европы. Это был выход к Адриатике. Национальное движение словенцев в силу ряда причин (относительно медленное развитие капиталистических отношений на юге Австрии, малочисленность словенцев и т. п.) не приняло еще значительных размеров, но тем не менее немецкие господствующие классы в Австрии с беспокойством следили за ростом национального движения славян в южных областях монархии, встречая единым враждебным фронтом их даже самые минимальные требования. (Например, «случай в Целье» (*Der Fall Cilli*), когда вопрос об учреждении словенско-немецкой гимназии в этом маленьком городке Штирии вызвал отставку целого министерства. 1894 г.) Словенское национальное движение было угрозой немецкому господству в Австрии не только потому, что усиливало антинемецкую коалицию, но и потому, что всегда грозила пусть потенциальная возможность объединения словенцев с южными славянами вне Габсбургской монархии и образования на границах Австро-Венгрии независимого южнославянского государства.

Выделение трех славянских областей из Цислейтании ни в коей мере не означало отказа от власти Австрии над ними, не означало предоставления им национальной независимости. Это было лишь разделение задач германизации на два этапа.

Поляки наряду с чехами были самым многочисленным славянским народом в Цислейтании, но в Галиции в отличие от чешских земель немцев было очень немного, там не было ярко выраженного польско-немецкого антагонизма. Выделение Галиции должно было воспрепятствовать возможности создания славянского блока внутри Австрии и столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии.

«Особое положение» Галиции путем предоставления ей автономии было бы логическим завершением той политики, которую именно в целях разобщения славян Австрии стало с конца 60-х годов проводить австрийское правительство. Выставление немецкими шовинистами требования «особого положения» Галиции, конечно, носило элементы заигрывания с польскими помещиками.

Несколько сложнее был вопрос о Далмации. После 1867 г. она находилась под управлением Австрии, однако Венгрия и Хорватия претендовали на нее. Как для Австрии, так и для Венгрии, несомненно, имело значение географическое положение прибрежной Далмации.

Выделение из Цислейтании Галиции, Буковины и Далмации, создание вместо рыхлой многонациональной Австрии крепкого немецкого государства открыло бы пути для дальнейшей немецкой экспансии.

После чехов и словенцев, без сомнения, пришла бы очередь Галиции, Буковины и Далмации, а затем и других областей

Юго-Восточной Европы. Ведь в планах создания «Срединной Европы» эти области играли существенную роль.

Итак, аншлюс как конечная цель, «Sonderstellung» («особое положение»), как первый этап — таковы основы тактики австрийских пангерманцев в конце XIX в. .

Следует отметить, что в отличие от аншлюса, который был чисто пангерманским требованием, другие немецкие шовинистические группировки Австрии (резко отрицательно относившиеся к аншлюсу) поддерживали программу «Sonderstellung».

В оставшейся после подобной перекрошки немецкой Австрии немецкие господствующие классы стали бы проводить жестокую германизацию славянского населения, не останавливаясь перед переселением его в другие страны и даже истреблением. Уже тогда, в конце XIX в., появляются в пангерманской прессе подобные призывы.

Надо заметить, что, имея в виду в конечном итоге аншлюс, австрийские пангерманцы стремились не только включиться в «Великую Германию» и раствориться в ней, но и преследовали свои конкретные чисто австро-пангерманские цели. Не случайно внимание их привлекали земли венгерской короны, Балканы, Адриатика, которые бы стали объектом агрессии германо-австрийского империализма. Таким образом австрийские пангерманцы стремились обеспечить себе свое место под солнцем в будущей «Великой Германии».

Негибкость австрийских пангерманцев, непонимание ими конкретно-исторической обстановки тогдашней Австрии, их стремление к открытым «лобовым» атакам было причиной их в общем-то малой популярности в Австрии и того, что другие немецкие шовинистические группировки, используя более умело, часто завуалированно, пангерманскую идеологию, оттеснили пангерманцев-шёнерианцев, постепенно приобретая все больший вес в политической жизни монархии.

Когда же в Германии в конце века создалась такая мощная организация, как Пангерманский союз, австрийские пангерманцы стали безусловно зависимыми от пангерманцев империи.

* * *

К концу XIX в. Германия превратилась в одно из сильнейших капиталистических государств, империалистический и милитаристский характер которого был уже тогда очевиден. Однако в силу неравномерности развития капитализма германский империализм, опоздавший принять участие в разделе мира, начинает яростную борьбу за его передел. Его экспансионистские планы устремляются в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, в колонии.

Вот в этих условиях оформляется имперский пангерманизм как идеологическая и политическая организация самого край-

него реакционного крыла германских империалистов. В 1891 г. организационно конституируется Пангерманский союз. Пангерманизм становится важным политическим фактором в жизни империи. Он уже полностью утратил тот первоначально «оборонительный» характер, который якобы был свойствен пангерманской идеологии в период ее возникновения, когда шел вопрос об объединении Германии и создании единого немецкого государства. Он приобрел открыто агрессивный характер.

Торжество Пруссии в деле создания Германской империи создало благоприятную обстановку для дальнейшего развития пангерманизма и роста его влияния.

В гогенцоллерновской империи, опьяненной военными победами, разбогатевшей благодаря огромной контрибуции, полученной с побежденной Францией, средний бюргер увидел начало осуществления своего идеала «Великой Германии». Национализм оттесненной нации превращается в национализм победителя¹⁰. «Прусский опыт» подсказывает ему, что реализация идей «Великой Германии» должна осуществляться милитаристическим путем. Культ военной силы, вера в государственную мудрость «железного канцлера» и его преемников притупляют чувство критицизма в отношении агрессивных планов крупных немецких монополий, стремящихся утвердиться не только в Европе и колониях, но в своих призывах претендующих даже на мировое господство. Все эти настроения средних слоев немецкой буржуазии города и деревни хорошо использовали и учили пангерманцы.

Реакционность и агрессивность пангерманской идеологии выступает с полной очевидностью. Программа пангерманцев исходит из безусловного превосходства немцев над остальными народами, в силу чего «великая германская раса» должна подчинить себе другие, менее «полноценные» нации.

По существу программа имперских пангерманцев едина с программой австрийских пангерманцев. Но последние более «провинциальны», имперские пангерманцы стремятся к «мировой политике». Их цели — завоевание не только Центральной и Юго-Восточной Европы, но и колониальных территорий, их расизм не ограничивается антисемитизмом и антиславянством, он шире. Их идеологи «научно» подкрепляют стремления пангерманцев к мировому господству (Ницше, Шопенгауэр, Лагард, Лангбайн и другие). То, что в начале деятельности пангерманцев только намечалось, сейчас конкретизируется, обосновывается. Планы создания «Срединной Европы» продолжают разрабатываться, и не только в экономическом аспекте.

¹⁰ Это подчеркивает в своей работе западногерманский историк Ф. Фишер (см.: F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. 2. Auflage. Düsseldorf, 1962, S. 16; см. также: F. Červinka. Český nacionálismus v. XIX. století. Praha, 1965, str. 25).

Отчетливое выражение концепция «Срединной Европы» получает в книге Науманна, вышедшей в свет во время первой мировой войны¹¹.

Показательно, что уже в 1895 г. в Германии издается брошюра «Grossdeutschland und Mitteleuropa im Jahr 1950, von einem Alddeutschen», в которой совершенно открыто излагаются планы пангерманцев на будущее. И если эти бредовые планы казались тогда большинству фантастическим гротеском, то все же они внушали тревогу, ибо отражали стремление германского империализма к мировому господству¹².

Одним из постоянных тезисов пропаганды пангерманцев были ссылки на «славянскую опасность». Лживый и демагогический характер этого тезиса очевиден, но, вероятно, следует кратко остановиться на том, как обстояло дело до объединения Германии в момент зарождения пангерманизма.

В годы, предшествующие революции, а особенно в 1848—1849 гг., когда под ударами революции пошатнулся один из оплотов европейской реакции — Габсбургская монархия и когда,казалось, встал вопрос о дальнейшем существовании этого многонационального государства, возникла и получила распространение политическая концепция австрославизма, сущность которой сводилась к преобразованию централизованной австрийской монархии в федерацию. Эта программа, выдвинутая чехами и одобренная хорватами, в общем-то была поддержана всеми государствующими классами славянских национальностей монархии. Австрославизм отвечал интересам молодой нарождавшейся буржуазии славянских народов Австрии (прежде всего чешской), заинтересованной как в сохранении рынков обширной Габсбургской монархии, так и в крепком полицейско-чиновничьем государственном аппарате этой монархии.

Кроме того, как подчеркивал один из создателей австрославизма Ф. Палацкий, самостоятельное государственное существование отдельных малых народов, составлявших Габсбургскую монархию, было невозможно, так как им грозило поглощение

¹¹ F. Naumann. *Mitteleuropa*. Berlin, 1915. Проблеме «Срединной Европы» посвящена большая литература. В последние годы этот вопрос снова обратил на себя внимание исследователей (см., например: J. Rajewski. «Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej». Poznań, 1959; J. Dróz. *L'Europe centrale. Évolution historique de l'idée «Mitteleuropa»*. Paris, 1960).

¹² Для нас в этом смысле представляет особый интерес книга, написанная современником событий, французским публицистом Андре Шерадамом (*L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle*), опубликованная уже в 1901 г. в Праге на чешском, а в 1903 г. в Петербурге на русском языке (*«Европа и австрийский вопрос на рубеже XX в.»*; см. также: E. Birke. *Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte*. Köln—Graz, 1960, S. 491; J. Křížek. *Ceská buržoasní politika a «česká otázka» v letech 1900—1914.—«Československý časopis historický*, 1958, N 4, str. 634).

более крупными государствами, в первую очередь Германией. В федеративной Австрии национальное существование этих народов было, по мнению Палацкого, гарантировано.

Появление австрославизма было своего рода ответом на распространенные уже тогда пангерманские идеи.

Но если в национальном отношении концепция австрославизма была прогрессивна, так как сама по себе замена немецко-централистской бюрократической системы в австрийской многонациональной монархии федерацией была шагом вперед, отвечая национальным интересам угнетенных наций, то в социально-политическом отношении эта концепция была в своей основе реакционной, так как включала в себя как неотъемлемый элемент сохранение реакционной Габсбургской монархии.

Австрославизм просуществовал в основе своей до первой мировой войны, приобретая с изменением конкретно-исторической обстановки и в зависимости от того, какие общественно-политические силы его поддерживали, различное содержание. Но дальнейшая эволюция австрославизма выходит за рамки настоящей статьи.

Здесь же хочется подчеркнуть следующее: именно австрославизм, а не панславизм, как пытались утверждать пангерманцы, был наиболее распространенной идеологией господствующих классов славянских народов Австрийской монархии. Оборонительный характер австрославизма в отношении пангерманизма не подлежит сомнению.

Для рассматриваемого нами вопроса существенно то, что само появление австрославизма было своего рода ответом на националистические стремления немцев, на их попытки включить славянские земли Габсбургской монархии в Германский союз. Не случайно родиной австрославизма стала Чехия, а создателями ее известные чешские общественно-политические деятели Карел Гавличек-Боровский и Франтишек Палацкий¹³.

Тезис «бедные немцы» в обороне, а славяне наступают — никогда не соответствовал действительности. Пангерманцы стремились своей демагогией посеять страх перед такой возможностью, чтобы сделать менее отталкивающими агрессивные черты своей собственной идеологии. Об этом следует помнить и сейчас, когда именно к этому избитому и отвергнутому историей приему обращаются современные хранители недоброго наследства пангерманизма.

¹³ Развернутую программу переустройства Австрии Палацкий окончательно сформулировал в 1865 г., опубликовав в газете «Národ» серию статей под общим названием «Idea státu rakouského» (F. Palacký. Spisy a řeči z oboru politiky, D. 1. Praha, 1889, str. 250, a ji.); см. также Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг.— В кн.: «Ученые записки Института славяноведения», т. XIV. М., 1956, стр. 112—118; И. Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, стр. 39 и сл.; F. Černý, str. 54 a dale.

И. С. Достян

АВСТРО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА БАЛКАНАХ В 30-е ГОДЫ XIX в. И СЕРБСКОЕ КНЯЖЕСТВО

В первой половине XIX в. австрийское правительство последовательно и неуклонно проводило политику, направленную на поддержание целостности и неприкосновенности Турецкой империи. Оно проявляло враждебность ко всем национально-освободительным движениям, вспыхивавшим в турецких владениях, и зорко следило за тем, чтобы на Балканский полуостров не проникли с Запада революционные и либеральные идеи.

В 30-е годы Габсбургская монархия, внутреннее положение которой было очень тяжелым, не могла играть первостепенную роль в международных отношениях Европы, и в частности в Восточном вопросе, где борьба шла в основном между двумя более сильными противниками — Россией и Англией.

В книгах австрийских авторов, освещавших политику Меттерниха в Восточном вопросе, например в трудах А. Беера и Е. Мольдена¹, показан главным образом общий характер австро-турецких отношений в 30-е годы XIX в., позиция венского кабинета в наиболее крупных международных конфликтах (египетских кризисах 1833 и 1839—1841 гг.). Австрийские историки почти не касаются конкретных проявлений политики Габсбургов в отношении соседних турецких провинций, и в частности Сербского княжества, лишь вскользь отмечая, что Меттерних не проявлял в это время активности на Балканах². Беер сетует на то, что Меттерних не сумел укрепить австрийское влияние в балканских землях, попустительствуя полному политическому преобладанию там России. Он указывает на тот факт, что в большинстве во-

¹ A. Beerg. Die orientalische Politik Österreich seit 1774. Prag u. Leipzig, 1883, s. 387—420; E. Molden. Orientalische Politik der Fürsten Metternich. 1829—1833. Wien—Leipzig, 1913.

² E. Molden. Указ. соч., стр. 116.

просов, касающихся Турции, австрийский канцлер вынужден был придерживаться позиции, единой с Россией³. В наиболее капитальном труде австрийского историка Х. Србика, посвященном жизни и деятельности Меттерниха, подчеркивается, что Австрия в 30-е годы XIX в. находилась как бы в «вассальных отношениях» по отношению к России, свобода ее действий во внешней политике была ограничена, и лишь благодаря большому искусству Меттерниха царь иногда склонялся к компромиссам в некоторых внешнеполитических вопросах⁴.

Эти взгляды австрийских историков на общий характер политики Венского кабинета в отношении Турции нашли отражение в трудах югославского историка В. Поповича⁵. В книге этого автора «Политика Меттерниха на Ближнем Востоке», написанной на основе привлечения широкого круга литературы и источников, в том числе материалов из венских архивов, содержится наиболее полное описание австро-сербских отношений в 30-е годы XIX в. Однако некоторые исходные позиции Поповича представляются ложными. Так, например, он считает, что Меттерних не помышлял об экспансии в Юго-Восточной Европе и потому с легкостью воспринял установление протектората России над Дунайскими княжествами⁶. Пассивность Австрии, по мнению Поповича, имела и благоприятные последствия для балканских народов, так как «не подвергала опасности их существование, мирную консолидацию и прогресс». При этом, хотя некоторые представители австрийских правящих кругов видели в освобождении балканских народов опасность для Австрии, сам венский кабинет не проявлял озабоченности тем, что соседнее Сербское княжество может стать притягательной силой для австро-русских славян⁷. Кроме того, автор сбрасывает со счета австро-русское соперничество на Балканах и поэтому не может правильно интерпретировать некоторые особенности австро-русских взаимоотношений.

В послевоенной югославской историографии сербско-австрийские отношения во второй четверти XIX в. специально не разрабатывались. Но характерно, что М. Екмечич в статье, посвященной политике Австрии в югославянских землях в более поздний период, исходит из того, что активность Австрии в отношении Сербии сменила равнодушие Меттерниха к происходящему в княжестве⁸.

³ А. Веег. Die orientalische Politik..., S. 412, 417.

⁴ Н. Србик. Metternich, der Staatsmann und der Mensch, B. II. 1925, S. 49.

⁵ В. Попович. Меттерниха политика на Близком Истоку. Београд, 1931; он же. Европа и српско питање у периоду ослобођења. 1804—1918. Београд, 1940, стр. 119—156.

⁶ В. Попович. Меттерниха политика..., стр. 122—123, 154—155.

⁷ Там же, стр. 142, 203.

⁸ М. Екмечич. Spolni faktori u procesu sazreyanja balkanskih revolucija. 1849—1878.—«Jugoslovenski istoriski casopis», 1964, N 3, s. 3.

В данной статье мы ставим своей целью показать связь австрийской политики в Сербии с особенностями отношений между Россией и Австро-Венгрией в Восточном вопросе и соперничеством этих двух держав на Балканах.

Как известно, сербские земли на протяжении ряда столетий были ареной ожесточенной борьбы между Габсбургами и Турцией, а австро-турецкие войны XVII—XVIII вв. сыграли значительную роль в освободительном движении сербов. В XVIII в. заметно укрепились экономические и политические взаимоотношения между сербским населением Австро-Венгрии и Турции. Это было связано с 20-летней оккупацией Белградского пашалыка Габсбургами в 1718—1738 гг., массовыми эмиграциями сербов из Османской империи в австро-венгерские владения, ростом торговых связей и т. д.

Соседние югославянские области монархии Габсбургов еще в период, предшествующий восстанию 1804 г., стали для турецких сербов основным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и особенно скота. Такое положение сохранялось и в 20—30-е годы XIX в.⁹ Австро-Венгрия из-за своей промышленной отсталости не могла успешно конкурировать с английскими и французскими товарами на западноевропейских рынках, поэтому турецкий рынок издавна играл важную роль для монархии Габсбургов, а торговые привилегии австро-венгерских купцов во владениях Порты неизменно фиксировались в австро-турецких мирных договорах. Из всех балканских земель именно Сербия благодаря своему географическому расположению, тесным контактам ее населения с австро-венгерскими сербами имела наибольшее значение для австро-венгерской торговли. Через Сербское княжество, вдоль р. Моравы, по правобережью Дуная шли транзитные пути торговли из Центральной Европы в Константинополь. В 30-х годах усилилась тенденция экономического проникновения Австро-Венгрии на Балканы и в страны Леванта. Толчком в этом отношении послужило основание в 1829 г. Первой Дунайской пароходной компании (*Donau-Dampfschiffahrtsgesellschaft*) с привлечением английского капитала. В 1830 г. было открыто пароходное сообщение по Дунаю между Веной и Пештом, а в 1836 г. пароходы шли уже по Дунаю и Черному морю в Константинополь. Торговля Австро-Венгрии с дунайскими провинциями заметно выросла в 40-е годы¹⁰.

В то же время, несмотря на определенную экономическую зависимость Сербского княжества от Австро-Венгрии, несмотря на тесные связи с австро-венгерскими сербами, из числа которых формировалась значительная часть чиновничества князя Милоша, политические позиции венского правительства в этой соседней турец-

⁹ D. Milić. *Trgovina Srbije. 1815—1839.* Beograd, 1959, s. 168—181.

¹⁰ A. Beeg. *Allgemeine Geschichte des Welthandels*, 3. Abt., H. 2, T. 1. Wien, 1884, S. 279.

кой провинции были очень слабы. Это прежде всего было следствием преобладания в Сербии русского влияния, враждебного отношениям австрийских правящих кругов к сербским восстаниям 1804—1813 гг. и 1815 г., и их скрытого недовольства образованием автономного Сербского княжества, которое могло вскоре превратиться в притягательный центр для югославянского населения империи¹¹.

Но после того, как в результате русско-турецкой войны 1828—1829 гг. существование на австрийской границе полунезависимого княжества было окончательно узаконено, венский кабинет не мог оставаться только пассивным наблюдателем того, что происходило в соседней славянской стране. В интересах монархии было направить все усилия к тому, чтобы Сербское государство не сложилось по образцу европейских конституционных государств с представительной системой правления, чтобы оно не превратилось впоследствии в рассадник революционных и демократических идей, чтобы оно не смогло значительно укрепиться и расшириться за счет соседних югославянских земель.

Все эти обстоятельства, а также предположение, что сербские земли когда-нибудь могут вновь стать театром войны с Турцией или в случае распада последней возникнет возможность их присоединения к монархии, заставляли венский кабинет пристально следить за внутренней жизнью Сербского княжества. До основания австрийского консульства в Белграде этим занимались преимущественно имперские пограничные власти. По заданию австрийского генерального штаба пограничное командование в 30-е годы не раз засыпало в Сербию своих офицеров-разведчиков, составлявших военно-географические и топографические описания различных частей страны, на основе которых генеральный штаб корректировал карту Сербии¹².

Особенно неприязненно австрийские правящие круги относились к укреплению русско-сербских политических связей. Весьма характерно, например, что, по утверждению русского посла в Вене, во время войны России с Турцией 1828—1829 гг. австрийский кабинет особенно беспокоила судьба Сербии, которую он не хотел видеть под покровительством России¹³. Адрианопольский мир оправдал эти опасения. Сербское княжество, оказавшееся под русским протекторатом, стало превращаться в опорную базу царизма в центре турецких владений в Европе. Тесные русско-сербские связи создавали условия для распространения влияния царизма в других балканских землях, например в Бос-

¹¹ М. Гавриловић. Почеки дипломатских односа Велике Британје и Србије.— Сб. «Из нове српске историје». Београд, 1926, стр. 132.

¹² Эти описания были опубликованы А. Ивичем (см.: А. Ивић. По Србији кнеза Милоша.— «Споменик», кн. LXXXIV (57). Београд, 1933).

¹³ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Российской с иностранными державами, т. IV, ч. I. СПб., 1878, стр. 402.

ции, что совсем не соответствовало интересам Габсбургской монархии. Из Сербии русское правительство могло не только следить за всем, что творится в западной части Балканского полуострова, но при желании угрожать и австрийским владениям на Адриатике.

Узлом австро-русских противоречий в Юго-Восточной Европе являлся бассейн нижнего течения Дуная — основной водной артерии Австрии. Габсбургская монархия нуждалась в свободном и беспрепятственном выходе в Черное море, поэтому овладение Россией по Адрианопольскому миру устьем Дуная и установление русского протектората в Молдавии, Валахии и Сербии существенно задевали ее интересы. Австрийские политики и военные рассматривали Адрианопольский мир как серьезную опасность для Дунайской монархии, как угрозу ее превращения в державу второго ранга¹⁴.

Однако русско-австрийские противоречия в Юго-Восточной Европе, резко обострившиеся в 20-е годы в связи с греческим восстанием и русско-турецкой войной 1828—1829 гг., играли все же подчиненную роль по сравнению с главными политическими целями двух реакционных европейских режимов, нуждавшихся во взаимной поддержке. Революционные события 1830 г. заставили оба правительства вновь сплотиться. Когда само существование Австрийской монархии могло быть поставлено под угрозу, царизм стал для Габсбургов единственным надежным союзником и верной опорой в борьбе с революцией. К тому же, хотя после успешной войны с Турцией русское влияние на Ближнем Востоке и на Балканах сильно возросло, что не могло не вызывать опасений венского двора, Николай I после заключения Адрианопольского мира стал проводить политику, направленную на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи. Это не снимало австро-русских противоречий на Балканах и прежде всего в бассейне нижнего и среднего Дуная, в трех придунайских княжествах — Молдавии, Валахии и Сербии, но в какой-то мере нивелировало их остроту.

Все эти обстоятельства обусловили сложный двойственный характер австрийской политики в Восточном вопросе и конкретно на Балканах, хотя официальный ее курс вплоть до Крымской войны оставался прорусским.

Лояльная позиция венского кабинета по отношению к действиям царского правительства в Восточном вопросе ясно определилась в 1833 г. во время египетского кризиса, когда Австрия не пошла навстречу усилиям Пальмерстона создать антируссскую коалицию европейских держав. Этот факт, несомненно имевший большое значение для успешного осуществления русских планов в отношении Турции, был оценен в Петербурге и

¹⁴ A. B e e g. Die orientalische Politik..., S. 384—385.

послужил стимулом для дальнейшего австро-русского сближения. Как известно, вскоре после подписания Ункяр-Искелесийского договора состоялась встреча Николая I с австрийским императором Францем в Мюнхенгреце, одним из важных результатов которой явилось подписание конвенции о восточных делах 6(18) сентября 1833 г. В ней договаривающиеся стороны обязались поддерживать существование Османской империи, противодействовать и предотвращать любую опасность для существующего порядка вещей в Турции, а «в случае ниспровержения современного порядка» действовать по обоюдному согласию с тем, чтобы изменения во внутреннем строе Турецкой империи не затронули безопасность владений договаривавшихся сторон и прав, обеспеченных за ними трактатами. Россия во всех вопросах, касающихся Турции, должна была принимать решения, согласованные с Австрией.

В немецкой литературе Мюнхенгрецкое соглашение относительно Османской империи обычно рассматривалось как крупная дипломатическая победа Меттерниха, добившегося ограничения самостоятельных односторонних действий царского правительства в Восточном вопросе и смягчившего удар, нанесенный интересам европейских держав Ункяр-Искелесийским договором¹⁵.

В русской историографии оно оценивалось различно. Так, например, С. С. Татищев, критикуя общее направление политики царского правительства в Восточном вопросе в 30-е годы, считал австро-российское соглашение по делам востока совершенно ненужным России. По его мнению, Австрию не было необходимости отвлекать от союза с Англией и Францией, который был неосуществим¹⁶. Советский историк А. В. Фадеев рассматривал Мюнхенгрецкие соглашения только как уступку Австрии со стороны царя, связавшего себе руки в отношении турецких дел. Он считал, что заявление К. В. Нессельроде о том, что в будущих «замешательствах» на Востоке Австрия будет вместе с Россией, а не против нее, было лишь проявлением наивности пр авострийски настроенного вице-канцлера¹⁷.

Иную точку зрения высказывает Н. С. Киняпина. Анализируя международную обстановку, сложившуюся после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и заключения Ункяр-Искелесийского договора, она подчеркивает важную роль, которую могла сыграть Австрия в создании антирусской коалиции, и рас-

¹⁵ A. Beeg. Die orientalische Politik..., S. 401; E. Molden. Указ. соч., стр. 117—118; H. Srbik. Metternich, der Staatsmann und der Mensch, S. 686—688.

¹⁶ С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, стр. 393—395.

¹⁷ А. В. Фадеев. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, стр. 363—364.

четы царя на то, что съезд монархов в Мюнхенгреце станет эффективным средством, могущим удержать Австрию от союза с Великобританией. Киняпина считает, что, взяв на себя обязательство принимать решения в вопросах, касающихся Турции и ее владений, согласованно с Австрией, императорский двор учитывал, что сложившаяся в это время международная обстановка практически делала невозможным единоличное вмешательство России в дела Турции, и это заставляло его заручиться единственным возможным в это время союзником в восточных делах¹⁸.

По нашему мнению, если рассматривать Мюнхенгрецкую конвенцию с точки зрения общих результатов политики Николая I в Восточном вопросе, надо будет признать бесполезность для русских интересов союза с Австрией. Но необходимо учитывать, что вся политическая система царизма в 30—40-е годы XIX в. была основана на союзе с монархическими державами Европы и в первую очередь с Габсбургской империей, которая в восточной политике всегда имела возможность объединиться с Англией и Францией. Если даже перспектива англо-австрийского союза, направленного против России, в 1833 г. и не была слишком реальной, то она все же существовала. В то же время вполне реальной для русской дипломатии при сложившейся международной ситуации была полная изоляция в делах, касающихся Турции. Все это и заставляло Николая I чрезвычайно дорожить таким союзником в восточных делах, каким являлась Габсбургская монархия, крепко связанная с царизмом общими интересами в борьбе с революцией. Для петербургского двора было важно и то, что в Мюнхенгреце, хотя и в самых общих чертах, было зафиксировано обязательство обеих держав действовать согласованно в случае распада Турции.

Все это показывает, что Мюнхенгрецкая конвенция сделалась возможной отнюдь не благодаря дипломатическому гению Меттерниха. Она вполне соответствовала интересам как венского кабинета, так и царского правительства.

Мюнхенгрецкая конвенция между Россией и Австрией по Восточному вопросу определила особенности дальнейших отношений между двумя государствами в их балканской политике и, в частности, в сербском вопросе. Австро-русское соглашение не уничтожило, а лишь несколько ослабило противоречия двух держав, борющихся за политическое преобладание в турецких провинциях, расположенных по течению Дуная. Стараясь показать свою лояльность, царское правительство во всех своих акциях в отношении Турции и балканских народов точно сле-

¹⁸ Н. С. Киняпина. Мюнхенгрецкие и Берлинские конвенции 1833 г.—«Научные доклады высшей школы».—«Исторические науки», 1960, № 1, стр. 80—81.

довало духу Мюнхенгрецких соглашений, а также шло на ряд серьезных уступок австрийцам.

Так, например, оно старалось не оказывать открытого противодействия австрийским интересам в низовьях Дуная. Опасение, что оккупация Дунайских княжеств может осложнить отношения с Веной (помимо желания продемонстрировать благорасположение к самой Порте), заставило Николая I, несмотря на наличие оппозиции в этом вопросе в правительственные кругах, отказаться в 1834 г. от оккупации Молдавии и Валахии. Подобная мера должна была закрепить доверие Меттерниха к «консервативным принципам» политики царя.

Помимо этой важной уступки, петербургский двор шел и на ряд других, казалось бы, мало заметных. Так, например, весьма примечательна позиция царской дипломатии во время переговоров, ведшихся в 1834 г. между австрийским интернуницием (послом в Константинополе) бароном Штюремером и Портой о проведении работ по улучшению русла Дуная около Орсовой и открытии пароходного сообщения через Дунай и Черное море с Константинополем. Интересы недавно основанной Первой Дунайской пароходной компании заставляли австрийскую дипломатию действовать в этом вопросе чрезвычайно упорно.

Между тем турецкое правительство не проявляло заинтересованности в проведении работ для облегчения судоходства по Дунаю, а его вассалы — видинский паша Гусейн и сербский князь Милош Обренович — оказывали усиленное давление на Порту, стремясь заставить ее отказать австрийским настояниям, ибо облегчение судоходства по Дунаю в районе Джердара лишало их доходов от транзита товаров, шедших сушей через Сербское княжество и Видинский пашалык, а местных жителей — заработка, которые они имели, проводя мелкие суда через пороги. В письме к реис-эфенди (турецкому министру иностранных дел) Милош Обренович доказывал, что уничтожение порогов около Орсовой приведет к росту австрийской торговли в балканских провинциях и нанесет ущерб торговым интересам сербов и болгар¹⁹. Вопрос о развитии австрийского судоходства по Дунаю очень занимал в это время сербов. Он обсуждался сербским князем и с французом Боа-ле-Контом, побывавшим в Сербии в 1834 г. Последний доказывал пользу расширения судоходства по Дунаю, но выразил предположение, что этому будет препятствовать Россия, боявшаяся открыть путь австрийцам в Валахию и к Черному морю²⁰.

¹⁹ См. донесение Рикмана из Константинополя 2 (18) марта 1834 г.—Архив Внешней Политики России, ф. Канцелярия, 1834, д. 33, л. 404 (в дальнейшем — АВПР).

²⁰ С. Новаковић. Србија у години 1834. Писма грофа Боа-ле-Конта де Рини министру иностраних дела у Паризу о тадашњем стању у Србији.—«Споменик», кн. XXIV. Београд, 1894, стр. 36.

Между тем именно царское правительство помогло осуществлению планов расширения австрийского судоходства по Дунаю. Получив отказ Порты, венский кабинет обратился к императорскому министерству иностранных дел с просьбой оказать со своей стороны давление на турецкое правительство, а в это время Штюрмер усиленно добивался вмешательства в решение данного вопроса императорской миссии в Константинополе, влияние которой на Порту в это время было всесильным.

Считая вопрос о судоходстве по Дунаю важным в торговом и политическом отношениях, русский поверенный в делах в Константинополе в марте 1834 г. запросил инструкции своего шефа. Он указывал при этом, что навигация по Дунаю откроет новый вид связи Австрии и других государств Центральной Европы со странами Леванта, а это может привести к изменениям в положении и торговых отношениях на побережье Дуная и Черного моря и в соотношении сил между великими державами²¹.

Характерно, что петербургский двор долго затруднялся выработать свою позицию в данном вопросе. Лишь через несколько месяцев в Константинополе была получена депеша, предписывающая русскому послу поддержать просьбу австрийцев о проведении работ по улучшению русла Дуная. В ней говорилось, что расширение судоходства по Дунаю не может нанести ущерб ни интересам России, ни интересам Турции²². Подобная инструкция должна была заставить русского посла А. П. Бутенева действовать наставлениям Штюрмера, которому удалось добиться значительных привилегий в пользу австрийского общества судоходства по Дунаю, вскоре ставшего проводником торгового и промышленного влияния монархии Габсбургов в турецких владениях.

Как мы видим, русское правительство своей политикой уступок Габсбургам облегчало в некоторых случаях экономическое проникновение австрийцев на Балканы и в страны Леванта, не противодействовало их политическим интересам в Турции. Эти особенности русской политики наглядно проявлялись в дипломатических акциях, касающихся непосредственно Сербского княжества.

О том, как представляло себе царское правительство сложную ситуацию, создавшуюся в Сербии из-за австро-русского соперничества, можно судить по некоторым дипломатическим документам, исходившим от Российского министерства иностранных дел. Так, например, в инструкции князю В. Л. Долгорукому, направленному в сентябре 1837 г. со специальной миссией в Сербию, говорилось: «Венский двор, неразрывно связанный с Россией тесным союзом, полностью поддерживает консерва-

²¹ Донесение Рикмана 2 (18) марта 1834 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1834, д. 33, л. 404—405.

²² Проект депеши Бутеневу 24 июля 1834 г. Там же, л. 475—479.

тивные принципы, которыми мы руководствуемся в отношении Турции. Тем не менее в том, что касается специально Сербии, австрийский министр проявляет в отношении нас некоторое чувство ревности, объясняющееся, вероятно, тем преимущественным влиянием, которым мы пользуемся в этой провинции, граничной с Австрией. Поэтому мы должны, насколько это возможно, избегать всего, что может возбудить обиду венского кабинета и породить у него неосновательные подозрения»²³.

Между тем с внешней стороны между двумя дворами поддерживались самые дружественные отношения в делах, касающихся Сербии. Чтобы избежать «подозрительности» австрийцев, русский посол в Константинополе обычно сообщал доверительно австрийскому интернунию о всех дипломатических акциях своего правительства в отношении Сербского княжества, исключая в то же время непосредственное участие австрийской стороны в решении вопросов, касающихся Сербии, что соответственно договорам входило в компетенцию только России и Турции. Венский кабинет со своей стороны не высказывал открыто претензий в этом отношении, но иногда действовал в Константинополе за спиной русской миссии или пытался оказать косвенное давление на то или иное решение сербских дел Портой и Россией.

Весьма характерным для австро-русских отношений явилось решение вопроса об основании австрийского консульства в Белграде в 1835—1836 гг. Несмотря на то, что Россия являлась державой—покровительницей Сербии и была заинтересована в поддержании с ней тесных политических контактов, в получении достоверных сведений о внутреннем положении этой провинции и соседних с ней земель, Николай I демонстративно отказывался от учреждения русского консульства в Белграде. Это должно было, по его расчетам, доказать державам и особенно Австрии нежелание петербургского двора злоупотреблять своими правами в отношении Сербии, активно вмешиваться в ее внутренние дела и, главное, не создавало precedента для учреждения в Сербии других консульств. Однако Меттерних предпочел не замечать этих расчетов своего союзника: в 1835 г. по его поручению Штюрмер выступил с демаршем Порте об открытии австрийского консульства в Белграде. Эта просьба была официально обоснована интересами неуклонно развивавшейся торговли Австрии с Сербским княжеством, увеличением торговых связей по Дунаю после открытия пароходного сообщения в среднем и нижнем течении этой реки²⁴.

²³ Инструкция Долгорукому от 30 августа 1837 г.—АВПР, ф. V, А-2, 1937, д. 218, л. 15—16.

²⁴ Донесение Бутенева 4 (16) октября 1835 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 49, л. 308; Донесение Бутенева 19 июня (1 июля) 1836.—АВПР, ф. Канцелярия, 1836, д. 40, л. 416.

Действительно, прежде всего торговые интересы побудили венский кабинет первым поторопиться основать свое консульство в Белграде. Вопрос об этом возникал уже давно, а в 1831 г. с предложением по этому поводу выступил Фойт, военный комендант г. Земуна, являвшегося основным складом австрийских товаров для переправки их на правобережье Дуная и Белград. В 1834 г. по запросу Дворцового совета военный комендант Славонской военной границы Радошевич представил ответы на вопросы, связанные с учреждением консульства в Белграде²⁵. Они были составлены на основании данных Фойта и содержали сведения о торговле и торговых предприятиях в Сербии. В заключение говорилось, что «комерческие интересы требуют основания консульства, так как это может способствовать «увеличению объема торговли через Белград, к чему открывается перспектива ввиду нового положения Сербии»²⁶.

Но для учреждения консульства в Сербии у австрийского правительства были и важные политические соображения, связанные с той ролью, которую в это время стало играть полуавтономное Сербское княжество в борьбе великих держав за политическое преобладание на Балканском полуострове. Венский кабинет стремился расширить свои политические позиции в этой стране, ослабив преобладание там русского влияния. К тому же произошедшее в Сербском княжестве в начале 1835 г. восстание против князя Милоша и провозглашение конституции на Сретенской скупщине побуждали венский кабинет усилить наблюдение за внутренней жизнью своей опасной соседки. Создание австрийского консульства в Белграде могло облегчить осуществление всех этих политических задач.

Между тем перспектива основания австрийского консульства в Белграде вызвала опасения Порты. Решение этого вопроса было отсрочено турецким министерством иностранных дел до предстоящего прибытия в Константинополь сербского князя Милоша Обреновича. Осенью 1935 г. между реис-эфенди Акифом-пашей, Штюрмером и Милошем проходили переговоры относительно учреждения австрийского консульства. Из донесений русского посла Бутенева, который сам не участвовал в переговорах, но получал подробные сведения о них от князя Милоша и Акифа-паши, видно, что интернунций проявил большую настойчивость в своих хлопотах, но реис-эфенди и князь Милош не были склонны удовлетворить желание австрийцев «из-за могущих возникнуть прямых затруднений и неудобств» (т. е., вероятно, из-за боязни нежелательной политической деятельности самих австрийцев) и из-за того, что это создаст прецедент для основания

²⁵ Л. Ђалап. Око оснивања аустријског и енглеског консулата у Београду.—«Годишњак града Београда», кн. VII, 1960, стр. 159.

²⁶ Там же, стр. 161—163.

консульств других государств — Англии и Франции, которые послали бы своих агентов в Сербию уже с политическими целями²⁷.

Русский посол при данных обстоятельствах предпочел занять «пассивную позицию», стараясь не создавать впечатления, что императорская миссия препятствует осуществлению плана дружественной державы. Однако Бутенев конфиденциально советовал реис-эфенди и Милошу оттягивать решение вопроса, не принимая его необдуманно²⁸. Этим, если верить донесениям Бутенева, ограничились противодействие австрийским настроениям со стороны русской дипломатии, которого больше всего опасался венский кабинет. Именно поэтому переговоры велись Штюрмером втайне от русской миссии с применением всех возможных средств давления на Порту. При этом Милош Обренович, хотя и заверял Бутенева в своем отрицательном отношении к проекту основания австрийского консульства в Белграде, в действительности очень скоро стал помогать его осуществлению. Характерно, что Бутенев узнал об открытии австрийского консульства в Сербии из газет, после чего интернунций подтвердил эту новость, о которой он «по забывчивости и занятости другими делами» не смог будто бы сообщить своему коллеге ранее²⁹. Таким образом, в данном случае австрийской дипломатии удалось добиться успеха, действуя без содействия своего русского союзника и как бы в обход его.

Начиная с 1833 г., а особенно заметно в 1836 г., в связи с отказом русского правительства решить вопрос о сербском уставе (конституции), наблюдалось заметное охлаждение отношений между сербским князем и Российским министерством иностранных дел. Как бы в противовес этому в 1835—1836 гг. австрийская дипломатия предпринимает ряд шагов к сближению с Милошем Обреновичем. Для этого было использовано пребывание последнего в Константинополе летом и осенью 1835 г., во время которого Штюрмер проявлял подчеркнутое внимание к сербскому князю и оказывал ему всевозможные почести.

Еще до этого, по представлению Меттерниха, австрийский император подписал приказ о награждении Милоша высоким австрийским орденом Железной короны 1-й степени³⁰. Это позволило интернунцию дать соответствующие обещания тщеславному князю, что, по-видимому, существенно повлияло на его позицию в вопросе об учреждении австрийского консульства в Белграде. В 1836 г. венский кабинет в переписке с князем Милошем

²⁷ Донесение Бутенева 4 (16) октября 1835 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 49, л. 308—309.

²⁸ Там же, л. 308.

²⁹ Донесение Бутенева 19 июня (1 июля) 1836 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1836, д. 40, л. 415.

³⁰ В. Попов и Н. Меттерниха политика..., стр. 143.

начинает употреблять титул «светлость», которого тот тщетно добивался у русского правительства.

Все сказанное свидетельствует о том, что австрийская дипломатия в это время делала ставку на использование своих личных контактов с князем Милошем для расширения экономических и политических позиций Австрии в Сербском княжестве. Эти действия венского кабинета, по существу противоречившие интересам русской политики в Сербии и на Балканах, были вскоре замечены императорской миссией в Константинополе и генеральным консульством в Бухаресте. К тому же враги Милоша спешили сообщить русским дипломатам о его близких отношениях с венским кабинетом, секретных переговорах со Штурмером, который якобы обещал оказать в случае необходимости военную помощь сербскому князю, о согласии последнего на учреждение австрийского консульства в Белграде и т. д.³¹

Наметившееся сближение Милоша Обреновича с австрийским правительством в противовес России не нашло в это время поддержки со стороны правящей группы сербских «старейшин» (высших чиновников), не привело к укреплению пошатнувшегося авторитета князя в стране, а наоборот, было использовано в борьбе против него оппозиционной партией, искавшей опору в русском правительстве.

Таким образом, противоречия русских и австрийских политических интересов на Балканах и конкретно в Сербии в середине 30-х годов XIX в. становились все более ощутимыми. Стремясь укрепить свои экономические и политические позиции в соседней турецкой провинции, австрийская дипломатия, с одной стороны, использовала стремление царя идти на уступки своему союзнику, а с другой,— не пренебрегала возможностью действовать тайно и в обход русских. И хотя вице-канцлер докладывал Николаю I, что Австрия, бывшая ранее противницей России в Восточном вопросе, превратилась «в наиболее верного ее друга и естественную помощницу»³², русские дипломаты должны были заметить, что этот «верный друг» пользуется каждым удобным случаем, чтобы нанести ущерб интересам России. Все это вело к росту соперничества и взаимного недоверия между двумя союзными державами в их взаимоотношениях в связи с балканскими делами.

Но при скрытом антагонизме и непримиримости интересов в одном направлении задачи политики царского и австрийского правительства были едины, а отношения прямы и искренни. Эти задачи состояли в борьбе с проникновением в Сербию, как и другие балканские провинции Порты, либеральных и револю-

³¹ Письма Е. Зорича Рикману: от 22 ноября 1835 г.— АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1835, д. 564, л. 27; от 16 апреля 1836 г.— АВПР, ф. Главный архив, V A-2, 1836, д. 217, л. 3.

³² Ф. Мартенс. Указ. соч., стр. 469.

ционных идей, с возникновением общественных движений, могущих принять революционное или национально-освободительное направление и тем самым нанести ущерб «консервативным принципам» обоих дворов и опекаемой ими Порты. Случай, позволивший царю и Габсбургам проявить единство действий и взаимное доверие, представился в Сербии в 1835 г.

После окончания вооруженной борьбы сербов с турками первым крупным событием в Сербском княжестве, сильно напугавшим как русское и австрийское правительства, так и Порту, был так называемый Милетин бунт — попытка восстания против власти князя Милоша, вынудившая последнего провозгласить 3 февраля 1835 г. на скрещине в Крагуевце Сретенский устав.

В это время только Австрия через свои пограничные власти имела возможность быстро узнавать обо всем, что происходило в Сербии. Поэтому первые сведения о Милетином бунте были получены от военного коменданта Земуна, генерала Фойта. Австрийский интернунций немедленно сообщил их реис-эфенди Акифу-паше и Бутеневу³³. Рассказав русскому послу о начавшемся в Сербии восстании, Штюрмер как бы представил ему основания к тому, чтобы держава-покровительница приняла необходимые меры для восстановления «законного порядка» в Сербии. Само австрийское правительство не имело нужды действовать в этот момент самостоятельно и добиваться отмены Сретенского устава, так как Бутенев еще до получения соответствующих инструкций из Петербурга занял резко отрицательную позицию по отношению к восстанию Милеты и самостоятельному провозглашению сербами конституции без согласования с царским правительством и Портой. Он заявил приехавшему в Константинополь сербскому представителю, что Сретенский устав не будет одобрен царем, добился решения Милоша не проводить его в жизнь и заняться составлением нового устава.

Австрийское и русское правительства были напуганы не столько существом содержания Сретенского устава, сколько самим фактом его провозглашения. Подобный акт придавал Сербии видимость независимого государства, которое может не только определять свое внутреннее устройство, но и политическое положение. Он как бы расширял зафиксированные в русско-турецких договорах права Сербии, находящейся под верховной властью Порты. С другой стороны провозглашение устава, по самой форме напоминавшего конституционные законы западноевропейских государств, могло явиться началом проникновения в Сербское княжество революционных и демо-

³³ Донесение Бутенева 30 января (11 февраля) 1835 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 47, л. 190.

кратических идей, послужить дурным примером для других народов и стран.

В деле борьбы против всех этих опасных тенденций венский двор полностью рассчитывал на царя. Именно поэтому Меттерних, уже зная о том, что конституция в Сербии не введена в жизнь, в мае 1835 г. через своего посла в Петербурге графа Фикельмона сделал специальное заявление вице-канцлеру «относительно событий, произошедших в Сербии, и плачевых результатов решения скупщины в Крагуевце», высказав убеждение, «что Россия не останется индеферентной к скверным тенденциям, которые обнаружил конституционный акт, объявленный в Сербии»³⁴. В ответ на это Нессельроде заверил Меттерниха, что Россия не может признать существование в Сербии подобного устава, который «претендует на то, чтобы придать Сербии видимость государства, призванного к политическому существованию, близкому к конституционным формам», и как бы представил венскому правительству как заинтересованной стороне отчет о мерах, предпринятых Россией в деле о сербском уставе. При этом вице-канцлер усиленно подчеркивал, что царское правительство считает своей обязанностью следить за тем, чтобы сербы не превышали своих прав как жителей «привилегированной провинции, находящейся в составе Османской империи», т. е. остается верным провозглашенному в Мюнхенгреце обязательству поддерживать целостность и неприкосновенность Турции³⁵.

С тех пор между двумя дворами установился контакт и взаимопонимание в вопросах, касающихся подготовки сербского устава и государственных законов. Оба государства были единодушны в том, что сербский устав и законы не должны походить на законодательные кодексы конституционных государств и конкретно Франции. Последнее обстоятельство особенно беспокоило Меттерниха, поэтому венский кабинет, не имея основания для официального участия в подготовке или обсуждении сербского устава и государственных законов, не отказался от попыток оказать в этом отношении свое косвенное влияние, действуя в одних случаях через посредство своего русского союзника, а в других,— оказывая давление на самих сербов.

Именно в связи с вопросом о сербском уставе, приобретшим в это время чрезвычайно важную роль в общественной жизни Сербского княжества и вызвавшим ожесточенную внутреннюю борьбу, началось в 1836—1837 гг. осторожное, но последовательное вмешательство австрийского правительства во внутреннюю жизнь Сербии. Но для того чтобы понять существо-

³⁴ Проект депеши Татищеву 31 мая 1835 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1835, д. 241, л. 103.

³⁵ Там же, л. 103—106.

этого вмешательства, необходимо кратко сказать, как стоял в это время вопрос о сербской конституции.

После отмены Сретенского устава царское правительство направило в Сербию со специальной миссией своего генерального консула в Бухаресте П. И. Рикмана, с участием которого в июле 1835 г. был выработан цвый проект «регламента», поставленный, казалось бы, в полное соответствие со смыслом специальной статьи о Сербии в Аккерманской конвенции и § VI Адрианопольского мира, а также с сultанскими хаттишерифами (грамотами), дарованными сербам. Однако и этот проект после длительного и детального обсуждения в Петербурге был отвергнут царем. Такое решение было следствием ряда соображений, к которым добавилось, возможно, и косвенное давление Меттерниха³⁶. После этого русское правительство как бы устранилось от непосредственного участия в переработке и апробации сербского устава, потребовав, однако, чтобы из него были удалены все статьи «политического характера», т. е. определявшие положение Сербского княжества в Турецкой империи, привилегии сербов, прерогативы власти князя, его наследственные права на сербский престол и т. д. Подобная позиция царского правительства снова отсрочила и осложнила решение вопроса о сербском уставе, привела к ухудшению отношений между Милошем Обреновичем и Российским министерством иностранных дел. Создавшаяся ситуация открыла некоторые возможности для оказания влияния на подготовку сербского законодательства со стороны Австрии, и ею не преминул воспользоваться Меттерних.

Осенью 1836 г. в Белград прибыл австрийский консул, хорват по национальности Антун Миханович, деятельность которого могла положить начало непосредственному вмешательству Австрии во внутренние дела сербов. Уже в это время в Вене возникли опасения, что сербское законодательство подготавливается на основе Кодекса Наполеона. Поэтому Михановичу было дано указание убедить сербского князя в неразумности и опасности подобных намерений и советовать придерживаться старых правовых норм и обычаев³⁷.

Между тем подготовка законов велась в Сербии медленно и наталкивалась на серьезные трудности прежде всего из-за от-

³⁶ П. И. Рикман, описывая положение, создавшееся в Сербии в связи с тем, что новый регламент был отвергнут императорским двором, упоминает, что сведения о том, что венский двор при свидании в Теплице в сентябре 1835 г. осудил введение в Сербии какого бы то ни было регламента, побудили князя Милоша следовать своей прежней самовластной системе правления. (Донесение Рикмана Бутеневу 6 ноября 1836 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1836 г. д. 42, л. 462). К сожалению, более точных данных, подтверждающих этот факт, у нас не имеется.

³⁷ М. Кирович. Јован Хаџић. Нови Сад, 1930, стр. 72.

существия опытных юристов. Возникла идея пригласить таковых из Австрии, и кандидатуры были обсуждены с Михановичем вскоре после его прибытия в Белград. Выбор пал на двух австрийских сербов — Йована Хаджича и Васу Лазаревича. Австрийский консул охотно взялся согласовать этот вопрос с Веной и незамедлительно получил согласие Дворцового совета, т. е. Меттерниха, на командирование в Сербию Хаджича и Лазаревича, которые вскоре прибыли в Белград³⁸.

Весьма примечательно, что в начале своей деятельности австрийские юристы работали под прямым контролем Михановича. В монографии М. Кичовича о Йоване Хаджице приведены интересные сведения из переписки между австрийским консулом и Меттернихом, которые доказывают, что Миханович ревностно исполнял приказ своего шефа. Он приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать использованию сербами французского законодательства, сделав своим орудием в этом отношении Хаджича и Лазаревича. Последние передавали Михановичу свои проекты, переписку с князем Милошем. Все эти материалы с необходимыми объяснениями тотчас переправлялись Меттерниху. Чтобы собрать о Сербии как можно больше сведений, Миханович уговорил Хаджича и Лазаревича просить у Милоша разрешения объехать различные районы страны для сбора сведений о сербских правовых обычаях³⁹.

Даже эти неполные данные о деятельности австрийского консула, получавшей полное одобрение в Вене, показывают, что в это время Меттерних попытался установить свой контроль за подготовкой сербского законодательства. Добиваясь, чтобы сербы не заимствовали французских законов, он, естественно, старался создать условия для того, чтобы государственное устройство Сербского княжества строилось по австрийскому образцу. Участие в подготовке сербских законов юристов немецкой школы создавало для этого необходимые предпосылки⁴⁰.

Но заимствование сербами французского законодательства представлялось венскому кабинету столь страшной угрозой, что он решил не ограничиваться только собственными средствами борьбы с подобными тенденциями. В июне 1837 г. Меттерних направил депешу австрийскому послу в Петербурге Фикельмону, который должен был сообщить вице-канцлеру, что австрийское правительство имеет «косвенные сведения» о том, что князь Милош намеревается основать новое законодательство на Кодексе Наполеона. По мнению Меттерниха, это могло быть следствием подстрекательства тайных обществ, которые хотят создать но-

³⁸ М. Кичович. Јован Хаджић, стр. 72.

³⁹ Там же, стр. 78.

⁴⁰ Хаджић явился автором изданного в 1844 г. Гражданского законника княжества Сербского, носившего черты влияния австрийских законодательных норм.

ые очаги мятежей и беспорядков в этом районе и использовать их затем в своих интересах. В создавшемся положении, продолжал Меттерних, нужно объединить усилия, «чтобы избежать могущего возникнуть зла». Далее выражалась уверенность, что Нессельроде оценит серьезность положения и найдет способы для эффективного пресечения опасности⁴¹. Посылка данной депеши явилась также удобным случаем, чтобы известить императорское министерство иностранных дел о деятельности австрийского консула в деле подготовки сербского законодательства и командировании в Сербию с этой целью двух австрийских юристов.

Сообщение Меттерниха, основанное, по-видимому, на сведениях, полученных от Михановича, и, как выяснилось вскоре, не имевшее сколько-нибудь серьезных оснований, вызвало серьезное беспокойство в Петербурге. Бутеневу в Константинополь и Рикману в Бухарест немедленно были даны предписания проверить справедливость полученного известия, сделать соответствующие запросы сербскому князю, заявив ему, что подобное законодательство «никогда не будет одобрено императорским кабинетом»⁴². И Бутенев и Рикман направили письма к Милошу Обреновичу в духе данных им предписаний. В ответе на них, а также в специальном письме к Нессельроде, сербский князь доказывал, что распространяемые в отношении его австрийцами слухи ложны, и попытался убедить русских дипломатов, что он не собирается провозглашать законодательство, «несообразное духу, образованности и надобностям народа»⁴³.

Ответ князя Милоша, казалось, должен был убедить императорский кабинет в безосновательности обвинений Меттерниха. Тем не менее царское правительство не ограничилось принятыми мерами. Возможно, что сообщение австрийского канцлера явилось одной из дополнительных причин, побудивших царя в сентябре 1837 г. послать в Сербию со специальной миссией своего адъютанта князя В. Л. Долгорукого. В инструкции, данной Долгорукому, говорилось, что русское правительство не допустит, чтобы сербы, заимствуя пример конституционных государств, пытались ввести в своей стране формы законодательства, несовместимые с ее положением, старыми обычаями и нравами. Долгорукий должен был заявить сербским старейшинам, что император «будет противостоять мнению, что сербы могут ввести у себя либеральные порядки, заимствованные из других стран, которые ничего общего не имеют с Сербией»⁴⁴.

⁴¹ Копия депеши Меттерниха Фикельмону 16 июня 1837 г.— АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1835—1837, д. 552, л. 189.

⁴² Депеша Родофинкина Рикману. Там же, л. 186—187.

⁴³ Письмо князя Милоша Нессельроде 9 августа 1837 г.— АВПР, ф. 1—9, 1830, д. 11/1, л. 154.

⁴⁴ Инструкция Долгорукому от 30 августа 1837 г.— АВПР, ф. V A-2, д. 218, л. 10, 13.

На этих примерах видно, что во всех вопросах, касающихся задач борьбы с так называемыми либеральными и революционными тенденциями, Меттерних предпочитал перекладывать всю ответственность на плечи России, считая своим долгом лишь направлять действия своего союзника. Такая позиция, несомненно, вполне устраивала венский кабинет.

Хотелось бы в связи с этим отметить, что само понятие «либеральное и революционное движение» в представлении двух дворов не вполне соответствовало реальному содержанию этих терминов. В Сербии в это время еще не зародилась революционная или либеральная идеология, а движение за провозглашение устава и ограничение власти князя Милоша, хотя в основе имело прогрессивную буржуазную направленность, было очень противоречивым. Но царя и Меттерниха в это время беспокоила прежде всего возможность проникновения в Сербию и на Балканы влияния из западноевропейских стран с конституционной системой правления и конкретно из Франции, которая, хотя в 30-х годах не проявляла активности на Балканах, была в их представлении постоянным рассадником революционных идей и мятежей против законной власти в Европе. Влияние французской революционной идеологии, заимствование основ французского государственного устройства могли в дальнейшем создать предпосылки для распространения среди балканских народов революционного или национально-освободительного движения.

Между тем сближение сербского князя с венским двором, в котором он, возможно, рассчитывал найти поддержку в связи с ухудшением взаимоотношений с царским правительством, оказалось непрочным. Этому способствовали часто возникавшие недоразумения между сербскими и австрийскими пограничными властями, споры, связанные с торговлей и пребыванием австрийских подданных в княжестве. Некоторые личные обстоятельства к тому же вскоре привели Михановича к сближению с оппозицией. Миханович испортил отношения с князем и начал сообщать о нем в Вену всевозможные неблаговидные сведения. Явно недружелюбным актом со стороны Меттерниха была упомянутая выше жалоба на сербского князя в Петербург, вызвавшая естественную обиду последнего.

Но ухудшение отношений между сербским князем и венским кабинетом нельзя связывать с некоторыми случайными обстоятельствами. Оно было вызвано рядом серьезных причин. Сближение с князем Милошем было использовано австрийцами для получения некоторых преимуществ в Сербии, но венский кабинет не мог рисковать осложнением своих отношений с царским правительством из-за поддержки в противовес ему интересов сербского князя. К тому же в 1837 г. усилилась борьба между Милошем Обреновичем, претендовавшим на сохранение своей неограниченной власти в стране, и оппозицией, требовавшей

предоставления широких прав в управлении Совету, составленному из наиболее влиятельных «старейшин». Стало ясно, что система правления, которую рассчитывал ввести Милош Обренович, столь же не соответствует интересам Австрии, как и России.

Но, пожалуй, решающим обстоятельством в этом отношении явился тот факт, что в 1837 г. в борьбу за политическое преобладание в Сербии вступила третья держава. Это была не Франция, которую так опасались царь и Меттерних, а более сильный противник России на Балканах — Великобритания. Меттерниху пришлось сделать выбор между Россией и Англией, которые обе были чрезвычайно заинтересованы в привлечении на свою сторону венского кабинета.

Как известно, Великобритания в 30-е годы XIX в. быстро укрепляла свои экономические и политические позиции на Ближнем Востоке. Ставясь любой ценой, любыми средствами подорвать русское влияние в Константинополе и среди народов Балканского полуострова, лондонский кабинет очень скоро обратил внимание на Сербию, оценив ту важную роль, которую в это время приобрело это полунезависимое славянское княжество в балканской политике России. В 1837 г. Пальмерстон предпринял попытку поколебать позиции царизма в Сербии, планируя в дальнейшем начать и экономическое проникновение Великобритании в Сербию.

Весной 1837 г., воспользовавшись прецедентом, созданным венским кабинетом, Великобритания основала свое консульство в Белграде, а английский консул полковник Георг Ходжес начал активно вмешиваться во внутренние дела Сербского княжества. Сблизившись с сербским князем, оказавшимся в тяжелом положении из-за роста в стране недовольства его властью и ухудшения отношений с царским правительством, английский консул стал поддерживать стремление Милоша Обреновича сохранить свою неограниченную монархическую власть. А в это время английская дипломатия в Константинополе старалась заставить Порту решить вопрос о сербском уставе не в интересах России.

Большую роль в осуществлении своих планов в Сербии Пальмерстон придавал Австрии. Венский кабинет, для которого расширение политического влияния России в Сербии при прочном господстве ее в Молдавии и Валахии представляло непосредственную угрозу, мог быть единственным союзником англичан в данном деле. Сколь бы ни было слабым политическое влияние австрийского правительства в Константинополе и в самой Сербии, оно могло сыграть решающую роль в исходе англо-русской борьбы. Если бы Австрию можно было оторвать от России и заставить действовать против нее вместе с английской дипломатией, Пальмерстон мог рассчитывать на победу в Сербии.

В книге С. Павловича «Англо-русское соперничество в Сербии» дан интересный анализ позиции Меттерниха в англо-русском конфликте в Сербии в 1837—1838 гг.⁴⁵, а в приложении представлена переписка между Пальмерстоном и английским послом в Вене Лембом по вопросу о значении позиции Австрии в планах Форейн Оффис. «Несомненно, что если нужно было бы выбирать между влиянием России и Австрии в Сербии,— писал Пальмерстон Лембу,— правительство ее величества предпочло бы австрийское влияние, ибо для мира и безопасности в Европе было бы значительно лучше, если бы Сербия находилась в зависимости от Австрии, чем если бы она стала членом русской системы». Влияние Австрии могло бы сделать Сербию «bastionом против русского нападения»⁴⁶.

Еще большее значение роли Австрии в борьбе за вытеснение русского влияния в Сербии придавал Фридрих Лемб. Он не одобрял чрезмерной активности Ходжеса, установившего тесный союз с сербским князем, дав ему маловыполнимые обещания. Подобные действия английского консула могли только отпугнуть Меттерниха. Лемб отмечал рост активности Австрии в отношении дунайских провинций Порты. Поддерживая эти тенденции, Великобритания могла бы способствовать укреплению в Сербии влияния, соперничавшего с русским. «Если она (Австрия) спасет нас от установления русского влияния в Сербии,— это будет все, что мы можем желать»⁴⁷,— писал английский посол своему шефу. Таким образом, Лемб считал, что английская дипломатия не должна действовать в Сербии самостоятельно, но зато должна помочь Австрии вытеснить из этой страны русское влияние. Подобный план, возможно, мог привести англичан к успеху, если бы они попытались осуществить его с достаточным тактом. Но Пальмерстон предпочел действовать в Сербии самостоятельно, поощряя открытое вмешательство великобританского консула во внутренние дела Сербского княжества.

Между тем австрийское правительство было сильно обеспокоено внезапно обнаружившимся интересом английской дипломатии к Сербии. Характерно, что уже известие о получении английским послом в Константинополе Понсонби разрешения на основание великобританского консульства в Белграде вызвало официальный протест Меттерниха. В мае 1837 г. австрийский интернунций заявил русскому послу о полученной инструкции, предписывающей заявить по этому поводу демарш Порте, ибо Великобритания не имела никаких торговых интересов в Бел-

⁴⁵ S. Pavlowitch. Anglo-russian rivalry in Serbia. 1837—1839. The mission of Colonel Hodges. Paris, 1961, p. 62—73.

⁴⁶ Депеша Пальмерстона Лембу 7 октября 1837 г.—S. Pavlowitch. Указ. соч., стр. 194.

⁴⁷ Там же, стр. 64—65.

граде. В инструкции говорилось, что присутствие в Сербии английского консула может способствовать «усилению зачинщиков либерализма и революционных интриг», а это опасно и для Отоманской империи и для соседнего Австрийского государства. По утверждению Штюрмера, венский кабинет обратился к царскому правительству с просьбой поддержать этот демарш. Однако Бутенев отказался присоединиться к подобной акции, ограничившись наведением справок по данному вопросу в турецком министерстве иностранных дел⁴⁸.

Как и следовало ожидать, протест Штюрмера остался безрезультатным, вызвав лишь сетование реис-эфенди на то, что Австрия сама создала прецедент для основания в Сербии консульств других держав, чему Порта упорно сопротивлялась⁴⁹. Можно предположить, что подобный результат мог предвидеть и Меттерних, которому, однако, было важно продемонстрировать царскому правительству свою позицию в данном вопросе и готовность противодействовать попыткам Форейн Оффис развить опасную для России активность на Балканах.

Венский кабинет не мог в это время идти на осложнение отношений со столь необходимым Австрии русским союзником из-за сербских дел, и это определяло его позицию в борьбе между Россией и Англией в Сербии. К тому же перспектива экономического проникновения Великобритании в Сербию представляла для Габсбургского государства еще большую опасность, чем чисто политическое и потому непрочное преобладание там России, а деятельность в Сербии слившего либералом английского консула с самого начала вызывала опасения Меттерниха. С другой стороны, английская политика в Сербии могла привести к умалению в этой провинции русского влияния, что вполне соответствовало интересам Габсбургов.

При таких обстоятельствах Меттерниху выгоднее всего было лавировать, не отказываясь наотрез от союза с Великобританией, но в то же время не нарушая согласованных действий с Россией в отношении Сербии.

Летом и осенью 1837 г. Лемб неоднократно беседовал с Меттернихом, убеждая его в необходимости активизации австрийского вмешательства в дела Сербского княжества с целью вытеснения оттуда русского влияния. Он запугивал австрийского канцлера угрозой перехода Белграда под влияние России, что создало бы условия для русского проникновения в глубь западной части Балканского полуострова вплоть до Адриатического побережья. Но Лемб безуспешно побуждал венский кабинет выступить с энергичным заявлением в Петербурге о необходимости

⁴⁸ Донесение Бутенева 13 (25) мая 1837 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1837, д. 39, л. 432.

⁴⁹ Там же, л. 432—434.

остановить русское проникновение на левобережье Дуная. В ответ на это Меттерних предложил выступить с совместным заявлением об отзывании всех иностранных консулов из Сербии⁵⁰.

Отказавшись от какого-либо соглашения с англичанами в отношении сербских дел, Меттерних с самого начала заверил Лемба, что Австрия сама заинтересована в «сбалансированности» русского влияния в Сербии, и обещал, что австрийский консул будет наблюдать за всеми действиями России в Сербии и поддерживать интересы сербского князя. Но попытки Ходжеса установить контакт с Михановичем, чтобы действовать совместно против русской политики в поддержку князя Милоша, закончились неудачей. Австрийский консул открыто осуждал действия Милоша, находился в тесных связях с его противниками и следил именно за действиями английского консула и его переговорами с сербским князем по политическим вопросам. О событиях в Сербском княжестве и о своем участии в них Миханович подробно сообщал в Вену, и его действия, направленные в ущерб интересам Милоша, фактически одобрялись.

Характерно при этом, что австрийский интернунций в Константинополе передавал русскому посольству копии донесений Михановича, в которых тот красочно описывал беззакония и злоупотребления властью со стороны Милоша Обреновича, и сообщал о надвигавшейся угрозе нового восстания в Сербии⁵¹. По-видимому, это делалось с целью побудить царское правительство принять со своей стороны меры для обуздания самовластия князя Милоша и предотвращения могущих возникнуть снова в Сербии беспорядков, которых так опасались австрийские власти.

Меттерних не отказывался и от контактов с английскими дипломатами в отношении сербских дел, благодаря чему сумел оказать определенное влияние на решение вопроса о сербской конституции, который в 1838 г. стал основной формой англо-русской борьбы за преобладание в Сербии. Поддерживая претензии сербского князя на неограниченную власть в противоположность стремлению царского правительства предоставить широкие права в управлении страной Совету, английская дипломатия рассчитывала добиться победы, используя свое возросшее политическое влияние на Порту. Выдвинув идею о вызове сербских депутатов в Константинополь для решения там вопроса об уставе, английский посол Понсонби решил подкрепить свой план авторитетом Меттерниха. Последний не отказался присоединить свой голос к данному предложению⁵².

Результатом этой политической комбинации явился султан-

⁵⁰ М. Гаврилович. Указ. соч., стр. 133—136.

⁵¹ Донесения Рикмана из Константинополя 22 октября (3 ноября) 1837 г. и 20 ноября (2 декабря) 1837 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1837, д. 42, л. 60, 128.

⁵² Ч. Михатович. Кнез Милош и пуковник Ходес.—«Споменик», кн. XVII. Београд, 1892, стр. 75.

ский хаттишериф, дарованный сербам в декабре 1838 г. Сама форма этого конституционного акта, прозванного «турецким уставом», была оскорбительной для сербов, как бы символизируя власть султана над своими подданными.

В вопросе о сербском уставе царское правительство добилось видимой победы, и это в значительной мере было обусловлено тем фактом, что английским дипломатам не удалось оторвать Меттерниха от России, заставить его открыто выступить на своей стороне, чтобы совместными усилиями добиться вытеснения русского влияния из Сербии.

Вместе с тем Англия сумела в конце 30-х — начале 40-х годов в значительной мере подорвать русские позиции в Турции. Это помимо других причин способствовало ослаблению русского влияния в Сербии. После 1842 г., с приходом к власти в Сербском княжестве уставооборонителей (защитников устава), влияние России в этой стране сильно ослабло, что создало условия для расширения там экономических и политических позиций Австрийской монархии.

* * *

Если на основе изложенных фактов мы попытаемся анализировать политику австрийского правительства в отношении только что возникшего полунезависимого Сербского государства, мы придем к заключению, что она не была столь пассивной, как это может представиться на первый взгляд, что цели ее отнюдь не ограничивались поддержанием мира и спокойствия на своих границах.

Габсбургская монархия, с одной стороны, стремилась устранить возможность расширения политической независимости Сербского княжества, а с другой,— противодействовать росту русского влияния в Сербии, не допуская в то же время замены его экономическим и политическим преобладанием Великобритании.

Однако сложный комплекс международных отношений, особенности расстановки сил в борьбе вокруг Восточного вопроса не позволяли австрийскому правительству открыто и прямо действовать для осуществления своих целей. Оно должно было скрывать свои истинные интересы под маской пассивности и неинтересованности в балканских делах, осторожно лавировать, оставаясь в тени, действуя не самостоятельно, а через посредство своих партнеров — царского правительства или лондонского кабинета, в то же время противодействуя их планам. Но в противоборстве с проникновением на Балканы революционной и демократической идеологии, возникновением там революционных или национально-освободительных движений Габсбургская монархия не имела нужды действовать самостоятельно, предпочитая перекладывать эту обязанность на царское правительство.

Несмотря на то, что международный престиж Австрии в первой половине XIX в. сильно снизился, а интересы восточной политики были для нее в это время отодвинуты на второй план другими задачами, габсбургское государство продолжало играть немаловажную роль в международных отношениях Юго-Восточной Европы. Именно поэтому в расчетах и планах царизма и английских либералов, боровшихся за преобладание в Турции и её владениях, большая роль отводилась позиции венского кабинета, которая в значительной степени определяла соотношение сил в англо-русской борьбе. Эта политическая ситуация умело использовалась Меттернихом, в частности, для противодействия росту русского и английского влияния в Сербии.

Взаимоотношения с Австрией имели в это время немаловажное значение и для внутреннего развития Сербского княжества. Именно в 30-е годы XIX в. внешне неприметно закладывались основы для будущего экономического и политического преобладания Австрии в западной части Балканского полуострова, предпосылки той активной экспансионистской политики, которая открыто проявилась только во 2-й половине XIX в.

В. И. Фрейдзон

ПРОБЛЕМА ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ в 60-х — начале 70-х годов XIX в.¹

Указанная в названии проблема приобрела актуальность в связи с попытками реакционной историографии на потребу политического момента возродить миф об империи Габсбургов, как о государстве, располагавшем всеми данными для превращения в сообщество благоденствующих народов. Проблема представляет научно-исторический и теоретический интерес. Естественно, что особое внимание привлекают 60-е годы XIX в., когда осуществлялась реформа внутриполитического устройства Австрийской империи.

Поражение в войне 1859 г. развязало кризис австрийского государства. Кроме военных поражений имело политические причины — нарастающее брожение среди всех народов империи. Широкие мелкобуржуазные слои связывали с национальной свободой резкое изменение к лучшему своего экономического положения. Буржуазия и помещики неавстрийских национальностей мечтали о конституции, которая обеспечила бы их решающее участие в управлении как своими землями, так и делами государства. В этом они видели выход из экономических затруднений переходного периода. Национальная оппозиция так или иначе коренилась в социальных взаимоотношениях.

В национальных противоречиях в Австрии проявились конфликты как между социально-родственными классами разных народов (помещики, буржуазия), так и между антагонистическими классами (крестьянство и мелкая буржуазия угнетенных народов терпели помещичье-капиталистический гнет, страдали от господства крупного австро-немецкого капитала).

¹ Статья основана по преимуществу на материалах истории южнославянских земель.

Торгово-промышленная буржуазия господствующей нации, не говоря о демократических слоях, была недовольна административным и финансовым произволом, засилием церковников и жандармерии. Финансовый кризис государства вызвал тревогу австрийских и иностранных банкиров-кредиторов, этой традиционной опоры Габсбургов. Финансисты требовали гарантий своих заемов.

В этих условиях установление конституционного строя в Австрии стало неизбежным. Внутренние преобразования в Австрии в 60-х годах должны были приспособить ее политическое устройство интересам быстро развивающегося капитализма.

Господствующая нация доминировала в экономическом и политическом отношениях, но позиции австрийских землевладельцев и капиталистов были далеко не столько прочны, чтобы они могли не считаться с имущими классами других наций. По своей же численности представители австро-немецкой национальности (вместе с немцами других районов) составляли меньшинство населения империи — 25% в 1869 г. Венгров было 16%, на славянские народы приходилось 46%, на румын 8,1%².

Поэтому по мере капиталистического развития национальные противоречия становились все более существенным элементом назревавшего внутреннего кризиса Австрии. Централистский режим, опиравшийся только на австро-немецкую нацию, был не в состоянии справиться с положением.

В 60-х годах XIX в. революционный путь устранения отжившего порядка в Австрии оказался невозможным³. Слабость рабочего класса и всех демократических сил, заинтересованность дворянства и буржуазии в монархии, обеспечивавшей условия для эксплуатации многонационального населения государства — вот причины победы реформистского пути. В этих условиях правящие круги *могли* вывести империю из кризиса путем компромисса с эксплуататорскими классами других наций.

По экономической мощи и политическому весу второе место в империи занимало венгерское обуржуазивающееся дворянство (и еще слабая национальная буржуазия). Естественно, что две наиболее крупные силы империи — австрийские и венгерские имущие классы — стремились (и имели наибольшую возможность) использовать капиталистическую эволюцию в *своих* интересах. После поражения демократических движений 1848 г. именно эти интересы должны были учитываться прежде всего при политических реформах.

² P. Matković. Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske Monarhije. U. Zagrebu, 1874 str. 33.

Австрийская статистика учитывала разговорный язык. Во многих районах это влекло за собой некоторое искажение результатов переписи в пользу наций, наиболее развитых экономически и господствующих политически.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 310—311.

Венгерское либеральное дворянство выдвигало формальное требование признания суверенитета Венгрии в соответствии с законами 1848 г., но в действительности соглашалось на сохранение территориальной целостности империи. Венгерские помещики хотели равноправного союза Венгрии с Австрией. Этот союз сохранил бы за ними австрийский рынок и обеспечил их господство над народами Венгерского королевства.

Так в конечном счете возник австро-венгерский дуализм 1867 г., сущность которого, как известно, состояла в компромиссе между австрийской аристократией и крупной буржуазией, интересы которых представляли правящие круги во главе с династией Габсбургов (несмотря на определенную самостоятельность последней), и классом венгерских помещиков-землевладельцев⁴. Наиболее существенные интересы австро-немецкого банковского и торгово-промышленного капитала получили признание. Но одновременно были обеспечены выгоды венгерских аграриев, их равноправие с австрийскими банкирами и промышленниками в определении всей политики государства, их экономические и политические позиции.

Дуализм, между прочим, означал признание австрийским капиталом интересов господствующего класса *аграрных* районов империи. В этом заключалась сила дуалистской тенденции в империи, так как имущие классы невенгерских наций этих районов рассчитывали, что защитить выгоды всех аграриев лучше всего смогут венгерские помещики.

Дуализм установил господство в Австро-Венгрии двух наций⁵.

Но в 60-х — начале 70-х годов дуализм не был единственным направлением политики австрийских правящих кругов. Уже в 1859 г. им пришлось обещать уступки прочим нациям, а Октябрьским дипломом 1860 г. Франц-Иосиф вновь обещал уважать самобытность земель империи и осуществлять законодательство и управление государством при участии их представителей. Среди буржуазии угнетенных наций, в том числе славянских, этот акт возродил прежние (1848 г.) надежды на перестройку государства на основах федеративных. Федерация равноправных народов казалась ей самым естественным решением национального вопроса.

В федералистском лагере в Австрии различались два течения. Полуфеодальная аристократия — австро-немецкая (придворная и провинциальная), частично — венгерская и польская, связанная с бюрократическим аппаратом, представляла консервативное течение. Его цели были ограниченными: земское само-

⁴ О социальной и политической сущности дуализма см. исследования венгерских историков в «*Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie*». Budapest, 1961 (статьи В. Шандора, П. Ханака и др.).

⁵ Мы не касаемся здесь тех фактических преимуществ, которые сохранила австро-немецкая нация по сравнению с венгерской.

управление в руках помещиков, союз с военщиной и католической иерархией, подавление всякого свободомыслия, монархия, централизованная во всех решающих сферах политической жизни, абсолютизм, чуть ослабленный имперским рейхсратом.

В сущности — это программа псевдофедерализма, едва замаскированного централизма. Такую программу Габсбурги были в состоянии осуществить. Но к 60-м годам XIX в. консервативные круги уже, как правило, не были в состоянии обеспечить свое преобладающее влияние в национально-политической жизни, их вытесняли умеренно-либеральные помещичье-буржуазные элементы (в Австрии — по преимуществу сторонники централизма, в Венгрии — дуализма, в ряде славянских земель — федерализма).

Другое федералистское течение — различных оттенков либеральное — в основном было представлено буржуазией разных наций. Буржуазия стремилась расширить свои национальные права, завоевать суверенитет нации. К этому ее побуждали социально-экономические и культурные интересы.

Крупной силой федералистского лагеря являлись чешские либералы. Национальная партия выдвинула идеологов федерализма (Ф. Палацкий, Ф. Ригер)⁶. В Хорватии — Славонии федералистской была буржуазная Национал-либеральная партия (Й. Штросмайер, Ф. Рачкий, М. Мразович)⁷. В Словении оба течения в национальном движении, которое развивалось относительно медленно, — буржуазно-консервативное (Я. Блейвес и др.) и нарождавшееся буржуазно-либеральное (И. Стратар, Ф. Левстик и др.) мечтали об автономии объединенной Словении в составе федерализированной Австрии, хотя не всегда заявляли об этом открыто. В Воеводине (Южной Венгрии) к федералистам примыкали лишь более умеренные буржуазные и чиновничьи круги. Колеблющуюся позицию в федералистском лагере занимали польские (галицийские) помещики, больше других склонные к сепаратному соглашению с правящими кругами. Польская буржуазия была настроена федералистски, но пользовалась еще относительно небольшим влиянием.

В славянских землях значительные силы либо выступали за дуализм как за наилучшее решение вопроса (такова позиция подавляющего большинства дворянства Хорватии — Славонии, заинтересованного в тесном блоке с венгерским дворянством), либо рассматривали его в качестве меньшего зла по сравнению с федералистским устройством (сербская Национал-либеральная

⁶ См: Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг.— «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XIV, 1956.

⁷ Консервативные силы в Чехии (немецкое дворянство), Хорватии, Воеводине (часть буржуазии, верхи церкви и чиновничества) сотрудничали с правительством, считая лояльность властям условием успеха умеренных псевдофедералистских планов.

партия в Воеводине, Партия права в Хорватии)⁸. Словацкая буржуазия не выступала за отделение от Венгрии⁹. Все это еще более усиливало дуалистскую тенденцию и ослабляло федералистскую.

Пожертвовав германизаторскими элементами прежней политики, представители австрийской, венгерской и польской аристократии, проводившие политику, провозглашенную Октябрьским дипломом 1860 г., искали опору в умеренных крутах разных национальностей — дворянских, буржуазных, церковных и чиновничих. Реформы правительства А. Голуховского заключались в признании прав национального языка в Венгрии и Хорватии, в более терпимом отношении к нему в других землях, в опоре на «национальное» чиновничество, в возобновлении деятельности сеймов, целиком зависящих от воли Франца-Иосифа. Раздробленные после 1848 г. земли Венгерского королевства были воссоединены в административном отношении (пока что без Хорватии — Славонии и Трансильвании). В Вене были созданы венгерская и хорватская придворные канцелярии — бюрократические учреждения для управления Венгрией и Хорватией. Это и было началом осуществления псевдофедералистского курса.

Робкие реформы, рассчитанные на выигрыш времени и ослабление пестрого оппозиционного движения не удовлетворили почти никого. В империи развязывались силы, добивавшиеся расширения автономии земель вплоть до подлинной федерации; усиливалось недовольство сильных противников федерализма. Поэтому правящие круги отказались от «федералистского» направления (Февральский патент 1861 г.).

Федерализм по ряду причин не соответствовал интересам правящих кругов Австрии. Правда, внешне он выглядел лояльным монархии и единству государства. Остановимся на этой стороне федерализма.

Примером государственного устройства для федералистов служила Швейцария. «Образцом для австрийского союза народов пусть будет швейцарская национальная федерация,— писала хорватская газета,— как там три народа живут в сообществе и любви, так пусть живут и австрийские народы»¹⁰.

Согласно федералистам, при осуществлении их проектов все народы были бы удовлетворены, внутреннее положение в импе-

⁸ Сторонники национальной независимости правящи (Партия права) считали псевдофедерацию маскировкой власти австрийской бюрократии над всей империей. Сербские либералы ставили своей целью объединение сербского народа в независимом государстве, ядро которого уже существовало. Их лидер С. Милетич предпочитал дуализм, ослаблявший власть Вены. Дуализм, по Милетичу, был благоприятен для аграрных областей (востока) империи. Милетич хотел федеративного устройства Транслейтании (см.: С. Милетич. Федерални дуализам.— «Избрани чланци». Нови Сад, 1939, стр. 109—118).

⁹ См.: «История Чехословакии», т. II. М., 1959, стр. 76—78.

¹⁰ «Rozog», 11.VIII 1866.

рии — прочным, трон — устойчивым («федерация — конец всяких революций»). Австрия, сохранение которой для населяющих ее народов необходимо, стала бы неуязвимой для внешних врагов (это звучало весьма актуально в 60-х годах XIX в.), ее народы не только оставили бы мечты о присоединении к своим единоплеменникам вне Австрии¹¹, но, наоборот, ее соседи — имелись в виду прежде всего балканские народы, — привлеченные благами свободы, присоединились бы к Австрии, пределы которой раздвинулись бы на юго-восток. Федералисты твердили, что в федерации — спасение Австрии, централизм же и дуализм как системы господства одних наций над другими приведут империю к гибели¹². Эти тезисы федералисты разных национальностей стали развивать с начала 60-х годов, но наиболее значительным явлением в их разработке стала серия статей Палацкого — «Идея австрийского государства» (1865 г.). Мысли Палацкого сказались на трактовке федерализма в публицистике других народов.

Федералисты считали, что их проекты соответствуют интересам династии. И теперь известный австрийский буржуазный историк Х. Ханч также полагает, что австрийские правители просто ошиблись, отказавшись от федерализации империи, которая бы привела к справедливому «наднациональному государственному устройству, способному явиться образцом для всей Европы»¹³. Связь идей Ханча с политическими проблемами, которыми сейчас озабочена европейская империалистическая буржуазия, показали советские историки¹⁴. Об этом еще будет сказано ниже.

Здесь же отметим, что сами федералисты отступали от своего идеала, чтобы сделать федерализм более приемлемым для его противников и для династии. Они создавали такие проекты, которые соответствовали традиционному устройству империи. Так, чешские и хорватские федералисты подчас подменяли принцип федерации народов федерацией исторических земель¹⁵.

Интересы ряда народов (словаков, словенцев, румын, украинцев и др.) оставались без внимания. Принцип федерации земель уже не имел ничего общего с демократией. Но он, казалось, открывал федералистам возможность соглашения с консерваторами и, следовательно, с двором.

¹¹ См., например, мнение словенского федералиста А. Эйнспилера в кн.: I. Prijatej. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Druga knjiga. Ljubljana, 1956, str. 367.

¹² Активность федералистов возрастала в моменты обострения кризиса Австро-Венгрии (например, во время войны 1866 г.).

¹³ H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs. Bd. II. Graz — Wien — Köln, 1953, S 412.

¹⁴ См.: В. М. Турок. Австро-Венгрия — «модель» интеграции Европы. — «Вопросы истории», 1965, № 1.

¹⁵ Хотя в официальных выступлениях подчас говорилось о первом принципе. См., например: T. Smičiklas. Nacrt života i djela biskupa J. J. Strossmayera. Zagreb, 1906, str. 41.

В 1866 г. совещание чешских, польских и хорватских федералистов в Вене (Палацкий, Ригер, Голуховский, Штросмайер и др.) поддержало проект учреждения федерации пяти групп исторических земель¹⁶. Естественно, это вызвало недовольство среди словенцев¹⁷. Но сами словенские умеренные национальные деятели еще в своем Мариборском проекте (1865 г.) выдвинули идею «Внутриавстрийского объединения» — создания автономной единицы из ряда коронных земель со словенским и австро-немецким населением¹⁸. Они отказались даже от требования национальной автономии, лишь бы не нарушить государственно-правовой традиции... Вскоре, однако, в Словении приобрела популярность программа автономной объединенной Словении и ее федеративного объединения с другими югославянскими землями Австрийской империи.

Польские магнаты, едва власти обещали им автономию Галиции, отказались от федерализма. Да и чешские и хорватские федералисты были готовы удовлетвориться автономией их земель без реорганизации всей империи. Так, хорваты соглашались совместить свои идеи с дуализмом: признавая политическое единство земель св. Стефана, предлагали перестроить отношения в них на основе хорвато-венгерской федерации. Борясь против централистского правительства Шмерлинга, народники-федералисты выражали готовность объединить Хорватию с Венгрией¹⁹, в 1864—1865 гг. они находились в блоке с венгерофильской группировкой²⁰ и т. д.

Когда подготовка дуализма вступила в решающую фазу (осенью 1866 г.), в Австрии получил распространение проект федерализации только австрийской (австро-славянской) части империи — учреждения трех групп земель (Чехия с Моравией, Галиция с Буковиной, австро-немецкие и словенские земли вместе)²¹. Так в самом федералистском лагере проявлялись дуалистические тенденции.

После установления дуализма федералисты обеих частей Австро-Венгрии, продолжая считать свою программу идеальной для решения вопроса об устройстве Австрии, на практике дли-

¹⁶ Zd. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby, D. II, 1860—1879. Praha, 1933, str. 112—114; M. Prelog. Pouť slovanů do Moskvy roku 1867. V Praze, 1931, str. 18; Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг., стр. 117—118, 136, 149.

¹⁷ Н. Д. Ратнер. Указ. соч., стр. 149.

¹⁸ См.: Ф. Гестрин, В. Мелик. Словеначка историја. Београд, 1951, стр. 88.

¹⁹ M. Polić. Parlamentarna povijest kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Dio prvi, Zagreb, 1899, str. 62—64.

²⁰ См.: L. Heltenbach. Die Fusion. Agram, 1866.

²¹ Донесение русского посольства в Вене, 1866 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 219, л. 270.

тельное время пытались перестроить каждую часть монархии в отдельности на федеративных началах. Но когда в среде венских влиятельных кругов усиливалась антидуалистская струя (1871 г.), оживлялись надежды сторонников федерализма.

Во всем этом сказывалось влияние наиболее мощных социально-экономических факторов империи — австрийского капитала и венгерского крупного землевладения. Эти силы составили как бы два полюса, к которым волей-неволей склонялось большинство остальных социальных элементов разных наций империи. Особенно четко это проявилось в буржуазной среде Хорватии, экономически и политически связанной и с Австроией и с Венгрией и поэтому колебавшейся между ними.

Не было единства и последовательности среди федералистских элементов разных наций и даже среди федералистов каждой нации. Федералистское устройство, его цели понимались здесь по-разному.

Кроме того, проекты федералистов вопреки требованиям демократических элементов молчаливо или явно предусматривали сохранение мощной императорской власти, привилегий аристократии и т. п. Так, упомянутое совещание 1866 г. соглашалось со статутом рейхсрата и правительства, прокламированным Октябрьским дипломом²².

Причина отступлений федералистов заключалась в слабости общественно-политических слоев, заинтересованных в федерализме, в наличии консервативного течения, чурающегося всякого демократизма, в соглашательстве либералов.

Следует отметить еще одну черту либерального федерализма. Буржуа-федералисты подчас смыкались с псевдофедералистскими силами (придворная аристократия, клир, чиновничья иерархия). Тех и других, вопреки разногласиям, соединял принцип охраны «целости и великодержавного положения» Австроии, вера в возможность удовлетворения национальных интересов в составе империи.

Эта «смычка» имела место в 1848—1849 гг. Она существовала и в 60-х годах, хотя в либеральной среде уже было меньше доверия к придворным кругам. Однако даже наиболее последовательные федералисты не могли предложить иного пути, кроме добровольного отказа реакции от вмешательства в государственные дела. На практике же поиски сотрудничества и компромисса с властью державшими продолжались и в третьей четверти XIX в. и позднее²³.

В 1848—1849 гг. либералы-федералисты действовали во имя сохранения Австроии и ее перестройки на основах конституционности и национального равноправия (федерации), но, поддержи-

²² Н. Д. Ратнер. Указ. соч., стр. 117—118.

²³ В 1900-х годах федералисты (триалисты) рассчитывали на содействие эрцгерцога Франца-Фердинанда и т. д.

вая с этой целью императорскую власть, они получили в конечном счете абсолютизм. Австрийская буржуазная демократия и венгерское движение за независимость — враги абсолютизма — были подавлены не только мощью австрийской реакции и армии Николая I, но и при содействии либералов — австрославистов.

Маневры правящих кругов были направлены на соглашение с венгерским дворянством при наиболее выгодных для Вены условиях. Власти пытались шантажировать венгров угрозой федерализма и одновременно шли на небольшие уступки буржуазии некоторых славянских земель. Эта тактика в 60-х годах не достигала результата, так как славянская буржуазия отказывалась служить орудием властей (в особенности в Словакии, Боснии, Хорватии). Но федералисты в стремлении не утерять доверия династии в трудные для Габсбургов моменты (например, в 1866 г.) прокламировали лояльность и во внутриполитической борьбе в Австрии проявляли политическое бессилие. Едва лишь правящие и влиятельные круги начинали делать намеки на свои якобы федералистские намерения, федералисты проникались надеждами и ждали реформ (1865, 1871 гг.). Поэтому Вена мало считалась с ними. Хотели того федералисты или нет, в определенной степени они играли роль резерва правящих кругов.

Потому, в частности, противники упрочения государства Франца-Иосифа, национально-радикальные круги славянских народов выступали против планов и тактики федералистов и считали дуализм меньшим злом, шагом к распаду монархии.

Радикальные круги в 60-х — начале 70-х годов считали, что ввиду превосходства венских консервативно-централистских (или псевдофедералистских) сил над федералистами союз федералистов с Веной не мог дать иного, кроме возрождения реакции, как и в 1849 г. Это поняли хорватские национал-радикалы (праваши), уловившие закономерность провала федералистов в 1849 г. Так, праваши иронизировали по поводу мнения австрославистов, будто результат событий 1848—1849 гг. был следствием «недоразумения». В 1871 г., когда реакционные противники дуализма в Вене пытались заручиться помощью федералистов, праваши указывали, что дело вновь «по недоразумению» может окончиться торжеством реакции²⁴.

В 1848 г., как писали праваши, венская реакция якобы во имя «обеспечения свободы народов» в Австрии требовала от славян «всего лишь» подавить движение итальянцев, венгров, немцев, а когда революция была разбита, на славян-федералистов перестали обращать внимание²⁵. Уже в 60-х годах праваши показали нереальность надежд федералистов²⁶.

²⁴ «Hèrvatska», 12.I 1871.

²⁵ «Hèrvatska», 29.I и 26.II 1871.

²⁶ В 1863 г. идеолог хорватского национал-радикализма Е. Кватерник в беседах с чешским эмигрантом И. Фричем, с которым он сотрудничал, доказы-

До сих пор мы говорили о слабости федерализма, о его склонности к соглашению с правящими кругами, об отступлении федералистов от демократических принципов.

При всем том федерализм был не столь уж безобиден для правящих кругов империи. Как представляли славянские федералисты свой идеал государственного устройства Австрии? Они провозглашали лозунг равноправия и добровольного союза свободных народов империи Габсбургов. Принимая в расчет численность славянских народов, они полагали, что федерализация империи приведет к их политическому преобладанию, к так называемой славянизации Австрии. Федерализм — политическая программа прежде всего австрославистов. Но, несмотря на противоречия между австрийскими и венгерскими эксплуататорскими классами, те и другие больше всего опасались успеха национального движения славянских народов.

Федерализация Австрии, по мнению сторонников этой идеи, должна была обеспечить благоприятные условия экономического развития славянских народов. Хорватские федералисты, например, прежде всего добивались объединения хорватских земель, далее — права распоряжаться местными финансами в интересах своей страны (отчисляя известную долю на нужды центра), определять число рекрутов, поставляемых Хорватией, решать местные и (вместе с другими народами) общемперские хозяйствственные проблемы, в частности определять направление прокладываемых железных дорог и т. п., оказывать влияние на всю политику центральных властей — дипломатию, вопросы обороны и внешней торговли, на установление таможенных и железнодорожных тарифов и т. д.

Заверяя династию в своей лояльности, наиболее последовательные федералисты буржуазно-демократического толка выступали за проведение реформ без вмешательства военщины, бюрократии, камарильи, за реконструкцию империи «снизу», т. е. путем свободного волеизъявления народов якобы заинтересованных в сохранении империи. Последняя поэтому, как аргументировали они, избавившись от германизма, от господства одних наций над другими, не будет нуждаться в таких орудиях насилия, как бюрократия и армия. «Поскольку в ней (Австрии.— В. Ф.) живут разные народы, она должна разделиться на свои естественные составные части, последние же — без вмешательства армии — ввиду своих интересов и обязательств в отношении династии сами останутся в единстве»²⁷.

вал, что чехам следует «добиваться независимости чешской короны и отречься от бессмыслицы федерации» (см.: Ch. Segvić. Drugo progonstvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, str. 49).

²⁷ «Pozor», 6.VIII и 7.I 1867. См. также: «Pisma Bogoslava Suleka Petru Preradoviću». — «Građa za povijest književnosti hrvatske», knj. 19. Zagreb, 1950, str. 39, 42, 46.

Программа федерации в ее последовательном виде являлась самой демократической программой решения национального вопроса в рамках Австрийской империи (поскольку последняя продолжала существовать). В этом смысле можно говорить о национал-радикализме последовательных федералистов.

На это династия, плоть от плоти земельной аристократии, финансовой и военной верхушки, пойти не могла.

Но опасность буржуазно-либерального федерализма для правящих кругов заключалась и в другом. Наиболее важной особенностью южнославянских федералистов был их так называемый югославизм, т. е. выдвижение в качестве своей конечной цели объединения всех южных славян (как единого народа или родственных «племен») в одном государстве.

В отличие от позиции чешских федералистов, как отмечал Е. П. Новиков, русский посланник в Вене, «соседство с Сербией способствует заметному ослаблению связей, побуждающих [хорватов] держаться за единство австро-венгерской монархии»²⁸. Это наблюдение относится к периоду дуализма, но и до 1867 г. хорватские федералисты рассматривали Австрийскую федерацию как возможный реальный шаг к полной национальной свободе. Они стремились обеспечить хорватам, словенцам и сербам Австрии возможно большую политическую автономию, хотели объединения их земель в общую южнославянскую автономную политическую единицу в составе Австрии с тем, чтобы в соответствующий момент (например, в случае очередного военного поражения Австрии), объединившись с Сербией, Черногорией и областями, находившимися ранее под властью Турции, создать независимое южнославянское государство. Федералисты (в отличие от национал-радикалов), как отмечалось, признавали возможность целого исторического этапа, во время которого южнославянские народы были бы объединены в составе федеративной Австрии. Но представляя здесь сильную политическую единицу с многочисленным населением, южные славяне могли бы, по мнению федералистов, в дальнейшем решить свою судьбу как им благорассудится.

Несмотря на официально провозглашенную лояльность федералистов, правящие круги не могли быть уверенными в том, что в среде ряда народов монархии со временем не возобладают национально-радикальные силы, которые стали проявляться уже в 60-х годах XIX в. В условиях подлинного национального равноправия это могло привести к отделению некоторых национальных территорий от монархии.

Мы считаем, что на вопрос, чем объясняется неосуществимость федерализма в Австрийской империи, можно дать ответ

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1870, д. 146, л. 142.

лишь путем указания на общественные элементы, принимавшие участие в борьбе. Как известно, дуализм — прежде всего результат компромисса австрийского и венгерского эксплуататорских классов для обеспечения эксплуатации трудящихся своих и остальных народов империи и для подавления национальных движений. Но указанные классы могли пойти на определенный компромисс только с близкими им в социальном отношении силами некоторых наций. Ряд же наций Австрийской империи вообще не имел ни дворянской аристократии, ни крупной буржуазии или последняя находилась в начальной стадии развития. Эти народы являлись объектом эксплуатации со стороны австро-немецкого, венгерского, польского господствующих классов, в 60-х годах еще во многом сохранявших полуфеодальные черты. Подлинный федерализм означал бы национальную свободу для словенских, сербских, румынских, украинских, словацких крестьян, находившихся под господством инонационального дворянства (а в Хорватии — Славонии — также и под гнетом своих помещиков). Национальная свобода народов Венгерского королевства, их широкая автономия, которая могла осуществиться лишь в условиях демократии, вряд ли долго совмещалась бы с сохранением социального гнета. Она, таким образом, развязала бы силы аграрного демократического движения. В австрийской части монархии федерализм означал бы конец прямого господства австро-немецких и итальянских помещиков, капиталистов и чиновников над славянской мелкой буржуазией и крестьянством словенских земель, Далмации и т. д. и серьезные уступки мелкой (по преимуществу) буржуазии чешских земель. Итак, подлинная федерация ввиду ее демократического содержания означала бы отеснение на второй план ведущих сил дворянско-капиталистического общества Австрии и Венгрии.

Но как был невозможен в 60-х годах XIX в. полюбовный компромисс между полуфеодальным помещиком и банкиром, с одной стороны, крестьянином, ремесленником и мелким хозяйствчиком — с другой, так был невозможен и национальный компромисс на основе подлинного федерализма.

В. И. Ленин отмечал, что есть только одно решение национального вопроса, поскольку оно вообще возможно в мире капитализма; это — последовательный демократизм. При этом он приводил пример Швейцарии²⁹. В полуфеодальной Австрии, в одном из отсталых и в социальном и в политическом смысле государств Европы, демократическое решение национального вопроса было невозможно. Господство австро-немцев, а с 1867 г. и венгров как наций опиралось на экономическую базу их эксплуататорских классов, и частично подорвать его могли лишь коренные демократические социальные преобразования. Действительный федерализм, вероятно, мог бы осуществляться в ходе буржу-

²⁹ В. И. Ленин: Полн. собр. соч., т. 24, стр. 137.

азно-демократической революции, в ходе глубокого социального преобразования (ликвидации латифундий, привилегий помещиков и т. д.). Но для революции в Австрийской империи в 60-х годах XIX в. не было условий. Сами славянские федералисты — в большинстве своем представители умеренно-либеральной буржуазии, по преимуществу торговой и землевладельческой — и мыслить не смели о радикальных преобразованиях, они враждебно относились к социальным требованиям крестьян и больше всего опасались революционного движения масс. Когда федералисты говорили о Дунайской Швейцарии, в действительности они мечтали о национальном равенстве в Австрийской монархии с ее династией Габсбургов, неразрывными узами связанной с земельной аристократией и верхушкой финансистов. Это государство по своей социальной структуре отличалось от Швейцарии. Дело заключалось, следовательно, не в «ошибке» правящих кругов Австрии, отказавшихся от федерализма, а в интересах определенных господствующих классов, противных федерализации монархии. Можно сделать вывод о невозможности подлинного федерализма при существовавших в Австрии социально-экономических отношениях. В Австрии был возможен *союз господствующих классов для эксплуатации* своих и чужих народов, но не *союз народов для обеспечения их свободы*.

Конечно, в социальной структуре славянских народов Австрии имелись силы, которым династия могла доверять. В Чехии это — наиболее богатые слои буржуазии, получавшие выгоду от промышленного развития Австрийской империи, в Словении — расущая землевладельческая буржуазия, а также контрагенты австрийского капитала и т. д. Но во многих землях государства положение проимперских сил угнетенных наций не было прочным, уже в 60-х годах чувствовалось, что по мере социально-экономической эволюции среди этих наций будут нарастать центробежные тенденции. Только венгерские помещики, заинтересованные в австрийском рынке, в помощи государственного аппарата империи для обеспечения своего господства, могли стать надежными союзниками Габсбургов. Победа дуализма над федерализмом явилась следствием не большей «ловкости» и опытности лидеров венгерского дворянства³⁰ по сравнению с лидерами чешской или хорватской буржуазии, а прежде всего большего социального родства между австрийскими и венгерскими эксплуататорскими классами, близости их социальных и политических целей и, естественно, следствием соотношения сил.

Мы имеем в виду соотношение сил как между отдельными классами внутри наций, так и между родственными классами разных наций. Еще весьма могущественное в экономическом отношении дворянство неполноправных наций Австрийской империи

³⁰ См.: K. Milutinović. Prvi ideolozi federalističke misli kod Južnih Slavena. — «Rad Jugoslavenske Akademije», knj. 330. Zagreb, 1962, str. 143.

имело вековую традицию политического господства (в независимых государствах или на автономных территориях), оно обладало наилучшей в сравнении с другими классами политической организацией (например, комитатские собрания в Венгрии), нередко выдвигало энергичных руководителей. Дворянская оппозиция представляла собой реальное препятствие на пути к внутриполитической консолидации Австрийской империи, в 60-х годах XIX в. все еще более серьезное, чем оппозиционные настроения в буржуазной среде или даже недовольство многочисленной, но раздробленной и несознательной в политическом отношении крестьянской массы³¹. Договориться с дворянством (прежде всего с наиболее сильным его отрядом — классом венгерских землевладельцев) оказалось для правительства и необходимым и возможным...

Принимая во внимание этот тезис, кажется вовсе не случайным, например, тот факт, что из всех остальных наций австрийские и венгерские правящие круги пошли на определенные уступки только полякам и хорватам, предоставив автономию Галиции и Хорватии — Славонии. Это были соглашения с польскими и хорватскими земельными магнатами, т. е. здесь также имели место договоры с близкими к господствующим классам Австрии и Венгрии социальными силами. Размеры же уступок определялись политической позицией помещиков и опять-таки соотношением сил. Например, хорватские помещики по сравнению с венгерскими представляли небольшую силу и, кроме того, вовсе не стремились к широкой автономии. И все же «историческое право» Хорватии — Славонии как-то было учтено. А вот Трансильвания, тоже располагавшей в прошлом особым статутом в составе Венгерского королевства, никаких уступок сделано не было, так как господствующий класс здесь был венгерским, к автономии не только не стремился, но боялся ее (большинство населения Трансильвании — румынское).

Итак, последовавшие за дуализмом соглашения конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. имели место только с представителями обуржуазивающейся помещичьей олигархии разных наций³². Иначе и не могло быть в условиях Австро-Венгрии.

Чешской буржуазии, по ряду причин заинтересованной в сохранении Австрийской империи, т. е. в этом смысле вполне лояльной Габсбургам (об этом см. ниже), все же не удалось достичь соглашения с правительством. Думается, когда чешские буржуазные федералисты, с завистью следившие за успехами венгерских помещиков, сетовали на то, что «чехи не имеют дворянства», т. е. испытывали тоску по собственной аристократии, то в этом

³¹ Сильное чешское буржуазное оппозиционное движение в большой мере парализовалось контрвыступлениями немецкой буржуазии в чешских землях.

³² Мы здесь не рассматриваем иные аргументы, которыми руководствовались правящие круги, как-то: стремление создать в Галиции оплот против России и противопоставить хорватов сербам. Полагаем, что только эти сбраживания не привели бы к упомянутым реформам.

появилось политическое сознание буржуазии, понимавшей, что дворянству было бы легче договориться с Габсбургами³³. Как отмечалось, в принятом совещанием федералистов проекте Ригера (1866 г.) предусматривалось создание пяти федеральных единиц на основе «исторического права». Интересно, что в каждой из этих единиц имелась своя земельная аристократия — субъект этого права (австро-немецкая, богемская, польская, венгерская, хорвато-славонская). Это должно было служить гарантией лояльности проекта Габсбургам!

Перейдем к другой стороне проблемы.

Все федералисты имели в виду сохранение экономической общности имперских территорий, т. е. исходили из признания факта единого общеимперского рынка. Они лишь добивались равноправия народов при решении общеимперских вопросов. Они, таким образом, представляли круги общества, либо по обстоятельствам социального характера заинтересованные в сохранении единого Австрийского государства, либо связанные с общеимперским рынком, либо рассчитывавшие на то, что вопреки всем трудностям, порождаемым конкуренцией на этом рынке, им удастся удовлетворительно устроить свои дела (либо, наконец, не верившие в возможность иного пути национального развития в тогдашних условиях).

Внешнеполитические соображения, страх перед соседями имели немалое значение для разработки федералистских планов. «Каска Бисмарка на пороге родины» (Ромен Роллан) грозила не только Франции... Ни одно сколько-нибудь влиятельное политическое течение в Чехии во второй половине XIX — начале XX в. не выдвинуло программы национальной независимости, в частности по этой причине. Польское национальное движение в Галиции считалось с тем, что в составе Австрии легче обеспечить национальные права поляков, чем в составе самодержавной России; хорваты и словенцы опасались пангерманизма и экспансионистских устремлений итальянской буржуазии.

Но все же на первое место мы ставим социально-экономические интересы имущих слоев. Например, быстрорастущая чешская торгово-промышленная буржуазия была заинтересована в едином общеимперском рынке, в его территориальном расширении. Когда Палацкий писал о непреодолимой тенденции «сосредоточения» («централизации») народов в крупных многонациональных государствах³⁴, то он выступал в качестве идеолога тех слоев, которые пользовались плодами процесса упрочения

³³ В Чехии имелось немецкое «историческое дворянство». Тот факт, что в 1871 г. едва не состоялось соглашение между чешским сеймом и династией, можно поставить в связь с этим обстоятельством. Но чешскому национальному движению не удалось преодолеть противодействие немецких националистов в самих чешских землях.

³⁴ См., например: K. Kosík. Josef Václav Frič — český buržoasní revolucionář. — «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře». Praha, 1956, str. 24—25.

экономических связей между нациями при капитализме. Чешская буржуазия успешно овладевала имперским рынком. «Славянизация» империи и включение в ее состав балканских народов вполне соответствовали ее экономическим устремлениям. В комплексе социально-экономических и политических обстоятельств мы видим причину знаменитых рассуждений Ф. Палацкого о том, что не будь Австрии, ее следовало бы создать... То же можно сказать о настроениях аграрной буржуазии ряда других наций и части банковско-промышленной буржуазии, связанной с австрийским капиталом. Но между экономическим положением Чехии и, например, Хорватии имелись весьма важные различия.

Южнославянские народы занимали в империи — в экономическом смысле — полуколониальное положение. Поэтому национально-радикальные (в основном мелкобуржуазные) и демократические элементы в национальных движениях, выражавшие интересы слоев, которые подвергались особо тяжкому гнету австрийского государства, полуфеодального дворянства и крупной, в основном австро-немецкой буржуазии, не видели спасения даже в демократизации политического устройства империи и не верили в его осуществимость.

Хорватские национал-радикалы (праваши) указывали на то, что при сохранении армии, внешней политики, внешней торговли и финансов в руках центрального правительства хорватский народ по-прежнему был бы обречен на эксплуатацию «швабами», что такая федерация стала бы маскировкой централизма. Если федералисты — представители более богатых слоев — считали, что осуществление их проектов пресечет австро-немецкое господство в империи, то национал-радикалы смотрели дальше: ввиду экономического превосходства немцев, считали они, федерация оставила бы открытой дверь для «Drang nach Osten» и «культуртрегерства». Праваши и, в частности, их лидеры Анте Старчевич и Евгений Кватерник подчеркивали, что реальные интересы разных наций империи противоречат друг другу, что «богатство швабов — наше разорение» (в сущности здесь речь шла об интересах австрийского крупного капитала, с одной стороны, и мелкой буржуазии и крестьянства Хорватии — с другой), и что поэтому народы заинтересованы не в федерации, а в независимости, и сотрудничество разных народов в управлении общими делами империи невозможно³⁵. Во многом близкой этой была позиция представителей сербского радикального национального движения в Воеводине.

Взгляды национал-радикалов были следствием известной коренной черты процесса «сближения» наций капитализмом: этот процесс означал порабощение слабого. Естественно, что национально-радикальные силы получили развитие в тех землях Авст-

³⁵ См., например: «Hrvatska», I.I 1871; A. Starčević, Štranke u Hrvatskoj, Djela, knj. III. Zagreb, 1894—1896, str. 122.

рийской империи, социально-экономическая эволюция которых протекала в более трудных условиях.

Австрия не нужна — вот точка зрения радикальных кругов. Наиболее четко и последовательно эту тенденцию выразил сербский революционный демократ Светозар Маркович: «Мы не верим в новую, равноправную, славянскую, федеративную Австрию точно так же, как не верим в немецко-венгерскую централизованную или в действительности двухцентровую Австрию. Более того, мы считаем, что «федеративная» Австрия невозможна, так как *не нужна народам, которые в ней живут*. В Австрии,— писал Маркович,— одни народы «сосредоточивают в своих руках материальное богатство, а вместе с тем и политическую власть». Народы,— продолжал он,— «борются за свою национальность не просто из каких-то суеверий, но под этим термином (национальностью.— В. Ф.) они понимают *все умственные и общественные интересы народа*. Новая «федеративная» Австрия³⁶ не представляет малым народам никаких гарантий от того, что необразованные народы не останутся в ней рабами образованных аристократов в умственном, а поэтому и в экономическом отношении. С другой стороны, эти народы: сербы, хорваты, словенцы, румыны имеют путь и способ увеличить свою умственную и материальную силу, получить образование и освободиться от экономического гнета иностранного капитала, который давит их так же (если не сильнее), как чужая политическая власть. Этот путь хорошо известен каждому из них: *соединиться с другими своими братьями, живущими вне Австро-Венгрии*. Как только они станут свободными, они потребуют этого пути, т. е. как только они станут свободными от централизованной Австрии, им будет не нужна никакая Австрия. Эта мысль созрела у этих народов. Она неоднократно высказывалась, но все как-то тихо, осторожно, как будто мы сами боимся нашего сознания»³⁷.

Как видим, мысль радикальных и демократических национальных кругов заключалась в том, что австрийская федерация — идея, выгодная власти имущим, навязываемая народам в условиях национального угнетения, привлекательная для части деятелей национальных движений лишь до тех пор, пока их народы не могут свободно и суверенно решать свою судьбу. Став же свободными, народы предпочтут независимость.

В. И. Ленин констатировал то обстоятельство, что буржуазно-демократическое преобразование повсюду в мире вело «к созданию самостоятельных национальных государств...»³⁸ Именно

³⁶ Маркович особенно критически относился к проектам федерации «исторических земель», имевшим хождение в 1871 г.

³⁷ Светозар Маркович. Словенска Аустрија.— «Раденик», 5 июня 1871 г.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314.

так в конечном счете обстояло бы дело по крайней мере с большинством народов Австрии, если бы эти народы действительно получили свободу выбора.

Среди сторонников федерализма имелись деятели, пропагандировавшие революционный путь перестройки Австрии. Так, хорват Имбрю И. Ткалац призывал к восстанию против власти Габсбургов, после ликвидации которой он считал возможным учреждение свободной федерации народов³⁹. Чех Йозеф Вацлав Фрич считал необходимым свержение Габсбургов и создание федерации на развалинах императорской Австрии⁴⁰.

Но характерно, что эти радикальные деятели, выступавшие в эмиграции, во-первых, мечтали об общеевропейской федерации как дальней цели, а во-вторых, они не встречали поддержки со стороны сколько-нибудь широких кругов. Либералы-федералисты исключали революционный путь, а радикалам — в особенности югославянам — австрийская федерация была не нужна⁴¹.

Наконец, и это немаловажно, внешнеполитические обстоятельства не благоприятствовали осуществлению федерализма. Соседние державы — Пруссия и другие немецкие государства, Россия, наконец, Турция по разным соображениям не сочувствовали ни планам федерализации Австрии, ни идеям австро-славизма. И, наоборот, они считали, что австро-венгерский дуализм не сулит им никаких неприятностей.

Мы пришли к выводу, что подлинная федерализация Австрии была невозможна в 60-х — начале 70-х годов XIX в., но даже если бы дело обстояло по-иному, это многонациональное капиталистическое государство не освободилось бы от национальных конфликтов. Известно, что самое демократическое устройство буржуазного государства не освобождает массы от капиталистического господства, а в многонациональном государстве — от фактического преобладания буржуазии наиболее мощной в экономическом отношении нации, от связанных с этим национальных противоречий⁴². Если бы — позволим себе пофантазировать — федеративное устройство было осуществлено, значительные слои

³⁹ I. I. Tkalač. Pitanje Austrijsko: kome, kako i kada rešiti ga? U Parizu, 1866.

⁴⁰ K. Kosík. Josef Vaclav Frič — česky buržoasní revolucionář. — «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře», str. 28; см. также: Ch. Segvář. Drugo progonstvo Eugena Kvaterníka. Zagreb, 1907, str. 49. Интересно, что в своей ненависти к Габсбургам Фрич не останавливался перед сотрудничеством с пруссаками. Это еще раз показывает, что в основе отстаивания либералами-федералистами целостности Австрии находились соображения социально-экономические, а лишь затем внешнеполитические.

⁴¹ Мы не касаемся проектов федерализации Венгрии или создания Дунайской конфедерации в составе Венгрии, независимой от Габсбургов, и других стран (идея Ф. Кошута).

⁴² Швейцария, не испытывавшая национальных конфликтов, являлась исключением. Причиной такого положения несомненно были (и являются сейчас) особенности ее социально-экономической структуры.

буржуазии разных наций, не говоря уж о демократических слоях, чьи стремления далеко расходились с выгодами австрийских и венгерских банкиров, заводчиков и помещиков, развернули бы борьбу за свои интересы. В связи с этим уместно еще раз вспомнить о маниловских идеях Ханча по поводу «наднационального» устройства помещичье-буржуазной Австрии XIX в., которое могло бы послужить образцом для Европы XX в. Если уж прибегать к несерьезным аналогиям, то австрийскую федерацию, будь она осуществлена, можно сравнить не с «объединенной Европой» развитых капиталистических государств (хотя и здесь имеются острые противоречия), но скорее с той «ассоциацией», которая существует между «европейским общим рынком» и отсталыми в экономическом отношении странами. Здесь — полный простор для хозяйствичанья крупного капитала бывших метрополий и подчинение экономики отсталых стран его интересам. Вероятно, образцом такого неоколониалистского по своему содержанию объединения стала бы «федерация» австро-немецких банкиров, железнодорожных и пароходных монополий и текстильных фабрикантов с мелким торговцем, мелким промышленником, ремесленником и крестьянином Словении, Хорватии, Воеводины, а позднее — Боснии и Герцеговины и (как мечтали австрослависты) других балканских стран.

Капиталистическое развитие Австро-Венгрии постепенно (хотя и медленно) изменяло ее социальную структуру. Ослабевали пережитки феодализма, в отсталых национальных районах развивалась промышленная и аграрная буржуазия. Эта эволюция привела к тому, что в начале XX в. не только в чешских, но и других землях заметно окрепли финансовые, промышленные и аграрные слои, заинтересованные в сохранении империи. Наиболее характерными их представителями среди южных славян были словенские клерикалы и хорватские праваша-франковцы.

Все это расширило возможности соглашения между имущими классами разных наций. В. И. Ленин в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» допускал возможность превращения Австро-Венгрии в триалистическое государство⁴³. Однако и на пути триализма стояли весьма серьезные препятствия социального и политического характера, которые никогда не удалось преодолеть. Надо сказать также, что от триализма до всеобщего национального равноправия было очень далеко.

Известны проекты федерализации Габсбургской монархии, выдвигавшиеся австрийскими социал-демократами, в частности О. Баузром и К. Реннером. Социал-демократическая партия Австрии стояла на позиции территориальной национальной автономии⁴⁴. Необходимым условием осуществления этой программы

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 313—315.

она считала введение всеобщего избирательного права в обеих частях Австро-Венгрии. Однако именно поэтому, пока в Венгрии власть оставалась в руках помещиков, радикальная избирательная реформа там была невозможна. Национальная свобода неразрывно связана с политической свободой вообще, а последняя могла быть следствием только коренных изменений в социальных отношениях. На реформистском пути решить эти проблемы было невозможно.

Наиболее существенным явлением для национальных взаимоотношений в Австро-Венгрии в начале XX в. было быстрое нарастание движения, направленного на разрыв внутригосударственных связей, на распад империи. В этом направлении действовала (при всех ее колебаниях, при всем ее оппортунизме) не только значительная часть буржуазии разных угнетенных наций, но прежде всего национальные мелкобуржуазные круги и революционные организации, выражавшие недовольство широких масс.

Интересно, что некоторая демократизация политических порядков (введение всеобщего избирательного права в Австрии в 1905 г.), способствуя росту политической активности широких слоев населения, не только не сгладила, но и, наоборот, обострила национальную борьбу. В движение втягивались сами народные массы. Процесс особенно широкого развития буржуазно-демократических национальных движений был свойствен всем странам востока Европы в начале XX в.— России, Балканам и Австрии⁴⁵. Что касается буржуазно-помещичьей Австрии, то национально-освободительное движение развивалось бы в ней при любом государственном устройстве, и продолжали бы действовать центробежные силы. В 1914 г. В. И. Ленин, рассматривая тенденцию национального развития в разных районах мира, отмечал, что «марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств»⁴⁶, он подчеркивал, что «типичным, нормальным для капиталистического периода является... национальное государство», что «национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»⁴⁷. Австро-Венгрия являлась и тем и другим. Поэтому во время империалистической войны (в 1916 г.) Ленин считал правильным взгляд, согласно которому распад Австро-Венгрии «является требованием исторического процесса развития»⁴⁸. Только социалистическая революция коренным образом изменила бы межнациональные отношения в Австрии.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 260.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263.

⁴⁷ Там же, стр 259 и 263.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 8.

B. Божинов
«ДРАНГ НАХ ОСТЕН» И БОЛГАРИЯ

Проблема «Дранг нах Остен» имеет важное научное и актуальное политическое значение и для болгарских историков.

Она еще не получила у нас своего всестороннего освещения с марксистских позиций, несмотря на то, что отдельные ее аспекты разрабатываются историками Болгарии.

Опыт истории показал, что «Дранг нах Остен» — это захватническая форма германской экспансии, которая имеет классовый характер. Это — политика руководящих и эксплуататорских классов Германии в отношении стран и народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Экспансия германизма, если так обозначить политику правящих классов Германии и Австрии на Востоке, проявлялась на Балканах и в Болгарии в различных формах: военно-политической, экономической, идеологической, а также и демографической. Но сущность всегда оставалась неизменной — захватнический, классовый и колониальный характер «Дранг нах Остен». Проводники политики германской экспансии на Востоке действовали по принципу *«Divide et impera»*, натравливая одни народы против других, что особенно видно на примерах новой и новейшей истории (поляки и чехи, болгары и сербы, хорваты и сербы и т. д.).

Мы можем отнести начало германской экспансии на Балканах еще к средневековой эпохе, ко времени Карла Великого, когда была создана «Восточная марка» как оплот для борьбы против славян, включая южных, т. е. балканских славян.

Но основные формы германской экспансии проявились на Балканах и в Болгарии в современную эпоху. Еще в середине XIX в. немецкий экономист и идеолог германизма на Востоке Фридрих Лист, которого весьма ценили нацисты, писал: «Нельзя позволить, чтобы германская эмиграция направлялась за океан, где она будет потеряна для родины: ее надо устремить в страны,

лежащие по соседству или вблизи Германии: Придунайские страны и северные провинции Турции, Западное побережье Черного моря (т. е. Болгию.—*В. Б.*), вот надлежащая область германской колонизации». Надо отметить, что демографическая форма экспансии в Болгарии по целому ряду причин не имела успеха в отличие от Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Прибалтики и т. д. Правда, Фердинанд после приезда в Болгарию в качестве князя основал несколько германских поселков в Добрудже, но это было лишь символической колонизацией.

Большего успеха достигла немецкая экспансия в экономической, военно-политической и идеологической сферах. Движущими силами агрессивного германизма на Балканах были:

а) вначале Австрия (с 1867 г. Австро-Венгрия) с ее захватнической политикой в балканских странах, со стремлением укрепиться на Адриатическом море, а через долины Вардара и на Эгейском море (Солунь). Она была форпостом германизма на Балканах;

б) потом кайзеровская, а впоследствии нацистская Германия как более сильное и агрессивное государство в XX в. заняла место Австрийской монархии в реализации политики «Дранг нах Остен». Отражением германской экспансии было строительство железнодорожной линии Берлин—Белград—Багдад.

С XVII и до начала XX в. Австрия имела сильные позиции для военно-политической и экономической экспансий на Балканах. Она захватила обширные территории полуострова (Словению, а потом в 1908 г. Боснию и Герцеговину). На Берлинском конгрессе (1878 г.) она попыталась противопоставить Сербию Болгарии, настаивала на включении некоторых западноболгарских городов в сербское государство. Очень трудно было русской дипломатии защитить справедливые интересы двух братских славянских стран. Во время воссоединения Северной и Южной Болгарии (1885 г.) Австрийская монархия спровоцировала Сербию на войну против Болгарии и сумела, в конечном счете, добиться выгоды для себя, посеяв на многие годы недоверие между двумя славянскими странами.

Крушение Балканского союза в 1913 г. и братоубийственная война между Болгарией и Сербией была успехом австрийского и германского империализма в осуществлении политики «Дранг нах Остен». Не существовало более организованного военного политического фронта балканских славян и балканских государств против германской экспансии.

Эта последняя приобрела новые позиции для агрессии на полуострове. Особенно она проявилась во время первой мировой войны, в межвоенный период и во время второй мировой войны. Ее двигателем была империалистическая Германия, независимо от того, кто был там у власти,— Штреземан или Брюнинг, Гинденбург или Гитлер.

Еще в начале первой мировой войны фон Макензен, один из видных представителей немецкого милитаризма и командующий германской армией на Балканском фронте, сказал: «Кто держит в своих руках Болгарию, тот держит и Балканы». Эта формула стала доктриной военной экспансии германского империализма и после войны, при нацистском режиме и во время второй мировой войны.

Каковы были внутренние классовые силы в Болгарии, способствующие осуществлению политики «Дранг нах Остен» германского империализма? Я думаю, что здесь можно указать следующие:

во-первых, узоклассовые интересы и политика части болгарской буржуазии, игравшей руководящую роль в государстве, связывавшей судьбу Болгарии с Австроией, а потом с Германией — по линии внешней торговли, государственных займов, военных заказов, реваншистской политики;

во-вторых, княжеский и царский двор как оплот немецкой политики в Болгарии;

в-третьих, командующий состав царской армии, получивший свою квалификацию в немецких военных академиях;

в-четвертых, часть реакционной буржуазной интеллигенции, закончившей немецкие университеты и потом занимавшей ключевые позиции в экономике, политике и культуре Болгарии.

Связи болгарской буржуазии с немецкими монополиями и односторонняя внешняя торговля Болгарии с Австроией и Герmaniей способствовали экономическому проникновению германского империализма в Болгарию и закладывали основы будущей военно-политической агрессии. Бессспорно, здесь имели место и другие причины, такие, как хозяйственная отсталость страны, перенаселение, лишение Болгарии свободного выхода к Эгейскому морю и др.

Доля Германии (вместе с Австроией) во внешней торговле Болгарии после первой мировой войны была: в 1922 г. для импорта — 29,9 %, а для экспорта — 21,5%; 1929 г. соответственно — 29,3 и 31,1%; 1937 г.— 58,2 и 47,1% и 1939 г.— 65,0 и 67,8%. Болгария попала под экономическую зависимость Германии, стала аграрным прицелом немецкого хозяйства.

Болгарские монархи были немецкого происхождения, обстоятельство, которое имело важное значение в определении внешней политики Болгарии. Фердинанд после изгнания из страны сам признавался корреспонденту «Нойе фрай прессе», что, находясь на болгарском престоле, он верно служил более 30 лет немецким интересам в Болгарии. Борис тоже следовал политике своего отца и помог ее реализации во время второй мировой войны. Они активно помогали политике «Натиска на Восток» немецкого империализма.

Болгарская военщина в лице командного состава царской армии была также тесно связана с немецкой военщиной. От командных постов армии были отстранены все офицеры — русофилы. Некоторые из них стали смелыми патриотами и борцами против предательской прогерманской политики болгарской монархии и фашизма и погибли как герои (например, генерал В. Заимов).

Довольно малочисленная, но реакционная буржуазная интеллигенция, которая училась в Германии, являлась проводником реакционной немецкой культуры, проводником идеологической экспансии германского империализма (идеологии фашизма, как, например, Б. Филов и др.)

Для цели идеологической экспансии и пропаганды германизма и нацизма был создан в Софии Германский научный институт.

«Дранг нах Остен» достиг кульминационной точки в период гитлеризма и в идеологии фашизма (теория жизненного пространства, расизм и др.). История сурово обошлась с этой политикой, она окончилась крахом. Но несмотря на поражение, реакционные силы Федеративной Республики Германии снова разрабатывают ее концепции и доктрины, формулируют их как «восточную политику» германского империализма, основанную на традиционной захватнической политике экспансии на Восток.

Бесспорно, положение коренным образом изменилось после второй мировой войны. Создалась мощная и сплоченная система социалистических стран Европы, центром и оплотом которой является великий Советский Союз. Создана была Германская Демократическая Республика, первое государство рабочих и крестьян Германии, преградившее дорогу немецкому империализму и реваншизму. Сплочение сил и единство — важнейшая цель народов Европы в борьбе против возрождения грабительской политики «Дранг нах Остен» немецких монополистов.

Я. Иоцов

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В БОЛГАРИИ

За сравнительно короткий период правящие круги буржуазной Болгарии дважды связывали судьбу страны с германским империализмом. В первую и вторую мировые войны болгарская буржуазия вопреки жизненным интересам народа превратила Болгарию в сателлита империалистической Германии. Так болгарский народ был вовлечен в две мировые войны. Результатами этой авантюристической политики болгарской буржуазии были вторая национальная катастрофа в 1918 г. и пропасть, на краю которой страна оказалась в конце второй мировой войны. От новой национальной катастрофы ее спасли доблестная Советская Армия и народное вооруженное антифашистское восстание 9 сентября 1944 г.

Ориентация болгарской буржуазии на германский империализм объясняется ее стремлением к господству на Балканах. Значительная ее часть рассчитывала до Балканских войн достичнуть этой своей цели с помощью Австро-Венгрии, а после понесенного поражения во второй Балканской войне (1913 г.) и начавшейся в 1914 г. первой мировой войне надежды были перенесены на Германию.

Важную роль в этом сыграла экономическая экспансия германского империализма в Болгарии.

В первые десятилетия после освобождения от турецкого ига молодое болгарское государство не имело сколько-нибудь оживленных торговых отношений с Германией. Как типичная мелко-буржуазная крестьянская страна Болгария в то время вывозила преимущественно товары сельского хозяйства — зерновые, скот и т. д. Рынок для них она находила в основном в Бельгии, Франции, Австро-Венгрии и других европейских странах. Ввоз в Болгарию — главным образом товаров легкой и тяжелой промыш-

ленности — шел преимущественно из Австро-Венгрии. В этом одностороннем развитии импортной торговли страны значительную роль играл водный путь по Дунаю, сравнительно дешево, быстро и легко связывавший Болгарию с Австро-Венгрией. Со своими двумя пароходными обществами — австрийским и венгерским — последняя занимала почти монопольное положение в транспорте по Дунаю, обслуживавшем импортную торговлю Болгарии.

В то же самое время развивающиеся в стране торговля и промышленность находили необходимые им кредиты в банках с местными капиталами и расцветшем ростовщичестве. Однако в первом десятилетии XX в., характеризующемся в передовых странах Западной Европы перерастанием капитализма в свою высшую стадию — империализм, маленькая Болгария уже привлекала интерес крупного банковского капитала европейских буржуазных государств, в том числе и Германии.

В Софии 6 октября 1905 г. крупными германскими банками «Дисконто гезельшафт» (Берлин), «Северогерманским банком» (Гамбург) и банкирским домом «С. Блейхшредер» (Берлин) был основан крупный банк под названием «Кредитный банк» с филиалами в самых больших торгово-промышленных городах и портах, через которые осуществлялась экспортная и импортная торговля Болгарии,— Варне и Русе. Позднее банк открыл свои филиалы также в городах Пловдив и Бургас. Первый из них был самым крупным после Софии городом по численности населения и важным торговым центром, а второй — Бургас — следующим по величине после Варны портом на Черном море и единственным для Южной Болгарии.

Чтобы создать себе прочные связи с наиболее влиятельными в экономике кругами болгарской буржуазии, вновь основанный Кредитный банк привлек в качестве акционеров-основателей лидеров обеих буржуазных политических партий — народной и прогрессивно-либеральной — Ивана Ев. Гешева и д-ра Стояна Данева. Первый из них занял пост председателя правления банка, а второй — заместителя председателя. В рядах этих двух политических партий чисились самые крупные болгарские капиталисты. Лидер Народной партии Иван Ев. Гешев был банкиром.

В факте привлечения двух лидеров этих буржуазных политических партий в качестве акционеров-основателей и в том, что им доверили такие важные посты, как пост председателя и заместителя председателя правления банка, было нечто парадоксальное. Обе партии проявили себя как явно русофильские, а лидеры их участвовали в мощном банке, основанном крупнейшими германскими банками, и возглавляли его.

В качестве членов правления «Кредитного банка» были привлечены видные деятели демократической, народно-либеральной

и либеральной партий: Иван Салабашев (из демократической партии), д-р П. Гудев (из народно-либеральной партии) и Петр Пешев (из либеральной партии).

Весьма характерна оценка, данная военным агентом России в Софии этому хитрому маневру германского капитала. В своем донесении от 6 октября 1905 г. военному министру России он писал: «Новый Кредитный банк начинает свою деятельность при весьма оригинальном составе своего правления; в нем кроме германских руководителей участвуют: Гешев, нынешний вождь стоиловской (народной.— Я. И.) партии, бывший премьер-министр (в правительстве прогрессивно-либеральной партии, 1901—1903 гг.— Я. И.), И. Салабашев, вождь каравелистов (бывший член народно-либеральной партии, бывший министр в возглавляемом Стефаном Стамболовым правительстве, перешедший в ряды основанной Петко Каравеловым демократической партии.— Я. И.). Одновременно с этим в контрольный комитет включены представитель стамболовистов Гудев, главный кандидат на пост председателя на предстоящей сессии Народного собрания и бывший министр Пешев из фракции Радославова.

Все эти люди, враждующие между собой в политике и в жизни, в конце концов нашли в области финансов общую точку сближения. Такое трогательное единство представителейнейших партий на основе весьма сомнительной платформы произвело на многих болгар очень тягостное впечатление.

Очевидно германские банкиры взяли верный курс и на месте обеспечили себе содействие необходимых им людей за небольшое вознаграждение. Роль всех членов-болгар ограничится получением жалованья и небольших дивидендов, а за их спиной будут действовать германские финансисты, хорошо дисциплинированные и подготовленные для роли проводников сперва экономического, а затем и политического влияния»¹.

Не был далек от этой оценки и болгарский буржуазный экономист Г. Т. Данаилов. «В качестве акционеров,— писал он,— допущены и болгарские капиталисты. Даже недавно опубликованный список членов правления этого банка (Кредитного банка.— Я. И.) демонстрирует нам хитро придуманное для целей банка, но не особенно удачное и дисгармоничное собрание в этом правлении имен большинства наших партийных шефов, с титулами бывших министров, председателей Народного собрания и пр.»².

Долгие годы пост председателя правления Кредитного банка занимал крупный болгарский капиталист Димитр М. Яблански. Он был зятем лидера народной партии Ивана Ев. Гешева, ак-

¹ Военный агент в Болгарии — Секретно — София, № 98, 16 октября 1905.— ЦГВИА, ф. 2000, оп. 11, д. 3707, л. 112—113.

² Г. Т. Данаилов. Чуждите банки в България.

ционера, основателя банка и ее первого председателя. Димитр М. Яблански оставался на этом посту до самой смерти.

Кредитный банк вскоре стал одним из самых мощных банков в стране. Он кредитовал крупную торговлю и промышленность, играл важную роль в торговле табаком, которая в период между первой и второй мировыми войнами составляла самую большую долю экспорта страны. В эти годы вывоз табака был направлен преимущественно в Германию.

Кредитный банк содействовал подготовке военно-фашистского переворота, осуществленного Военной лигой 9 июня 1923 г. Он был акционером-основателем вместе с другими крупными банками Болгарии образованного в 1922 г. акционерного общества «Стопанско развитие» («Хозяйственное развитие»). Это общество имело задачей финансирование большой ежедневной газеты «Слово». Эта газета являлась органом фашистской политической организации «Народен говор», которая была не чем иным, как политическим подразделением Военной лиги. Задача «Народного говора» состояла в политической подготовке фашистского переворота.

Председатель правления Кредитного банка крупный капиталист Димитр М. Яблански в 1932—1934 гг. оказывал активную помощь группе Александра Цанкова, носившей название «Национал-социального движения Демократически говор». Александр Цанков и его группа открыто проявляли себя как политические последователи возглавляемой Гитлером национал-социалистической партии.

Торговлей табаком заправляло несколько крупных предприятий, в которых участвовали самые мощные болгарские капиталисты. Некоторые из этих предприятий были дочерние предприятия крупных банков в Болгарии. Постепенно, однако, среди этих торговых предприятий выдвинулось размахом своей деятельности и долей в торговле основанное 4 декабря 1928 г. акционерное общество «Балкантабак». Инициатором его создания был Жак Асеев, проявивший себя в прошлом своими симпатиями к социал-демократической партии. Установив личные связи с одним из представителей крупнейшего концерна по торговле табаком в Германии «Реемстма» — Шнурре — Жак Асеев очень скоро превратился из обычновенного торговца табаком и поставщика этого концерна в крупного коммерсанта-монополиста. Основанное по его инициативе акционерное общество «Балкантабак» в действительности было не чем иным, как его личным семейным предприятием. Акционерами общества являлись родственники и близкие Жака Асеева. Но «Балкантабак» быстро занял место почти монопольного предприятия в торговле и вывозе из Болгарии табака.

В 1931—1934 гг. у Жака Асеева было явное политическое предпочтение к военно-фашистскому кружку «Звено». Но когда

некоторые политические деятели кружка «Звено» покинули последний и перешли в начале 1934 г. в фашистскую группу Александра Цанкова, Жак Асеов последовал за ними. В тот момент Цанков являлся самым ярым приверженцем германского империализма и, естественно, Жак Асеов считался с этим обстоятельством. Политический кружок «Звено» тем временем стал ориентироваться на Францию и ее союзника — Югославию.

В период второй мировой войны один из самых крупных банков в Болгарии — Болгарский торговый банк установил деловую связь с Дрезденским банком в Германии. Последний являлся одним из самых мощных германских банков. Таким образом, Болгарский торговый банк, в котором, кстати, участвовали французские капиталы, фактически попал в экономическую зависимость от германского монополистического капитала.

Акционерами Болгарского торгового банка были самые крупные капиталисты Болгарии. Они составляли основное ядро болгарской крупной буржуазии. Все они были активными членами народной партии, внешнеполитическая ориентация которой в прошлом ни в коем случае не могла быть охарактеризована как германофильская.

Болгарский торговый банк охватывал своими кредитами крупную торговлю и промышленность страны. У него были филиалы в самых крупных и оживленных торговых и промышленных городах: Пловдиве, Варне, Бургасе, Русе, Габрово, Ломе, Тырново, Попово, Трявне, Хасково, Стара-Загоре, Сливене, Червен-Бряге, Ямболе, Фердинанде (ныне Михайловград) и Шумене.

Дочерние предприятия Болгарского торгового банка «Гранитоид» и «Мюлхаупт» фактически являлись монопольными предприятиями в соответствующих отраслях промышленности: первое — в производстве цемента, а второе — в производстве гидротурбин, мельничного оборудования и иных машин.

Экономическое проникновение германского капитала прокладывало дорогу политическому влиянию германского империализма в Болгарии. Через Кредитный банк, акционерное общество «Балкантабак» и путем подчинения Болгарского торгового банка германский империализм оказывал влияние не только на те прослойки болгарской буржуазии, которые в силу ряда обстоятельств ориентировались на Германию, но и на другую часть буржуазии, долгое время имевшую совершенно иные концепции в области внешней политики. Такими методами и путями германский империализм в различные периоды вовлекал болгарскую буржуазию в орбиту своего влияния и превращал ее в своего сателлита для целей своей политики мирового господства.

И. М. Кулинич

ЗАХВАТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНЕ в 1914—1918 гг.

Экспансионистские стремления германских завоевателей по отношению к Украине имеют свою достаточно продолжительную историю. На протяжении столетий жадные взгляды прусской буржуазии и юнкерства обращались к плодородным украинским землям, хранящим в недрах своих огромнейшие богатства полезных ископаемых.

Еще прусский король Фридрих II в своей работе «История моего времени» писал о том, что Украина является самой богатой частью Российской империи, которая может представлять интерес для наследников прусских королей¹. Идея завоевания Украины и ее богатств существовала среди германских милитаристских кругов еще задолго до империалистической стадии развития капитализма в Германии. Эта идея вынашивалась в правительственные кругах Германии еще во время Крымской войны 1853—1856 гг., после франко-пруссской войны 1870—1871 гг., в годы канцлерства Бисмарка, но окончательно она оформляется в конкретные планы в конце XIX — начале XX в., когда вопрос о захвате чужих территорий с помощью оружия был поставлен германским империализмом в порядок дня. Пангерманский союз, объединявший в это время наиболее реакционную и агрессивную часть немецкой буржуазии и юнкеров, открыто призывал к завоеванию украинских земель.

В планах Пангерманского союза Украина также занимала значительное место. В 1895 г. в Берлине была издана книга «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 г.», в которой автор, выступавший под псевдонимом «Пангерманец», писал, что германский народ, как народ высшей расы, народ господ

¹ В. Майский. Германия и война. М., 1916, стр. 26; он же. От Пруссии к Средней Европе. Пг., 1918, стр. 26.

должен стоять над низшими народами Европы и примитивными народами колоний, а в состав «Великой Германии» должны входить Нидерланды, Бельгия, немецкая Швейцария, Австро-Венгрия, Польша, Украина, Прибалтика, Румыния и Сербия². Этой же теме была посвящена опубликованная в начале мировой войны книга Фридриха Наумана³.

Еще в 1897 г. при министерстве иностранных дел Германии был создан специальный украинский отдел⁴; с украинскими националистическими кругами в Галиции имели тесные связи лидер национал-либеральной партии Германии, депутат рейхстага Затлер, секретарь немецкого консульства во Львове Фаутер и общество «Остмарктфераин».

Пангерманский союз специально посыпал людей в Россию для изучения отношений между народами Российской монархии. Эти люди затем в своих работах различными способами пытались противопоставить украинский народ русскому. Так, например, бывший прусский офицер Георг Клейнов специализировался по изучению истории и экономики славянских народов сначала в Кенигсбергском университете, а затем в Берлинском. В 1901—1902 гг. и в 1904—1908 гг. он путешествовал по России, посыпал в немецкие газеты и журналы статьи, превратившись таким образом в журналиста-профессионала, пангерманского «специалиста-эксперта» по России, и, в частности, по Украине. Возвратившись в 1909 г. в Берлин, Клейнов стал редактором еженедельника «Гренцбoden», в котором он проповедовал пангерманские идеи и планы расчленения России и захвата Украины⁵.

Другой известный пангерманец, журналист Пауль Рорбах, которого украинские буржуазные националисты величали «дядей приятель украинцев из немецкого научного и публицистического мира»⁶, также много писал о расчленении России. Он в 1897 г. совершил путешествие по Украине, после чего постоянно выступал в прессе с призывами отторжения Украины от России и превращения ее в немецкую колонию⁷.

Перед первой мировой войной в Германии появляется целый ряд «научных» исследований по истории, географии, экономике Украины, целью которых была фальсификация истории украинского народа и противопоставление его русскому, разжигание в немецкой буржуазии аппетитов к захвату громадных богатств Украины и ознакомление милитаристских кругов с военным по-

² «Так говорит Германия». Пг., 1915, стр. 49.

³ F. N a i m a p p. Mitteleuropa. Berlin, 1915.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 909, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁵ «Die Grenzboden», 11.XI 1914; G. C l e i n o w. Das Problem der Ukraine. Wien, 1915, S. 6.

⁶ Вісник Союзу визволення України, 10.VI 1917 (далее — «Вісник СВУ»).

⁷ П. Р о р б а х. Война и германская политика. М., 1915, стр. 57.

тенциалом России в предстоящей войне. Среди подобного рода исследований можно назвать книги Ганса Пельмана, Сарматикуса, Швайгер-Лерхенфельда, Карла Абеля, Герхарда Шульце-Геверница, Альфреда Гальбана и многих других. Рассадником пангерманской литературы было издательство Лемана в Мюнхене. Это издательство развернуло бешенную деятельность по пропаганде идей и планов захватнической войны.

Говоря о захватнических планах немецкого империализма по отношению к Украине перед первой мировой войной, нельзя забывать и об экономической экспансии германских капиталов в промышленность и сельское хозяйство Украины. Следует иметь также в виду, что экономисты и историки, исследуя вопросы экономического проникновения германских капиталов в украинскую экономику в этот период, часто не останавливаются на характеристике специфических особенностей этого проникновения. Правильно подчеркивая, что перед первой мировой войной в ведущих отраслях промышленности Украины преобладали французские, английские и бельгийские капиталы, исследователи зачастую при освещении проникновения германских капиталов в экономику Украины совсем не говорят о том (либо говорят вскользь), что германские капиталы вливались в промышленность Украины не только в чистом виде. Приезжали либо отдельные капиталисты, которые открывали собственные предприятия, либо они вкладывали свои деньги в промышленные предприятия, где преобладали капиталы других иностранных держав, и таким образом становились акционерами этих предприятий, либо немецкие банки предоставляли кредиты представителям довольно многочисленной немецкой колонии на Украине, которые также открывали частные предприятия. Кроме того, экономисты и историки совсем не касаются вопроса об экспансии германских капиталов в одну из наиболее важных и развитых отраслей пищевой промышленности на Украине — сахарную промышленность. А эта экспансия, как показывает анализ разнообразных материалов, также была достаточно ощутимой⁸.

Когда началась первая мировая война, грязные потоки разнообразной писанины пангерманцев и других немецких «известных ученых» о расчленении России и захвате украинских земель полились особенно обильно.

Издательство Лемана в Мюнхене и другие националистические издательства наводняли книжный рынок пангерманской литературой различных рорбахов, шмидтов, клайновых, кеслеров, шуппов, нетцелев, цтюбов, остманов, оствальдов и других верных слуг немецких империалистов с целью отравить сознание одетых в солдатские шинели немецких рабочих и крестьян,

⁸ Об этом подробно см.: І. М. Кулінич. Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900—1914 рр.). Київ, 1963, стр. 73—211.

которых кайзер и буржуазное правительство посыпали захватывать чужие территории. Со страниц всех этих изданий слышались призывы к расчленению Российской империи и присоединению украинских земель к Германии.

Широкая программа территориальных захватов во всем мире, с которой выступали открытые аннексионисты — представители пангерманско-прусской группировки и которую политически и материально поддерживали скрытые аннексионисты — правые социал-демократы, прогрессисты, католический центр и другие прослойки немецкой буржуазии, юнкерство и связанная с крупным капиталом буржуазная интеллигенция, сводилась к следующему. Во-первых, путем разгрома России и Франции подчинить себе всю континентальную Европу и сделать границы Европы границами Германии. Для этого всех славян необходимо было оттеснить за Урал, а французов за Вогезы и Сомму. Во-вторых, установить немецкий протекторат над всей Передней Азией, Южным Китаем, Индокитаем и Сиамом. В-третьих, создать немецкую африканскую империю из немецких, французских, португальских и бельгийских колоний. В-четвертых, создать немецкую тихоокеанскую островную империю с центром в голландской Индии. И, наконец, в-пятых, создать немецкий протекторат в Южной Америке «из территорий, которые имеют немецкую культуру»⁹.

Империалистическое правительство, хотя и подчеркивало в своих официальных заявлениях отсутствие у Германии захватнических целей, однако также имело свою программу анексий и довольно-таки значительных, о чем свидетельствует ряд документов¹⁰.

На своем заседании 28 августа 1914 г. Президиум Пангерманского союза принял решение взять руководство движением за завоевание чужих территорий в свои руки и выдвинул следующие цели войны: уничтожение морского владычества Англии; аннексия французских железнорудных бассейнов Лонгви и Брие и передвижение немецких границ западней Бельфора, Туля, Вердена и р. Соммы; аннексия Бельгии; передел колоний; расчленение России на части и отторжение от нее больших территорий — Польши, Литвы, Белоруссии, прибалтийских губерний, Украины для поселения на них немецких колонистов¹¹.

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1900, д. 17, л. 221—228; 1909, д. 20, л. 264—268; В. Я. фон дер Флигт. Всенемецкое движение как фактор всеевропейской войны. Пг., 1916, стр. 17, 23, 24; Ф. И. Нотович. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918. М., 1947, стр. 6—7.

¹⁰ См.: З. К. Эгерт. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957, стр. 237—246.

¹¹ H. Class. Wieder der Strom. Leipzig, 1932, S. 320—323; Ф. И. Нотович. Указ. соч., стр. 11; А. И. Молок. Немецкий военный разбой в Европе. Л., 1945, стр. 79.

Через три месяца после начала войны орган Пангерманского союза «Аллдайче блеттер» писал: «Могущество России по отношению к Европе и Ближнему Востоку заключается в обладании Украиной. Только через Украину она могла бы достичь Константинополя. Если захватить ее, эту великую, драгоценную страну, то Россия, оттесненная к Волге и Уралу, перестает быть европейской державой и превращается в азиатское государство»¹². Эта статья была перепечатана в «Райхенбергердейче фолксцайтунг», «Брюксель фолксцайтунг» и других газетах.

Украина интересовала немецкую буржуазию и юнкерство прежде всего своими богатствами, которые они хотели превратить в дешевое сырье для своей промышленности. Немецкие империалисты мечтали превратить украинских трудящихся в рабов, труд которых приносил бы громадные прибыли, а украинские земли в рынок сбыта товаров своей промышленности и в сферу приложения капиталов. Поэтому неудивительно, что в начале войны, когда аннексионистская горячка и военный угар охватили не только широкие слои крупной, средней и мелкой буржуазии, но также и рядовых немцев, в немецкой прессе появилось множество статей, в которых рассказывалось о несметных богатствах Украины, об их значении для Германии. «Шлезише цайтунг» в октябре 1915 г. писала: «Украина представляет самую важную промышленную область России. Без украинского угля остановилось бы русское железнодорожное движение, без украинского железа была бы парализована русская промышленность, прежде всего производство оружия и амуниции... Если Петербург является европейским сердцем России, а Москва национальным, то Киев и Украина являются несомненно экономическим сердцем Российской империи»¹³.

Еще более откровенно по этому поводу высказывался известный пангерманист Пауль Рорбах: «Без Украины Россия перестает быть Россией — она лишается угля, железа, хлеба, портов,— писал Рорбах.— Если кто хочет победить Россию, куда он должен маршировать? На Петербург? Но царская корона и вера народа не в Петербурге, они — в Москве. Значит, Россию можно смертельно ранить в Москве? Если кто-либо туда дойдет, то можно! Но Киев расположен намного западнее от Москвы, а кто владеет Киевом, тот также обладает и побережьем и портами Черного моря. Без украинского угля прекратится движение на железных дорогах, без ее железной руды не будет, с чего ковать плуги, отливать пушки, без украинского хлеба остальная Россия не будет иметь достаточно питания, потому что центр и север производят меньше продуктов, чем потребляют их. Вся экономическая жизнь в России должна прекратиться, если враг

¹² «Alldeutsche Blätter», 31.X 1914.

¹³ «Schlesische Zeitung», 10.X 1915.

захватит Украину... Кто владеет Киевом, тот победит Россию¹⁴.

Вместе с украинскими землями немецкие империалисты планировали отторгнуть и присоединить к Германии целый ряд других русских территорий — Бессарабию, Крым, Кавказ, о чём и писал¹⁵ в одном из пангерманских журналов некий Трич. «Потеря 40 млн. людей значительно повлияет на прирост населения в России,— писал он.— Кроме того, отторжение Украины от России потянуло бы за собой потерю ею нескольких других областей, которые, хотя и не являются украинскими, потеряли бы связь с остатком русской державы. Это касается прежде всего Бессарабии, которая, отделенная украинской территорией, не могла бы оставаться с Россией; это касается Южного Крыма с его мусульманским большинством населения; и, наконец, это касается кавказских областей, мусульманское большинство которых также вряд ли могло бы иметь связи с Москвией, если бы было отделено от неё украинской территорией»¹⁶.

Составляя и «научно» обосновывая различные варианты захвата украинских земель, немецкие империалисты не забывали и о тех внутренних силах, на которые они рассчитывали опереться на Украине — об украинских буржуазных националистах, которые были настроены пронемецки. В самом начале войны на австрийские и немецкие деньги был создан «Союз выявлення Украины» (СВУ). О субсидировании немцами этого змеиного гнезда рассказывает в своих воспоминаниях один из самых активных руководителей СВУ, член его президиума Скоропис-Йолтуховский. «Украина по своему географическо-политическому положению во времена войны принадлежала к антиантантской группе,— пишет он,— и должна была искать... политической и денежной помощи центральных держав. Союз ВУ это и сделала»¹⁷.

При активной поддержке председателя немецкого союза внутренней колонизации фон Шверина и секретаря этого союза Койна была создана специальная «Посредническая организация во Франкфурте-на-Одере», с помощью которой министерство иностранных дел Германии финансировало всю деятельность СВУ. За период с 1915 по 1917 г. министерство иностранных дел Германии отпустило через эту организацию для деятельности СВУ около 1 млн. марок, да, кроме того, немецкий генеральный штаб выдавал от 500 до 1000 русских рублей каждому из многочисленных шпионов из украинской националистической эмиграции, которых засылали на территорию России¹⁷.

¹⁴ «Die Hilfe», 1915, N 36.

¹⁵ «Osteuropäische Zukunft», 1916, N 3.

¹⁶ «Хліборобська Україна», кн. 2, 1920—1921, збірник II, III, IV. Вена, 204—213.

¹⁷ Там же, стр. 214—233.

Германское правительство устроило в Раштадте, Ветцлере и Зальцведеле специальные лагеря для военнопленных-украинцев, среди которых опытные лекторы из Галиции вели систематическую националистическую пропаганду¹⁸. Правда, эта пропаганда не принесла ожидаемых результатов, о чем писал В. И. Ленин в своем письме к И. Ф. Арманд в январе 1917 г.¹⁹.

В годы войны немецкие империалисты вели большую шпионскую деятельность на Украине. Ярким примером такого рода деятельности может служить фирма «Раббетге и Гизеке» в Виннице, а также деятельность ряда других промышленных и торговых фирм, которые либо были немецкими, либо находились под сильным влиянием германских капиталов²⁰.

Осенью 1915 г. в Германии было создано также общество «Украина», членом которого мог стать «всякий добропорядочный, совершеннолетний немец», а целью его было «осведомление немецкой общественности с историей, культурой, политической борьбой и экономическим значением Украины»²¹. Под возвзванием этого общества с призывом к германской общественности вступать в его члены, опубликованном в июне 1916 г., подписались генералы, промышленники, члены правительства, профессора — председатель общества генерал барон Гебзатель, его заместитель тайный коммерцсоветник Кирдорф, делопроизводитель общества, государственный министр доктор Рихтер, второй заместитель председателя генерал от инфантерии Сименс, казначей, старший инженер Клетцер, генеральный секретарь общества, профессор университета, доктор Фальк Шупп, уже известный нам издатель пангерманской литературы Леман и др.²²

Общество «Украина» систематически устраивало специальные вечера, лекции, на которых выступали всевозможные деятели с речами об Украине. Так, летом 1916 г. генеральный секретарь общества «Украина» сделал свой очередной вояж по Рейнской промышленной области с целью подогрева захватнических аппетитов среди крупных немецких капиталистов по отношению к Украине. Выступая 4 июня в клубе крупных промышленников г. Дюссельдорфа, Шупп подчеркивал то громадное экономическое значение, которое будет иметь Украина после захвата ее Германией. Он захлебывался, расхваливая естественные богатства Украины, и рисовал перед глазами капиталистов картины громадных прибылей, которые будут приносить промышленные и горнорудные предприятия Украины.

¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 2116, оп. 1, д. 165, л. 269 (далее — ЦГВИА).

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 377.

²⁰ ЦГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 25, л. 58, 59, 88—109, 136, 140; ЦГИАЛО, ф. 1483, оп. 1, д. 8, л. 94, 108; д. 19, л. 85; д. 22, л. 62—70; д. 27, л. 18—20.

²¹ «Вісник СВУ», 19.XII 1915.

²² «Вісник СВУ», 18.VI 1916.

Украина, подчеркивал оратор, это уголь, железо, нефть; это фруктовый край, который своими богатствами превосходит Италию; это страна виноградников, которые дают вино лучшего качества, чем французское; это край, где на зеленых лугах выпасается 30 млн. голов рогатого скота и т. д. Следует отметить, что на этом же вечере выступал с докладом «Центральная Европа и Украина» и холуй немецких империалистов — украинский буржуазный националист Евгений Левицкий, который также призывал немецких капиталистов овладеть Украиной. Бурными аплодисментами встречали промышленные магнаты Рейнской области выступления этих обоих прислужников пангерманизма, потому что мысли как Шуппа, так и Левицкого совпадали с их желаниями и стремлениями²³.

В годы первой мировой войны определенная, прогермански настроенная часть украинских буржуазных националистов лезла из кожи, чтобы угодить своим немецким господам. Вся писаница, выходившая из-под пера националистических «ученых», была направлена на поддержку пангерманских идей об уничтожении России, расчленении ее на отдельные части, о включении «самостоятійної» Украины в состав великой Германии.

Один из представителей украинской буржуазии историк Л. Василенко, анализируя работу П. Рорбаха «Война и германская политика», в которой последний проводит идею расчленения России и отеснения ее за Урал, писал, что взгляды немецкого политика «должны быть в значительной степени также взглядаами украинского политика», и, полностью солидаризируясь с Рорбахом, делал вывод, что отторжение Украины от России — это не только ослабление международного положения последней, но и нарушение в корне всего предшествующего экономического и общественного развития²⁴.

Уже упоминаемый Евгений Левицкий, выступая в Мюнхене с докладом «Украина, украинцы и интересы Германии», еще откровеннее подпевал пангерманцам, заявляя, что интересы Украины совпадают с интересами центральных держав «не только с точки зрения политической, но также и с экономической и культурной». Особенно большое значение Украины для Германии, продолжал этот изменник, заключалось, с точки зрения экономической, в ее громадных природных богатствах, а с точки зрения стратегической,— в ее удачном географическом положении. Плодородные земли и громаднейшие запасы полезных ископаемых, говорил Левицкий, дадут Германии неисчерпаемые запасы сырья и станут полем деятельности для немецких капиталистов, а выгодное географическое расположение Украины даст возможность Германии распространять свое экономическое и политическое влияние на Азию, т. е. обеспечит Германии коло-

²³ «Вісник СВУ», 18.VI 1916.

²⁴ Л. Василенко. Світова війна. [б. м.], 1915, стр. 15.

ниальные захваты в Азии, «включение азиатского Востока на продолжительное время, а может быть, и навсегда в состав Германии»²⁵.

Кроме экономического значения украинских земель немецкие империалисты видели также в Украине прекрасный плацдарм для дальнейшей агрессии на Восток, так сказать, отводили Украине важное место в своих стратегических планах завоевания самой ценной жемчужины в короне Великобритании — Индии. Страницы прессы и более солидных исследований в годы войны пестрели пространными рассуждениями на эту тему. Так, в статье, напечатанной в октябре 1914 г. в газете «Фоссише цайтунг» под названием «Сокровища Украины», говорилось, «что кратчайший путь из Европы в Индию пролегает через Украину — из Берлина на Киев и Харьков»²⁶. Чуть позже газета «Кельнише фольксцайтунг» поместила статью «Политическое и экономическое значение Украины», в которой также писала, что «Украина расположена на кратчайшем пути из Средней Европы в Восточную Индию, а это обстоятельство может приобрести уже в недалеком будущем огромнейшее значение»²⁷. Отрыв Украины от России открыл бы для Германии «простой сухопутный путь через Одессу в далекие азиатские области Османской державы, за которые Германия как промышленная страна уже продолжительное время ведет борьбу», — писала газета «Везер цайтунг» в 1915 г.²⁸

В опубликованном в декабре 1915 г. президиумом упомянутого выше общества «Украина» воззвании о вступлении в это общество также указывалось, что ближайший путь из Берлина через Вроцлав, Краков, Львов ведет к Одессе, а оттуда — к Персидскому заливу и к будущей железной дороге, которая как раз и явится единственной сухопутной магистралью к Индии²⁹.

Стратегическое значение Украины для завоевания Германией мирового господства подчеркивал в своих лекциях и генеральный секретарь общества «Украина» Фельк Шупп, который в 1916 г. выступал в Лейпциге, Мюнхене, Кёльне и других городах. Даже свой доклад Шупп назвал претенциозно: «Украина — мост к Восточным странам». Он сам подготовил специальные схемы торговых путей и географические карты с той целью, чтобы как можно рельефней подчеркнуть присутствующим стратегическое и экономическое значение Украины для дальнейшего завоевания Кавказа, Турции, Персии, Афганистана и Индии. Докладчик говорил, что через Украину «проходят кратчайшие железнодорожные пути к восточным странам», а также о том, что

²⁵ E. Lewicky. Указ. соч., стр. 53.

²⁶ «Vossische Zeitung», 17.X 1914.

²⁷ «Kölnische Volkszeitung», 31.XII 1915.

²⁸ «Weser Zeitung», 21.X 1915.

²⁹ «Вісник СВУ», 26.XII 1915.

«конечной целью Германии является завоевание Индии, той Индии, которую Англия позорно ограбила, подвергает угнетению и унижению; Индии, которая, скрипя зубами, звенит английскими рабскими кандалами и хочет их разорвать»³⁰. Вполне понятно, что пангерманист Шупп ни на одну минуту не допускал мысли о том, чтобы руки индийского народа остались свободными от колониальных кандалов. Он, как и всякий импералист, хотел лишь поменять английские кандалы на немецкие, чтобы еще сильнее эксплуатировать индийский народ и загребать при этом максимальные прибыли.

В начале 1917 г., когда германские войска стояли в Румынии на р. Серет, хемницкая газета «Аллгемайнэ цайтунг» поместила статью «Гинденбург у ворот», в которой писала: «Наши войска стоят над Серетом и смотрят в чужую страну. По ту сторону границы Румынии простирается территория Украины... Здесь не только зреют хлеба для потребления миллионного населения, но также находятся залежи угля и железа... Если бы Гинденбургу удалось проломить ворота на Украину, для Российской империи возникла бы такая опасность, какой еще никогда не было»³¹.

Февральская революция в России 1917 г. и захват власти на Украине буржуазной Центральной радой не только не ослабили, но скорее усилили аннексионистские стремления германских импералистов по отношению к Украине. «Русская революция,— заявлял некий Рудольф,— сама по себе ничего не меняет в наших военных целях»³².

Известный публицист пангерманец Аксель Шмидт цинично заявлял: «Взрыв национального освободительного движения на Украине является для нас не меньшим подарком, чем русская революция. Необходимо только лучше его использовать, чем гибель царизма. Если мы решительно возьмемся за инородцев России, и в частности за украинцев, если мы им пообещаем свою поддержку в их стремлениях принять участие в мирной конференции, то это, несомненно, усилит центробежные силы в России, и мы можем таким образом дипломатическим путем завершить то, что мы так блестяще начали с помощью оружия на Востоке,— устранение русской угрозы»³³.

Пауль Рорбах пишет в это время специальную брошюру, где доказывается, что наконец-то наступило время взяться как следует за Украину. «Если Украина,— писал он,— останется подданной Москвы, то русская опасность останется в силе, военная цель в отношении России останется недостигнутой в решающем месте»³⁴.

³⁰ «Вісник СВУ», 9.IV; 18.VI 1916.

³¹ «Allgemeine Zeitung», 21.I 1917.

³² A. Rudolf. Lieber deutscher Michel. Berlin, 1917, S. 59.

³³ «Вісник СВУ», 19.VIII 1917.

³⁴ P. Rohrbach. Unser Kriegsziel in Osten und die russische Revolution. Berlin, 1917, S. 17.

Как видно из приведенного выше, литература военных лет в Германии подготавливала и идеологически и практически общественное мнение к событиям в Брест-Литовске в 1918 г. и последующей за ними оккупации Украины германскими и австро-венгерскими войсками весной 1918 г. Германскому военному командованию, генералу Максу Гофману, ведшему переговоры в Бресте, не приходилось много работать над возникающими там проблемами. Почти все эти проблемы были уже детально разработаны в литературе периода 1914—1917 гг.

О том, как германский империализм относился к идеи создания «независимой» Украины во время переговоров в Брест-Литовске, может свидетельствовать высказывание генерала Гофмана. «В действительности Украина — это дело моих рук,— говорил самоуверенно позже, в 1919 г., этот напыщенный прусский солдафон,— а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»³⁵.

Двинув, после заключения Брестского мира, свои войска на Украину, германские империалисты пытались осуществить не только свои давно вынашиваемые аннексионистские экономические и стратегические планы. Теперь у них появилась еще одна очень важная задача — выполнить роль жандарма в подавлении революционного движения на Украине, в разгроме большевизма и удушении идей Великого Октября.

Один из руководителей Центральной рады В. Винниченко писал позже об этой роли германского империализма следующее: «...Четверной союз взял под особенную опеку украинскую государственность, а украинская «социалистическая» власть не только в государственности искала поддержки и защиты империалистического четверного союза, но и в области политическо-социальной. Немецкие генералы ставили даже специальным условием охрану правительства и общественных учреждений Украинской Народной Республики от агитации и пропаганды большевиков. Такие симпатии центрального империализма к Украине объяснялись прежде всего тем, что наша власть и наши «учреждения» были не социалистическими, не враждебными к их учреждениям и не угрожали, как «анархистская» власть большевиков, социальной заразой им самим... Другим же и, очевидно, применительно к тому моменту, еще более важным мотивом была экономическая сторона дела... Немцы это делали не ради прекрасных очей Украины... Им были хорошо известны и наши силы, и действительное положение на Украине. Они знали, что харьковское правительство все больше укрепляет свою власть на Украине, а правительство Центральной рады все больше теряет свое значение на Украине. И тем не менее немцы считали только его

³⁵ «Революция на Украине по мемуарам белых». М.—Л., 1930, стр. 136.

действительным представителем украинской державы, потому что так считать было для них полезным и нужным»³⁶.

Генерал Людендорф в своих воспоминаниях также говорил, что «нужно было задушить большевизм на Украине и установить там такие порядки, которые могли бы принести нам военную пользу: хлеб и сырье; для этой цели необходимо было двинуться в глубь страны...»³⁷.

Таким образом, Украина занимала значительное место в экспансионистских планах германского империализма.

Развязывая первую мировую войну, германский империализм стремился силой оружия осуществить свои планы по отношению к Украине — захватить ее громадные богатства и превратить ее в удобный плацдарм для дальнейшей агрессии на Востоке.

Оккупация Украины германскими войсками, призванными буржуазно-националистическим правительством Центральной рады, наглядно показала, что германский империализм все делал для того, чтобы превратить украинские земли в свои колониальные владения, а украинских трудящихся в колониальных рабов.

Но ни в годы первой мировой войны, ни в годы второй мировой войны, тоже развязанной германским фашизмом, не суждено было осуществиться этим захватническим планам. Трудящиеся великой Советской страны разгромили агрессоров, защищая свою свободу и независимость, защищая завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

³⁶ «Берестейський мир. Спомини та матеріали». Львів — Київ, 1928, стр. 176—178.

³⁷ Там же, стр. 283—284.

A. Кёваго

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАЛЫХ НАРОДОВ
В БОРЬБЕ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х ГОДОВ XX в.**

Мы, венгры, очень заинтересованы как в раскрытии истории немецкой экспансии на Восток, так и в распознании закономерностей развития народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Ведь наша судьба тесно связана с жизнью соседних народов, и германская экспансия касалась нас не меньше других, несмотря на то, что Венгрия под предводительством реакционных правящих кругов не раз как сателлит служила германским экспансионистским устремлениям.

В данной статье я хотел бы остановиться на некоторых вопросах истории Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами, а именно на проблеме отношения этих стран к немецко-фашистской агрессии.

Разыгравшиеся после 1918—1919 гг. исторические события доказали, что распад Австро-Венгерской монархии и сформирование новых буржуазных государств означали шаг вперед по пути разрешения сложных национальных проблем Юго-Восточной Европы. Входившие раньше в состав нескольких государств, разделенные государственными границами нации были объединены на территории одной страны. Классовые противоречия проявлялись теперь более открыто: чешская, словацкая, югославская, румынская и венгерская буржуазия больше уже не могли изображать классовое угнетение и эксплуатацию как национальное угнетение монархии, и это способствовало борьбе за социализм.

Но в то же время исторические события доказали и то, что сформирование или расширение самостоятельных буржуазных государств не решило проблему, за разрешение которой после раз渲ла многонациональной, дуалистической монархии взялась национальная буржуазия малых стран. Так же не удалась по-

пыта решить тогда сложную национальную проблему Юго-Восточной Европы интернациональным способом на почве победы социализма. Она потерпела поражение потому, что силы социалистической революции, силы пролетарского интернационализма были пока еще слабее сил буржуазного национализма, потому что силы социалистической революции еще не обладали ни необходимым опытом, ни программой, разработанной на основе особенностей местной ситуации, не было еще и революционных пролетарских партий в малых странах, а также потому, что экономическая и военная сила западных империалистических держав как решающий фактор помогала националистическим силам буржуазной контрреволюции. В то же время самая главная опора социалистической революции в Центральной Европе — Советская Россия — сама вела борьбу не на жизнь, а на смерть, и была не в силах оказывать революции в Юго-Восточной Европе ни экономической, ни действенной военной поддержки. Поэтому в период между двумя мировыми войнами вместо дружественного сосуществования наций Юго-Восточной Европы мы стали свидетелями антагонистических противоречий буржуазных государств. Буржуазия была не в силах разрешить национальные противоречия ни в международном масштабе, ни в отдельных странах. Югославия и Чехословакия в период между двумя мировыми войнами подавали наглядный пример тому, в какой мере буржуазия была неспособна удовлетворительным образом разрешить национальные проблемы. В этих странах братские нации составляли подавляющее большинство населения. Их элементарные жизненные интересы диктовали буржуазии этих стран осуществлять полнейшее согласие, действительное равноправие всех национальностей между собой уже хотя бы из-за соседства с вражескими государствами. А что было в действительности? В Югославии сербская буржуазия старалась огнем и мечом обеспечить свое монополистическое положение по сравнению с хорватской и словенской буржуазией. В Чехословакии более развитая и более богатая чешская буржуазия осуществила свою гегемонию над словаками.

Исторические события, разыгравшиеся между двумя мировыми войнами, доказали, что национальную проблему Юго-Восточной Европы нельзя решать буржуазно-националистическими методами. Буржуазные государства, которые назывались буржуазией их господствующих наций национальными, в действительности были многонациональными государствами или государствами с многочисленными национальными меньшинствами. Они оказались неспособными ликвидировать противоречия между господствующими и подчиненными им нациями и национальными меньшинствами. Поэтому существование этих буржуазных государств не могло быть прочным; конкурентная борьба буржуазии разных наций, борьба за экономическую и политическую

гегемонию оттесняла на второй план не только интересы их государства с народами многих национальностей, но заставляла забывать даже о собственных жизненных интересах. Вот почему они и стали в конце концов легкой добычей фашистских агрессоров. Приход фашистских и профашистских режимов к власти означал полный провал буржуазной национальной политики, а также вершину обострения национальной проблемы в Юго-Восточной Европе.

Во второй половине 30-х годов на пути агрессии гитлеровской Германии на Восток, подстрекаемой западными империалистическими державами, на первом месте стояла Чехословакия. Чтобы захватить Чехословакию, Гитлер должен был изолировать ее и для этого прежде всего политически уничтожить Малую Антанту.

Малая Антанта, эта прислужница французского империализма, была создана как часть санитарного кордона против СССР. Основная задача союза Чехословакии, Румынии и Югославии наряду с целями, направленными против Страны Советов, заключалась в защите трех государств против реваншистских устремлений Венгрии. Во второй половине 30-х годов, когда немецкий «Дранг нах Остен» стал опять реальной угрозой, Малая Антанта могла бы сыграть положительную роль — объединить малые восточные и юго-восточные государства или же по крайней мере часть их против немецкой агрессии. Но этого не случилось вследствие противоречий между странами Малой Антанты.

Вредная суть близорукой националистической политики правительств малых стран Дунайского бассейна, определяемая классовыми интересами их господствующих кругов, особенно ярко проявлялась на отношениях стран Малой Антанты и Венгрии. Можно вкратце указать только на некоторые моменты.

Интервенты, разгромившие советскую власть в Венгрии, помогли прийти к власти самым реакционным, самым шовинистическим кругам венгерских правящих классов, которые открыто проповедовали, что их целью является восстановление Великой Венгрии и обеспечение ее гегемонии в Дунайском бассейне. В 30-е годы они хвастались тем, что создали первую фашистскую правительенную систему в Европе.

Когда правящие круги Румынии, Югославии и Чехословакии в страхе перед социалистической революцией оказали помочь в захвате власти офицерским бандам Хорти — палачам венгерского народа, они наделили властью своих собственных смертельных врагов.

После прихода к власти немецких фашистов, открыто взявшись курс на ревизию Версальского договора, правящие круги Венгрии во внешней политике стали все более ориентироваться на фашистскую Германию. Хортисты надеялись осуществить свои агрессивные замыслы в сговоре с германским фашизмом. Гитле-

ровское правительство в свою очередь намеревалось использовать венгерских реваншистов в своих экспансионистских целях и поэтому готово было частично поддержать их притязания.

Противоречия между странами Малой Антанты способствовали осуществлению милитаристских замыслов венгерских правящих кругов.

Каждое из государств этого блока готово было вести сепаратные переговоры с Венгрией. Чехословацкое правительство заявило в декабре 1936 г. о своем согласии официально признать равноправие Венгрии в области вооружений. Подобные заявления сделали и остальные участники Малой Антанты.

В конце ноября 1937 г. Гитлер рекомендовал венгерскому правительству не распылять своих ревизионистских устремлений против всех стран Малой Антанты, а направлять их лишь по одной линии, а именно против Чехословакии.

Политика поощрения агрессора, проводившаяся в тот период правящими кругами западных стран, способствовала усилинию гитлеровской и хортистской агрессии против Чехословакии. Венгерские представители в европейских столицах неоднократно сообщали в Будапешт, что Англия и Франция не будут защищать интересы Чехословакии.

В этих условиях Советский Союз был единственной державой, последовательно отстаивавшей дело мира и безопасности в Европе, он предлагал Чехословакии помочь для предотвращения агрессии фашистской Германии. Архивные материалы министерства иностранных дел Венгрии свидетельствуют о том, что советское правительство заявляло венгерскому посланнику в Москве о своих намерениях защитить народы Чехословакии от фашизма.

Чехословацкое же правительство, выражая интересы империалистической буржуазии, вместо того, чтобы принять протянутую Советским Союзом руку помощи, шло на все большие уступки агрессорам. Взгляды правительственных кругов еще в 1937 г. выразил чехословацкий премьер-министр Годжа, заявив австрийскому канцлеру Шушнигу, что он считал бы для себя трагедией, если бы Москва защищала Чехословакию.

В то время как коммунистические партии и трудящиеся массы стран Дунайского бассейна боролись за создание антифашистского союза народов и стран, которым угрожала германская агрессия, их правительства отказались от всех средств защиты от фашистской агрессии.

Английские и французские империалисты открыли свободную дорогу фашистской агрессии, направленной на Восток. Чехословацкое, польское, югославское и румынское буржуазные правительства даже в час смертельной опасности не отважились всерьез принять помощь Советского Союза. И Хорти в 1944 г. завершил свою политику, катастрофическую для венгерского на-

рода, тем, что когда уже было все потеряно, не решился, опираясь на Советский Союз, выйти из войны, порвав с Гитлером.

Но верхом близорукой политики буржуазных националистов было то обстоятельство, что Малую Антанту, этот возможный союз государств против фашистской агрессии, помогли разгромить сами члены Антанты. Этим была предоставлена возможность фашистскому агрессору покончить с ними поодиночке.

Последствия этого хорошо известны, и нет надобности останавливаться на них подробно.

Уроки ясны: буржуазия Центральной и Юго-Восточной Европы оказалась не в состоянии проводить политику, способную обеспечить социальный прогресс народов, независимость своих государств.

Залог мирного развития, безопасности этих стран против империалистической агрессии заключался в самом тесном союзе и сотрудничестве этих народов в духе пролетарского интернационализма, в том, чтобы без всяких оговорок и с полным доверием опираться на Советский Союз, на базу социалистической революции, на самый надежный оплот мира во всем мире.

Другого пути для них не было. Это является самым важным и для всех них одинаково действенным уроком европейской истории между двумя мировыми войнами.

Д. С. Клиновский

ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В 1933 г.

(Из истории подготовки пакта о ненападении между гитлеровской Германией и «санационной» Польшей)

Одной из причин, которые привели Польшу к сентябрьской трагедии 1939 г., был германо-польский пакт о ненападении, подписанный 26 января 1934 г. в форме «Декларации о неприменении силы»¹.

Подписав пакт, гитлеровцы и пилсудчики, а за ними и реакционная пресса всего мира трубили о конце «тысячелетней вражды двух народов», о «начале эры двухсторонних соглашений», о «вечном мире» между Германией и Польшей. Однако в истории международных отношений трудно найти прецедент, с которым были бы связаны роковые события, подобные крушению досентябрьской Польши.

Германо-польская «сердечная дружба», проводившаяся под флагом пакта от 26 января 1934 г., служила германскому империализму лишь средством для «замораживания» конфликта с Польшей «до выгодной для Германии ситуации»².

Как только эта ситуация вполне определилась, Гитлер без промедления, 28 апреля 1939 г., разорвал германо-польский пакт. Так окончился период гитлеровско-санационной «дружбы», провозглашавшейся «не только на 10 лет, а навсегда».

Ниже и рассматривается, как произошел поворот в отношениях между Германией и Польшей и родился пакт, явившийся серьезным успехом германского империализма в подготовке второй мировой войны.

¹ См. «Нюрнбергский процесс». Сб. материалов, т. I. М., 1952, стр. 330—331, документ ТС-21.

² K. L a p t e r. Pakt Piłsudski — Hitler. Warszawa, 1962, str. 57.

* * *

В начале мая 1933 г. в Берлине и Варшаве состоялись мало кем ожидавшиеся — из-за напряжения между Германией и Польшей — встречи Гитлера с Высоцким, Бека с Мольтке и Пилсудского с Шиндлером. «Майские встречи» произвели неизгладимое впечатление не только на общественность в Польше и Германии, но и на весь мир. Многие газеты заполнились сенсационными статьями. «Дейче альгемейне цайтунг» писала, что свидание Гитлер — Высоцкий было посвящено главным принципиальным проблемам; «Берлинер тагеблат» заявляла: «Всякие актуальные политические проблемы между обоими восточными соседями урегулированы путем непосредственной договоренности между правительствами Польши и Германии», лондонская «Дейли экспресс» утверждала, что «свидание, которое было очень сердечным, дает надежду на дальнейшее ослабление острейшего напряжения между Германией и Польшей», а «Дейли телеграф» даже оповещал весь мир, что «в Варшаве заключен неофициальный пакт о ненападении между Германией и Польшей в результате переговоров польского посланника Высоцкого с Гитлером»³.

Весьма большое внимание «майским встречам» уделили правительства стран Запада.

Представитель США Кросби, например, сразу же поспешил в министерство иностранных дел Польши и проявил очень большой интерес к беседам Высоцкого с Гитлером и Бека с Мольтке. Кросби заявил, что «повышенное внимание Гитлера в отношении политики рейха к Польше возникло в результате боязни натиска с востока путем польско-русского сближения»⁴.

Посол Италии в Польше Бастиани посетил 15 мая 1933 г. начальника Западного отдела польского МИДа Юзефа Липского. Он спросил, имеются ли основы, на которых могло бы идти дальнейшее урегулирование между Польшей и Германией. Липский ответил, что в связи с распространением слухов о превентивной войне с Германией ситуация требовала радикальной ясности и что отношения с Германией многоплановы, возможность дальнейшего примирения существует. Подогревая аппетит пилсудчиков, Бастиани подчеркнул, что «гитлеризм является чем-то новым, и, если ему удастся изменить прежнюю государственную структуру Германии, то это явится положительным как для Польши, так и для Италии»⁵.

³ F. Вєгнаś, L. Meissner. Płonąca granica. Warszawa, 1961; str. 135.

⁴ Историко-дипломатический архив МИД СССР: документы, взятые Советской Армией при освобождении Польши и разгроме фашистской Германии. Ф. 15, оп. 1, д. 111, л. 34 (далее — ИДА).

⁵ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 111, л. 32, 33.

Не удивительно, что в такой обстановке Бек заявил: «Время «несчастной Польши» миновало»⁶.

Только Советский Союз указывал на опасные тенденции, заложенные во встречах Гитлера с Высоцким, Бека с Мольтке и Пилсудского с Шиндлером. СССР открыто заявил всему миру, что Гитлер обманывает Польшу⁷.

События нарастили. Чтобы «углубить идеи, заложенные в коммюнике от 4 мая»⁸, Гитлер 17 мая 1933 г. на специальной сессии рейхстага лицемерно говорил о существовании Польши, как «действительности», что «никакой исторический процесс не смог бы изменить эту действительность», что «каждая военная акция в Европе, если даже она вполне удачна и умеренна жертвами, ни в каком отношении не является полезной»⁹. На примерах бесед 2 и 4 мая в Берлине и Варшаве Гитлер доказывал общее «миролюбие» нацизма, подчеркивал «уступчивость» Германии в отношении Польши. Он заявил, что Германия думает только о своей безопасности и готова «принять участие в торжественном пакте о ненападении»¹⁰.

27 мая 1933 г., за день до выборов в сенат «Вольного города» Данцига Гитлер выступил по радио в Кенигсберге и вновь заявил, что «национал-социализм отвергает всякую политику изменения границ за счет других народов»¹¹.

За фарисейскими разглашениями в рейхстаге и Кенигсберге крылись вполне определенные тактические маневры Гитлера. Не имея еще сил для насильтственного изменения германо-польской границы, а также с целью помешать возможному улучшению отношений между Советским Союзом и Польшей, Гитлер дал фашистам в Гданьске указание перейти от антипольских атак к поискам соглашения с пилсудчиковской верхушкой.

И данцигские фашисты по команде Гитлера предпринимают шаги к «примирению» с Польшей.

В лучших же кинотеатрах Берлина летом 1933 г. демонстрировался только что созданный фильм «По ту сторону Вислы», в котором доказывалась германская принадлежность земель, переданных Польше в Версале, и непрерывно повторялся рефрен: «На Восток хотим мы скакать!»¹²

Для Польши в таких условиях единственной правильной была совместная работа с СССР над созданием системы коллективной безопасности в Европе. Но руководителей «санационной Польши», стоявших на антисоветских позициях, не покидали в это вре-

⁶ J. Beck. Reden, Erklärungen, Interviews. Essen, 1939, S. 55.

⁷ «Известия», 5 мая 1933 г.

⁸ K. Smogorzewski. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich? Poznań, 1934, str. 21.

⁹ E. Reibnitz. Der deutsch-polnische Ausgleich. Berlin, 1934, S. 22.

¹⁰ E. Reibnitz. Указ. соч., стр. 22.

¹¹ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 22.

¹² «Front zachodni», 1933, N 14, str. 7.

мя «большие планы захватов»^{13—14} Киева, Минска и других городов. Пилсудский, считавший, что, наконец, наступает время для осуществления его «ягеллонской» идеи, говорил, например, своему приближенному Славеку: «Ты увидишь, Вильна еще будет столицей Европы»^{15—16}. Таким образом, пилсудчина, не замечавшая расставлявшейся ей Гитлером ловушки, все смелее выходила на путь сотрудничества с фашистской Германией.

В такой обстановке уже в мае — июне 1933 г. германские дипломаты пытаются склонить Польшу к благоприятной оценке «пакта четырех» и поддержке немецких выступлений на Лондонской экономической конференции. Германский посланник в Варшаве Мольтке неоднократно убеждал начальника Западного отдела МИД Польши Липского, что «пакт четырех» абсолютно безобиден для Польши¹⁷. Липский же, говоря об общем отрицательном отношении Польши к пакту, утверждал, что причиной такой негативной позиции Германия не является¹⁸. И это заявлялось в то время, когда всему миру было ясно, что «пакт четырех» направлен своим ревизионистским острием прежде всего в сторону Польши.

Мольтке пытался влиять и на подбор участников польской делегации на Международную конференцию в Лондоне. Среди архивных документов имеется запись его беседы 31 мая 1933 г. с Липским по этому вопросу: «Германский посол, знакомясь с составом нашей делегации, высказал мнение, что мы мало интересуемся работой конференции». Липский ответил, что это не так, что «мы весьма интересуемся конференцией, доказательством чему является участие в делегации экспертов из числа инженеров и техников. Мы располагаем информацией,— заявил Липский Мольтке,— что в Лондоне будут затронуты только финансовые дела»¹⁹.

Но на Лондонской конференции при обсуждении финансовых дел германский делегат Гугенберг представил, однако, меморандум, из которого видна была непосредственная угроза самой Польше, так как Гугенберг выдвигал требование изменения ее границ.

В этих условиях 3 июля 1933 г. Польша вместе с рядом других государств подписала конвенцию об определении агрессора, предложенную Советским Союзом. «Фашистская Германия, добивающаяся ревизии своих границ и расширения на восток и юго-восток Европы,— писала в те дни «Правда»,— поставила в порядок дня вопрос о переделе Европейского континента в свою пользу. Германский фашизм не скрывает, что его целью является

^{13—14} St. Mackiewicz. Geschichte Polens. Marburg, 1956, S. 327.

^{15—16} Там же.

¹⁷ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 111, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 26.

¹⁹ Там же, л. 27.

ся разгром Польши и завоевание господствующего положения в прибалтийских странах и в Центральной Европе. Для буржуазии малых европейских стран «пакт четырех» был первым тревожным сигналом. Явная неудача Женевской конференции и крах Лондонской — второй тревожный сигнал, который напоминает о том, что наступает полоса лихорадочных перегруппировок в империалистическом лагере. Путь к войне ведет из Женевы и Лондона через кабинеты тайной империалистической дипломатии»²⁰.

Подписание конвенции об определении агрессора, провал «пакта четырех» активизируют практические шаги гитлеровцев, направленные сначала на нейтрализацию Польши, а затем на подчинение ее внешнеполитическому курсу фашистской Германии.

23 июня 1933 г. Раушнинг в программной речи перед вновь избранным нацистским сенатом Гданьска вновь подтвердил намерение проводить по отношению к Польше «политику мира и лояльности перед лицом договоров»²¹. А 3 июля Раушнинг прибыл в Варшаву вместе с другим представителем нацистского сената Гданьска — ярым гитлеровцем Грейзером. Пилсудский принял делегацию в присутствии Бека и заявил: «Очень радостно, что господа выбрали единственно умный путь урегулирования наших взаимных отношений. Я не хочу, чтобы вы приезжали как враги, так как это могло бы кончиться гораздо горше, чем это можно себе представить»²².

13 июля 1933 г. Высоцкого, отзывавшегося в Варшаву, принял Гитлер. В прощальной беседе он долго и лицемерно говорил, что все его действия направлены лишь к тому, чтобы не дать разрастись пропасти, которую создал Версальский договор между Германией и Польшей. Все рассуждения Гитлера в пользу германо-польского сотрудничества, которые должен был передать Высоцкий своему правительству, были разбавлены «угрозой коммунизма». Гитлер подчеркнул, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений, а, наоборот, уважает исторические права Польши на существование и ее дальнейшее развитие, стремится «к миролюбивому и дружественному характеру обоюдных отношений»²³.

После прощальной беседы Гитлера с Высоцким и назначения на его место (24 июля 1933 г.) пользовавшегося неограниченным доверием Бека Юзефа Липского начинаются непосредственные переговоры по многим проблемам, связанным с хозяйственными отношениями, прекращением таможенной войны, урегулирова-

²⁰ «Правда», 5 июля 1933 г.

²¹ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 22.

²² J. Beck. Pamiętniki. Warszawa, 1955, str. 60.

²³ R. Greuer. Das deutsche Reich und Polen. Würzburg, 1955, S. 179.

ицем положения национальных меньшинств, началом «сотрудничества» в области прессы, культуры и т. д.²⁴

В августе 1933 г. предпринимаются также попытки и «исторического обоснования» начинавшегося германо-польского сближения. 21—27 августа в Варшаве состоялся международный конгресс историков. К нему немецкие историки подготовили объемистый труд под названием «Германия и Польша», в котором, в частности, писали: «Во всей истории и всех событиях теперешняя Германия была той, которая всегда спешила на помощь молодому и неопытному восточному соседу»²⁵.

Большая часть авторов прибыла на конгресс и там доказывала, что «взаимные польско-немецкие отношения на съезде должны служить делу сближения обеих наций»²⁶.

Однако гитлеровцы и в этот момент «большой тактики» недвусмысленно высказывали свои истинные намерения в отношении Польши. Характеризуя смысл польско-гданьского урегулирования, газета «Дейче фюрер брифен» 28 августа 1933 г. писала: «Сильная Германия могла позволить себе жест, выражающий стремление к урегулированию, но за этим скрывается решительность не только не уступать ни одной позиции, а, наоборот, укреплять эти позиции и вооружаться к моменту окончательного освобождения»^{26a}.

Особенно рьяно за союз с Германией выступили помещики Западной Белоруссии, яростно противившиеся возможному польско-советскому сближению. Их орган виленское «Слово» устами редактора Мацкевича вещал: «Гитлер более антисоветский, чем антипольский»²⁷. Кресовым зубрам вторил Мейбаум — предводитель львовских пилсудчиков. Влиятельная группа из лагеря «санации» была даже согласна отдать немцам «коридор» и Верхнюю Силезию в обмен на вооруженную поддержку фашистской Германией старых польских притязаний на Советскую Белоруссию и Советскую Украину^{27a}.

В начале сентября 1933 г. князь Сапега выступил с лекцией о международном положении польского государства и цинично заявил, что «поляк кризиса не боится, так как носит портки не на шелку, а на веревочке»²⁸. Сапега подверг критике подписанную конвенцию об определении агрессора. Главной целью польской внешней политики, говорил он, должно быть германо-польское соглашение. Для Польши, утверждал Сапега, очень выгоден также «аншлюс», так как он снимет давление немецкого

²⁴ A. Wolski. *Pakt polsko-niemiecki z 1934 r.* — «Sprawy międzynarodowe», 1953, N 6, str. 71.

²⁵ «Front zachodni», 1933, N 13, str. 7.

²⁶ «Front zachodni», 1933, N 17—18, str. 21.

^{26a} F. Bernaś, L. Meissner. Указ. соч., стр. 137.

²⁷ «Słowo», 4.VII 1933.

^{27a} «Правда», 10 июля 1933 г.

²⁸ «Słowo», 1—2.IX 1933.

национализма на польские границы и перенесет тяжесть германской политики в сторону Балкан. «Перед нами встал вопрос,— продолжал Сапега,— будем ли мы форпостом Европы, расширяющейся в восточном направлении, или мы будем барьером, препятствующим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер, и наша страна превратится в поле битвы, на котором будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы подготовить к этой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии...»²⁹

Так польские помещики ринулись на помощь Гитлеру. И делали они это, как ни парадоксально, в тот самый момент, когда «фюрер» говорил о том, что «непременно следует иметь в виду, что не должно существовать польских помещиков; там где они будут,— как бы жестоко это ни звучало,— их следует уничтожить»³⁰.

Немаловажную роль в призывах польских оголтелых реакционеров к союзу с фашистской Германией сыграл в бурные месяцы 1933 г. и Ватикан. 20 июля от имени правительства Гитлера вице-канцлер Папен и секретарь папы Пия XI кардинал Пачелли^{30а} подписали конкордат.

Польские реакционеры, ратуя за союз с Германией, неоднократно ссылались на него, как на пример для успешного сотрудничества.

Бек и его приближенные тщательно изучали путь к соглашению с гитлеровской Германией, проложенный конкордатом. Так, например, по заданию Бека польский посланник при Ватикане Янковский вслед за подписанием конкордата посетил кардинала Пачелли и имел с ним длительную беседу, во время которой пытался выяснить тайные стороны конкордата с Германией, интересовался, кто его инициатор³¹.

Не меньшее внимание к конкордату было проявлено и генеральным консулом Речи Посполитой в Мюнхене. «Конкордат,— доносил консул в министерство иностранных дел,— произвел впечатление капитуляции Ватикана»³².

Для зондирования путей германо-польского сближения неоднократно использовались и богомольцы, посещавшие Ватикан. Однажды в Рим приехало 110 верующих поляков из Германии. Они были приняты папой Пием XI, который говорил с ними по-немецки, а закончил по-польски: «Да наступит согласие!»³³

²⁹ «Slowo», 1—2.IX 1933.

³⁰ «Нюрнбергский процесс», т. I. М., 1952, стр. 342.

^{30а} С 1934 г. Пий XII.

³¹ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 88, л. 22.

³² Там же, л. 15.

³³ Там же, л. 4.

Однако, как ни старались гитлеровцы и пилсудчики углубить и расширить контакты к сближению, дорога к серьезному улучшению германо-польских отношений имела еще большие выбоины. Летом 1933 г. отношения между Польшей и Германией находились еще в такой фазе, что по обе стороны границы, особенно в широких массах населения, первые симптомы уменьшения напряженности принимались с большой дозой скептицизма³⁴.

При продолжавшейся обостряться в 1933 г. международной обстановке с большим трудом улаживались и отношения по государственной линии. Германский посол Мольтке неоднократно посещал в это время министерство иностранных дел Польши с протестами о полетах польских военных самолетов над немецкой территорией³⁵. Поляки же в свою очередь отвечали контрпретензиями. В ряде бесед Мольтке и Липский (в то время еще начальник Западного отдела МИДа) высказали много претензий обеих сторон: обучение детей немецкого консула в польской гимназии в Торуне, убийства поляков и немцев при пограничных инцидентах, реваншистская пропаганда, преследование поляков, живущих в Германии, и т. д.³⁶

22 сентября советник немецкого посольства в Варшаве Шлепп уже вторично потребовал от Потоцкого недопущения в Польше карикатур на Гитлера. При этом он сослался на то, что в «Иллюстрированном курьеце юденном» в этот день был изображен Гитлер, держащий в руках голову профессора Эйнштейна³⁷.

Тем не менее реакционные правители Германии и Польши, стремившиеся к сговору на антисоветской основе, «смотрели,— как выразился в то время Смогожевский,— в будущее дальше и смелее»³⁸. И эта «смелость» привела к следующему решительному шагу в направлении германо-польского сближения.

26 сентября 1933 г. в Женеве во время проходившей там сессии Лиги Наций встретились Бек, Геббельс и фон Нейрат.

Эта первая встреча Бека с членами нового имперского правительства состоялась в обстановке, когда пилсудчики, по выражению Бека в его «Мемуарах», «реально оценили то, что в самом деле происходило в Германии»³⁹. К тому времени руководящие деятели «санации» окончательно уверовали в «теорию» о непрусской политике гитлеризма и отбросили, как им думалось, «поверхностные и тенденциозные точки зрения»⁴⁰.

³⁴ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 27.

³⁵ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 111, л. 17.

³⁶ Там же, лл. 11—14, 9—10.

³⁷ Там же, л. 7.

³⁸ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 27.

³⁹ J. Beck. Указ. соч., стр. 60.

⁴⁰ Там же, стр. 61.

Руководствуясь противоречащими здравому смыслу аргументами, «санационные» правители Польши решили, что наконец настало время прийти к соглашению с фашистской Германией. Они утверждали, что такое соглашение улучшило бы положение страны «в системе европейского равновесия»⁴¹.

В такой обстановке в женевском отеле «Карлтон» и собралась тройка, которая начала «плодотворную работу»⁴² по польско-германскому сближению. Геббельс заявил, что Гитлер предлагает прежде всего урегулировать отношения между двумя странами. Бек ответил ему, что Польша останется верной в отношении своих обязательств к Лиге Наций, но вместе с тем это не противоречит ее желанию улучшить германо-польские отношения путем непосредственного соглашения между обеими странами.

Бек остался весьма довольным тем обстоятельством, что высказывания Геббельса не расходились с мнениями, с которыми руководящие деятели Германии выступали перед польскими посланниками в Берлине,—сначала перед Высоцким, а затем перед Липским⁴³.

Геббельс, Нейрат и Бек в результате двухчасовой встречи в Женеве пришли к выводу, что необходимы более частые контакты между руководителями обоих государств, что пробил час положить конец таможенной войне и что следовало бы совершить радикальный поворот в сторону умиротворения общественного мнения в обеих странах⁴⁴.

Польские «санационные» руководители были весьма довольны результатами встречи в Женеве. На вопрос корреспондента «Телеграф унион», каковы теперь германо-польские отношения, Бек заявил: «Наилучшим ответом являются личные контакты с министрами рейха, которые были завязаны в Женеве»⁴⁵. А Геббельс после женевского вояжа лицемерно поведал парижскому представителю «Западного агентства печати», что о «Дранг нах Остен» молодая Германия теперь больше не думает⁴⁶.

Встреча Бека с гитлеровцами в Женеве была известным ускорителем в марше фашистской Германии к выходу из Лиги Наций.

Путем соглашения с Польшей гитлеровцы предполагали за завесой двухсторонних переговоров и договоров не допустить создания системы коллективной безопасности в Европе.

⁴¹ Там же.

⁴² K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 27.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 28.

⁴⁵ «Front zachodni», 1933, N 19, str. 4.

⁴⁶ «Front zachodni», 1933, N 16, str. 4.

Точкой опоры для ускоренных действий Гитлера в отношении Польши послужило тайное совещание⁴⁷ нацистского руководства, состоявшееся как раз в день выхода Германии из Лиги Наций. На нем Гитлер заявил, что Германия не может пока еще начать войну с целью пересмотра границ. Для подготовки же к войне должны быть осуществлены мероприятия по тщательно разработанной методике. «Я гарантирую любые границы,— говорил «фюрер»,— и заключу всякие пакты о ненападении и дружбе»⁴⁸.

Этими словами и определялась истинная цель всех дипломатических маневров Гитлера в отношении Польши, активно проводившихся со времени встречи с Высоцким в Берлине 2 мая 1933 г.

18 октября 1933 г., через четыре дня после оставления Конференции по разоружению и ухода Германии из Лиги Наций, новый представитель Польши на Шпрее, бывший кайзеровский офицер времен первой мировой войны, человек из поколения так называемых молодых дипломатов и наиболее горячий⁴⁹ энтузиаст гитлеровского режима и идеи сотрудничества с ним буржуазно-помещичьей Польши граф Юзеф Липский вручил верительные грамоты президенту фашистской Германии.

В речи, обращенной к Гинденбургу и содержащей явные намеки на коммюнике от 4 мая 1933 г., Липский заявил: «Основы, на которые должно опираться развитие германо-польских отношений и которые были высказаны его превосходительством канцлером Германии моему предшественнику, а также были подтверждены польским правительством, как отвечающие его принципиальной точке зрения,— будут для меня директивами в моей деятельности на территории рейха»⁵⁰⁻⁵¹. Гинденбург ответил, что посланник Речи Посполитой «справедливо указал» на те мысли, которые развивал Гитлер перед Высоцким, и что Германия готова сотрудничать в решении многосторонних задач, вытекающих из факта соседства с Польшей⁵².

Через два дня после встречи с Гинденбургом Липский отбыл в Варшаву с отчетом о наблюдениях за ситуацией в Берлине, сложившейся после выхода Германии из Лиги Наций.

Заслушав доклад Липского, Пилсудский на военном совещании 21 октября, на котором также присутствовали Бек и Шембек, потребовал от всех сотрудников изложить мнения об обстановке и представить ему соображения в течение пяти дней⁵³.

⁴⁷ R. В г е у е г. Указ. соч., стр. 98.

⁴⁸ H. Rauschning. Gespräche mit Hitler. Zürich. 1940, S. 91.

⁴⁹ A. Wolski. Указ. соч., стр. 71.

⁵⁰⁻⁵¹ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 28.

⁵² Там же.

⁵³ R. В г е у е г. Указ. соч., стр. 99.

Как пишет Кароль Ляптер, в этот период «Варшава, оценив ситуацию, решила воспользоваться трудностями Германии, чтобы ускорить решение вопроса о заключении польско-германского соглашения»⁵⁴.

Гитлер, изображавший выход Германии из Лиги Наций как «шаг к действительной ликвидации войны» и отлично знавший антисоветское лицо польских реакционеров, все же опасался санкций со стороны Польши. Поэтому он в период плебисцитной кампании, развернувшейся в Германии после ухода из Лиги Наций, всячески демонстрировал желание к соглашению с Польшей.

В интервью, данном корреспонденту «Дейли мейл» 19 октября, Гитлер, призывая поддержать «антикоммунистическую линию» нового германского правительства, заявил, что никто в Германии «не хочет с Польшей войны за коридор», что обе страны должны «рассматривать и разбирать интересующие их дела без страсти» и что будущее покажет, «будет ли найдена соразмерная дорога, пригодная для обеих сторон»⁵⁵.

В речи, произнесенной 24 октября, Гитлер снова говорил о «коридоре» как о «яблоке раздора» и с особой силой подчеркнул, что «оба народа должны привыкнуть к тому, чтобы жить рядом, друг с другом ладить. Ни поляки не смогли бы вычеркнуть немецкий народ с карты Европы, ни мы поляков, если мы достаточно благоразумны»⁵⁶.

Но в то время как Гитлер вещал «примиренчески», Геббельс и Розенберг, помогая набивать «фюреру» цену на отношениях с Польшей, выступали в период плебисцитной кампании с рядом очередных угроз, с требованием отторжения от Польши «коридора» и Верхней Силезии.

В ответ на эти выпады Пилсудский провел под Краковым, в непосредственной близости от германо-польской границы, большие кавалерийские маневры⁵⁷. Эта демонстрация сочеталась с большим передвижением других войсковых частей к границе. По многочисленным версиям Пилсудский снова, как и в апреле, предложил Франции превентивную войну против Германии, но Париж и на этот раз ответил отказом.

5 ноября 1933 г. в Бельведере состоялось совещание высшего руководства Польши, на котором были утверждены окончательные инструкции Липскому, которому поручалось встретиться с Гитлером. Перед Гитлером якобы, как рассказывал впоследствии Бек главному редактору «Газеты польской» Медзинскому, было решено поставить проблему в плоскости «гнуть

⁵⁴ K. Lapter. Указ. соч., стр. 105.

⁵⁵ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 29.

⁵⁶ E. Reibnitz. Указ. соч., стр. 24.

⁵⁷ F. Bergnas, L. Meissner. Указ. соч., стр. 135.

или ломать»⁵⁸: либо Германия склоняется к миролюбивому сосуществованию с Польшей, либо Польша принимает военные меры безопасности.

Но, как свидетельствуют факты, пилсудчики весьма далеки были от намерения «ломать» Гитлера, так как видели в нем яростную антикоммунистическую силу.

Деятели «санации» хотели лишь добиться от Гитлера гарантии западной польской границы. На этой базе Липский и должен был предложить соглашение правительству Германии.

Через три дня после плебесцита, состоявшегося в Германии 12 ноября 1933 г., Липский встретился с Гитлером. По развязным заявлениям пилсудчиков, появившимся вслед за встречей 15 ноября, это была вторая (первой была встреча Гитлера с Высоцким) историческая беседа представителя Речи Посполитой с *фюрером «III империи»*⁵⁹.

Как писал дипломатический корреспондент «Газеты польской» в Берлине, активный сторонник польско-германского соглашения Смогожевский, Гитлер «понял справедливость польской точки зрения и выразил со своей стороны готовность способствовать нормализации германо-польских отношений»⁶⁰.

Согласившись принять предложение об отказе от применения силы для решения территориальных вопросов между Польшей и Германией, а также сделать официальное заявление об этом, Гитлер не преминул использовать встречу с Липским для атак на коммунистов вообще и на СССР в частности. Он про странно говорил о Польше как форпосте против Азии, о поисках для Польши «других путей для выхода к морю»⁶¹.

В результате встречи, проходившей в присутствии Нейрата, Гитлер и Липский согласились начать непосредственные переговоры на предмет заключения германо-польского пакта о не нападении.

На следующий день появилось коммюнике о беседе Гитлера с Липским. В нем подчеркивался отказ от применения силы в отношениях между Германией и Польшей⁶², а также заявлялось о начале двухсторонних переговоров. Обе стороны факт встречи Гитлера с Липским считали большим успехом.

Всем же, кто с опаской отнесся к встрече и планам сближения с гитлеровской Германией, пилсудчики заявляли: «Гитлер предлагает мирное урегулирование с Польшей. У нас нет иного выхода: или мир с Гитлером, или война с ним. Но мы не можем

⁵⁸ R. Bęgęc. Указ. соч., стр. 99.

⁵⁹ K. Smogorzewski. Указ. соч., стр. 29.

⁶⁰ Там же, стр. 30.

⁶¹ R. Bęgęc. Указ. соч., стр. 100.

⁶² «Gazeta Polska», 16.XI 1933.

начать войну в одиночку, так как Франция отказывает нам в своей поддержке, и такое же положение занимает Англия»⁶³.

В Германии «берлинская декларация» была подана прессой как величайшее мирное деяние. Газеты, вышедшие 16 и 17 ноября 1933 г., были заполнены отзывами и комментариями о встрече Гитлера с Липским и о декларации об отказе от применения силы.

Утром 17 ноября гитлеровская «Фелькишер беобахтер» в статье «Адольф Гитлер сделал новый шаг к умиротворению» победно писала, что двухсторонняя декларация произвела огромное впечатление на европейские столицы: «Последний шаг Гитлера является наилучшим свидетельством тому, что Германия покинула Лигу Наций, когда та превратилась в действительный тормоз политики мира»⁶⁴.

Оценивая встречу Гитлера с Липским, как достижение «Модус вивенди», немецкие газеты в то же время заявляли, что «Польшу можно будет склонить к отдаче коридора»⁶⁵.

Газеты были публичными вестниками «рождающегося польско-германского пакта»⁶⁶. Они наперебой спешили сообщить, что именно в германо-польских отношениях мировое общественное мнение усматривало самый невралгический пункт Европы, в котором могли возникнуть нежелательные осложнения. и что именно декларация о ненападении означает торжественное решение обоих государств ни в каком случае не создавать подобных осложнений. Заполнен один из самых главных пробелов Локарно,— писала «Газета польска»⁶⁷.

Встреча Гитлера с Липским вызвала в Париже нескрываемое раздражение.

Об обстановке во Франции после получения известия о «берлинской декларации» убедительно свидетельствует политический рапорт польского посла в Париже Хлаповского за № XXXVI/2, отправленный им в Варшаву: «Давно уже здесь ни один политический акт не вызывал такого впечатления, как польско-немецкая декларация о неприменении силы. По существу этого события неудовольствие всеобщее, неодинаковы только формы его проявления. В основе реакции лежит возмущение самостоятельной польской инициативой, проявленной в наиболее болезненном и раздражительном направлении внешней политики Франции. Во французских политических сферах просто не представляют себе, как Польша могла начать перегово-

⁶³ F. Bergaś, L. Meissner. Указ. соч., стр. 136.

⁶⁴ «Völkischer Beobachter», 17.XI 1933.

⁶⁵ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 93, л. 169.

⁶⁶ B. Czarniecki. Gdy Niemcy chciały z Polską pokój.— «Sprawy międzynarodowe», 1958, N 12, S. 75.

⁶⁷ «Gazeta Polska», 16.XI 1933.

ры с Германией без участия или согласия своей союзницы Франции»⁶⁸.

«Если дойдет до разрыва на экономической почве,— продолжал Хлаповский,— то это ударит прежде всего по политическим отношениям, так как здешняя немецкая пропаганда старается создать мнение, что Польша отходит от союза с Францией и ищет абсолютно новые дороги»⁶⁹.

В следующем рапорте, отправленном через день после вышеуказанного, Хлаповский писал: «В финансовых кругах Парижа распространяется мнение, что немцы закупили пакеты силезских акций, находившихся до этого времени в польских руках. Говорят, что немцы предлагают купить акции, находящиеся в руках французов»⁷⁰.

Но не только волна возмущения прокатилась по Франции. Крайние реакционеры в факте встречи Гитлер — Липский видели и положительные симптомы. В рапорте от 25 ноября 1933 г. Хлаповский доносил, что «некоторые французские газеты и многие германофилы указывают на польско-немецкое сближение как на пример для переговоров между Францией и Германией»⁷¹. В этом же рапорте польский посол как бы нарисовал и общий портрет французских правых кругов, также стремившихся к сделке с Гитлером. Вот, что он писал: «После первого взрыва неудовольствия, носящего престижно-сентиментально-психологический оттенок, наступила фаза глубокого изучения ситуации. Пока нельзя утверждать, что все подозрения, появившиеся в связи с беседой Гитлер — Липский, здесь рассеялись. Но вместо взрыва ненависти и возмущения к Польше можно наблюдать желание глубоко проанализировать факты, причины, приведшие к самостоятельной политике польского правительства, а также вскрывающие ошибки французской политики. Главные здешние мнения допускают, что Польша при переговорах с Германией могла бы отступить от солидарности с Францией в ряде проблем европейской политики, например в деле Австрии, Дунайских государств, а также относительно русской проблемы»⁷².

Этот рапорт проливает еще больший свет на двуличную политику самого французского правительства. «Что касается Кэ д'Орсе,— продолжал Хлаповский,— то оно довольно исходом немецко-польского примирения и жалуется лишь на то, что не было проинформировано о последней фазе готовящихся переговоров. Насколько мне известно, из всех государственных деятелей наиболее близко к сердцу принял Берлинскую декларацию

⁶⁸ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 93, л. 106—109.

⁶⁹ Там же, л. 110.

⁷⁰ Там же, л. 105.

⁷¹ Там же, л. 113.

⁷² Там же, л. 115.

от 15 ноября премьер Даладье, который чувствует свою вину в охлаждении к Польше в период «пакта четырех»⁷³.

Не меньший интерес к «берлинской декларации» был проявлен и в Англии, хотя, как видно из политического рапорта № 49 (WB) 21 от 22 ноября 1933 г. польского посла в Лондоне Скирмунта, сообщение о встрече Гитлера с Липским для английских руководящих деятелей не было новостью: «Сразу же после получения телеграммы г-на министра (Бека.—Д. К.) от 15 текущего месяца,— доносил Скирмунт в Варшаву,— я посетил Форин Оффис, чтобы разъяснить нашу точку зрения по поводу немецко-польских переговоров в Берлине. За отсутствием Саймона и Ванситтарта меня принял Серджент (заместитель министра). Я изложил события в духе телеграммы г-на министра. Из уст Серджента я услышал: сообщение о беседе Гитлер—Липский для Форин Оффис не явилось неожиданностью... Серджент старался выяснить у меня, серьезно ли мы верим Германии и доверяем ли словам Гитлера. Я сказал, что о полном доверии говорить пока рано, и мы должны иметь открытые глаза на возможные случайности. Однако нельзя не ценить известной разрядки, которую приносит беседа Гитлер—Липский. И, несмотря на то, что шансы полного оздоровления германо-польских отношений невелики, хотим мы эти шансы использовать»⁷⁴.

Весьма положительно отнеслась к встрече Гитлер—Липский итальянская пресса. «Лаворо фашиста» в специальной рубрике подчеркнула значение польско-германского сближения, ее редакционная статья была заполнена похвальными отзывами о примирении Варшавы с Берлином⁷⁵.

Вместе с тем в рассматриваемый период находились и весьма трезвые политические деятели, которые критически оценивали германо-польское сближение.

В этой связи характерно секретное донесение польского посланника в Югославии Шварцбург-Гюнтера о его беседе с турецким министром иностранных дел Тифик Беем. «Еще в 1925 г.,— сообщал Шварцбург,— Тифик Бей при моем посредничестве предложил польскому правительству тесно сотрудничать с Советами и Югославией, а также Турцией. Эта славяно-турецкая договоренность, усиленная союзом Польши с Румынией, могла бы служить противовесом беспокоющему Восточную Европу Локарно. Это предложение не поддержал тогда министр иностранных дел Скишинский по причине враждебности к Советам. Сейчас Тифик Бей, говоря о беседе Гитлер—Липский, высказал глубокое сомнение, может ли эта операция принести пользу Польше?»⁷⁶

⁷³ Там же, л. 118.

⁷⁴ Там же, л. 121.

⁷⁵ Там же, л. 122.

⁷⁶ Там же, л. 112, л. 25—26.

В такой обстановке, породившей после встречи Гитлера с Липским множество мнений, сомнений и тревог во всем мире, правительство фашистской Германии свои отношения с «санационной» Польшей решило закрепить официальным договором.

Западногерманский историк Ганс Роос называет встречу Гитлера с Липским «эмбрионом пакта о ненападении»⁷⁷. И, действительно, «зародыш» стал быстро развиваться. В течение двух месяцев он вырос до размеров официальной «Декларации о не-применении силы между Польшей и Германией», которая была подписана 26 января 1934 г. и подготовила Польскому государству быструю гибель в сентябре 1939 г.

Пилсудский, его «Мефистофель в дипломатии»⁷⁸ Бек и другие пилсудчики, обуреваемые манией «великодержавности» и ослепленные ненавистью к Советскому Союзу, не увидели, что Польша вскоре сама попадает в список жертв гитлеровской агрессии. Ярые враги коммунизма — они и во враждебности гитлеризма к коммунизму пытались найти гарантии для Польши⁷⁹.

Заключенный на базе «идейной» общности германо-польский пакт,— «пакт санационный, гитлеровский»⁸⁰,— сыграл весьма крупную роль в дипломатической подготовке второй мировой войны, в срыве системы коллективной безопасности в Европе.

⁷⁷ H. Roos. Polen und Europa. Tübingen, 1957, S. 111.

⁷⁸ K. Lapter. Указ. соч., стр. 200.

⁷⁹ L. Noel. Der deutsche Angriff auf Polen. Berlin, 1948, S. 72.

⁸⁰ L. Noel. Указ. соч., стр. 72.

И. И. Поп

ГЕРМАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 1935—1936 гг.

Середина 30-х годов ознаменовалась в Центральной Европе значительной перегруппировкой сил. Растущая военная мощь фашистской Германии при попустительстве Англии и Франции и ослаблении Италии вследствие итало-абиссинской войны привели к усилению германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе, дальнейшему разложению обеих центрально-европейских группировок, «Римских протоколов»¹ и Малой Антанты. Особое место занимали в этих блоках Венгрия и Чехословакия. Хортистская Венгрия рассчитывала на поддержку «римского блока» в ее борьбе за ревизию Версальской мирной системы в Центральной Европе. Чехословакия же именно против этого устремления Венгрии направляла политику Малой Антанты. Это и определяло отношения между этими двумя странами в межвоенный период. Для фашистского режима в Венгрии в его внешней политике в этот период существовала одна доминирующая над всем проблема — проблема союзника в борьбе против соседних стран. Против Чехословакии потенциальным, а затем реальным союзником стала Германия. Столпы хортизма неустанно повторяли еще с 20-х годов, что только при поддержке Германии и вместе с ней Венгрия может осуществить свои ревизионистские требования².

Особенно обострился ревизионистский, агрессивный курс внешней политики Венгрии в период правления Гёмбёша, при-

¹ Блок Италии, Австрии и Венгрии, образованный в 1934 г. (см.: W. Schumap. Die Römischen Protokolle als wirtschaftspolitisches Problem, Bd. 1—2. Leipzig, 1939).

² E. Karsai. «Országgyárapítás» — országvesztés. A nürnbergi per és Magyarország 1933—1939. Budapest, 1961.

шедшего к власти в 1932 г. и призванного вывести страну из хаоса периода экономического кризиса. Придя к власти, он путем демагогии, лозунгами о «национальном единстве», «национальных интересах», лживыми филиппиками против крупных землевладельцев, обещаниями реформы избирательного права пытался привлечь на свою сторону мелкую буржуазию с тем, чтобы путем тоталитаризации внутренней жизни Венгрии укрепить контрреволюционный режим³. С приходом Гитлера к власти Гёмбёш был первым государственным деятелем, нанесшим официальный визит фашистскому фюреру.

Гитлеровская Германия, стремившаяся прежде всего ликвидировать Версальскую мирную систему, не могла полностью согласиться с венгерской ревизионистской политикой. Уже во время визита Гёмбёша в Берлин в 1933 г. Гитлер требовал ограничения ревизионистских требований Венгрии одной страной, а именно Чехословакией, так как, по его мнению, враждебность Венгрии по отношению ко всем трем членам Малой Антанты только укрепляет последнюю. Для Гитлера в этот период Румыния и Югославия с их природными ресурсами были более важными, чем Венгрия. Поэтому он предлагал идти на соглашение с Румынией и Югославией⁴. Хортисты не проявили особого желания ограничивать свои ревизионистские планы только лишь Чехословакией. Они считали, что, используя итalo-югославские противоречия, добьются ревизии границ на юге, германо-чехословакские же противоречия дадут им возможность ревизовать границы на севере. Германской дипломатии долго пришлось внушать хортистам мысли о необходимости концентрации их ревизионистских устремлений против Чехословакии. Но хортисты не хотели расставаться с мечтой о восстановлении Венгрии в границах Святостефанской короны. Поэтому Гёмбёш был рьяным сторонником германо-итальянского сотрудничества, под прикрытием которого надеялся установить гегемонию Венгрии в Дунайском бассейне и на Балканах⁵. В письме Гитлеру в феврале 1934 г. он писал: «Сильное венгерское государство в бассейне Карпат не только не противоречит германским интересам, но и полностью соответствует им, сдерживая напор окружающих государств»⁶. Естественно, что нацисты не могли одобрить такие фантастические мечты Гёмбёша, так как появление сильной

³ S. Kóp y a. A fasiszta kormánypolitika Gömböstől Telekiig.—«A magyar nacionalizmus kialakulása és történet». Budapest, 1965.

⁴ I. T. Berend. G. Ranky. Magyarország a fasiszta Németország «életterében» 1933—1939. Budapest, 1960, 90—91 old.; см. также: «Iratok a Gömbös — Hitler találkozó (1933, Junius 17—18) történetéhez». Budapest, 1962.

⁵ M. Adam. Az ellenforaddalmi rendszer revíziós külpolitikájához.—«A magyar nacionalizmus kialakulása és történet». Budapest, 1965, 357 old.

⁶ G. Ranky. A Romai hármos egyezmény és a német külpolitika.—«Századok», 1961, N 4—5, 659 old.

Венгрии в Центральной Европе препятствовало бы экспансии Германии в этом районе.

С 1935 г. прогерманская ориентация Венгрии все более усиливается, чему способствовало безнаказанное нарушение Германией Версальского мирного договора, а также начало итало-абиссинской войны. Чехословацкий посол в Будапеште писал, что после введения в Германии всеобщей воинской повинности венгерский премьер Гёмбёш «видит наиболее выгодный способ достижения определенных успехов во внешней политике и эвентуального осуществления венгерских политических аспираций в тесном сотрудничестве с Германией»⁷.

Но особенно резко отрицательную реакцию в венгерских правительственные кругах вызвал советско-чехословацкий договор о взаимопомощи 1935 г. «Плохие отношения между Венгрией и Чехословакией вмиг достигли кульминационной точки, когда стала очевидной кооперация Чехословакии с Россией, в которой Венгрия видит смертельную угрозу окружения ее Чехословакией, Россией и Румынией», — указывал австрийский посланник в Будапеште Нейштадтер-Штюрмер. Если возможность установления лучших отношений между двумя странами, подчеркнул он, до этого момента с венгерской стороны мало дискутировалась, то со времени заключения чехословацко-советского договора всякая возможность сближения исчезла⁸. «Все, что касается участия СССР в европейской политике, здесь встречается с истерической боязнью»⁹, — писал также чехословацкий посол в Будапеште М. Кобр в 1936 г. Особенное беспокойство у заправил контрреволюционного режима вызывал этот договор как возможный прецедент для заключения подобного договора между Советским Союзом и балканскими странами¹⁰. Вследствие этого вся Малая Антанта изображалась хортистами как носитель «русского влияния в Центральной Европе, призванный заполнить переходный период от разгрома до усиления России, чтобы затем обеспечить ей влияние в Центральной Европе»¹¹.

В то же время хортисты считали, что подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи создало благоприятную обстановку для осуществления их ревизионистских устремлений. Оно, по их мнению, должно способствовать сближению между Берлином, Римом, Варшавой и Будапештом¹². Националистическая газета «Уй Модъоршаг» квалифицировала Чехо-

⁷ «Archiv ministerstva zahraničních věci. ČSSR». Budapešť, 1935, č. 24 (далее — AMZV).

⁸ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. Ж., д. 40, л. 134⁴ (далее — ОРФ ИИАН).

⁹ AMZV. Budapešť, 1936, č. 9.

¹⁰ AMZV. Budapešť, 1935, č. 38.

¹¹ J. Horgváth. Die Kleine Entente. Beitrag zur Geschichte der Diplomatie. Budapest, 1941, S. 7—10.

¹² AMZV. Budapešť, 1935, č. 38.

словакию не иначе, как «красная авиабаза», и подчеркивала, что «созданное советско-чехословацким договором положение ведет непременно к войне против Чехословакии, так как представляет невыносимый вызов Германии и Польше»¹³.

Вся история переговоров о Дунайском пакте также показала, что венгерские правящие круги не желали такого центрально-европейского соглашения, в котором они были бы вместе с Малой Антантою и без Германии¹⁴. Напротив, устами представителя Венгрии в Лиге Наций, «оппозиционера», лидера партии мелких сельских хозяев Тибора Экхардта венгерское правительство предложило Германии свой план борьбы с Чехословакией. Экхардт заявил Ф. фон Папену в начале 1935 г., что в Дунайском бассейне нужно установить экономическое и политическое равновесие, разгромив такое «противоестественное» объединение, как Малая Антанта, а Чехословакия должна быть окружена кольцом преференциальных договоров, что подорвет ее экономику, а затем удастся умертвить ее и политически. По его словам, в этой экономической блокаде должна принять участие и Германия, так как для нее это единственный путь восстановить свое влияние на Юго-Востоке в союзе с Венгрией. Это было также проявлением беспокойства Будапешта в связи с франко-итальянским соглашением¹⁵. Хортисты рассматривали его как ограничение венгерского ревизионизма, поэтому искали поддержки в Германии.

В конце 1935 г. венгерская ревизионистская политика благодаря все усиливающемуся сотрудничеству Гёмбёша, Хорти с Гитлером вступает в новую fazu. Но внешняя политика Венгрии характеризуется еще двойственностью: хортисты стремятся использовать поддержку как Германии, так и Италии. Гёмбёш берет на себя роль посредника между фашистскими государствами, стремится к объединению ревизионистского лагеря в Европе¹⁶:

* * *

Приход к власти в Чехословакии правительства словацкого агрария Милана Годжи явился началом ряда внешнеполитических шагов чехословацкого правительства, означавших значительное отклонение от поддержки политики коллективной безопасности, проводившейся правительством Чехословакии ранее. Годжа вначале сосредоточил в своих руках посты премьер-министра и министра иностранных дел, что было определенной уступкой группировке Града во главе с Бенешем реакционным

¹³ ОРФ ИИАН, ф. Ж., д. 40, л. 624—626.

¹⁴ «Венгрия и вторая мировая война». М., 1962, стр. 51.

¹⁵ L. Kerekes. Anschluss 1938. Ausztria és a nemzetközi: diplomazia 1933—1938. Budapest, 1963, S. 166 old.

¹⁶ C. A. Macartney. October fifteenth. A history of modern Hungary 1929—1945. Edinburg, 1957.

кругам чешской и словацкой буржуазии. Самым крупным мероприятием правительства Годжи со дня его образования стал названный именем его инициатора план экономического и политического объединения Центральной Европы. План Годжи рассматривался в работах советского исследователя В. И. Шихова¹⁷, чехословацкого историка Р. Квачека¹⁸, венгерских историков Л. Керекеша¹⁹ и М. Адам²⁰. Как указывает Р. Квачек, этот план был наиболее значительным из всех проектов чехословацкой буржуазии в межвоенный период, направленных к консолидации стран Центральной Европы, поэтому он продолжает привлекать внимание исследователей разных стран. Наша задача — исследовать отношение к нему хортистской Венгрии.

Еще до своего вступления на пост премьер-министра Годжа неоднократно выступал за образование Центральноевропейского блока государств. Первоначально, по его замыслу, организация Центральной Европы должна была охватить Польшу, Чехословакию, Венгрию и балканские страны. В конкретизированном виде в начале 1936 г. план предусматривал в первую очередь экономическое и политическое сближение стран Малой Антанты и стран «Римских протоколов» и только в дальнейшем этот объединенный блок должен был быть дополнен государствами Балканской Антанты. Но одной из главных экономических задач плана Годжи было вытеснить из всей Центральной и Юго-Восточной Европы немецкий промышленный экспорт и заменить его усиленным экспортом промышленной продукции из Чехословакии, Австрии, Англии.

В оформлении этого плана большую роль сыграла активизация английской внешней политики в Центральной и Юго-Восточной Европе, связанная с англо-итальянскими противоречиями в период итalo-абиссинской войны. Двойственная политика Франции в отношении экспансии Италии вызвала определенное охлаждение между Малой Антантой и Парижем. Страны Малой Антанты видели в безнаказанной итальянской агрессии опасный прецедент, угрожающий подорвать престиж Лиги Наций и поставить на карту собственную их безопасность перед лицом рас-tущих агрессивных устремлений Германии и тесно связанной с ней хортистской Венгрии. Воспользовавшись таким положением, английская дипломатия активизируется в странах Малой Антанты. С Румынией Англия начала переговоры по вопросу о консолидации румынских долгов и заключения нового торгового договора. В то же время она прекратила импорт птицы и сала из

¹⁷ В. И. Шихов. План Годжи. Канд. дисс. Свердловск, 1963.

¹⁸ R. K v a č e k. Boj o Rakousko v letech 1933—1938 a československá zahraniční politika.— «Sborník historický», 1964, N 12.

¹⁹ L. K e g e k e s. Anschluss 1938. Budapest, 1963.

²⁰ M. Á d á m. Magyarország és a kisantant a második világháború előtti években (1936—1937).— «Századok», 1962, N 3-4.

Венгрии и предоставила соответствующие контингенты Югославии.

Главную политическую цель плана Годжа видел в соглашении с Германией. С таким большим государственным образованием, как германская империя, считал он, малые государства могут безопасно договориться только на основе определенной комбинации, т. е. в порядке центральноевропейского регионального соглашения²¹. Это означало отказ Чехословакии от союза с СССР, создание буферного объединения в Центральной Европе, что должно было весьма импонировать английской империалистической буржуазии. Годжа заявил, что «экономическое сближение всех центральноевропейских государств является необходимым для Дунайских государств, расположенных между Германией и Россией... после этого в Центральной Европе влияние Берлина и Москвы будетнейтрализовано»²². Журнал «Заграницни политика»—орган чехословацкого МИДа—писал: «Было бы ошибкой, если бы Германия считала, что среднеевропейский план направлен против нее. Чехословакия не имеет ни малейшего умысла исключать Германию из Центральной Европы, или пытаться ее изолировать. Ясно, что путь в Берлин ведет через объединенную Центральную Европу»²³.

Исходным пунктом осуществления этого плана должно было стать тесное сотрудничество Австрии с Чехословакией. Через Австрию Годжа намеревался вовлечь в дальнейшем в центральноевропейскую комбинацию и Венгрию, при условии исключения вопроса о границах. «Решающими партнерами Малой Антанты в организации Центральной Европы сегодня являются Австрия и Венгрия»²⁴,— заявил Годжа в декларации при вступлении на пост премьер-министра.

Но в то же время план Годжи не был чем-то кардинально новым во внешней политике Чехословакии. Еще в 1928 г. Бенеш выступал с подобным проектом на бухарестской сессии Малой Антанты²⁵. Его идея экономической Малой Антанты служила той же цели. Она должна была стать, по замыслу Бенеша, исходным пунктом для тесного экономического сотрудничества с Австрией и Венгрией. Программу соглашения с Венгрией Бенеш изложил еще в период переговоров о Дунайском пакте. На требование Венгрии и поддерживавшей ее Италии о признании равноправия ее в вооружении Бенеш заявил, что согласие Чехословакия даст только тогда, «если будет усиlena наша безопасность

²¹ О. Эбель. Значение Дунайского бассейна в борьбе за обеспечение коллективной безопасности.— «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 5, стр. 45.

²² «Venkov», 6.VIII 1935.

²³ «Zahraniční politika», 1936, str. 5.

²⁴ «Těsnopisecké správy o schuzích poslanecké sněmovny Narodního shromáždění republiky Československé», číslo dne 5 prosince 1935, str. 13.

²⁵ U. Eichstadt. Von Dollfuss zu Hitler. Wiesbaden, 1955, S. 19.

и только в согласии и полном равноправии в переговорах всех заинтересованных государств Центральной Европы. Простое заключение политического соглашения о взаимной помощи для нас недостаточно, чтобы мы могли вести переговоры о перевооружении Венгрии»²⁶. Но непримиримые противоречия среди самих членов Малой Антанты, подогреваемые извне, всякий раз перечеркивали эти усилия чехословацкой дипломатии.

Изменение ситуации в Центральной Европе в связи с итало-абиссинской войной заставило Австрию искать сближения с Малой Антантои в целях компенсации ослабленной поддержки Италии против угрозы аншлюсса. Австрийский посол в Риме, успокаивая венгерского дипломата, заявил, что Австрия нуждается в поддержке Чехословакии для противопоставления империалистической политике рейха²⁷. В этой связи Австрия идет прежде всего на сближение с Чехословакией. Во время визита в Праге в январе 1936 г. Шушниг вел переговоры с Годжей, Бенешем, выступал в Индустриальном клубе. Уже то, что в переговорах с ним участвовал Бенеш, весьма скептически относившийся к плану Годжи²⁸, говорит о том, что визит австрийского канцлера имел более широкий смысл, чем пытался придать ему Годжа, считая его началом осуществления своего плана. Но результаты этих переговоров были весьма скромными. Шушниг согласен был на экономическое и политическое соглашение с дунайскими государствами, но только в рамках существовавших «Римских протоколов». Как говорил австрийский посланник в Будапеште Нейштадтер-Штурмер, Австрия не собиралась порываться с прежними союзниками за новое соглашение весьма сомнительной ценности²⁹.

Несмотря на это, во всех столицах Центральной и Юго-Восточной Европы с большим интересом отнеслись к визиту канцлера Австрии Шушнига в Прагу 15 января 1936 г. Германская печать утверждала, что Австрия разуверилась в прочности и надежности дальнейшей итальянской поддержки и меняет ориентацию с Рима на Прагу, а через Прагу на Париж и Лондон³⁰. Белградская газета «Время» писала, что «Австрия, возможно, сыграет роль посредника между Малой Антантои и «Римскими протоколами». Не исключено поэтому, что австро-чехословацкое сближение приведет к большому среднеевропейскому преобразованию, в котором примут участие Венгрия и Италия»³¹. Шушниг во время переговоров в Праге выразил согласие посредничать

²⁶ R. K v a č e k. Boj o Rakousko... str. 254.

²⁷ «Diplomaciai iratok magyarország külpolitikájához. 1936—1945». I kötet. «A Berlin — Roma tengely kialakulása és Ausztria annexio a 1936—1938» (dalee — DIMK). Budapest, 1962.

²⁸ DIMK, 38 old.

²⁹ DIMK, I köt., d. 28, 106 old.

³⁰ «Известия», 27 января 1936 г.

³¹ Донесение венгерского посла в Белграде.— DIMK, I köt., d. 10, 84 old.

между «Римскими протоколами» и Малой Антантою. В этом отношении визит Шушнига знаменателен тем в чехословацко-венгерских отношениях, что Венгрии через Шушнига официально было передано согласие чехословацкого правительства заключить с ней экономическое соглашение и договор о дружбе³². В первую очередь Годжа имел в виду привлечь Венгрию к экономическому сближению с Чехословакией. «Наиболее желанно установить хорошие отношения с Венгрией, на пути к которому в настоящее время стоит еще романтическое понимание вопроса ревизии со стороны Венгрии. Однако надеемся, что в Венгрии верх возьмет политический реализм. Прежде всего ожидаем нормализации экономических отношений между двумя государствами и создаем для этого необходимую атмосферу»³³, — заявил Годжа австрийскому канцлеру. Венгрия согласно этому проекту должна была отказаться от требований ревизии границ, составлявших, как указывалось выше, генеральную линию венгерской внешней политики и игравших главную роль в национальной и социальной демагогии хортистской внутренней политики. Годжа был готов на далеко идущие уступки Венгрии в целях сближения дунайских государств. После визита Шушнига, министр иностранных дел Австрии Бергер-Вальденег заявил венгерским дипломатам, что Годжа склонен исправить границы и дать Словакии автономию³⁴. Заявление австрийского министра опровергалось с чехословацкой стороны, так как оно высказывалось одним только Годжей, что вовсе не предполагало согласия всего чехословацкого буржуазного лагеря. Оно только показывало стремление чехословацких правительственных кругов к соглашению с Венгрией ввиду усиления экспансии Германии. 24 января Годжа изложил венгерскому послу в Праге Ветштейну план переустройства Дунайского бассейна³⁵. Но к этому плану венгерское правительство отнеслось очень сдержанно.

Официальные правительственные круги Венгрии встретили резко враждебно известие о визите австрийского канцлера Шушнига в Прагу. Всякое урегулирование Дунайской проблемы в направлении укрепления *status quo* хортисты рассматривали как прямую угрозу их ревизионистским устремлениям. Переговоры по такому вопросу правительство считало несвоевременным до тех пор, пока не решен абиссинский вопрос³⁶. Венгерское правительство опасалось, что Муссолини в момент, когда еще шла итalo-абиссинская война, не мог бы действительно под-

³² Донесение венгерского посла в Вене.—DIMK, d. 13, 88 old.

³³ Донесение венгерского посла в Праге.—DIMK, I köt., d. 7, 79 old.

³⁴ Сообщение руководителя политического департамента МИД Венгрии премьер-министру.—DIMK, d. 12, 86—87 old.

³⁵ M. A d á m. Magyarország és a kisantant., 507—508 old.

³⁶ AMZV. Budapest, 1936, č. 6.

держать венгерские требования, отвечавшие «справедливости и равноправию» в вопросе вооружения, ревизии и меньшинств³⁷. С чувством сожаления Канья говорил итальянскому послу в Будапеште Колонне, что ослабление влияния Италии в Центральной Европе привело к возникновению планов экономического и политического соглашения дунайских государств, воспрепятствовать которому без итальянской помощи Венгрия не в состоянии³⁸.

Компенсировав в определенной мере ослабление итальянской поддержки переориентацией на Германию, хортистская дипломатия воспринимает планы реорганизации Дунайского бассейна в германском преломлении, полностью разделяет тезис геббельсовской пропаганды, что всякое соглашение, исключающее Германию, направлено против нее. Между тем планировавшиеся соглашения европейских государств, в том числе и государств Дунайского бассейна были направлены только против германской агрессии. В парламентской комиссии по иностранным делам Канья заявил 28 января 1936 г., что «в данных соглашениях (план Годжи.—И. П.) видит попытку изоляции Германии, поэтому Венгрия ни при каких обстоятельствах не согласится на такой шаг (соглашение с Чехословакией.—И. П.)»³⁹. Визит Шушнига в Прагу и планы экономического и политического соглашения Австрии и Чехословакии вызвали беспокойство в Будапеште и по другой причине. Хортисты опасались, что это могло бы быть предвестником определенных внутриполитических изменений в Австрии: ослабления диктатуры, демократизации режима, амнистии социал-демократов. Это повлияло бы на внутриполитические отношения в Венгрии⁴⁰. В это же время в Австрии активизируются монархисты. Циркулировали слухи, что Отто Габсбург надеялся наряду с австрийской и венгерской коронами получить и чешскую, основываясь на том, что Чехословакия не видит достаточной гарантии в Малой Антанте и ищет иной поддержки. При этом Словакию он якобы обещал оставить в прежнем объединении с Чехией, что особенно обеспокоило хортистов⁴¹. Венгерский посол в Вене запрашивал свое правительство, не стоит ли за этим планом Годжа⁴². Его опасения были безосновательны, так как в Чехословакии не были популярны подобные планы, тем более, если учитывать позицию ее союзников по Малой Антанте Румынии и в особенности Юго-

³⁷ «Prager Presse», 5.III 1936.

³⁸ DIMK, I köt., d. 8, 82 old.; A. Hillgruber. Deutschland und Ungarn 1933—1944. Ein Überblick über die politische und militärische Beziehungen im Rahmen der europäischen Politik.—«Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1959, N 10, S. 653—655.

³⁹ M. Á d á m. Az ellenforráddalmi rendszér., 361 old.

⁴⁰ AMZV. Budapest, 1936, č. 5.

⁴¹ DIMK, I köt., d. 2, 72 old.

⁴² DIMK, I. köt., d. 7, 79 old.

славии в вопросе реставрации Габсбургов. Хортисты считали, что события в Центральной Европе оказали непосредственное влияние на попытки объединения венгерских партий в Южной Словакии. Тот факт, что венгерские партии на выборах президента отдали свои голоса за Бенеша, которого хортисты считали злейшим врагом Венгрии, вызвал тревогу в кругах крайних националистов в Будапеште. Венгерская дипломатия поэтому оказывает сильное давление на Австрию, пытаясь воспрепятствовать соглашению ее с Чехословакией. Стремясь подлить масла в огонь, германские дипломаты распространяют слухи в Будапеште, что Австрия, не считаясь с Венгрией, ищет у Малой Антанты и, в частности, у Чехословакии ту политическую поддержку, которую потеряла в связи с итало-абиссинской войной⁴³. Посол Германии в Будапеште Макензен отметил в беседе с Канья, сославшись на югославского посла Вукчевича, что в Праге Шушниг недружественно высказывался в отношении венгерских ревизионистских устремлений⁴⁴. Со свойственной ему в таких вопросах прямолинейностью, премьер-министр Гёмбёш пригрозил, что в случае подписания чехословацко-австрийского политического соглашения пути Венгрии и Австрии разойдутся⁴⁵.

Во время встречи в Вене 4 февраля 1936 г. с министром иностранных дел Австрии Бергер-Вальденеггом Канья обвинял его во вступлении Австрии в дружественные отношения с государством антинемецкого направления. Бергер-Вальденегг решительно возразил против утверждения, что пражский визит Шушнига имел какой-либо антивенгерский оттенок⁴⁶. Подобные обвинения не прекращались и в дальнейшем. Венгерские официальные лица использовали малейшую возможность, чтобы воспрепятствовать сближению Австрии с Чехословакией. 10 февраля 1936 г. Канья вновь упрекал австрийского посланника в Будапеште Нейштадтер-Штюрмера в том, что Австрия сближением с Малой Антантой хочет заставить Венгрию присоединиться к дунайской экономической конфедерации⁴⁷. Фашистская Германия, таким образом, нашла в лице хортистов одно из самых действенных орудий давления на Австрию. Поэтому визит Шушнига в Прагу способствовал дальнейшему углублению контактов хортистов с фашистской Германией. Между Венгрией и Германией начались секретные военные переговоры, которые привели к тому, что уже весной 1936 г. венгерское правительство разрешило немецкому генштабу провести рекогносцировку на чехословацко-венгерской границе⁴⁸.

⁴³ L. Kerekes. *Anschluss 1938*. Budapest, 1963, 183 old.

⁴⁴ DIMK, I köt., d. 31, 110—111 old.

⁴⁵ M. Adám. *Magyarország és a kisantant...*, 507—508 old.

⁴⁶ DIMK, I köt., d. 23, 100 old.

⁴⁷ DIMK, d. 28, 106 old.

⁴⁸ R. Kvaček. Podíl Československa na jednáních Malé Dohody a Maďarska v letech 1936—1938.—«Historický časopis», 1936, N 3, str. 409.

Напряженность между Венгрией и Чехословакией, связанная со сближением последней с Австрией и планом Годжи вообще особенно проявилась в беседе Папена и Канья 8 февраля. Канья назвал чехов из всех врагов Венгрии наиболее ненавистными, обрушился с острыми нападками против возобновляемого в расширенном виде с 1 мая 1936 г. чехословацко-австрийского договора об арбитраже⁴⁹. В Праге в начале февраля происходили переговоры между венгерским послом Ветштейном и немецким Эйзенлором о координации действий гейлейновцев и венгерских ирредентистов на территории Чехословакии. Роль связующего звена между ними должны были играть, по предложению венгерского посла, провенгерски настроенные спишские немцы. Послы договорились о тесном сотрудничестве и обмене мнениями по важнейшим вопросам⁵⁰.

В конце января 1936 г. в Лондоне по случаю похорон английского короля собрались представители всех европейских стран. Английская и французская дипломатия хотела использовать этот случай, чтобы сначала в Лондоне, а затем в Париже провести многостороннее обсуждение центральноевропейских проблем и вопроса единства дунайских государств. Естественно, что главными вопросами были независимость Австрии и венгерский ревизионизм. Англию беспокоило обострение положения в Центральной Европе и возможность быть втянутой в вооруженный конфликт между союзниками Франции в Центральной Европе и Германией. Поэтому правительство Великобритании приветствовало всякое сближение государств-наследников, особенно экономическое. Но в то же время британское правительство, как заявил министр иностранных дел Англии Иден, не намерено было выступать инициатором в этом вопросе, «исходящую же из других источников инициативу оно может поддерживать только добрыми пожеланиями, так как ему известны непреодолимые экономические и политические препятствия, которые стоят на пути кооперации бывшей территории монархии»⁵¹. Правительство Англии выступало скорее за некоторое слаживание противоречий в Центральной Европе, чем за их разрешение, выступало за соглашение центральноевропейских государств с Германией. Английские консерваторы и не помышляли о каком-либо противодействии германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Иден, понимавший опасность агрессии Германии, также подчеркивал, что «британское правительство не желает устранения Германии из центральноевропейской системы безопасности...» «Мы приложим все усилия,— заявил он в беседе с австрийским вице-канцлером Штаренбергом,— чтобы

⁴⁹ U. Eichstadt. Указ. соч., стр. 91.

⁵⁰ DIMK, I köt., d. 30, 108—110 old.

⁵¹ Донесение временного поверенного Венгрии в Лондоне.— DIMK, I köt., d. 32, 111—112 old.

просить Германию принять посильное участие в реорганизации Дунайского бассейна»⁵². Кроме того, вопреки истине, в правительенных кругах Лондона распространялось мнение, что в экономическом отношении Центральная Европа и Балканы открывают незначительные возможности для английской экономики и для будущего также не обещают каких-либо перспектив. Все это предрешало провал переговоров в Лондоне.

Совещания в английской и французской столицах вызвали тревогу в Будапеште. Но, с другой стороны, там надеялись, как писал Кобр, что такое развитие событий приведет к сближению между Германией и Италией, вследствие чего германская экспансия обратилась бы против Чехословакии, что полностью соответствовало бы венгерским желаниям. «Поэтому,— указывал посол,— Гёмбёш и его правительство являются сейчас естественными союзниками третьей империи в ее усилии провалить эту или подобную попытку (соглашения стран Центральной Европы.— И. П.)»⁵³. В то же время Гёмбёша и его окружение обеспокоило подчеркнутое внимание западных дипломатов, особенно французских, к присутствовавшему в Лондоне народному комиссару СССР по иностранным делам М. Литвинову и его активное участие в переговорах о Центральной Европе⁵⁴.

На страницах венгерской прессы вновь появляется сообщение о советских авиабазах в Чехословакии, которые в действительности не существовали. В Германии также были обеспокоены переговорами Литвинова в Париже. Гитлеровцы рассматривали их как доказательство влияния Советского Союза в Центральной Европе. И тут германские фашисты использовали измышление хортистов. Австрийская газета «Винернейсте нахрихтен» писала: «В связи с этим берлинские круги обсуждают сенсационные разоблачения венгерского генштаба о советских аэродромах в Чехословакии и указывают при этом на огромнейшую опасность Средней Европы в связи с существованием в Чехословакии базы советских бомбардировщиков»⁵⁵.

Хортистская Венгрия пользовалась со времен кампании лорда Ротермира в 1927 г. определенными симпатиями в английских реакционных кругах. Опытный дипломат, министр иностранных дел Венгрии Канья, пристально следивший за политическими настроениями Лондона, не мог не заметить заинтересованности Англии в реорганизации Дунайского бассейна. Он прежде всего пытался выяснить, насколько Запад преисполнен решимости прийти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее гит-

⁵² «Der Hochverratprozess gegen dr. Guido Schmidt vor dem Wiener Volksgericht». Wien, 1947, S. 399—400.

⁵³ AMZV. Budapeſt, 1936, č. 9.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции. Материалы ТАСС, ф. 4459, оп. 2, д. 82, л. 14 (далее — ЦГАОР).

леровской Германии. Венгерская дипломатия, естественно, пыталась использовать английские настроения в пользу своих ревизионистских аспираций. Канья, более реально, чем Гёмбёш, понимавший обстановку и возможные последствия односторонней ориентации Венгрии на Германию, проводивший более гибкую политику, всегда стремился заручиться поддержкой Англии. В Будапеште опасались в случае успешного исхода переговоров в Лондоне изоляции Венгрии. Поэтому Канья официально заявляет о желании Венгрии вести переговоры с Малой Антантою, и в частности с Чехословакией. Но в Лондоне, поняв, что ни английское, ни французское правительства не склонны изменять общее политическое положение, Канья отклонил даже попытки Титулеску и Литвинова завязать с ним переговоры об улучшении взаимоотношений между странами Центральной Европы⁵⁶. Он заявил представителям печати: «Мы будем вести переговоры, но в то же время всякому политическому соглашению мы будем противопоставлять наше резкое «нет». Без равноправия (в вооружениях.—И. П.), без возможности действия в вопросе о национальных меньшинствах, без дискуссии о Трианонском договоре, иначе говоря, без ревизионистской пропаганды и без ревизии для нас не может быть никаких обязательств и никакого взаимного понимания»⁵⁷. Канья подчеркнул, что политическое и экономическое сотрудничество стран Дунайского бассейна можно осуществить, только ликвидировав роковое наследие Трианона и Сен-Жермена⁵⁸. В беседах с Иденом и Ванситартом Канья также выставлял венгерские ревизионистские требования.

В Париже продолжались начатые в Лондоне переговоры. Но Канья не считал нужным даже нанести визит вежливости французскому министру иностранных дел и выехал в Будапешт. «В Париже я не обратил внимания на приглашение министра иностранных дел Фланделена о встрече,— заявил Канья германскому послу в Будапеште Макензену,— так как считал это недружественным поступком по отношению к германским, итальянским и польским друзьям, не принимавшим участия в переговорах»⁵⁹. В действительности же он это сделал под давлением Германии, опасавшейся консолидации стран Центральной Европы и усиления влияния Франции. В беседе с Макензеном Канья подчеркнул, что во время этих переговоров им было сделано все, чтобы воспрепятствовать осуществлению плана Годжи, но Венгрии нужна экономическая и политическая поддержка Германии, чтобы наиболее результативно осуществлять борьбу против Малой Антанты⁶⁰.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 82, л. 14.

⁵⁷ О. Эбелль. Указ. соч., стр. 48.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ DIMK, I köt., d. 31, 110—111 old.

⁶⁰ L. Kerekes. *Anschluss 1938*. Budapest, 1963, 188—189 old.

Парижские переговоры кончились, таким образом, безрезультатно. Восторженные отзывы прессы Франции и Малой Антанты о них как о новом Парижском конгрессе, который должен был решить судьбы мира, не оправдались. Безрезультатность их в значительной мере объяснялась тем, что Англия и Франция не хотели брать на себя обязательства по обеспечению безопасности Центральной Европы.

В Берлине с удовлетворением отмечали, что Венгрия остается верной прежним принципам в отношении реорганизации Центральной Европы. Позиция Венгрии после переговоров в Лондоне и Париже выразилась в выступлении Каньи в иностранной комиссии парламента и инспирированной им редакционной статье «Пестер Ллойд» от 13 февраля. В обоих случаях подчеркивалось, что Венгрия не отказывается от продолжения борьбы за «мирную» эволюцию (читай — ревизию) мирных соглашений, она не присоединится к таким объединениям, которые будут стремиться поддерживать *status quo*, считает, что без участия Германии и Италии невозможно решить вопрос о Центральной Европе⁶¹. Еще более откровенно Канья высказался по этому же вопросу в беседе с английским послом Ноксом в Будапеште 4 марта 1936 г., изложив ему программу действий венгерского правительства в вопросе о соглашении государств Дунайского бассейна. Он подчеркнул, что политическое сближение государств Центральной Европы считает невозможным. «Нельзя требовать от государства, потерявшего в результате мирных договоров три четверти территории, чтобы оно предало забвению прошлое и пошло на искреннее соглашение со своими соседями. Венгрия не собирается заключать с государствами Малой Антанты договор о взаимопомощи»⁶². В этой же беседе Канья не преминул подчеркнуть, что Чехословакия стремится всячески изолировать Венгрию, что доказали переговоры ее с Австрией. Конечно, подобные заявления английскому дипломату были бы невозможны, если бы хортисты не рассчитывали на поддержку Англии. В тон Канья в это же время министр промышленности Венгрии в официальном выступлении вновь провозгласил необходимость восстановления Великой Венгрии. Чехославацким же дипломатам Канья лицемерно заявил, что ожидает предложения с чехословацкой стороны и готов их изучить⁶³. Но как всегда дела у хортистов расходились с их официальными выступлениями. В ответ на предложение Кобра Канья заявил 7 февраля 1936 г., что проект политического соглашения преждевременен, об этом долго еще нельзя и думать, нужно довольствоваться скромными результатами, достигнутыми в экономической области. Как подчеркнул Канья, это экономическое соглашение

⁶¹ ОРФ ИИАН, ф. ж., д. 48, л. 636—637.

⁶² DIMK, I köt., d. 59, 148—150 old.

⁶³ AMZV. Budapešť, 1936, č. 10.

не должно было иметь антигерманской и антиитальянской направленности⁶⁴. Все свои надежды хортисты возлагали на гитлеровскую империю.

Исходя из такой позиции Венгрии, чехословацкий посол в Будапеште предлагает свой план давления на нее. Кобр писал, что следовало бы наиболее убедительно доказать западным государствам, что Венгрия есть и будет единственным препятствием успешного решения дунайской проблемы. Поэтому, указывал он, нужно путем экономического и политического соглашения с Австрией даже ценой значительных жертв изолировать Венгрию экономически и политически и дать ей почувствовать неблагоприятные последствия ее политики⁶⁵. Конечно, Венгрия не была единственным препятствием политического и экономического соглашения государств Центральной Европы. Только чувствуя поддержку Берлина, Рима и реакции Англии, хортисты осмеливались резко выступать против мирного урегулирования дунайской проблемы. В это же время Годжа пытается заручиться поддержкой Францией плана создания экономического союза в Центральной Европе. Но переговоры в Париже в начале февраля 1936 г. не имели успеха. Внутреннее положение Франции не позволяло французской реакции открыто поддерживать план чехословацкой буржуазии, направленный на соглашение с Германией. Такая же неудача постигла Годжу и в Белграде, куда он ездил 21—25 февраля 1936 г., чтобы получить согласие на осуществление своего плана⁶⁶.

Неудачи с планом экономической и политической консолидации стран Центральной Европы были одной из причин, приведших к закулисным переговорам внутри правительственної коалиции, в результате которых Годжа ушел с поста министра иностранных дел. Этот пост занял 29 февраля 1936 г. ставленник Бенеша профессор К. Крофта.

Бенеш по-прежнему оставался сторонником профранцузской ориентации, а следовательно, сторонником укрепления Малой Антанты, а не растворения ее в некоем буферном центральноевропейском объединении и отказа от прежней системы союзов, который предлагал Годжа.

Политическая борьба в лагере чехословацкой буржуазии не была тайной для хортистских дипломатов и для Будапешта вообще. Венгерский посол в Вене Руднаи писал, что Бенеш терпит неопытного во внешнеполитических делах Годжу до тех пор, «пока тот не забудет о реальности и не споткнется, после чего руководство внешней политикой в Чехословакии несомненно вновь вернется в руки Бенеша»⁶⁷. Отрицательное отношение

⁶⁴ M. A d á m. Magyarország és a kisantant..., 507—508 old.

⁶⁵ AMZV. Budapest, 1936, c. 10.

⁶⁶ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939». М., 1959, стр. 399.

⁶⁷ DIMK, I köt., d. 38.

Венгрии к плану Годжи исключало возможность какого-либо чехословацко-венгерского соглашения в будущем для обеспечения тыла Чехословакии. Оно ясно показало позиции Венгрии в целом по отношению к Чехословакии.

Поэтому сторонники группировки Града не скрывали своего более чем скептического отношения к плану Годжи перед хортистами-дипломатами, пытаясь найти путь к соглашению с Венгрией. Крофта в беседе с венгерским послом в Будапеште Ветштейном 13 февраля 1936 г. еще до того, как он вступил на пост министра иностранных дел, пытался убедить его, что в планах Годжи нет ничего нового, заверяя его, что визит Шушнига ничего не изменил во взаимоотношениях центральноевропейских государств, «он означает только, что Австрия вынуждена считаться с ослаблением европейских позиций Италии и поэтому ищет в Чехословакии поддержку против аншлюса»⁶⁸. В беседе с австрийским послом Мареком, уже будучи министром иностранных дел, Крофта также заявил: «Вы знаете, что я в общем весьма скептически отношусь к плану Годжи». Он знал, конечно, что австрийский дипломат не замедлит передать это хортистам, что Марек и сделал, сообщив о беседе Ветштейну⁶⁹. Тем самым Бенеш и его сторонники, пытаясь найти путь к соглашению с Венгрией, старались показать хортистам, что действия Годжи не выражают общей линии внешней политики Чехословакии.

Но тем не менее Венгрия продолжала оказывать сильное давление на Австрию, стремясь заставить ее отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Чехословакией. Премьер Гёмбёш через итальянского посла Колонну просит Муссолини действовать на Австрию за ее измену духу «римских протоколов» и воспрепятствовать ее сближению с Чехословакией⁷⁰.

Ремилитаризация Германией Рейнской зоны 7 марта 1936 г. еще более укрепила Венгрию в ее усилиях ликвидации всяких попыток сближения стран Центральной Европы. Последствия ее не замедлили сказаться. В Будапеште 13—14 марта состоялась встреча представителей Венгрии и Австрии. Темой ее были отношения между Малой Антантою и странами «Римских протоколов». Шушнig вновь пытался убедить представителей Венгрии, что план Годжи не имеет антигерманского направления, он закрепляет только, по его словам, существующее экономическое положение в Центральной Европе. Это не оказалось никакого воздействия на Канью и Гёмбёша, они вновь обвиняли австрийского канцлера в том, что в результате его визита в Прагу, а Годжи в Белград создалось впечатление, что в Вене восторжествовала

⁶⁸ DIMK, d. 34, 113—114.

⁶⁹ DIMK, d. 67, 161—162 old.

⁷⁰ Записка заместителя министра иностранных дел министру иностранных дел.— DIMK, I köt., d. 41, 127 old.

профранцузская ориентация, а Венгрия оказалась в изоляции. Под давлением представителей Венгрии принятые были следующие пункты резолюции:

1) никакого сближения с Малой Антантою, исключение возможно в отношении Югославии. Следует отказаться от всякого политического соглашения с Чехословакией;

2) выступать против всяких планов переустройства Дунайского бассейна, так как из-за сопротивления великих держав (Германии, Италии.—И. П.) план, подобный плану Тардье, и блок, который экономически связал бы Малую Антанту и государства «Римских протоколов», имеют незначительные шансы на осуществление;

3) углубление экономических отношений с другими государствами только путем двусторонних договоров⁷¹.

Изложенная программа Венгрии показывала, что не могло быть и речи о каком-либо сближении между Чехословакией и Венгрией в этот период. Усилия хортистов по достоинству оценил их римский покровитель Муссолини.

Во время беседы с Гасселем, германским послом в Риме, Муссолини подчеркнул, что в отношении противодействия образованию блока в Дунайском бассейне очень полезно и нужно сотрудничество с Гёмбёшем. В этом плане также важно участие Гёмбёша в конференции стран «Римских протоколов» в марте 1936 г.⁷²

Муссолини с большим недовольством следил за чехословацко-австрийским сближением и усилением влияния Германии в Венгрии. Он дал понять в особенности в выступлении 3 марта 1936 г., что Италия не желает, чтобы в Центральной Европе происходили какие-либо изменения без ее участия⁷³. Бенеш, Годжа, Крофта неоднократно заявляли о дружественном отношении Чехословакии к Италии, о желании сотрудничать с ней в Центральной Европе⁷⁴. Бенеш в беседе с итальянским послом подчеркнул, что Венгрия является главным препятствием установления дружественных отношений между государствами Центральной Европы⁷⁵. Чехословацкая буржуазия надеялась, что усиление позиций Италии в Центральной Европе в свою очередь ослабит германскую экспансию в Дунайском бассейне. В отношении плана Годжи журнал «Господарска политика» писал: «Если Годжа своими визитами и выступлениями достиг только того, что заставил Рим вернуться в Центральную Европу, то Чехослова-

⁷¹ L. Kerekes. Akten des Ungarischen Ministeriums des Ausseren zur Vorgeschichte der Annexion Österreichs.—«Acta historica», 1960, N 3—4, t. VII, S. 371.

⁷² E. Robertson. Zur Wiederbesetzung des Rheinlandes. 1936.—«Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte», H. 2, April, 1962, D. 5, S. 199.

⁷³ Донесение венгерского посла в Праге.—DIMK, I köt., d. 66, 159 old.

⁷⁴ «Prager Presse», 15.II 1936.

⁷⁵ M. Ádám. Magyarország és a kisantant., 513 old.

кия, насколько это в ее силах, выполнила значительную часть работы»⁷⁶. Но ситуация в Европе изменилась, а вместе с тем изменились и цели итальянской внешней политики в Центральной Европе. Сотрудничество Италии с Германией все больше углублялось. Германские дипломаты заверяли Муссолини, что агрессия Германии направлена только против Чехословакии. Итальянский посол в Бухаресте Соля заявил представителю Бельгии: «Италия будет спокойно продолжать войну, так как Европа скроет потеряет интерес к Абиссинии из-за войны Германии против Чехословакии... Оккупация будет касаться только Чехословакии, чтобы Германия, Венгрия и Польша могли достичь соединения в один блок»⁷⁷. То же самое германские дипломаты внушали хортистам. Германский посол в Праге Эйзенлор заявил в беседе с Ветштейном, что достаточно в данной ситуации какого-либо покушения, чтобы вспыхнула война, и тогда Германия выступит и оккупирует Чехословакию⁷⁸.

Муссолини решил сорвать всякие попытки Чехословакии укрепить свое положение путем союза с Австрией и Венгрией, а вместе с тем показать, что Италия сохраняет свои позиции в Европе, влияние на Венгрию и Австрию. Гёмбёш также выступал в это время за укрепление «Римских протоколов», так как это была единственная возможность удержать Австрию от сближения с Чехословакией и Малой Антантою вообще.

21 марта в Риме состоялась конференция представителей стран «римского блока», Италии, Австрии и Венгрии. Представители Венгрии резко выступили во время обсуждения вопроса о взаимоотношениях Малой Антанты и стран римского блока против Шушнига, пытавшегося защищать идею экономического сотрудничества стран Дунайского бассейна. Гёмбёш потребовал от Шушнига отказа от всяких попыток сближения с Чехословакией, в противном случае Венгрия оставляет за собой свободу переговоров с Германией⁷⁹. Гёмбёш вновь обвинял Шушнига в недружественных действиях по отношению к Венгрии, сближении с Чехословакией без учета ревизионистских планов Венгрии⁸⁰. Канья в свою очередь подчеркнул, что римский блок вовсе не стремится к политическому и экономическому сотрудничеству с Малой Антантою⁸¹. В телеграмме Хорти Гёмбёш сообщал, что только после долгих споров удалось отговорить Шушнига от мысли о сближении с Малой Антантою и уговорить его подписать протоколы⁸². Результаты конференции оправдали надежды хор-

⁷⁶ «Hospodařská politika», 1936, str. 177.

⁷⁷ R. K v a č e k. Boj o Rakousko., str. 241.

⁷⁸ DIMK, I köt., d. 30, 109 old.

⁷⁹ Отчет о переговорах в Риме между Муссолини, Шушнигом, Бергер-Вальденеггом, Гёмбёшем и Каньем. DIMK, d. 70, 164—167 old.

⁸⁰ ОРФ ИИАН, ф. Ж., д. 140, л. 116.

⁸¹ DIMK, I köt., d. 70, 167 old.

⁸² L. Kerekes. Anschluss 1938. Budapest, 1963, 196 old.

тистов. Дополнение ко второму протоколу, принятое 23 марта 1936 г., гласило, что ни одно из трех правительств, подписавших протоколы, не должно вступать в какие-либо важные политические переговоры, касающиеся Дунайского бассейна, с правительством какого-либо третьего государства без предварительной консультации с другими правительствами стран римского блока. Экономические же соглашения Италия, Австрия и Венгрия могут заключать согласно протоколам только на билатеральной основе, а не «с такими закрытыми группировками, как Малая Антанта»⁸³. Формулировка дополнений к протоколам, совпадающая почти полностью с решением, принятым на будапештской встрече представителей Австрии и Венгрии 14 марта 1936 г., говорит о самом деятельном участии представителей Венгрии в выработке этих дополнений. Это было крупной дипломатической победой хортистской Венгрии. Достигнута она была в значительной мере потому, что стремления правительства Гёмбёша устраниТЬ возможность укрепления позиций Чехословакии совпали с усилиями Италии в восстановлении ее влияния в Центральной Европе. Но это была «пиррова победа», она объективно способствовала укреплению позиций Германии в Дунайском бассейне, запрещая государствам римского блока, в частности Австрии, вступать в соглашения с государствами Малой Антанты.

Подписание дополнительных протоколов в Риме было большим ударом по планам сближения государств Дунайского бассейна, в особенности для плана Годжи. Германскому послу в Риме Гасселю Канья заявил: «Из этого следует, что на основании последних Римских соглашений ни план Годжи, ни Тардье не могут быть осуществлены, что с точки зрения Германии может быть принято с удовлетворением»⁸⁴. Это понимали в Берлине, поэтому известие о подписании дополнительных протоколов там встретили довольно спокойно⁸⁵. Венгрию особенно радовало исключение всякой возможности повторения сближения Австрии и Чехословакии. Польскому премьер-министру Костялковскому Канья заявил: «Успех новых протоколов вижу в том, что они уничтожили то недоразумение, которое возникло из-за поездки Шушнига в Прагу и вокруг известного плана Годжи»⁸⁶. Хортисты прекрасно понимали, кому на руку они сыграли, устранив возможность сближения Австрии со странами Малой Антанты. «Пришла очередь Германии использовать благоприятное положение и закончить то, что мы подготовили в Риме», — заявил Канья послу Германии в Будапеште Макензену⁸⁷. Хортисты снова пытались привлечь Германию в римский блок, стремясь путем его расширения за счет Германии и Польши создать единый

⁸³ ОРФ ИИАН, ф. ж., д. 138, л. 3—4.

⁸⁴ L. Kerekes. Akten..., S. 372—373.

⁸⁵ AMZV. Budapest 1936, č 19.

⁸⁶ M. Adám. Magyarország és a kisantant.., 514 old.

⁸⁷ DIMK, I köt., d. 76, 172 old.

фронт борьбы против Версальской системы, единый фронт борьбы против Чехословакии, за ее раздел⁸⁸. Германия не соглашалась на такие планы хортистов, так как вступление в «Римские протоколы» автоматически превращало ее в гаранта независимости Австрии, в лучшем для нее случае создался бы своеобразный кондоминиум Германии и Италии над Австрией. Германские фашисты согласны были только на полное подчинение Австрии третьему рейху⁸⁹.

Чехословацкий посол в Будапеште М. Кобр мог с полным правом писать: «Теперь Гёмбёш будет еще решительнее, чем прежде, выступать против всякой политической реорганизации Дунайского бассейна, к которой бы стремились третьи государства, не признающие справедливости венгерских требований»⁹⁰.

В первые же дни после конференции в Риме, в обстановке, создавшейся после ремилитаризации Германией Рейнской зоны, хортистские дипломаты заявляют представителям Малой Антанты, что о политическом соглашении или коллективном договоре между пятью центральноевропейскими государствами не может быть и речи⁹¹.

Как видно из изложенного выше, германская экспансия в Центральной и Юго-Восточной Европе усилила отрицательное отношение Венгрии к попыткам Чехословакии, направленным к сближению центральноевропейских государств ввиду опасности германской агрессии. Одна из таких попыток, план Годжи, встретила резко отрицательное отношение хортистской Венгрии. В начале 1936 г. экономические позиции германского империализма в придунайских странах были уже настолько сильны, что план создания блока Дунайских государств, который выступал бы равноправным партнером в экономическом сотрудничестве с Германией и как конкурент противостоял бы ей, был просто-напросто иллюзорным. Кроме того, сильное влияние на позицию Венгрии в вопросе о сближении центральноевропейских государств оказывали Англия и Франция. Политика попустительства агрессору, проводившаяся английской и французской империалистической буржуазией, служила поддержкой хортистской политики ревизии мирных соглашений. В германо-итальянской борьбе за влияние в Дунайском бассейне Венгрия все больше склоняется к тесному сотрудничеству с Германией, видя в ней главное орудие уничтожения Версальской мирной системы, в частности, постановлений Трианонского и Сен-Жерменского мирных договоров.

⁸⁸ L. K e g e k e s. Akten., S. 372—373.

⁸⁹ Донесение венгерского посла в Берлине.—DIMK, II köt., d. 18, 124 old.

⁹⁰ AMZV. Budapest, 1936, č. 18.

⁹¹ Отчет о беседе югославского посла в Будапеште Вукчевича с министром иностранных дел Венгрии Каиья.—DIMK, I köt., d. 77, 173—174 old.

Ф. Гондор

**ЗАКАРПАТСКАЯ УКРАИНА
В ПЛАНАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАКЦИИ
в 1938—1939 гг.**

В домюнхенский период гитлеровская Германия на Закарпатской Украине, как и в других областях Чехословакии, поддерживала крайне реакционные элементы, настроенные против государственной целостности страны. Одновременно в руках гитлеровской Германии Закарпатская Украина превратилась в приют для хортистской Венгрии и бековской Польши. Правящие круги этих государств, проводившие ярую антисоветскую политику, видели в гитлеровской Германии надежного помощника в осуществлении одной из своих заветных надежд: расширить за счет Чехословакии свои границы. Если Польша стремилась захватить Тешинской областью, а Венгрия Закарпатской Украиной и Словакией, то оба государства стремились в первую очередь приобрести общую государственную границу за счет Словакии и Закарпатской Украины. Гитлеровская Германия, планируя захват Чехословакии, использовала их ревизионистские стремления и сумела создать у правящих кругов Венгрии и Польши иллюзии, что при разделе Чехословакии все три хищника будут выступать в роли равноценных партнеров. Приведем хотя бы такой факт. Еще 28 сентября Геринг свыше часа убеждал венгерского посланника, что на предстоящей конференции в Мюнхене будет решаться так же и вопрос Венгрии, и что ее требования Германия будет отстаивать на той же основе, что и свои. Естественно, Геринг прекрасно знал, что вопрос о венгерских требованиях конференция решать не будет, однако, желая усилить нажим на Чехословакию, фашистская Германия путем прямого шантажа нарывалась на нее Польшу и Венгрию.

Капитуляция правящих кругов Чехословакии в Мюнхене, далеко идущий сговор западных держав с фашистской Германией,

имеющий целью направить агрессию германского империализма на Восток, против Советского Союза, имели катастрофические последствия не только для самой Чехословакии, но и для дальнейшего развития событий во всей Европе. Благодаря положению, которое приобрела Германия после Мюнхена в результате известной позиции западных держав, дни существования чехословацкого государства были сочтены. Поддержаные германскими нацистами, в Чехословакии пришли к власти ярые реакционеры, проводившие в жизнь указания Берлина.

Государство превратилось в своего рода федерацию, в Словакии и на Закарпатской Украине были созданы марионеточные автономные правительства. В это время нацистская пропаганда начинает уделять особое внимание Закарпатской Украине. Пытаясь доказать мировому империализму, что ее экспансия действительно устремлена исключительно на Восток, германская пропаганда с октября 1938 г. поднимает шум вокруг идеи создания «Великой Украины», духовным центром которой должна быть Закарпатская Украина. Этот маневр нацистской пропаганды был рассчитан очень точно. Он создавал впечатление, что Гитлер вступил на путь, проложенный Мюнхеном, что решены противоречия между капиталистическими странами, и ударная сила мирового империализма — германский фашизм — устремлен исключительно против Советского Союза. Как был воспринят этот нацистский маневр мировой реакцией, видно из отношения правящих кругов Англии к позиции Чемберлена, которую польский дипломат сформулировал следующим образом: «Премьер... защитил английские ворота и перенес таким образом игру на восток Европы».

Следует отметить, что кампания в капиталистической прессе о «Великой Украине» и соответственно активизация разных центров украинской белоэмиграции интересовали самым серьезным образом правящие круги западных держав, во всяком случае намного больше, чем фашистскую верхушку гитлеровской Германии. В то время как донесения дипломатов отдельных стран полны самых разнообразных соображений о методах и формах реализации идеи «Великой Украины» нет ни одного документа, свидетельствующего о планах нацистов действительно создать «Великую Украину». С немецкой стороны сообщение о «Великой Украине» находим в материалах канцелярии Геббельса и исследовательского института Розенберга. Дело, конечно, не в том, что Германию не интересовала Украина. Ее порабощение (подобно тому, как и всех народов Советского Союза) входило непосредственно в планы гитлеровской Германии. Тот факт, что маневр нацистской пропаганды с «Великой Украиной» в конце 1938 г. был встречен капиталистическим миром с большим интересом, свидетельствует о том, с каким одобрением империализм относился к планам войны гитлеровской Германии против Совет-

ского Союза, и как, не предвидя будущего, западные державы открывали фашистам возможности нападения на советскую страну путем усиления мощи Германии за счет Центральной и Юго-Восточной Европы. Отношение международной реакции к проникновению Германии в Закарпатскую Украину, свидетельствует о том, что империализм прямо поощрял Германию против Советского государства. Западные державы считали Закарпатскую Украину важным плацдармом гитлеровской Германии, видели в планах «Великой Украины» традиционное направление германской агрессии на Восток.

Уделяя внимание Закарпатской Украине, гитлеровская Германия преследовала также свои цели в отношении Венгрии и Польши. Конечно, это «внимание» подразумевало формы самого открытого вмешательства во внутренние дела Чехословакии. Поддерживая буржуазно-националистические, фашистские группировки, нацистская Германия усиливала здесь свою «пятую колонну». И всю эту видимость автономии во главе с автономным правительством Закарпатской Украины можно точно охарактеризовать словами: буквально все решалось в Берлине. Провозглашение автономии Закарпатской Украины было проведено по прямой директиве Гитлера 8-го октября 1938 г. Нацисты, проводя в жизнь свои планы овладения Центральной и Юго-Восточной Европой, использовали автономию Закарпатской Украины как средство нажима на Венгрию и Польшу, стремящихся получить любой ценой общую границу.

Закарпатская Украина стала предметом торга гитлеровской Германии с хортистской Венгрией. Правящие круги Венгрии после Мюнхена всеми средствами стремились к захвату Закарпатской Украины, тем более, что во главе автономного правительства на Закарпатье стоял финансированный венгерским правительством шпион Броди, который предпринимал все для того, чтобы после Мюнхена присоединить Закарпатскую Украину к хортистской Венгрии. Но гитлеровская Германия преследовала здесь свои планы и по указке Берлина пражское правительство заменило Броди Волошиным. Венгрия стремилась любой ценой захватить Закарпатскую Украину, но без согласия Германии не могла ничего сделать. Печально известный Козма так сформулировал отношение Венгрии к Закарпатской Украине: «Венгрия заинтересована не только в возвращении территорий Чехословакии, населенных венграми, она нуждается и в Закарпатье, чтобы путем его присоединения установить общую венгеро-польскую границу. С венгерской точки зрения, значение Закарпатья неоценимо. Возможно то, что я говорю и непопулярно, но в политическом отношении Закарпатье представляет гораздо большую ценность, чем любой или даже несколько возвращенных венгерских народов». Но пока Закарпатская Украина входила в планы Германии, хортистская Венгрия должна была ограничиться резуль-

татами первого Венского арбитража. Конечно, в ревизионистских планах Венгрии вопрос захвата остальной части Закарпатской Украины остался и в дальнейшем. Она подготовила план вооруженного нападения 20 ноября на Закарпатскую Украину, но натолкнулась на резкий протест со стороны Берлина и должна была отсрочить реализацию захвата. Сохраняя видимость автономии Закарпатской Украины, гитлеровская Германия в то же время дала понять хортистской Венгрии, какой ценой она может получить эту территорию: присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту и выход из Лиги Наций. Империалистический торг был оформлен во время беседы министра иностранных дел Венгрии с Гитлером 16 января 1938 г. Венгрия охотно согласилась на все требования Гитлера. Рисуя в общих чертах намеченное на март полное расчленение Чехословакии, Гитлер дал ему понять, что при дележе добычи возможно участие и Венгрии. Венгрия, все глубже попадая под полную зависимость нацистской Германии, согласилась привести внешнеполитический курс в полное соответствие с внешней политикой держав оси, присоединившись к антикоминтерновскому пакту.

При изучении документов о внешнеполитическом курсе Польши осенью 1938 г. и в первые месяцы 1939 г. бросается в глаза тот факт, с какой настойчивостью стремилась дипломатия бековской Польши сделать все, чтобы стереть с карты Европы Закарпатскую Украину, надеясь на оккупацию Закарпатской Украины хортистской Венгрией. На первом плане здесь была идея общей границы Польши с Венгрией, но в этом стремлении правящих кругов Польши сыграл решающую роль тот факт, с каким вниманием и одобрением встретила мировая реакция сообщения нацистской пропаганды о планах создания «Великой Украины». Гитлеровская Германия использовала фикцию автономии Закарпатской Украины и планы создания «Великой Украины» против Польши в том смысле, что поддерживала националистические стремления украинцев в Польше, подстрекала их также к антисоветской деятельности.

Итак, резюмируя можно сказать: гитлеровская Германия в своих планах использовала пропагандистский маневр с так называемой Великой Украиной для отвлечения внимания западных держав от судьбы Чехословакии, спекулируя фикцией автономной Закарпатской Украины, она втягивала все глубже в орбиту своего влияния Польшу и Венгрию. Все это делалось с целью создать впечатление, что агрессия Германии направлена исключительно на Восток.

M. C. Восленский

РЕВАНШИСТСКАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ФРГ И «ОСТФОРШУНГ» (1949—1965)

Как выглядит политика «Дранг нах Остен» в наши дни?

Прежде всего необходимо отметить, что агрессивная политика германских империалистов в отношении стран Восточной Европы фактически почти не знала перерыва. Свою нынешнюю восточную политику правящие круги Бонна приняли, как эстафету, из рук гитлеровских заправил.

В самом деле: кто является автором официальной боннской формулы о «восстановлении границ германского рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года»? Аденауэр, Эрхард, их приближенные? Нет, это формула была впервые выдвинута после войны Герингом. В апреле 1946 г. во время Нюрнбергского процесса Геринг заявил своему адвокату Вернеру Броссу: «Чтобы продолжать существовать, нашей минимальной программой должно быть возвращение границ 1937 г. Но, возможно, окажется необходимым даже расширить наши границы»¹.

А кто автор официального боннского тезиса о необходимости вступления Западной Германии в агрессивный блок империалистических держав для осуществления ее экспансионистских целей на Востоке? Преемник фюрера, также осужденный в Нюрнберге гроссадмирал Дениц, который говорил в мае 1945 г.: «...Начиная с данного момента, нам надо идти вместе с западными державами и сотрудничать с ними в оккупированных областях на Западе, так как только сотрудничая с ними, мы можем надеяться отобрать в будущем наши земли у русских»².

¹ G. Wheeler. Die amerikanische Politik in Deutschland. Berlin, 1958, S. 243—244.

² J. Wheeler-Bennet. The Nemesis of Power. N. Y., 1954, p. 699.

Таким образом, два основных постулата политики Бонна в Европе были продиктованы двумя официальными преемниками Гитлера. Да и термин для обозначения боннских планов на европейском континенте взят гитлеровский: пресловутый «новый порядок в Европе».

Все это, к сожалению, не исторический парадокс, а закономерное следствие социально-экономического и политического развития Западной Германии. Аденауэр открыл свои вышедшие незадолго до его смерти мемуары многозначительным воспоминанием о том, как в 1944 г. гестаповский тюремщик просил его не кончать самоубийством, а он, Аденауэр, вовсе и не собирался этого делать³. Старый канцлер умолчал о том, что он остался в живых и дожил до завидного возраста объективно лишь для того, чтобы продолжать политику создателей гестапо.

Кто правит сейчас Западной Германией? Неопровергимые данные экономического анализа показывают, что основная часть функционирующего в ФРГ капитала находится под контролем всего лишь 18 монополистических групп. Какие бы ни братья показатели экономической мощи: размер основного капитала, оборот, данные о производстве и численности персонала,— именно эти группы оказываются самыми могущественными в западногерманской экономике, а тем самым и в политике, в том числе и восточной.

Каковы главные черты политики Бонна на Востоке?

Выше уже упоминалось требование восстановления Германии в границах нацистского рейха 1937 г. Позиция Бонна состоит не только в требовании восстановления этих границ, но и в непризнании реально существующих границ в Европе. Стандартным утверждением всех боннских официальных документов является фраза о том, что Германия «в соответствии с действующими правовыми нормами продолжает существовать в своих границах на 31 декабря 1937 г.»⁴ Статс-секретарь ФРГ Нам заявил: «Конституция ФРГ распространяется не только на Западную Германию, но и на всю Германию. Ко всей Германии относится Германия в границах 1937 г.»⁵ Таким образом, Бонн договорился до того, что его Основной закон должен действовать и в ГДР, и в западных воеводствах Польши, и в Калининградской области РСФСР. Вступивший в силу с 1962 г. таможенный закон ФРГ также объявлен в Бонне «действующим» на всей территории рейха 1937 г.⁶ На боннских географических картах Европы Германия непременно изображается в границах 1937 г.

³ K. Adenauer. Erinnerungen. 1945—1953. Stuttgart, 1965, S. 15.

⁴ Цитата из правительенного заявления Эрхарда 1965 г.— «Bulletin des Presse— und Informationsamtes der Bundesregierung». 11.XI 1965, S. 1446.

⁵ Там же, 14.II 1959.

⁶ Советское Правительство заявило в связи с этим провокационным претензиям протест правительству ФРГ (см. «Известия», 27 февраля 1962 г.).

Другие карты в ФРГ и не печатаются: существует изданная правительством ФРГ «Директива о картах» 1 февраля 1961 г. Вот что в ней написано: «Области к востоку от линии Одер — Нейссе должны именоваться в целом «немецкими восточными областями в настоящее время под иностранным управлением», в сокращенной форме — «немецкими восточными областями», в просторечье — «Восточной Германией». Северная часть Восточной Пруссии — «немецкими восточными областями в настоящее время под советским управлением» или «Восточной Пруссией в настоящее время под советским управлением»... Область Данцига... (Гданьска.— М. В.) — «вольным городом Данциг», область Мемеля (Клайпеда.— М. В.) — «землей Мемель». «Линия Одер — Нейссе,— продолжают боннские составители инструкции,— не должна изображаться как государственная граница... Польско-советская демаркационная линия в Восточной Пруссии (т. е. граница между западными воеводствами Польши и Калининградской областью СССР.— М. В.) не должна изображаться как государственная граница...» Зато в пределах этих пресловутых «восточных областей» инструкция предписывает картографам указывать границы несуществующих провинций — Силезии, Саксонии и других по состоянию даже не на 31 декабря 1937 г., а на 1 сентября 1939 г.— дату нападения гитлеровской Германии на Польшу⁷.

Это — не безобидное чудачество и даже не бред. Демонстративная позиция непризнания существующих фактов — это политический маневр, направленный на подготовку к насильственному изменению фактов. Западногерманские реваншисты стремятся таким образом приучить мировую общественность к мысли о том, что агрессия на Восток Европы — вовсе не агрессия, а естественный акт вступления ФРГ в давно существующие «права». Точно таков же смысл боннского «непризнания» ГДР. Ни одному западногерманскому юристу не удалось до сих пор привести какие-либо аргументы против того, что ГДР является государством. Однако в Бонне назойливо продолжают именовать это суверенное германское государство «советской оккупационной зоной». Цель и в данном случае ясна: создать юридическую фикцию, будто агрессия против ГДР со стороны Бонна была бы не агрессией против другого государства, а актом «национального самоопределения», «воссоединения», «освобождения» и т. п. Смысл «доктрины Хальштейна» состоит в том, чтобы навязать другим странам, в частности развивающимся, эту точку зрения под угрозой лишения западногерманских кредитов.

Останавливаются ли агрессивные замыслы империалистов ФРГ на границах 1937 г.?

⁷ «Gemeinsames Ministerialblatt», 14.II 1961.

Отнюдь нет. Судетская область Чехословакии была захвачена Гитлером в сентябре 1938 г. Однако правящие круги ФРГ, не смущаясь, ставят вопрос о Судетской области. Аденауэр еще в сентябре 1949 г. говорил в бундестаге: «Каждый из нас испытывает те же чувства, что и изгнанные судетские немцы, и каждый согласится с ними, когда они требуют возвращения на родину, на свою свободную родину»⁸. Хотя время от времени в Бонне вскользь и упоминают о том, что-де ФРГ не имеет территориальных претензий к ЧССР, трудно отрицать логичность следующего рассуждения реваншистской организации «Судето-немецкая молодежь»: «Поскольку федеральное правительство выступает за право судетских немцев на самоопределение, а это право... при определенных обстоятельствах может найти свое выражение в требовании судетских немцев о присоединении их родной области к Германской Федеративной Республике, правительство ФРГ будет вынуждено при названных обстоятельствах выдвинуть определенные территориальные претензии к сегодняшней Чехословакии...»⁹

Западногерманских реваншистов совершенно не смущает то, что Судетская область была заселена австрийцами. Населявшее эту область национальное меньшинство, говорившее на немецком языке, оказалось в составе Чехословакии после распада Австро-Венгерской империи и никакого отношения к самой Германии не имело. Любопытно, что даже Гитлер поставил вопрос об этом нацименьшинстве лишь после «анишлюса» Австрии, когда нацисты провозгласили всех австрийцев немцами. Баден-вюртембергский министр Фидлер заявил, что «Прага всегда была городом германского рейха»¹⁰. Советская Клайпеда (бывший Мемель) была захвачена гитлеровцами в 1939 г. Однако на западногерманских картах Клайпедский район не включается в состав СССР, а фигурирует как некая «земля Мемель». Министр ФРГ Зеебом высказался вообще за «исчезновение границ в Центральной и Восточной Европе»¹¹.

Как далеко хотели бы продвинуться западногерманские милитаристы на Восток? И в данном случае они следуют гитлеровской формуле: до Урала. В мировой печати широко комментировалось заявление тогдашнего статс-секретаря МИД ФРГ Вальтера Хальштейна о боннских планах «интеграции» Европы до Уральских гор, сделанное в марте 1952 г.¹² Значительно меньше внимания, однако, было обращено на то, как откликнулась официозная боннская пресса на это заявление. А этот отклик заслуживает внимания. Близкая к правящим кругам ФРГ

⁸ «Dokumentensammlung zur Sudetenfrage». München, 1962, S. 127.

⁹ Там же, стр. 47.

¹⁰ «Frankfurter Rundschau», 11.VI 1957.

¹¹ «Der Spiegel», 23.III 1960, S. 19.

¹² «Neue Zürcher Zeitung», 16.III 1952.

«Франкфуртер альгемейне» писала: «Из уст западногерманского статс-секретаря общественность узнала (насколько известно, впервые) подлинную цель, которую поставили перед собой руководители западной дипломатии. Статс-секретарь называет этапы пути, по которому надо пройти: включение Федеративной республики в западный лагерь, окончание раскола Германии, слияние свободной Западной Европы и освобожденной от большевизма Восточной Европы — вплоть до Урала»¹³. А партийный бюллетень ХДС многозначительно заметил: «Те, кто серьезно относятся к большой европейской интеграции, не упускают из виду великую цель»¹⁴.

Первым этапом на этом пути к Уралу по боннским планам намечено поглощение ГДР. Депутат от ХДС, а затем министр ФРГ Ганс Крюгер говорил: «...Воссоединение с советской оккупационной зоной должно явиться первым шагом к большому воссоединению. Мы понимаем, что второй шаг — возвращение в немецкие восточные области — не может быть сделан раньше первого»¹⁵. Так боннские планы захвата ГДР оказываются неразрывно связанными с планами агрессии ФРГ против других социалистических стран.

А то, что речь идет об агрессии, невозможно скрыть никакими разговорами боннских деятелей о предполагаемом — неясно, каким образом — осуществлении территориальных притязаний на Востоке «мирными средствами». Совершенно очевидно, что социалистические страны Восточной Европы не намерены отдавать свои земли боннским реваншистам. Это отлично сознают и в Бонне. Идеолог внешней политики ФРГ Вильгельм Грэве признавал: «Предаваться представлениям, будто дипломатия Федеративной республики сможет что-либо существенно изменить в структуре восточного блока или в политической конфигурации Восточной Европы — чистейшая утопия»¹⁶.

Следовательно, для осуществления своих планов экспансии западногерманские империалисты ориентируются на силу. В этой связи особенно зловеще выглядят старания Бонна получить доступ к ядерному оружию. Военные расходы ФРГ возросли за 10 лет — с 1955 по 1965 г. — с 0,1 до 20 млрд. марок, т. е. в 200 раз! На воинском учете в ФРГ в 1961 г. находилось около 14 млн. военнообязанных. Политика ремилитаризации Западной Германии органически связана с агрессивным курсом «восточной» политики Бонна, хотя, конечно, представляет опасность не только для восточных, но и для западных соседей ФРГ.

¹³ «Frankfurter Allgemeine», 14.III 1952.

¹⁴ См. «Hessische Nachrichten», 17.III 1952.

¹⁵ «Süddeutsche Zeitung», 25.XII 1958.

¹⁶ W. G r e w e. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960, S. 153.

Боннские пропагандисты нередко пытаются создать у зарубежной общественности впечатление, будто реваншистские требования руководителей ФРГ — всего лишь дань настроениям переселенцев из стран Восточной Европы и из ГДР и что дань эта отдается в уплату за голоса на выборах. Это — насквозь фальшивое объяснение. Анализ подлинных действий правящих кругов ФРГ показывает, что они не следуют за реваншистскими настроениями переселенцев, а напротив: старательно вызывают к жизни такие настроения. Больше того: руководители ФРГ, не щадя затрат, пытаются превратить переселенцев с Востока в социальную базу политики реванша.

Важная роль в этом принадлежит боннскому закону от 19 мая 1953 г. «О вопросах, касающихся изгнанников и беженцев». Этот совершенно беспрецедентный закон придает статусу переселенцев с Востока (так называемых «изгнанников») наследственный характер¹⁷. В результате число «изгнанников» не только не уменьшается в результате естественной убыли, а напротив — растет. В этом и состоит смысл закона. Реваншистское издание «Судето-немецкого архива» признает: «Указанные постановления (закона 1953 г. — М. В.) должны обеспечить, чтобы благодаря наследственному характеру статуса изгнанника право восточных немцев на родину не оказалось выхолощенным на полпути в результате того, что изгнанники вымрут»¹⁸.

В качестве костяка, скрепляющего многомиллионное сословие «изгнанников», в Западной Германии созданы «землячества». Характерно для подлинных планов боннских реваншистов, что многие землячества объединяют переселенцев из областей, лежащих за пределами пресловутой «границы 1937 года». В ФРГ имеется «карпато-немецкое землячество Словакии». В Любеке обосновался «союз жителей Данцига». Существуют «землячества» немцев из Югославии, Венгрии, Добруджи и Болгарии, «землячество» баварских швабов из Румынии. Имеются даже «немецко-балтийское землячество», «землячество литовских немцев», «землячество немцев из Бессарабии». Существует и «землячество немцев из СССР». Это «землячество» подобно остальным проводит свои съезды, вербует новых членов и открыто заявляет о намерении «возвратиться на Восток»¹⁹.

Такая особенность неслучайна. Дело в том, что «землячества» в своей пропаганде территориальной экспансии идут значительно дальше официальных притязаний Бонна. В этом и состоит в значительной мере смысл существования «землячеств». Правящие круги ФРГ по тактическим соображениям не могут себе позволить часто делать заявления об экспансии до Урала.

¹⁷ «Bundesgesetzblatt», T. I. 22.V 1953, N 22. S. 204.

¹⁸ «Dokumentensammlung zur Sudetenfrage», S. 17.

¹⁹ Архив внешней политики СССР, ф. 82, сп. 43, д. 39, п. 161, л. 2—4.

А лидеры «землячеств» день за днем внушают своим слушателям эту программу. Боннский статс-секретарь Тедик в июле 1960 г. в извивяющемся тоне признавал, что требование границ 1937 г.— это лишь «официальная политика» Бонна и что говорит-ся о границах 1937 г. лишь потому, что «приходится пользоваться определенными государственно- и международноправовыми аргументами, чтобы достичь своих целей»²⁰. Что же касается «землячеств», то они значительно откровеннее называют эти цели. Вот почему неверно рассматривать пропаганду «землячеств» как неофициальную и потому не выражющую линию Бонна: напротив, она выражает эту линию полнее, чем официальные заявления правительства ФРГ.

С подготовкой нового «Дранг нах Остен» тесно связана также западная и неоколониалистская политика Бонна. Западная политика ФРГ ориентируется на сколачивании военных блоков империалистических держав, на укрепление позиций ФРГ в НАТО с тем, чтобы объединенная сила этих блоков могла быть поставлена на службу агрессивным целям Бонна. Политика ФРГ в развивающихся странах не исчерпывается стремлением западногерманского капитала к экономической экспансии. Она в значительной мере определяется также курсом Бонна на ограничение влияния социалистических стран, в частности Советского Союза и ГДР, в государствах «третьего мира». Бонн стремится поставить эти государства в определенную экономическую зависимость от себя, чтобы вовлечь их в русло антикоммунистической политики, а тем самым сделать резервом нового «Дранг нах Остен».

На заключительном этапе канцлерства Аденауэра в верхушке правящей партии ХДС—ХСС сложились две группы: группа Аденауэра—Штрауса—Брентано, требовавшая неуклонного продолжения «политики силы» и считавшая слишком уступчивым даже курс американского империализма, и группа Эрхарда—Шрёдера, выдававшая себя за сторонницу политики известного смягчения напряженности. С группой Эрхарда—Шрёдера солидаризировалась верхушка Свободной демократической партии, осенью 1961 г. вернувшейся в правительство после более чем 5-летнего пребывания в оппозиции.

Разумеется, уже тогда, в разгар театральных столкновений между обеими группировками, внимательным наблюдателям было ясно, что споры идут только о тактике,— если вообще были споры, а не беспринципная борьба за власть, прикрываемая неким подобием политической программы. Последующее развитие событий целиком подтвердило такую оценку.

Трудно, даже, пожалуй, говорить о сколько-нибудь определенном различии в тактике между группой, ушедших от власти,

²⁰ «Der Westpreusse», 25.VII 1960. (Курсив мой.— М. В.).

и группой лидеров ХДС, оказавшейся у власти в Западной Германии. Обмен торговыми представительствами между ФРГ и социалистическими странами Восточной Европы, который боннская пропаганда пыталась записать в актив Эрхарда, был на самом деле начат еще при Аденауэре. Боннские торговые представительства, возглавляемые высокопоставленными дипломатами, были открыты в 1963—1964 гг. в Польше, Румынии, Венгрии и Болгарии. По этому вопросу велись также переговоры между ФРГ и Чехословакией. Однако правительство Эрхарда продолжало цепляться за доктрину Хальштейна и ставило ее выше подлинных национальных интересов Западной Германии в отношениях с социалистическими странами.

Эрхард в своем первом правительском заявлении 18 октября 1963 г. и в некоторых других заявлениях начального периода своего канцлерства старался придерживаться сравнительно умеренного тона в отношении социалистических государств и не называл их, подобно Аденауэру, «смертельным врагом» Западной Германии. Однако вряд ли стоит переоценивать это обстоятельство: ведь и сам Аденауэр на съезде ХДС в марте 1966 г. заговорил в более разумном тоне о Советском Союзе, признав, что СССР заинтересован в мире.

Подлинным критерием для оценки «восточной» политики Эрхарда является следующее: отошло ли его правительство от подготовки нового «Дранг нах Остен»? Факты показывают, что можно дать только отрицательный ответ.

Возьмем правительственные заявления Эрхарда в бундестаге, сделанные после формирования обоих его кабинетов: первого — 18 октября 1963 г. и второго — 10 ноября 1965 г.²¹ По основным пунктам «восточной» политики в заявлениях даны подчеркнуто идентичные формулировки: в частности, слово в слово повторена формула о границах 1937 г., о Западном Берлине, об отношениях ФРГ с НАТО. При этом следует отметить, что в заявлении 1965 г. Эрхард счел целесообразным отослать своих слушателей к формулировке «восточной» политики ФРГ, данной при Аденауэре в резолюции бундестага от 14 июня 1961 г. Бросаются в глаза также содержащиеся в заявлении 1965 г. многозначительные и подчас двусмысленные замечания Эрхарда вроде упоминания о том, что «для длительного мира в Европе необходимо справедливое (в боннском понимании.—М. В.) решение германского вопроса» или фразы, подчеркивающей, что боннское государство имеет «притязание на место в истории». В прессе разных стран комментировалось восклицание Эрхарда: «Послевоенный период закончился!» как намек на то, что для западногерманских милитаристов снова начался предвоенный период.

²¹ «Dokumentation der Zeit», 1963, N. 298, S. 21—24; «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», 11.XI 1965.

Весной 1964 г. по ФРГ прокатилась новая волна реваншистских выступлений. На этот раз она была организована уже правительством не Аденауэра, а Эрхарда. В этом и состояло единственное отличие реваншистских манифестаций 1964 г. от предшествующих. Сам Эрхард демонстративно подчеркнул свое единство с главарями «землячеств». Выступая в марте 1964 г. на «конгрессе представительств восточногерманских земель», Эрхард заявил: «Мне доставляет удовольствие находиться сегодня среди вас. Манифестации подобного рода часто имеют репутацию встреч «реваншистов»... Это не мешает мне, именно потому, что это неправда, подчеркивать мою связь с изгнаниками тем, что я сегодня присутствую на вашем конгрессе»²². Так демонстративно не выступал в поддержку реваншистов даже Аденауэр.

Эрхард оставил в своем кабинете министра транспорта Зеебома, который на протяжении многих лет занимался не столько транспортными делами, сколько реваншистскими выступлениями в пользу отторжения от Чехословакии Судетской области. Зеебом не изменил своей линии и при Эрхарде. В мае 1964 г. он заявил, что позорное Мюнхенское соглашение 1938 г. «безуокуризменно с международноправовой точки зрения» и что «нет никаких оснований заявлять, будто Мюнхенское соглашение... не имеет силы». Зеебом твердил, что «колониальная империя большевизма в Центральной и Восточной Европе падет в прах»²³. Наглое выступление Зеебома вызвало резкие протесты миролюбивой общественности в ряде стран. Однако правительство Эрхарда полностью поддержало своего министра, а при формировании второго кабинета Эрхарда осенью 1965 г. Зеебом снова был демонстративно включен в его состав.

Прямая преемственность «восточной» политики между кабинетами Аденауэра и Эрхарда наглядно видна в связи с так называемой инициативой в германском вопросе, которую Бонн выпрашивал у западных держав. Еще в августе 1963 г. правительство Аденауэра направило западным державам меморандум с просьбой выступить с такой «инициативой». Весь смысл этой затеи состоял в том, чтобы обострить отношения между западными державами и Советским Союзом. Правительство Эрхарда продолжало осуществлять аденауэрский маневр. На сессии совета НАТО в Гааге в мае 1964 г. ФРГ упорно настаивала на западной «инициативе». Затем Бонн постарался добиться заявления западных держав о поддержке его линии в германском вопросе к маю 1965 г.— 20-й годовщине окончания войны в Европе²⁴.

²² «Bulletin des Presse — und Informationsamtes des Bundesregierung», 24.III 1964.

²³ «Sudetendeutsche Zeitung», 22.V 1964.

²⁴ «Dokumentation der Zeit», 1965, N. 335, S. 34—39.

Таким образом, не проявились заметные различия между «восточной» политикой ФРГ при Аденауэре и при Эрхарде. Полностью остались в силе все основные требования Бонна на Востоке, продолжались те же дипломатические маневры, раздавались те же реваншистские призывы.

Ничто не изменилось в существе «восточной» политики Бонна и после того, как в декабре 1966 г. было создано правительство «большой коалиции» во главе с Кизингером. Правда, это правительство пыталось утверждать, что оно якобы проводит «новую восточную политику». Но на деле вся «новизна» кизингеровского курса на Востоке свелась лишь к некоторому смягчению тона боннской пропаганды и к нескольким тактическим маневрам. Ни то, ни другое не затрагивало основ политики ФРГ в отношении социалистических государств. Неизменными остались смехотворные притязания Бонна на «единоличное право представлять всю Германию», территориальные претензии к восточноевропейским странам, планы поглощения ГДР и приобщения западногерманских милитаристов к ядерному оружию.

Таким образом, несмотря на смену кабинетов в Бонне, за не-приглядным фасадом обветшавшей, но не сдаваемой на слом «восточной» политики ФРГ скрываются те же планы западногерманских монополий в отношении Восточной Европы. Эти планы в основе своей остались неизменными: в главных своих чертах они таковы же, какими были сначала при Гитлере, потом при Аденауэре,— планами империалистического «Дранг нах Остен».

Важным идеологическим оружием «восточной» политики Бонна является империалистический «остфоршунг».

Позволю себе не касаться вопроса об организации и системе западногерманского «остфоршунга», так как ему было посвящено мое выступление на Сессии комиссии историков СССР и ГДР в Москве 1964 г. Ограничимся вопросом: произошли ли какие-либо изменения в боннском «остфоршунге» за последние два года?

Сожалением приходится констатировать, что существенных изменений не произошло. По-прежнему многочисленные институты «остфоршунга», разбросанные по ФРГ, публикуют пропагандистскую псевдонаучную продукцию, направленную на развертывание идеологической войны против социалистических стран. Варьируется тематика сочинений «остфоршунга» в зависимости от того, какие явления в мировой системе социализма внушают империалистическим правителям ФРГ особые опасения, однако само содержание и направленность этих сочинений остается неизменным.

По-прежнему учреждения «остфоршунга» поставляют правительенным ведомствам Бонна справки и закрытые материалы о положении в социалистических странах, тесно сотрудничающим образом с разведывательными органами ФРГ.

Говоря о западногерманском «остфоршунге», мы имеем ввиду его главную часть, целиком поставленную на службу подготовке нового «Дранг нах Остен». Есть, конечно, и в Западной Германии среди людей, именуемых «остфоршерами», и честные исследователи, которые имеют не разведывательно-пропагандистский, а научный интерес к вопросам экономики, истории, культуры стран Восточной Европы²⁵. Такой научный интерес сам по себе вполне оправдан: история Германии всегда имела много точек соприкосновения с историей народов восточноевропейских стран, и понятно, что жизнь Восточной Европы привлекает внимание и честных западногерманских исследователей. Однако не случайно само слово «остфоршунг» даже в западных странах, в том числе в ФРГ, приобрело совершенно определенный смысл некоей антикоммунистической дисциплины. Дело в том, что реакционные силы безусловно доминируют в западногерманском «остфоршунге». Именно они составляют его систему, руководят ей, определяют лицо «остфоршунга». Разрозненные честные исследователи, отдельные их статьи, книги или выступления не изменяют этой общей картины.

В западногерманском «остфоршунге» продолжается то развитие, которое достаточно отчетливо проявилось уже в период правления Аденауэра: возрастание удельного веса «советологии». Речь идет о псевдонаучной дисциплине, которая с резко антикоммунистических позиций рассматривает вопросы истории, экономики и общественно-политической жизни в Советском Союзе, претендую на теоретические «обобщения», применимые якобы ко всем социалистическим странам.

Боннская «советология» — дисциплина весьма молодая. Необходимость ее создания провозгласил известный реакционный остфоршер Ганс Кох, сделавший в 1957 г. в Мюнхенском университете доклад на тему: «Задача создания науки о советском строении»²⁶. Один из руководящих «советологов» Боченский подчеркивал, что «научные интересы советологов направлены главным образом на изучение коммунизма»²⁷. Так что «советология» — это не попытка объективно рассматривать историю советского государства, а по самой своей идее антикоммунистическая псевдонаука. Ее задача — не только развертывание враждебной коммунизму пропаганды в ФРГ и других странах, но и изыскование возможностей экономическими, политическими и идеологическими средствами нанести максимальный ущерб как Совет-

²⁵ Интересно отметить, что в числе ученых, подписавших обращение от 15 апреля 1965 г. против «чрезвычайных законов» в ФРГ, есть несколько «остфоршеров». — «Das Hochschulwesen», 1965, N. 9, S. 567—585.

²⁶ H. Koch. Sowjetkunde als Aufgabe. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1957, N. F., Bd. 5, S. 43.

²⁷ J. BochenSKI. Sowjetologie. — «Das Parlament», Beilage «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1962, N 11, S. 108.

скому Союзу, так и международному коммунистическому движению в целом.

Профессор русской истории в Мичиганском университете Адамс в своей работе о «советологии» подчеркивает, что эта дисциплина призвана давать руководящим органам империалистических государств информацию о Советском Союзе — и не просто свежую («up to date»), а сегодняшнюю («up to the minute»). «Советология» должна, пишет Адамс, «информировать и давать советы министерствам иностранных дел, премьер-министрам и президентам»²⁸.

Этим и занимается созданный в ФРГ в 1961 г. «Федеральный институт по изучению марксизма-ленинизма (Институт советологии)». Правительство же ФРГ не только не пытается отмежеваться от деятельности этого пропагандистско-разведывательного органа, но напротив: демонстративно подчеркивает, что институт находится под покровительством боннского государства.

В настоящее время в ФРГ открыто созываются совещания остфоршеров совместно с представителями боннских министерств и депутатами бундестага: такое совещание было, например, проведено в Бонне 11 ноября 1964 г.²⁹ В рамках складывающегося в НАТО двустороннего американо-западногерманского агрессивного союза осуществляется тесный контакт между «советологами» ФРГ и США, где с 1961 г. при Колумбийском университете также существует «Исследовательский институт по вопросам коммунизма». Перед западногерманскими остфоршерами выступают такие высокопоставленные чины американской государственной иерархии, как профессор Ростоу — внешнеполитический советник президента США и начальник управления по планированию внешней политики в госдепартаменте³⁰. Были продолжены начатые в 1962 и 1963 гг. совместные сессии висбаденского «Общества по изучению вопросов партнерства Центральной и Восточной Европы» и чикагского «Фонда внешней политики» с участием крупнейших «советологов» из США и ФРГ.

Западногерманские остфоршеры принимают участие и в таком неприглядном деле, как идеологическая обработка молодых туристов, выезжающих из ФРГ в социалистические страны. Делается это в тесном сотрудничестве с правительственныеими органами боннского государства. Так, в феврале 1965 г. нижнесаксонское министерство по федеральным делам провело специальное совещание по этому вопросу совместно с остфоршерами³¹.

²⁸ A. Adams. The Hibrid Art of Sovietology.— «Survey», 1964, N 50, p. 156.

²⁹ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1965, N. F., Bd. 13, H. 2, S. 315.

³⁰ «Europa-Archiv», Jg. 20, 1965, N 10, S. 403.

³¹ «Europäische Begegnung», 1965, H. 3, S. 191—192.

Продолжает активно действовать и головная организация боннско-американского «остфоршунга» — «Институт по изучению СССР». Он устраивает ежегодные конференции с участием «советологов» из различных стран Запада, расширяет число своих публикаций, и без того довольно значительное. В 1964 г. институт стал издавать еще один журнал на английском языке³². Правительство ФРГ не только не требует свертывания деятельности этого разведывательного заведения, размещенного органами США в Мюнхене, но, наоборот, всячески ей благоприятствует. Между тем ясно, что она, так же, как и деятельность тесно связанной с институтом радиостанции «Свобода» на территории Западной Германии, является грубым нарушением международных норм, поскольку ФРГ поддерживает нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом.

Важным элементом западногерманского «остфоршунга» является «осткунде» — дисциплина, преподаваемая в школах ФРГ и преследующая цель с детства внушить западным немцам антикоммунистические представления о Советском Союзе и других социалистических странах. При Эрхарде «осткунде» расцветала столь же пышным цветом, как при Аденауэре. Издаваемая гамбургским миллионером Буцериусом газета «Ди Цейт» в апреле 1965 г. посвятила большую статью тем открыто реваншистским и неонацистским установкам в преподавании «осткунде», которые декретируются правительственные органами ФРГ³³. Газета проанализировала литературу, официально рекомендуемую преподавателям «осткунде». Оказалось, что в числе рекомендованных книг находится, например, работа историка с выразительной фамилией Позорный «Мы ищем свободу». Позорный в идиллических тонах рисует нацистское господство в оккупированной Чехословакии и пытается даже оправдать гитлеровское преступление в Лидице, потрясшее всех честных людей. Кто такой Позорный? Бывший руководитель отдела в аппарате нацистского гауляйтера Судетской области, а теперь — главный референт по вопросам культуры при федеральном правлении «Судето-немецкого землячества». А в качестве инстанции, рекомендующей его писания как материал для обучения западногерманских школьников, выступает боннское министерство по делам изгнанников, беженцев и пострадавших от войны. Именно на деньги этого министерства существует так называемое рабочее содружество «Дейче осткунде», издающее журналы для учителей и списки рекомендованной литературы. Все руководители содружества — бывшие активные генлейновцы. Вот кто определяет сегодня лицо западногерманского «осткунде».

³² «Bulletin USSR», 1964, N 3, p. 58.

³³ «Die Zeit», 9.IV 1965.

* * *

На ХХIII съезде КПСС в докладе Л. И. Брежнева было отмечено: «Западная Германия все больше становится очагом военной опасности, в котором кипят реваншистские страсти... Политику ФРГ все больше определяют те же монополистические круги, которые в свое время привели к власти Гитлера». Характеризуя установку правящих кругов Бонна, Л. И. Брежнев отметил, что их «заветное желание — перекроить карту Европы, взять реванш за поражение во второй мировой войне»³⁴.

Народы Европы и особенно Восточной Европы хорошо знают опасность агрессивной политики германских милитаристов. На тяжком историческом опыте они познали кровавый германский «Дранг нах Остен», носителями которого являются ныне монополии ФРГ, послушные им боннские политические и военные руководители и свита их идеологов.

Конечно, сейчас соотношение сил в Европе стало иным. Никаким реваншистским силам не удастся изменить существующие границы европейских государств. Как подчеркнул Л. И. Брежнев на ХХIII съезде партии, агрессорам противостоит теперь такая могучая, несокрушимая сила, «что если они пойдут на развязывание войны, то ничего другого не получат, кроме своей гибели»³⁵. Позиции социалистического содружества в Европе прочны и надежны.

Но необходимо принять все меры для того, чтобы обуздить агрессора и предотвратить новую мировую войну. Вот почему Советский Союз так решительно выступает за проведение переговоров по вопросам европейской безопасности, за военную разрядку и сокращение вооружений в Европе, за развитие мирных взаимовыгодных связей между всеми европейскими государствами. Необходимо найти путь к германскому мирному урегулированию, чтобы на основе признания существующих границ в Европе, в том числе границ обоих германских государств, полностью ликвидировать остатки второй мировой войны на нашем континенте. Германское мирное урегулирование знаменовало бы собою решение одной из кардинальных задач европейской безопасности и положило бы раз и навсегда конец тягостной истории германского «Дранг нах Остен».

³⁴ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС ХХIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, стр. 34.

³⁵ Там же, стр. 36.

З. Новак

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ИДЕОЛОГИЯ «ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

В своей статье я хотел бы осветить два вопроса, которые позволили бы ярко представить себе, с одной стороны, специфические экономические условия восточной экспансии Германии в доимпериалистический период и в период империализма и влияние этих условий на политические формы, в которых проявлялась немецкая экспансия. С точки зрения экономических условий, доимпериалистический период характеризовался прежде всего тем, что преобладающим компонентом образования национального дохода было сельское хозяйство. В 1880 г., например, в сельском хозяйстве Западной Европы работало еще 80% населения. Поскольку технический прогресс в сельскохозяйственном производстве был относительно медленным, большой разницы в производстве сельской продукции между различными государствами не существовало.

На территории Европы, в особенности Западной Европы обрабатывалась почти вся земля и постепенно начинали обрабатываться все менее плодородные земли. При медленном техническом прогрессе в сельском хозяйстве это означало необходимость затрачивать большое количество труда, чтобы получить добавочное количество продуктов. В Европе со второй половины XVIII в. возникло еще одно явление, а именно — быстрый прирост населения главным образом в результате сокращения смертности. Если в 1650—1750 гг. прирост населения в Европе составлял в среднем 0,3% в год, в следующем столетии он возрос уже до 0,7%, а в конце XIX в. составлял более 1% ежегодно. Это явление плюс относительная нехватка земли стали основой теории Рикардо о падении плодородия почвы, теории земельной ренты и формирования реальной оплаты труда рабочих. При таком статичном подходе предполагали, что невозможность даль-

нейшего увеличения количества продуктов должна когда-то создать препятствия для дальнейшего прироста населения.

Этому генеральному выводу, относящемуся к общим тенденциям развития, феодальные господствующие классы и правители различных европейских государств не придавали соответствующего значения. Для них существовал способ разрешения противоречий между ограниченным количеством земли и возрастающим числом населения путем территориальной экспансии. Для многих европейских государств типичным способом такой территориальной экспансии стал колониализм и нечеловеческая эксплуатация колониального населения. Это самым тесным образом было связано с борьбой государств за господствующее положение, что отождествлялось с количеством захваченных территорий и подчиненного населения. Наиболее типичной формой реализации экспансионистской концепции в европейских условиях был немецкий «Дранг нах Остен». Если для его характеристики на этом этапе развития взять формы, систему или модель экономики, то его следовало бы в общем охарактеризовать как систему, где спрос и предложение сконцентрированы на небольшой территории. Эта система характеризуется существованием местных экономических центров, возникших в результате или естественных условий (качество почвы, климат, вода, коммуникация), или естественноисторических (замки, угодья), которые в условиях небольшого определенного пространства представляют тип, где преобладает натуральное хозяйство, при небольшом значении внешнего обмена. Иными словами, возникла система без существенных пространственных экономических связей. В этих экономических условиях территориальная экспансия частично может быть объяснена экономическими факторами. В таком случае центр тяжести аргументации лежал главным образом в плоскости широкого понимания политики. Так, в глубоком средневековье господствовала идеология внедрения веры и обращения в веру язычников. Позднее на первый план выдвинулась доктрина имперского универсализма, по которой император распоряжался землей язычников, как *terra nullis*. В эпоху Прогрессивного просвещения, когда Германия вступила в фазу возрождения и когда в процессе объединения возникли новые силы экспансии, сформировался ряд идеологических положений исторического характера, которые, появившись уже на рубеже эры феодализма и капитализма, вошли затем в арсенал империалистической политики Германии. Здесь можно отметить и «теорию укоренения», и теорию «непрерывности» немецкого поселенчества, и теорию «*Ostbewegung*» — «движения на Восток».

Развитие естествознания и биологии внесло новые моменты в аргументацию, служившую обоснованию территориальной экспансии. Речь идет о теории превосходства германской расы, или теории «жизненного пространства» — «*Lebensraum*», соглас-

но которой борьба за пространство есть основная форма борьбы за существование, что в общественных условиях должно означать обязательность постоянного расширения государственных границ.

Развитие капитализма существенным образом изменило условия немецкой экспансии на Восток. Капитализм опирался на высокое развитие производительных сил и широкое разделение труда. Возник тип экономики, основанный на сильных пространственных экономических связях. Причем как в сфере общественных отношений, где концентрация и централизация капитала приводила к все большему различию в доходах между господствующими классами и миром труда, так и в сфере пространственных отношений законы капиталистического рыночного механизма действовали по направлению усиления самобытных центров промышленного развития, обусловленных существованием широкого территориального тыла как источника рабочей силы, сырья и продовольствия и в первую очередь как рынка сбыта. Эта система, действующая по принципу насоса, привела в период капитализма к разделу мира на страны хозяйственно развитые и хозяйственно отсталые и к постоянному увеличению различий в уровне развития и доходов между ними.

Крупные промышленные центры, производящие средства производства, концентрировались в первое время около месторождений угля и руды, становившихся основой развития ключевых отраслей промышленности. Хотя с течением времени зависимость локализации промышленности от этих естественных богатств стала ослабевать (появление новых источников энергии, нового сырья, развитие путей сообщения), это, однако, не ослабило тенденции к концентрации. Раз произведенные капиталовложения стали вызывать к жизни каждый раз различные экономические факторы, приводили к созданию крупных скоплений рабочей силы, к возникновению там центров политической, социальной, культурной и т. п. деятельности. Создавалась твердая конструкция, живущая по собственным законам, конструкция, которую в условиях рыночной капиталистической системы трудно уже было поколебать. Если бы эти новые экономические условия попробовать снова втиснуть в упрощенные формы хозяйственного уклада, то можно бы охарактеризовать его рыночные отношения с двух точек зрения: с точки зрения территорий или стран, которые становятся территориальным тылом для центров, производящих средства производства, это,— уклад, в котором предложение распылено (продукция сельского хозяйства, связанная с недвижимой землей, и мелкая перерабатывающая промышленность), а спрос зато сконцентрирован в главных промышленных центрах. С точки зрения главных производственных центров, доставляющих на рынок промышленные товары, предложение сконцентрировано, спрос же, напротив, широко распылен. Не-

трудно заметить, в каком неравном торговом положении находятся оба компонента такого уклада. Территориально распыленные центры производства сельскохозяйственных продуктов и обрабатывающей промышленности находятся в полной зависимости от сконцентрированного центра, производящего средства производства как в отношении сбыта своей продукции, так и приобретения изделий промышленности. Зато центр, имея в своем подчинении большое число раздробленных и конкурирующих друг с другом покупателей и производителей, может себе позволить диктовать им условия, отвечающие его интересам. Примером такого положения дел во внутригосударственной системе могут служить бывшие восточные провинции Веймарской республики и их положение в общегерманской экономике. Когда же такой уклад наблюдается в межгосударственных отношениях, ясно, какое влияние на политические взаимоотношения государств, входящих в него, оказывает такая экономическая зависимость. Положение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в их отношениях с Германией до второй мировой войны — яркий пример такой ситуации.

Эти перемены, происшедшие в эпоху капитализма в области пространственных экономических связей, сказалась также и на идеологии. Оправдание территориальных захватов в новых условиях уступает место идеологии свободы и особенно экономического либерализма. Остальное доделывает сам рыночный механизм. Ничего удивительного, что идеология так называемого свободного мира стала доминирующей идеологией современного империализма. Необходимо здесь подчеркнуть, что Соединенные Штаты, будучи в настоящее время главным центром пропаганды этой «свободы» и «свободного» рынка, являются одновременно наиболее протекционистским капиталистическим государством. Идеология экономического либерализма, хотя и подверглась сильным потрясениям, связанным в основном с экономическими кризисами и ростом монополизации экономики, что сильно подорвало ее практическую ценность, однако она до сих пор остается, хотя зачастую и в модернизированной форме, основой и постулатом экономической идеологии капитализма. Особенно сильно развила она после второй мировой войны и проявилась в форме теории интегрирования Европы. Кроме традиционно империалистического содержания эта идея интеграции приобрела сильную антикоммунистическую направленность. Победа социалистической революции в России и образование после второй мировой войны ряда социалистических государств в Европе создали непреодолимый барьер для экономического и политического влияния капитализма на их территории, демонстрируя одновременно систему планового и равномерно динамичного экономического развития. Это нанесло особенно сильный удар по германскому империализму, который всегда считал данные терри-

тории естественным районом своей эксплуатации и выработал собственные методы экспансии, приспособленные к европейским условиям.

Динамическое развитие капитализма в Германии во второй половине XIX в. было более поздним по отношению к другим государствам Западной Европы. Оно протекало в условиях широкой политики протекционизма, защищающей от внешней конкуренции. Немецкие промышленные центры сгруппировались в Руре. ТERRITORIALНЫЙ тыл этой новой промышленной державы был создан процессом объединения германской империи. Страх перед гегемонией был в это время в Европе уже достаточно силен, чтобы эти процессы можно было осуществить на чисто либеральных основах. Развитие немецкой промышленности про текало в рамках высоко развитого протекционизма, а объединение Германии совершилось через таможенные союзы, которые привели к экономической и политической гегемонии Пруссии по отношению к малым немецким государствам. Таможенная уни я, так же, как и либеральная система, стремилась к ликви дации торговых затруднений, главным образом тарифных, чтобы представить свободу системе широких капиталистических связей. В противовес традиционному либерализму, она стреми лась преодолеть опасения отношений зависимости путем различных экономических концессий, проявлявшихся в большей степени в форме монопольных договоров, которые хотя и могут смягчить действие капиталистической рыночной системы, но не могут, однако, ее преодолеть. Таможенная уни я влекла за собой, как правило, через экономическую зависимость и зависимость политическую и политический союз. Пруссия с успехом использовала этот механизм создав Немецкий таможенный союз, приведший к образованию в 1871 г. немецкой империи.

Очевидно, когда экономические концессии и идеологическая пропаганда были слишком слабы, чтобы преодолеть сопротивление стран, являвшихся предметом этого проникновения, Германия использовала последний аргумент — военную агрессию. История немецкого империализма — это переплетение концепций широких европейских союзов под германской гегемонией и агрес сивных войн.

Возникновение первой мировой войны сопровождалось созданием таможенной уни в Европе, центром которой должны были стать Германия и Австро-Венгрия, известной под названием концепции «Mitteleuropa». Такими же были годы, предшество вавшие развязыванию второй мировой войны, насыщенные усилиями к совершению Anschluss'a, как основы для широкой экспансии в Восточной и Южной Европе. Этот союз был заключен лишь в 1931 г., распущен же он был, однако, под давлением других европейских стран, напуганных угрозой немецкой гегемонии.

Вторая мировая война принесла крупные изменения в расстановке сил между германским империализмом, ограниченным теперь территорией ФРГ, и Восточной и Юго-Восточной Европой. Экономика ФРГ, основанная на американской помощи, начала развиваться чрезвычайно динамично (обращает на себя внимание лживость доктрины *Lebensraum*, согласно которой развитие экономики обусловлено территориальной экспансиею). Однако в социалистических странах Европы, в том числе и в ГДР, произошли принципиальные экономические изменения, основанные на социалистической системе ведения хозяйства. Это обеспечило такие быстрые темпы экономического роста, что всякие надежды немецких империалистов на возвращение прежних экономических и политических позиций в этой части Европы равны нулю. Однако в это же самое время США инспирируют и поддерживают концепцию экономической, военной и политической интеграции Западной Европы как авангардное орудие их антикоммунистической политики, отводя почетное место в интегрированной Европе Западной Германии. ФРГ охотно поддерживает эту концепцию. Она рассчитывает также на возрождение империалистического могущества Германии при поддержке западных союзников, она надеется, что конфликт между объединенным Западом и социалистическим лагерем сделает возможным реализацию «европейского единства» в традиционном немецком понимании.

Вопросы восточной политики стали главными для ФРГ в политике интеграции Западной Европы. Идеология «Drang nach Osten», таким образом, в модифицированной (конечно, современными условиями) форме перенесена на широкий фон борьбы между капитализмом и социализмом. Идеология немецкого империализма теперь, уже третий раз в нашем веке, стала одним из главных бастионов, угрожающих миру во всем мире. Уроки, вытекающие из двух последних, связанных Германией войн, которые навлекли на немцев самые страшные в их истории проклятия, слишком быстро забыты немецкими империалистами.

Уроки эти показывают, что нельзя игнорировать объективные процессы развития, результат такого игнорирования, как правило, тяжел и слишком дорого оплачивается.

B. Markевич

ПРОБЛЕМА «ДРАНГ НАХ ОСТЕН» В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ФРГ

В. Д. Королюк в интереснейшей и глубокой статье¹ справедливо обратил внимание на то, что «Дранг нах Остен» следует рассматривать как исторический процесс, который приобретал различную интенсивность и проявлялся в различных формах в зависимости от того, какой общественный класс играл в данных исторических условиях роль гегемона в немецком государстве.

Классовая точка зрения на явление «натиска на восток» требует особенного внимания, так как в противном случае нужно было бы это явление выводить из имманентной, якобы неизменной особенности немецкого народа, из его так называемого национального характера, что было бы равнозначно принятию своеобразной версии расизма. С другой стороны, рассмотрение «Дранг нах Остен» с классовой точки зрения позволяет заметить, что мы имеем здесь дело с определенной закономерностью, существовавшей во все времена многовековой истории отношений между немцами и их восточными славянскими соседями, а не со спорадическими случайными явлениями.

В западногерманских общественных науках и публицистике постоянно делаются попытки оспорить как классовую подоплеку, так и истинный характер немецкого натиска на Восток. Нельзя в рамках короткой статьи подвергнуть исчерпывающему критическому анализу разнообразные историографические концепции, пущенные в ход деятелями общественных наук ФРГ и касающиеся проблем взаимоотношений немцев и славян. Поэтому остановимся только на некоторых, наиболее характерных авторах, в основном так называемых специалистах по истории политики и социологии. Это модные науки и поэтому они имеют сильное влияние на общественное мнение.

¹ См. настоящий сборник, стр. 3—22.

Представители политических и социологических наук в ФРГ утверждают в основном единодушно, что марксистская теория классов и классовой борьбы, которой мы придерживаемся, изучает действительность односторонне и слишком упрощенно^{1а}, является методологическим оружием, абсолютно непригодным к историческому анализу в целом и истории немецких завоеваний в особенности. Такие ведущие западногерманские теоретики, как Рене Кениг² и Ральф Дарендорф³, считают, что неправильно приписывать немецким господствующим классам роль главного инспиратора и носителя захватнических тенденций. По их мнению, нет никакой логико-исторической связи между политической Фридриха II, Бисмарка и Гитлера, не говоря уже о ранних традициях германо-прусской политики завоевания Востока⁴. Правда, они не отрицают, как это делают в ФРГ некоторые учёные, в том числе авторы учебников по истории, предназначенных для школ⁵, что такая политика проводилась правящими слоями Германии или Пруссии, однако понятие правящего слоя либо класса они не связывают с фактом обладания средствами производства. По мнению Дарендорфа, «собственность и власть составляют два четко различающихся фактора, определяющих социальную позицию. Действительно, существуют общества, в которых собственность означает господство и возможно, что капиталистическое общество было во времена Маркса одним из них, однако это не означает, что только собственность (на средства производства.— В. М.) обеспечивает власть, а также и наоборот, что отсутствие этой собственности означает отсутствие власти»⁶. О структуре власти и характере политики данного государства решает якобы так называемая правящая верхушка, осуществляемые ею методы управления, а также их более широкое или узкое влияние в обществе в зависимости от степени адекватности методов руководства к ожиданиям, которые связывают с ними народные массы⁷.

^{1а} См.: Th. Geiger. Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel. Köln und Hagen, 1949.

² R. Köpig. Soziologische Orientierungen. Vorträge und Aufsätze. Köln—Berlin, 1965.

³ R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. Zur soziologischen Analyse der Gegenwart. München, 1962.

⁴ На факт существования идейных связей между нацизмом и более ранними тенденциями немецкого империализма указывают не только марксистские теоретики, принимающие установки исторического материализма, но также некоторые представители буржуазной науки, среди них Э. Фромм («The Fear of Freedom». London, 1955) и Г. Бекер (German Youth. Bond of Free. London, 1946).

⁵ См.: W. Sobanski. Podręczniki szkolne w Niemieckiej Republice Federalnej. Warszawa — Poznań, 1961.

⁶ R. Dahrendorf. Указ. соч., стр. 264; он же. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

⁷ Критику современных теорий так называемых элит провел В. Веселовский («Studia z socjologii klas i warstw społecznych». Warszawa, 1962).

Встает вопрос, каков смысл такого рода теорий, которые, безусловно, каким-то образом пытаются объяснить исторические явления, в особенности обнажают психологические черты сложного механизма управления, но фактически отрицают существование явлений закономерного исторического процесса в развитии данного государства и народа.

Чтобы удовлетворительно ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть специфические условия и морально-политическую атмосферу, в которых формируются теоретические концепции в области социологии и политических отношений в ФРГ. Это государство считает себя, как известно, исключительным представителем немецкого народа, игнорируя существование ГДР как суверенного государства. В связи с этим притязанием на монополию в представительстве немецкой нации в ФРГ пытаются как в политических, так и в научных кругах определить отношение немецкого народа к его далекому и недавнему прошлому. Речь идет попросту о том, какие ценности — этические, политические и интеллектуальные, созданные немецким народом в течении многих веков, присвоить современному обывателю ФРГ, чтобы освободить его личность от известных отрицательных черт, повсюду приписываемых немцам, таких, как слепое повиновение, любовь к солдатчине, мегаломания и т. п. Сбрасываются со счетов, конечно, ценности идеально-моральные и патриотические, связанные с революционно-пролетарскими традициями, в то время как именно они легли в основу формирования общественной идеологии ГДР, о которой в Западной Германии говорят, как о советской зоне оккупации, где подлинная народная система воспитания якобы уничтожена и заменена универсальной, антинародной доктриной коммунизма. Отпадают также традиции «железа и крови», выраженные наиболее ярко в лице Фридриха II, «железного канцлера» и Гитлера, причем совершенно ясно, труднее всего — ибо мир еще помнит о нацистских зверствах — приходится примириться с фактом существования этого последнего. С эпохи Фридриха II и Бисмарка, т. е. людей, по образу и подобию которых формировалась и обрабатывалась психика немцев в течение целых поколений, пытаются спасти определенные ценности, приобретенные в процессе национального воспитания современных поколений, путем разрыва историко-генетической связи и изображения деятельности Фридриха II, Бисмарка и Гитлера как изолированных звеньев в цепи событий, составляющих историю немецкого народа и государства. Таким способом практика и идеология «Дранг нах Остен» тоже перестает быть термином, красной нитью, проходящим через всю историю Германии, а приобретает форму олицетворения одного или другого политического руководителя, либо той или иной правящей верхушки, или, наконец, более или менее удачливых политических, хозяйственных и военных акций.

То же самое происходит и с традициями «народа поэтов и философов»⁸. После изъятия революционных идей из концепций выдающихся немецких мыслителей, они часто представляются апостолами пангерманизма и шовинизма, от которых еще и сейчас не отказываются правящие круги ФРГ. Это особенно ясно видно на примере Фихте, а отчасти и Гегеля; а также и позднейших немецких ученых, таких, как Тонис, Дильте, Макс Бебер, у которых прогрессивные взгляды (последние использовал и марксизм) выступают на фоне консервативных или даже крайне реакционных концепций, использованных идеологией немецкого фашизма.

В конце концов в ФРГ создалась такая ситуация, что члены ее общества в лучшем случае не знают, какое отношение к прошлому своего народа должен иметь рядовой гражданин этого государства. Поскольку все же от истории уйти не удается, так как она охватывает также нынешний и завтрашний день народа — общество ФРГ, как сказал Вальтер Диркс, не имеет отношения к своему будущему⁹. Это теория типичного так называемого потребительского общества, руководимого неустанный погоней за материальными благами. Широкие слои немецкого народа на Западе словно самообманываютса, и этот обман развивается в них упомянутой концепцией, историософической и социологической, состоящей в том, что данный народ может начать жизнь снова, совершившись не рассчитавшись со своим хлопотливым прошлым, не относясь к нему ни позитивно, ни критически.

Эта идея очень опасна. Она порождает так называемую политическую индифферентность, т. е. отсутствие заинтересованности со стороны целых общественных слоев, особенно молодежи, общественными вопросами¹⁰. Некоторые польские публицисты и социологи, изучающие процессы общественного развития в ФРГ, в свое время склонны были непредусмотрительно положительно оценить так называемую аполитичность молодого поколения Западной Германии. В действительности там, где идеология не имеет ясного направления, фактически в народном сознании бытуют старые мифы, стереотипы и фетиши, которые в каждый момент могут переродиться и приобрести значение господствующей идеологии.

В. М. Турук очень убедительно пишет о роли шовинизма в подготовке основы для победы гитлеризма в Германии. Я хо-

⁸ См.: коллективная монография «Sind wir noch das Volk der Dichter und Denker? 14 Antworten». Reinbek bei Hamburg, 1964.

⁹ W. D i r k s. Blick in die Zukunft, w. Gibt es noch ein Proletariat? Frankfurt am Main, 1962.

¹⁰ H. S c h e l s k y. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Düsseldorf — Köln, 1957

тел бы присоединиться к его мнению и подчеркнуть, что в ФРГ, как вытекает из социологических исследований, в дальнейшем в сознании или подсознании общества, в том числе части политически равнодушной молодежи, рожденной или воспитанной после войны, удерживаются националистические и расовые предрассудки, характерные для традиционных защитников «Дранг нах Остен»¹¹.

Как известно, отношение к славянам, особенно к полякам, всегда было мерилом интенсивности шовинистических и экспансионистских чувств в Германии, где в планах классов, правивших этой страной, издавна созревало, а во времена Гитлера было близко к исполнению намерение поголовного уничтожения поляков и чехов как народов.

В 1963 г. в «Кельнском журнале социологии и социальной психологии» — видном западногерманском социологическом журнале, были опубликованы результаты широко проведенных анкетных обследований среди учащихся ФРГ на тему об их отношении к восточноевропейским народам. Опрос был проведен среди учеников начальных и средних школ в возрасте от 13—15 и 17—18 лет в количестве более 1300 человек. Результаты его можно считать за авторитетный показатель того, что сделано до сих пор в ФРГ, чтобы преодолеть глубоко отрицательные националистические стереотипы. К сожалению, итоги исследований свидетельствуют, что во всяком случае часть современной западногерманской молодежи унаследовала в абсолютно неизменном виде расово-националистические установки и идеи, которые старшие поколения носителей «Дранг нах Остен» питали в отношении славян, в особенности поляков, русских и чехов.

На вопрос, имеет ли Польша какое-нибудь значение в Европе 58% учеников ответило, что никакого, остальные 42% признали, что Польша имеет некоторое значение в современном мире, но исключительно отрицательное. Позитивные ответы о польском и русском народах появлялись так редко, что их невозможно было подвести под какую-либо категорию, т. е. принять за характерное для наименьшей хотя бы части опрошенных. Участники анкеты на первом месте в своих ответах на тему — характерные особенности поляков, описывали поляков как тех, кто третировал и преследовал немцев (*«Misshandlung und Verfolgung der Deutschen»*). Кроме того, полякам и русским указывали на недостатки, издавна приписываемые нашим народам немецкими шовинистами, такие, как упрямство, лень, воровство и т. п. Немногим лучше складывается мнение и о чехах и словаках, только венграм опрошенные молодые немцы приписывают некоторые положительные черты, чаще всего навеянные мыслями о событиях осени 1956 г.

¹¹ См.: W. Markiewicz. Spoleczeństwo i socjologia w Niemieckiej Republice Federalnej. Poznań, 1966.

Обывательское воспитание в духе некритического отношения к прошлому и пропитанное ненавистью к коммунизму, понимаемому прежде всего как продукт типично славянский, воспитывает в молодежи агрессивные идеи. Это подтверждают результаты исследований общественного мнения и мнения отдельных групп населения, из которых следует, что очень многие молодые граждане ФРГ живут в атмосфере предрассудков и отупляющего национализма.

О том, как успешно удалось привить части молодежи антикоммунистический комплекс и сделать ее невосприимчивой к опасности фашизма, свидетельствуют материалы обследований молодежи, проведенные западногерманским институтом исследования общественного мнения и опубликованные в сборнике «Zur ideologischen und politischen Orientierungen der westdeutschen Jugend und ihrer Führer». Оказывается, что только 20% обследованного молодого поколения уверено в том, что доктрина гитлеризма была чем-то вредным, 13% прямо ответило, что считает гитлеровские идеи положительными, остальная часть, составляющая 67%, уклонилась от ответа на вопрос, касающийся целей, которые ставил перед собой гитлеризм, утверждая, что не имеет мнения по этому вопросу. Еще более тревожные мысли возникают в связи с анализом ответов на вопрос, касающийся предполагаемого участия в правительстве ФРГ крупных промышленников, коммунистов, евреев и бывших руководителей гитлеровцев. Наибольшую тревогу вызвала перспектива участия коммунистов в правительстве, зато едва $\frac{1}{3}$ всех опрошенных выразили тревогу по поводу участия активных гитлеровцев в правительстве ФРГ¹².

Даже совсем не прославянски настроенные западногерманские социологи, такие, как, например, Рене Постиус¹³, с грустью признают, что упорное сохранение современными западными немцами в своем сознании националистических мифов, заслоняющих им правду о прошлом и современном и тем самым отдающих их в плен опасных политических иллюзий, становится потенциальной базой, на которую, как некогда Гитлер, могут опереться политические авантюристы и лишенные всякой щепетильности демагоги. Критически непреодоленное прошлое, которое представители переселенческих союзов и неофашистских организаций принимают без оговорок в старых традиционных схемах и о котором хотели бы полностью забыть учёные, выдающие себя за либералов и демократов, ведёт к тому, что ФРГ становится сейчас самой большой опасностью для мира на европейском континенте.

¹² См.: W. Markiewicz. Указ. соч.

¹³ R. Postius. Die Bewältigung der Vergangenheit, w. Politik ohne Vernunft oder die Folgen sind absehbar. Zehn streitbare Thesen. Reinbek bei Hamburg, 1965.

А. Ф. Носкова

ИСТОРИКИ ПНР О ГИТЛЕРОВСКОМ ОККУПАЦИОННОМ РЕЖИМЕ В ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ

Всем хорошо известно, что в наше время деятельно возрождаются и активизируются в ФРГ силы реакции и реванша, что свыше 100 откровенно фашистских организаций действуют на умы и сердца западногерманских немцев¹. Особая роль в обработке общественного сознания принадлежит реакционной западногерманской историографии, которая стремится обосновать реваншистские притязания германского империализма. Не последнее место занимают здесь те реакционные ученые, которые «разрабатывают» историю оккупационного режима. Выступая зачастую даже с критикой гитлеровских методов управления оккупированными странами, признавая вину нацизма за гибель миллионов людей, западногерманские ученые стараются оставить в тени, замаскировать главное, а именно то, что нацистская оккупационная политика во всех ее проявлениях была продолжением восточной политики германского империализма, политикой немецкого «Дранг нах Остен» фашистского образца. Разоблачение фашистского оккупационного режима на польских землях как практического проявления и очередной попытки реализации «немецкого освоения Востока», знакомство читателей с гитлеровской системой порабощения, уничтожения польского народа, его государственности и национального достояния занимает важное место в работах польских историков. Многие польские ученые в институте Истории ПАН, Западном институте, Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений, Еврейском историческом институте, Институте Истории партии при ЦК ПОРП и других научных центрах изучают историю Польши в годы войны. Задачей данного обзора является

¹ «Правда», 10 марта 1966 г.

ознакомление историков, не занимающихся непосредственно этой тематикой, с польской литературой о гитлеровском оккупационном режиме в генерал-губернаторстве, ограничиваясь при этом лишь упоминанием широкого круга опубликованных в ПНР источников. Это и материалы Нюрнбергского процесса и материалы процессов над нацистскими преступниками прошедших в Польше, подготовленные к печати польскими историками и юристами Т. Циприаном, Е. Савицким, К. Орловским, Р. Островичем, Я. Гумковским, Т. Кулаковским и др.² В серии «Польские вопросы на Нюрнбергском процессе» вышла, например, работа Ст. Пиотровского «Дневник Ганса Франка», содержащая обширную подборку выдержек из так называемого дневника губернатора — палача оккупированной Польши³.

Документальные материалы по самым различным проблемам оккупации имеются в периодически выходящих «Бюллетенях Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений», в книгах серий «Новейшая история Польши. Материалы и исследования периода второй мировой войны», «Documenta occupationis teutonis», в различных польских исторических и общественно-политических журналах⁴. Появились объемистые тематические сборники документов, составленные, обработанные и прокомментированные известными польскими историками К. М. Пospешальским, Т. Беренштейн, а также многочисленные публикации отдельных документов о нацистских планах уничтожения польского народа, его культуры, языка, о диком терроре и германизации, о гибели еврейского населения⁵.

² T. Cyprian. *Głos ma prokurator...* Warszawa, 1962; T. Cyprian, J. Sawicki. *Przed trybunałem świata, cz. I—II.* Warszawa, 1962; T. Cyprian, J. Sawicki. *Sprawy polskie w procesie Norymberskim.* Poznań, 1956; T. Cyprian, J. Sawicki. *Siedem wyroków Najwyższego trybunału Narodowego.* Poznań, 1962; T. Cyprian, J. Sawicki. *Nie oszczędzać Polski.* Warszawa, 1962; J. Sawicki. *Przed polskim prokuratorzem.* Wyd. II. Warszawa, 1958; J. Gumiński, T. Kułakowski. *Zbrodniarze hitlerowscy przed Najwyższym Trybunałem Narodowym.* Warszawa, 1961; T. Cyprian, J. Sawicki. *Nieznana Norymberga. Dwanaście procesów Norymberskich.* Warszawa, 1965; «Majdanek. Rozprawa przed specjalnym sądem karnym w Lublinie». Kraków, 1946; C. Orłowski, R. Ostrович. *Эрих Кох перед польским судом.* M., 1961 и др.

³ S. Piotrowski. *Dziennik Hansa Franka.* Warszawa, 1957.

⁴ «Buletyn Głównej Komisji Badania zbrodni hitlerowskich», t. I—XIV. Warszawa, 1946—1964; «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu II wojny światowej», t. I—IX. Warszawa, 1957—1965; «Documenta occupationis teutonis», t. 1—4, 6. Warszawa, 1945—1949; «Badania nad okupacją niemiecką w Polsce», t. I—VII, 1946—1961.

⁵ K. M. Pospieszalski. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce, cz. II. Generalna Czerwona. Wybór dokumentów i próba syntezы. Poznań, 1958; «Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów». Warszawa, 1965; T. Berenstein, A. Eisenbach, J. Rutkowski. Eksterminacja Żydów na ziemiach polskich w okresie okupacji hitlerowskiej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1957; «Generalplan Ost» — «Polish Western Affairs», 1962, N 2; «Przegląd Zachodni», 1960, N 1; «Dokumenty zbrod-

Необыкновенно ценные, подчас уникальные сведения содержатся в богатейшей польской мемуарной литературе, в многочисленных воспоминаниях рабочих, учителей, крестьян, деятелей науки и культуры, партизан, бойцов Сопротивления, членов Польской Рабочей Партии, Гвардии и Армии Людовой, Армии Крайовой и Батальонов Хлопских⁶. Особое место среди источников мемуарного характера, безусловно, занимает «Хроника периода войны и оккупации» Л. Ландау, которая представляет собой не только подлинный дневник мук и лишений, мыслей и надежд польского народа, но и, наверное, первое исследование системы оккупационного режима⁷. Не менее богата и литература вопроса, которая постоянно пополняется новыми и новыми работами. Исследования польских ученых выгодно отличаются широким привлечением фактического и статистического материала, подкреплены обширными архивными документами как нацистского, так и польского происхождения, воспоминаниями, свидетельствами, документами послевоенных процессов. Историческая достоверность излагаемых в них событий не подлежит сомнению. Изучение этого страшного периода польской истории ведется в ПНР широко. Исследуются по мере возможности все основные стороны и направления оккупационной политики нацистов. Некоторые, например, вопросы о политическом терроре, уничтожении польской нации, вопросы эксплуатации, а затем

ni i męczeństwa». Kraków, 1945; K. M. Pospieszalski. Hitlerowska polemika z «Generalplan Ost» Reichsführera SS.—«Przegląd Zachodni», 1958, N 2; «Niemiecki nadleśniczy o zagładzie Żydów w Chełmie nad Nerem».—«Przegląd Zachodni», 1962, N 3; K. M. Pospieszalski. Protest d-ra W. Hagena przeciw zamierzonemu wymordowaniu części ludności Zamojszczyzny w latach 1942—1943.—«Przegląd Zachodni», 1958, N 1; «Straty kulturalne Warszawy», Red. Tomkiewicz. Warszawa, 1948; «Straty wojenne Polski w latach 1939—1945». Poznań—Warszawa, 1962; J. Bartosz. Plan lokalizacji wschodniej granicy Rzeszy z września 1941.—«Sprawy międzynarodowe», 1962, N 6; C. Kijakowa. Adolpf Eichmann w Polsce. Dokumenty i materiały PAP: Warszawa, 1961, № 5 i dr.

⁶ «Czwartacy. Wspomnienia byłych żołnierzy szтурmowego batalionu AL im Czwartaków (1943—1944)». Warszawa, 1963; A. Fiderkiewicz. Brzeziński. Wspomnienia. Warszawa, 1956; J. Kaczar. Wspomnienia ludowego starosty. Warszawa, 1961; A. Iwanik. Wspomnienia skarbowca. 1927—1945. Warszawa, 1964; A. Kajzer. Za drutami śmierci. Lódź, 1962; Z. Klukowski. Dziennik z lat okupacji Zamojszczyzny. Lublin, 1959; «O ludziach i sprawie. Wspomnienia działaczy PPR z Krakowskiego (Lata okupacji hitlerowskiej)». Kraków, 1964; «Pamiętniki nauczycieli». Warszawa, 1962; «Pamiętniki robotników z czasów wojny». Wyd. II. Warszawa, 1948; T. Rek. Echa oświęcimskie. Warszawa, 1949; D. Sierokowiak. Dziennik. Warszawa, 1960; F. Stryj. W cieniu krematorium. Katowice, 1961; «Wspomnienia warszawskich peperowców. 1939—1944». Warszawa, 1963; K. Wyka. Życie na niby. Szkice z lat 1939—1945. Warszawa, 1959; «Pamiętniki nauczycieli z obozów i więzień hitlerowskich. 1939—1945». Warszawa, 1962; J. Chustecki. Byłem softysem w latach okupacji. Warszawa, 1960.

⁷ L. Landau. Kronika lat wojny i okupacji, t. I—III. Warszawa, 1962—1963.

и физического истребления евреев в Польше изучены довольно обстоятельно, ряд других требует еще детального исследования. Однако литература вопроса в целом позволяет воссоздать картину порабощенной Польши.

В ПНР за последние годы опубликован ряд обобщающих работ, авторы которых стремятся охватить всю проблему оккупационного режима, показать основные направления «деятельности» нацистов и, безусловно, результаты ее. Сюда относятся труды: Т. Равского, З. Стомпора, Я. Замойского «Освободительная борьба польского народа в 1939—1945 гг.»; М. Малиновского, Е. Павловича, В. Потераньского, А. Пшигоńskiego, М. Виллюш «Польское рабочее движение в годы войны и оккупации»; Т. Кулаковского «Если бы победил Гитлер...»; Я. Гумковского, К. Лещинского «Гитлеровская оккупация в Польше»; К. Поспешальского «Гитлеровское оккупационное «право» в Польше (генерал-губернаторство)»; Э. Серванского «Гитлеровская оккупация в Польше»; Л. Кляфковского «Немецкая оккупация в Польше в свете права народов»⁸, а также многочисленные исследования, помещенные в томах серии «Новейшая история Польши. Материалы и исследования периода второй мировой войны», в материалах научных сессий⁹. В работах польских ученых порядок, установленный гитлеровцами, классифицируется как «режим империалистического колониализма и расизма в наиболее уродливой фашистской форме»¹⁰, показываются основные проявления гитлеровской политики — экономическое разграбление, денационализация, германизация, преследование костела, физическое истребление населения губернаторства. Несомнен один из основных выводов польских ученых о том, что в 1939—1945 гг. гитлеровцы преследовали цель уничтожить польскую государственность, польскую нацию, превратить эти территории в экономический призрак гитлеровского рейха, а «туземное», по нацистской терминологии, население — в рабов третьей империи.

⁸ T. Rawski, Z. Stąpor, J. Zamojski. Wojna wyzwoleniowa narodu polskiego w latach 1939—1945. Problemy węzlowe. Warszawa, 1963; M. Malinowski, J. Pawłowicz, W. Poteranski, A. Przygoński, M. Wilusz. Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej. Warszawa, 1964; J. Gumiński, K. Leszczyński. Okupacja hitlerowska w Polsce. Warszawa, 1963; T. Kułakowski. Gdyby Hitler zwyciężył... Wyd. II, Warszawa, 1960; A. Klaifikowski. Okupacja niemiecka w Polsce w świetle prawa narodów. Poznań, 1946; E. Serwalski. Okupacja hitlerowska w Polsce. Materiały odczytowe. Warszawa — Poznań, 1962; K. M. Pospieszalski. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce, cz. II. Generalna Gubernia. Poznań, 1958.

⁹ «Sesja naukowa poświęcona wojnie wyzwoleniowej narodu polskiego 1939—1945. Materiały». Warszawa, 1961; «Materiały sesji poświęconej XX rocznicy powstania PPR». Warszawa, 1963. «Ku prawdziwej historii. Materiały dyskusji». — «Kultura», N 37, 38. Wrzesień, 1965.

¹⁰ T. Rawski, Z. Stąpor, J. Zamojski. Указ. соч., стр. 133.

Объективные и многоплановые исследования польских историков помогают разобраться в концепции современной западно-германской историографии вопроса.

В ФРГ историей Польши занимались в последнее время или занимаются сейчас как старые остфоршеры — Аубин, Серафим, Лауберт, Лудат, Маркерт, так и новое поколение историков.

Последние, как правило, идут в фарватере, проложенном реакционным «остфоршунгом». Конечно, сейчас почти невозможно открыто защищать нацизм, но находятся и такие представители западногерманской науки (как, например, Штрэнг), которые защищают оккупационный режим, установленный нацистами в Польше¹¹.

Подавляющее большинство авторов ФРГ, пишущих о Польше в годы войны, отыскивают некие якобы положительные начала, существовавшие в нацистской системе. Кроме того, западногерманские историки осуждают, сейчас не осуждать нельзя, методы ведения гитлеровской оккупационной политики, но не цель ее. Тщетны попытки найти здесь объективную, исчерпывающую оценку восточной политики германского империализма.

Польская историография убедительно опровергает как прямые, так и замаскированные попытки западногерманских историков оправдать гитлеровский оккупационный режим. К сожалению, до сих пор в ПНР не появилось еще специального синтетического глубокого исследования проблемы. Правда, существует уже большое количество монографий и статей, посвященных изучению отдельных проблем. Естественно, что внимание польских ученых концентрируется на главном — на фашистских планах политического и экономического «преобразования» польских территорий и на «практической деятельности» нацистов.

Только после войны мы узнали о документальных разработках чудовищных планов физического истребления славянских народов, о первых «опытах» массового выселения славян.

Немалая заслуга в вынесении на суд мировой общественности и в научном исследовании этих планов принадлежит историкам ПНР. Работа Ч. Мадайчика «„Генерал-губернаторство“ в гитлеровских планах», его статьи, публикации документов «Генеральный план „Ост“», изучение текста и истории возникновения этого плана, материалы дискуссии «К вопросу о правдивом освещении истории», работы М. Турлейской, А. Гумковского, К. Лещинского, Ст. Пиотровского, В. Сулеевского, Я. Бартосха, С. Журовского, Г. Дзендуля и других¹² показывают, на-

¹¹ H. Steng. «Landwirtschaft im Generalgouvernement». Tübingen, 1955, S. 92.

¹² I. Herzog. Czy Hitler chciał utworzyć buforowe państewko polskie? — «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1962, N 4; J. Bartosz. Plan lokalizacji wschodniej granicy Rzeszy z wreszcie 1941. — «Sprawy międzynarodowe», 1962, N 6; H. Dzendzel. Stosunek Wincentego Witosa do Niemców w latach 1939—

сколько скрупулезно и методично разрабатывались нацистами человеконенавистнические планы уничтожения славянских народов, как по мере расширения гитлеровской агрессии расширялась и сфера их применения.

Западногерманская историография теперь уже не может отрицать факт существования нацистских колонизационных планов, но делаются попытки ослабить то впечатление, которое оказывают документы «Генеральный план „Ост“» на мировую общественность, затушевать политический смысл нацистских планов «выселения» славян.

Историки ФРГ обходят молчанием вопрос о месте Польши в колонизаторских планах Гитлера¹³. Брошат, например, далек от признания гитлеровской политики в Польше в качестве составной части всей восточной политики нацизма.

Многие западногерманские авторы утверждают, что перед началом войны и в первые военные месяцы у Гитлера не было политической концепции относительно будущего оккупированных земель.

Книга Ч. Мадайчика «Генеральная губерния в гитлеровских планах» полностью опровергает подобного рода утверждения. Более того, работы польских историков свидетельствуют, что польская политика гитлеровской Германии с самого начала была направлена на реализацию германского натиска на Восток, что несколько позднее на польских землях были сделаны попытки претворить в жизнь колонизационные планы германского империализма.

Много уже написано и еще будет написано о том, какую дикую экстерминацию населения проводили в 1939—1944 гг. нацисты. Выпускаемые Главной комиссией по расследованию гитлеровских преступлений бюллетени постоянно публикуют статистические сведения о погибших в годы оккупации на всей территории страны. Документы о гибели польского населения,

1945 — «Roczniki dziejów ruchu ludowego», 1963, № 5; Cz. M a d a j c z y k. Cele wojenne Rzeszy po podboju Polski. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1964, N. 4; Cz. M a d a j c z y k. Gubernia Generalna w planach hitlerowskich. Warszawa, 1961; «Ruchy migracyjne między Odrą i Bugiem w dobie II wojny», Poznań, 1960; M. Turlejska. Przyczynek do planów niemieckich wobec Polski. Dwa dokumenty Auswärtiges Amtu. — «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1965, N 3; S. Ż u r o w s k i. Młodzież niemiecka wobec planu zasiedlenia ziemi polskich. Poznań, 1962; «Генеральный план „Ост“ в действии». Познань, 1961; Я. Г у м к о в с к и й, К. Л е щ и н с к и й. Гитлеровские планы установления «нового порядка» в Восточной Европе. Генеральный восточный план. Познань, 1958, № 35 и др.

¹³ R. Herzog. Grundzüge der deutschen Besatzungswirtschaft in den Ost- und Süd-Ost-europäische Ländern während des Zweiten Weltkriegs. Tübingen, 1955; H. K r a n n h a l s. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt am Main, 1962; H. R o o s. Geschichte der polnischen Nation. 1916—1960. Stuttgart, 1961; «Osteuropa-Handbuch. Polen». Köln, 1959; M. Broszat. Nationalsozialistische Polenpolitik. 1939—1945. Stuttgart, 1961.

о зверских методах его уничтожения, о диких расправах в городах и селах помещены в сборнике «Экстерминация польского народа в 1939—1945 гг.», подготовленном Я. Гумковским, Ш. Датнером, К. Лещинским. Недавно вышла из печати книга Ч. Мадайчика и С. Левандовской «Гитлеровский террор в польской деревне 1939—1945 гг.», сообщающая и обобщающая сведения о наиболее массовых репрессиях гитлеровцев в деревне. Истории выселения и уничтожения местного населения в районе Замостья посвящены книги: З. Клюковского, «Немецкие преступления в Замостье»; В. Сулецкого «Лес в огне. Замостье, 1939—1944»; С. Згживы «Гмина Старое Замостье»; публикации «Немцы и Замостье 1939—1944» и многие другие. Проблема террора, бесчинств и массовых репрессий, как правило, является центральной и в работах локального характера. Например, «Краков под вражеским господством» Я. Домбровского, «Люблин в период оккупации» Р. Мошиньского и Л. Полихи, «Гитлеровцы в Ченстохове» Я. Петшиковского¹⁴.

Известно, насколько жестоко и методично уничтожалась нацистами польская интеллигенция. Описанию судьбы польских ученых, общественных и политических деятелей, врачей, учителей, юристов, погибших от рук нацистских палачей на Пальмирах¹⁵, замученных в тюрьмах и концлагерях, посвящена большая историческая литература, в том числе книги Я. Заборовского, С. Познаньского, Я. Гвядзоморского, С. Урбанчика¹⁶.

Картина существования обреченных на гибель узников концлагерей, множество которых находилось на территории губернаторства, воссоздается в многочисленных воспоминаниях и в ряде специальных исследований¹⁷.

¹⁴ «Eksterminacja ludności w Polsce. 1939—1945». Poznań, 1962; «Hitlerowski terror na wsi polskiej. 1939—1945». Warszawa, 1965; W. Bartoszewski. Palmiry. 1940—1941. Warszawa, 1959; Z. Czyńska. Ekzekucje masowe w Polsce w latach 1939—1945. — «Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich», t. III. Warszawa, 1947; Z. Kłukowski. Zbrodnie niemieckie w Zamojszczyźnie. Warszawa, 1947; S. Zgrzywa. Gmina Stary Zamość 1939—1944. Lublin, 1964; «Niemcy a Zamojszczyzna. 1939—1944». Zamość, 1946; W. Sulewski. Lasy w ogniu. Zamojszczyzna 1939—1944. Warszawa, 1962; B. Smazyski. Powiat Busko—Zdrój. Przed 1.IX 1939 i w okresie okupacji niemieckiej w latach 1939—1945. Kraków, 1960; R. Moszyński, L. Policha. Lublin w okresie okupacji (1939—1944). Lublin, 1964; «Kraków pod rządami wroga. 1939—1945». Kraków, 1946.

¹⁵ Пальмиры — небольшое местечко под Варшавой, превращенное гитлеровцами в место массового уничтожения польских патриотов.

¹⁶ J. Gwiazdomorski. Wspomnienia z Sachsenhausen. Dzieje uwieńczenia profesorów Uniwersytetu Jagiellońskiego 6.XI 1939—9.XI 1940. Kraków, 1964; St. Urbanczyk. Uniwersytet za kolczastym drutem (Sachsenhausen—Dachau). Kraków, 1964; J. Zaborowski, St. Poznański. Sonderaktion Krakau. Warszawa, 1964.

¹⁷ «Kominy Oświęcima 1940—1945». Warszawa, 1962; Я. Зен. Концлагерь Освенцим — Бжезинка. Варшава, 1957, 1961; К. Смолень. Освенцим 1940—1945. Варшава, 1960 и др.

Большое число монографических исследований А. Эйзенбаха, А. Рутковского, Т. Беренштейн, Б. Марка, и других авторов рисует трагическую судьбу еврейского населения губернаторства¹⁸.

Воссоздавая картину истребления населения губернаторства, польские историки свидетельствуют о том, что в массовом уничтожении людей виновны все компоненты гитлеровской диктатуры: армия, полиция, СС, нацистская партия и так называемая местная администрация. Это тем более важно, что в последние годы отчетливо проявилась в западногерманской литературе тенденция сузить круг лиц и учреждений, ответственных за массовое уничтожение польского и еврейского населения губернаторства. Историки ФРГ обвиняют в этих преступлениях Гитлера, Гиммлера, СС и полицию, искусственно выделяя из всей системы гитлеровской диктатуры вермахт и местную администрацию.

Если речь идет о генерал-губернаторстве, то здесь все без исключения западногерманские историки, пишущие о Польше, переоценивают мнимоглубокие противоречия между административными и полицейскими властями в генерал-губернаторстве. Со страниц исследований Рооса, Кранхальса, Брошата глава местной администрации Франк встает как олицетворение мягкой политики нацизма, как защитник поляков, хранитель порядка и спокойствия в губернаторстве, как фигура скорее трагическая, бессильная перед Гитлером и Гиммлером.

Нужно сказать, что в Польше появился уже ряд работ, где раскрывается истинная позиция Франка и дается объективная оценка противоречий между Франком и полицейскими властями¹⁹. В книгах многих авторов поставлены вопросы о сущности этих противоречий, прослежен ход событий и взаимоотношений Франка и Гиммлера, доказано, что подоплекой постоянных столкновений Франка и Гиммлера была борьба за власть, за удельный вес в правящей верхушке рейха. Нельзя не согласиться с выводом польских историков о том, что нет никаких оснований говорить о принципиальных разногласиях относительно оккупационной политики в Польше среди высших чиновников третьей империи. Убедительно и аргументированно доказано,

¹⁸ T. Berenstein, A. Eisenbach, J. Rutkowski. Eksterminacja Żydów na ziemiach polskich w okresie okupacji hitlerowskiej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1957; A. Eisenbach. Niemiecka polityka zagłady Żydów. Warszawa, 1961; B. Mark. Walka a zagłada warszawskiego getta. Warszawa, 1959; Я. Гумковский. Преступление гитлеризма. Истребление евреев в Польше. Еженедельное обозрение ПАП. Варшава, 1960, № 32.

¹⁹ См. указанные выше работы Ч. Мадайчика, С. Пиотровского, К. Поспешальского, Я. Гумковского, К. Лещинского, а также статьи: T. Berenstein. O podłożu gospodarczym sporów między władzami administracyjnymi i policyjnymi w GG (1939–1944). — «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1965, N 53; K. Pospieszalski. Odpowiedzialność naczelnych zwierzchników administracji terenowej za zbrodnie wojenne w okupowanej Polsce. — «Przegląd Zachodni», 1962, N 3.

что Франк был фанатичным нацистом и последовательно осуществлял основную программу фашизма — программу истребления. Уже не раз поднимался в польской исторической литературе вопрос о «деятельности» вермахта на территории Польши. Об этом писали Ш. Датнер, К. Поспешальский, К. Радзивончик²⁰. Опубликованы документы о зверствах и разбое,чинимых солдатами гитлеровской армии. Таким образом, при ознакомлении с книгами польских историков читатель убеждается, что гибель миллионам людей нес нацизм как целостная система германского империализма.

Одна из основных задач гитлеровских властей в оккупированной Польше состояла в том, чтобы любыми методами добиться уничтожения польской культуры, школы, языка, чтобы подготовить и ускорить германизацию этих территорий. Разоблачению гитлеровской политики денационализации страны посвящена обширная историческая литература. Многочисленный фактический материал, собранный и обработанный Т. Куляковским, З. Ландау, А. Леваком, Р. Грабарем, А. Кубяком, Я. Кацперской, К. Сосновским, Н. Шуманом, Я. Внуком, Г. Радомской-Стшемецкой²¹, свидетельствует еще раз о том, что в 1939—1944 гг. на карту было поставлено существование польской нации.

Оживился интерес историков и к вопросам экономического ограбления и эксплуатации оккупированной Польши нацистами. В противоположность западногерманским специалистам, которые или откровенно восхваляют и защищают экономическую политику нацистов в Польше (Г. Штренг), или, признавая эксплуатацию, серьезно умаляют степень ее (Г. Роос), или же

²⁰ Sz. Datner. *Zbrodnie Wehrmachtu na jenach wojennych armij regularnych w II wojnie światowej*. Warszawa, 1961; Sz. Datner. *Zbrodnie Wehrmachtu w Polsce w czasie kampanii wrześniowej*. — «Eksterminacja ludności w Polsce. 1939—1945». Poznań — Warszawa, 1962; L. Herzog. Niemieckie siły zbrojne w okupowanym Polsce w latach 1939—1941. — «Wojskowy przegląd historyczny», 1961, № 4, 1962, № 1; K. Radziwonczyk. Niemieckie siły zbrojne w okupowanej Polsce. 22.VI 1941 — wiosna 1944. — «Wojskowy przegląd Historyczny» 1962, № 4; K. Radziwonczyk. Zagrożenie bezpieczeństwa w GG i udział Wehrmachtu w walce z polskim ruchem partyzanckim. Wiosna — Lato, 1944. — «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1964, № 4.

²¹ R. Hrabar. Hitlerowski rabunek dzieci polskich. Uprawdzanie i germanizowanie dzieci polskich w latach 1939—1945. Katowice, 1960; R. Hrabar. Jakim prawem? Katowice, 1962; J. Kacperska. Germanizacja dzieci polskich w okresie okupacji. Warszawa, 1948; T. Kułakowski. Hitlerowska polityka eksterminacji kulturalnej. Warszawa, 1955; A. Kubiak. Dzieciobójstwo. — «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1952, № 2; 1956, № 17, 18; Z. Landau. Polityka ludnościowa Niemiec hitlerowskich na ziemiach polskich w latach II wojny światowej. — «Wiadomości historyczne», 1964, № 4; A. Lewak. Polskie biblioteki naukowe zniszczone w 1939—1944. — «Kwartalnik historyczny», 1946, № 3-4; K. Sosnowski. Dziecko w systemie hitlerowskim. Warszawa, 1962; J. Wnuk, H. Radomska-Strzemecka. Dzieci polskie oskarżają. Warszawa, 1961.

просто обходят экономические проблемы (М. Брошат), польские ученые проводят объективное исследование вопроса. В первые послевоенные годы вышли две работы, посвященные специально проблемам экономики. Речь идет о книгах Т. Клосиньского «Политика оккупантов в промышленности генерал-губернаторства» и В. Ястшембовского «Немецкое хозяйство в Польше 1939—1944»²², где нарисованы нацистские планы экономического «переустройства» и эксплуатации послевоенной Европы, роль и место в ней губернаторства, этого поставщика сельскохозяйственной продукции и сырья, раскрыта нацистская система управления страной, определены основные этапы экономической политики, методы и результаты эксплуатации польского хозяйства. В новых фундаментальных работах «Освободительная борьба польского народа в 1939—1944 гг.» и «Польское рабочее движение в годы войны и оккупации» дана оценка сущности гитлеровской экономической политики, ее периодизация, отмечена роль и значение польской экономики в финансировании войны и снабжении гитлеровской армии.

Социально-экономические процессы, отношения между классами в оккупационный период являются пока менее исследованными проблемами истории Польши в годы войны. Видимо, это объясняется тем, что в период оккупации на первое место естественно выдвинулись вопросы общенациональные (поскольку речь шла об уничтожении польской нации в целом), которые на время оттеснили социально-экономические противоречия на второй план.

В настоящее время польская историография усиливает интерес к социальным и социологическим проблемам, связанным с данным кругом вопросов.

Следует обратить внимание на книги В. Гуры «ППР в борьбе за раздел помещичьей земли» и Я. Голембиовского «Борьба ППР за национализацию промышленности»²³, авторы которых отметили социальные моменты в экономической политике нацистов, характер и причины экономического сотрудничества оккупантов и некоторой части бывших польских господствующих классов и ряд других вопросов.

В последний период в Польше появились статьи, касающиеся некоторых более частных вопросов экономической ситуации губернаторства²⁴. Правда, в целом экономическую политику

²² T. Kłosiński. Polityka przemysłowa okupanta w Generalnej Gubernii. Posnani, 1947; W. Jastrzębowski. Gospodarka niemiecka w Polsce. 1939—1944. Warszawa, 1946.

²³ J. M. Gołębiowski. Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa, 1961; W. Góra. PPR w walce o podział ziemi obszarniczej (1944—1945). Warszawa, 1962.

²⁴ J. Jaros. Organizacja władz górniczych.—«Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa», t. 5. Warszawa—Wrocław, 1960; T. Szreter. Gospodarka surow-

нацистов в генерал-губернаторстве следует считать сравнительно малоизученной, и остается необходимость показать ее в динамике, найти центр ее тяжести на определенных этапах, в определенных военно-политических и экономических условиях. Тогда все возрастающая степень эксплуатации страны нацистами, роль губернаторства в снабжении гитлеровской Германии необходимой продукцией, в финансировании гитлеровской армии будет вскрыта со всей очевидностью.

Подводя итоги, нужно сказать, что польские историки сделали уже много в воссоздании истории своего народа в годы второй мировой войны.

Существует богатая историческая литература, опубликовано большое число документальных материалов, хроник, мемуаров. Подлинная наука верно служит своему народу, отдавая ему дань своего труда, вызывая благодарность и уважение польских и зарубежных читателей.

cowa w GG w latach 1940—1944.—«*Studio z dziejów górnictwa i hutnictwa*», t. 6. Warszawa—Wrocław, 1963; S. Piotrowski. Misja Odyla Głobocnika. Sprawozdanie o wynikach finansowych zagłady Żydów w Polsce. Warszawa, 1949; B. Wilczewski. Problemy gospodarcze województwa lubelskiego.—«*Rocznik Lubelski*», t. II. Lublin, 1959.

M. P. Тульчинский

ИСТОРИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО «ОСТФОРШУНГА»

«Восточная политика» боннского правительства есть продолжение и современное выражение многовекового «Дранг нах Остен», который последовательно осуществляли германские феодалы, капиталисты и империалисты. Большое место в идеологическом оправдании этой политики германские империалисты отводили и отводят в настоящее время «остфоршунгу» — системе учреждений и обществ, призванных поставлять соответствующие аргументы правового, культурного, исторического и морального порядка. В этой связи исключительное значение приобретает борьба против реакционных течений внутри западногерманского «остфоршунга», ведущаяся в последние годы историками социалистических стран: ГДР, ПНР, СССР и ЧССР.

Задача настоящей статьи — подвести некоторые итоги, этой борьбы и наметить перспективы на будущее. К настоящему времени многие, некогда малоизученные стороны деятельности немецкого «остфоршунга», могут быть представлены с достаточной полнотой. Прежде всего в литературе установилась в основном довольно прочная периодизация этой дисциплины. Историки-марксисты различают начальный период «Изучения Востока» (от зарождения на рубеже двух столетий до 1918 г.), Веймарский период (с 1918 по 1933 г.), нацистский период (с 1933 по 1945 г.)¹.

¹ В работах: Р. Гогуэля («Zur Definition und den Tätigkeitsmerkmalen der deutsche Ostforschung».—«Informationen für Geschichte der imperialistischen Ostforschung an der Humboldt-Universität». Berlin, 1962, № 2-3 (далее — «Informationen»); Е. Пахали («Zu einigen theoretischen Problemen des Artikels von Rudi Goguel zur Definition und den Tätigkeitsmerkmalen den deutschen Ostforschung».—«Informationen», 1962, № 5-6); Г. Н. Зверева («О некоторых новых формах деятельности западногерманского «остфоршунга»».—«Вопросы истории», 1963, № 4). Период с 1918 по 1939 г. представлен как

И, наконец, современный — после 1949 г.² При этом деятельность «остфоршунга» рассматривалась историками социалистических стран под углом зрения тех задач, которые империалистические круги с самого начала перед ним ставили, а именно: сбор и систематизация информации о странах Центральной и Восточной Европы; пропаганда как внутри страны, так и за границей идей, все многообразие которых по существу сводится к обоснованию и содействию пресловутому «Дранг нах Остен», и, наконец, непосредственное участие в выработке и проведении «Восточной политики» в разные периоды истории Германии.

Первому этапу деятельности «остфоршунга» посвящена диссертация Курта Цейзлера (ГДР) о Теодоре Шимане — одном из основателей этой дисциплины³. Различные аспекты «Изучения Востока» в этот период затрагиваются в работах Ф. Х. Гентцена, И. Калиша, Г. Фойгта, Э. Вольфрамма, Б. Спиру (ГДР)⁴. Однако в целом этот этап изучен еще довольно слабо.

Второй этап, характеризующийся созданием целой системы институтов и учреждений «остфоршунга» в самой Германии и их филиалов за границей (Польша, Чехословакия, Прибалтика), представлен в работах Г. Фойгта и А. А. Новака (ПНР). Г. Фойгт опубликовал статью о задачах и деятельности «изучения Восточной Европы» в Веймарской республике. Частично этот этап затрагивается в его публикации о Немецком обществе по изу-

один этап. Такая периодизация была вызвана у немецких товарищей стремлением связать развитие «остфоршунга» с этапами общего кризиса капитализма. Однако нам кажется, что приход к власти гитлеровцев привел к качественным изменениям внутри «остфоршунга»: во-первых, с этого момента начинается «унификация» исторической науки, приспособление ее к доктрине национал-социализма, искоренение буржуазно-либеральных концепций (см.: H. G e i f e . Sowjetforschung. Berlin—Leipzig, 1936); во-вторых, периодизация Гогузэль—Пахали—Зверева стирает различие между буржуазной, веймарской демократией и нацистской Германией, и, наконец, в-третьих, 1939 г.: для развития «остфоршунга» не составляет никакого рубежа. О том, что среди историков ГДР есть придерживающиеся иной точки зрения, свидетельствует статья Г. Фойгта о немецком обществе по изучению Восточной Европы, в которой рассматривается как целое деятельность этого общества в период нацизма с 1933 по 1945 г. (см.: «Informationen», 1965, № 2, S. 17—18).

² С 1945 по 1948 г. включительно какого-либо организованного «изучения Востока» на территории западных оккупационных зон не существовало.

³ K. Zeisler. Th. Schiemann als Begründer der deutschen imperialistischen Ostforschung. Halle, 1963, S. 363. (Maschinenscher).

⁴ F.-H. Gentzen. Die «Ostforschung» westdeutscher Historiker-eine Hetze gegen die Sowjetunion und Volkspolen — «Einheit», 1955, № 12, S. 1214—1222; F.-H. Gentzen, J. Kalisch, G. Voigt, E. Wolfgang. Die «Ostforschung» — ein Stoptrupp des deutschen Imperialismus.—«ZfG», H. 8, 1955, S. 1117—1128; B. Spiri. Ostforscher—Ostfälscher—Ostfahrer.—«Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Bd. 3, 1959, S. 34—39. В сокращенном виде статья Б. Спиру опубликована в журнале «История СССР», 1960, № 1.

чению Восточной Европы с 1913 по 1965 г.⁵ Работа А. Л. Новака посвящена роли Вроцлавского института по изучению Восточной Европы в веймарский и нацистский период⁶.

Особенно интенсивно историки социалистических стран занимаются вопросами фашистского «остфоршунга». Его значение в идеологическом обосновании захвата и ограбления стран Центральной и Восточной Европы в период второй мировой войны было вскрыто в работах Г. Фойгта⁷. Ф. Х. Гентцен вскрыл роль «Дейтчен штифтунг» в организации пятой колонны в Польше и Литве⁸. Доклад на тему «Остфоршеры» на службе гитлеровцев накануне и в годы второй мировой войны прочитал на Конференции по критике западногерманского «остфоршунга» Г. В. Заставенко (СССР)⁹.

В ряде работ рассматривается роль «остфоршунга» в осуществлении гитлеровской оккупационной политики на Востоке Европы. Большой фактический материал по этому вопросу собран в диссертации Р. Гогуэля, защищенной в 1964 г.¹⁰ В ней на базе изучения трех учреждений «остфоршунга», действовавших на территории оккупированной нацистами Польши (Краковского института, Имперского университета в Познани и Северо- и Восточногерманского исследовательского общества), показана роль остфоршеров в проведении преступной фашистской политики угнетения и уничтожения польского народа. К сожалению, диссертация Р. Гогуэля до сих пор еще не напечатана. Из уже опубликованных работ, касающихся этой же тематики, следует назвать статьи о Краковском Германском институте по изучению Востока Г. Фойгта и А. Носковой (СССР)¹¹, об Имперском уни-

⁵ G. Voigt. Aufgaben und Funktion der Osteuropa — Studien in der Weimarer Republik. — «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. II. Berlin, 1965, S. 369—399. На польском языке см.: «Przegląd zachodni», 1964, № 4, str. 41—81; см. также: «Informationen», 1965, № 2, S. 8—16.

⁶ A. L. Nowak. Forpoczątka agresji czyli Osteuropa Institut we Wrocławiu (1918—1945). — «Odra», 1962, № 4, str. 21—30.

⁷ G. Voigt. Zur Rolle der faschistischen «Ostforschung» vor dem Zweiten Weltkrieg. — «Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg»; Bd. II. Berlin, 1961, S. 237—264; он же. Die Rolle der Deutschen Ostmarkenvereins bei der Bildung einer Fünften Kolonne in Polen zur Vorbereitung der zweiten Weltkrieg. — Ibid., S. 199—216.

⁸ F. H. Gentzen. «Deutsche Stiftung» — tajna instytucja rządu niemieckiego do organizowania «piątej kolumny». — «Przegląd Zachodni», 1961 № 4, str. 295—303; он же. Die Rolle der «Deutschen Stiftung» bei der Vorbereitung der Annexion des Memelgebietes im März 1939. — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR», Bd. 5, 1951, S. 71—94.

⁹ См. «Критика западногерманского «остфоршунга»». М., 1966, стр. 187—196.

¹⁰ R. Goguel. Über die Mitwirkung deutscher Wissenschaftler am Okkupationsregime in Polen im zweiten Weltkrieg. Untersucht an 3. Institutionen d. dt. Ostforschung. Berlin, 1964 (Maschinenschr.).

¹¹ Г. Фойгт. Германский институт по изучению Востока в Кракове. — В кн.: «Сентябрь 1939 г.». М., 1961, стр. 120—137; А. Ф. Носкова. «Исти-

верситете в Познани И. Қалиша и Г. Фойгта (ГДР)¹², а также подборку материалов о Северо- и Восточногерманском исследовательском обществе, составленную сотрудниками бывшего Отделения по истории империалистического «остфоршунга» при Берлинском университете¹³. Большой интерес представляет также работа Эриха Зиберта (ГДР), в которой рассматривается «изучение Востока» в Берлинском университете с 1940 по 1945 г.¹⁴

Деятельность нацистского «остфоршунга» на территории Чехословакии в период второй мировой войны отражена в работе чехословацкого историка Карела Фремунда. Автор опубликовал ряд неизвестных до сих пор документов о нацистском «Фонде им. Рейнгарда Гейдриха», которые наглядно свидетельствуют о характере и основных направлениях деятельности этой организации по обоснованию немецкой оккупационной политики не только на территории Чехословакии, но и других стран Центральной и Восточной Европы¹⁵.

Для понимания тактических разногласий внутри нацистского «остфоршунга» большой интерес представляют работы Руди Гогуэля¹⁶. Автор рассматривает деятельность двух групп фашистских специалистов по Востоку. Одна из них, представленная именами Г. Аубина, Г. К. Брэйера, Э. Кайзера, В. Гейслера, Г. Раухоффера, Б. фон Рихтгофена, П. Г. Серафима, многими из «балтийских профессоров», придерживалась так называемого твердого курса, полностью оправдывала жестокие террористические методы нацистской верхушки в деле германизации народов Центральной и Восточной Европы. Другая, подвизавшаяся в «Восточном министерстве» Розенберга и различных армейских организациях (Г. Кох, О. Шиллер, Г. Ю. Серафим, М. Ахметели, Г. Геруллис, Г. фон Менде, В. Маркерт и др.), проповедовала идею «одоления большевизма силами самих русских». В своих

тут» гитлеровских оккупантов в Кракове.— «Австро-Венгрия и славяно-немецкие отношения». М., 1965, стр. 205—222.

¹² J. Kalisch, G. Voigt. «Reichsuniversität Posen»—«Juni 1941». Berlin, 1961, S. 188—206.

¹³ «Die Nord- und Ostdeutsche Forschungsgemeinschaft (1933—1945).—«Informationen», 1962, № 5—6, S. 11—29; с 1 января 1966 г. это отделение носит название группы по изучению западногерманской восточной политики при Немецком экономическом институте.

¹⁴ E. Siebert. Die Ostforschung an der Auslandswissenschaftlichen Fakultät der Berliner Universität in den Jahren 1940—1945.—«Informationen», 1965, № 1, 5, S. 1—34.

¹⁵ K. Fremund. Heydrichová nadace — důležitý nástroj nacistické vyhlazovací politiky.—«Sborník archivních prací», 1964, № 1, str. 3—38. О докладе, прочитанном на эту же тему чехословацким историком Ч. Амортом в Институте славяноведения в Москве, см.: В. К. Волков. Чешский ученый о гитлеровском «остфоршунге».—«Новая и новейшая история», 1964, № 2, стр. 154—155.

¹⁶ R. Goguel. Die westdeutsche Ostforschung — Kontinuität und neue Tendenzen.—«Informationen», 1964, № 2, S. 2—23.

«памятных записках» эти «остфоршеры» требовали «дифференцированного, политического ведения войны», исходя из «тактики дальнего прицела». Однако их попытки осуществить свои идеи на практике: распустить колхозы и восстановить частную собственность (О. Шиллер), вбить клин между народами Советского Союза (Кох, Геруллис, Оберлендер, Менде и др.), — как известно окончились полным провалом. Несмотря на это, в настоящее время многие из них создали и всячески поддерживают легенду о «неиспользованных возможностях» в целях проведения такой «восточной политики», которая бы обеспечила участие народов Центральной и Восточной Европы в борьбе против СССР. Работы Гогуэля не только углубляют наше представление о борьбе различных группировок в нацистской Германии, но и интересны с точки зрения понимания течений внутри современного западногерманского «остфоршунга».

Детальному анализу со стороны историков социалистических стран подвергся и возрожденный после второй мировой войны западногерманский «остфоршунг». В статьях и публикациях К. Вольгемут И. Калиша, Ф.-Х. Гентцена, Г. Фойгта, Э. Вольфрамма, Б. Спиру, Р. Гогуэля (ГДР), В. Щечиновского, Я. Собчака (ПНР), В. Т. Пашуто, В. И. Салова, М. Р. Тульчинского, В. И. Шушарина (СССР), С. Вольмана, И. Валенты, З. Сладека, А. Шнейдерека (ЧССР) и других дана общая характеристика организационной структуры «остфоршунга», вскрыты его тесные связи с монополиями, установлено его место в системе антикоммунистической и реваншистской пропаганды в ФРГ, выявлена его роль в «психологической войне», которую западногерманские милитаристы и стоящие за их спиной империалисты западных стран вот уже в течение многих лет ведут против социалистических государств.

Наряду с изучением организационной структуры «остфоршунга» в целом (работы В. Щечиновского, К. Вольгемут, Я. Собчака, Б. Спиру и др.)¹⁷ историки социалистических стран посвятили ряд работ отдельным его учреждениям. Так, еще в 1954 г. польским историком А. Каминьским была опубликована статья о «Геттингенском обществе» западногерманских остфоршеров. С тех пор это общество сделалось предметом нескольких исследований польских ученых¹⁸. Деятельность западногер-

¹⁷ W. Szczecinowski Die organisation der «Ostforschung» in Westdeutschland.—«ZfG», 1954, H. 2, S. 288—309; K. Wohlgemuth. Überblick über die Organisation und die Rolle der imperialistische «Ostforschung» im Bonner Staat.—«Dokumentation der Zeit». Berlin, 1958, H. 180, S. 38—45; B. Spiri. Указ. соч.; J. Sobczak. Przegląd ważniejszych ośrodków tzw. Ostforschung w NRF.—«Przegląd zachodni», 1959, № 3, str. 439—461; его же: «The ostforschung — Centres in the German Federal Republik».—«Polish Western Affairs», 1960, № 1, p. 191—207.

¹⁸ A. J. Kamiński. Słowo o «Göttinger Arbeitskrieses».—«Przegląd zachodni», 1954, № 5-6, str. 203—220; Э. Менцлевский. Геттинген и Бонн.—238

линского института Восточной Европы рассматривалась в статье К. Оттерсберга и публикации Отделения по истории империалистического «остфоршунга» при университете им. Гумбольдта¹⁹. В уже упоминавшейся публикации этого отделения наряду с Веймарским и нацистским периодом работы Немецкого общества по изучению Восточной Европы большое внимание уделено его нынешней роли.

Деятельности еще одной важнейшей организации нынешнего западногерманского «остфоршунга» — Мюнхенскому институту Восточной Европы посвящена статья В. И. Салова и М. Р. Тульчинского²⁰. Марбургский центр «остфоршунга» рассматривается в работе чехословацкого историка З. Сладека, в публикации берлинского Отделения и в статье Г. Линдера и Д. Дюнгера (ГДР)²¹. Благодаря этим работам выяснен ряд вопросов, связанных со структурой, целями и направлением деятельности Исследовательского совета и Института им. И. Г. Гердера в Марбурге.

Существенным дополнением к указанным исследованиям является публикация о католических и протестантских центрах «изучения Востока» в ФРГ, подготовленная сотрудниками берлинского Отделения по истории империалистического «остфоршунга»²².

В настоящее время в ГДР ведется работа над публикациями об Институте советологии в Кельне, Институте Восточной Европы в Мюнхене, Обществе по вопросам Востока — Запада в Бонне и «Коллегиум каролинум» в Мюнхене²³.

¹⁹ «ЗАП», 1963, № 6, стр. 6; R. Pinto. «Völkerrechtliche Thesen der Göttinger Arbeitskreises östdeutscher Wissenschaftler zur Oder-Neises Frage.— Западное агентство печати.— «ZAP», 1963, № 3, S. 11—15; Cr. Znamierowski. Od Tybingi do Getyngi.— «Przegląd zachodni», 1964, № 1, str. 3—16.

²⁰ K. Ottersberg. Das Westberliner Osteuropa-Institut — ein Zentrum der ideologischen Kriegsvorbereitung.— «Hochschulwesen». Berlin, 1960, N. 9, S. 409—414; «Das Osteuropa-Institut in West-Berlin».— «Informationen», 1963, № 4, S. 1—29.

²¹ В. И. Салов, М. Р. Тульчинский. Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики.— «Вопросы истории», 1960, № 12.

²² Z. Sládek. Herder a marburští slavisté.— «Slovanský pohled», 1961, № 3, str. 3—12; «Die Marburger Ostforschung — ein Zentrum der psychologischen Kriegsführung».— «Informationen», 1963, № 1, S. 3—30; H. Lindner, D. Dünger. Johann Gottfried Herder und die Marburger Ostforscher.— «Wissenschaftliche Zeitschrift d. Karl-Marx. Univ.— Leipzig Ges. u. sprachwiss. Reihe», 1965, № 1, S. 1—6.

²³ «Zu einigen Zentren der politisch-klerikalen Ostforschung und deren Repräsentanten».— «Informationen», 1962, № 4, S. 1—33.

²⁴ R. Goguel. Abteilung für Geschichte der imperialistischen Ostforschung. Bilanz nach vier Jahren.— «Materialien. Berichte und Mitteilungen aus dem sozialistischen Lager über den Kampf gegen die imperialistischen Ostforschung». Berlin, 1965, № 1, S. 9. (далее — «Materialien»). С 1 января 1966 г. перестали выходить как отдельное издание.

Будучи защитниками и выразителями агрессивных интересов германских империалистов, остфоршеры всегда принимали участие в формировании официальной немецкой «Восточной политики». И в настоящее время они являются верными и испытанными советниками западногерманских реваншистских политиков. В статьях Л. Штерна, Р. Гогуэля, Г. Шлезингера (ГДР), А. Лесьневского, И. Сулека (ПНР), Е. Буш (ЧССР), М. С. Восленского (СССР)²⁴ убедительно показано, как развитие событий в мире — дальнейшее изменение соотношения сил в пользу социализма, рост авторитета ГДР, ослабление лагеря империализма и провал, который терпят боннские «ультра», — привело наиболее дальновидных идеологов империализма к необходимости приступить к переосмысливанию ряда dogm «холодной войны». Внутри «остфоршунга» этот процесс пересмотра начался даже несколько раньше. На изменения в системе аргументации «остфоршунга» под влиянием изменившегося соотношения сил в мире обратил внимание еще в октябре 1961 г. Руди Гогуэль²⁵. С тех пор историки социалистических стран постоянно подчеркивают, что наряду с обоснованием старой тактики поборников холодной войны остфоршеры начинают переходить к обоснованию новой тактики. Они всячески доказывают возможность постепенного перерождения социалистических стран, рекомендуют так называемую либеральную «стратегию размягчения», рекламируют иные, более гибкие методы в политике и пропаганде²⁶.

²⁴ Л. Штерн. «Остфоршунг» и восточная политика Бонна. — «Критика западногерманского «остфоршунга», стр. 27—45; R. Goguel. Die westdeutsche Ostforschung und die ideologische Konzeptionen der Bonner Ostpolitik 1956—1963. — «Wissenschaft am Scheideweg». Berlin, 1964, S. 45—64; H. Schlesinger. Wechselbeziehung zwischen Ostforschung und Ostpolitik in Westdeutschland. — «Deutsche Außenpolitik», 1964, № 11, S. 1089—1098; A. Leśniewski. «Ostpolitik a samostanowienie narodów». Warszawa, 1963, 243 str.; J. Sulek. Revisionism territorialny — generalna linia polityki wschodniej NRF. — «Sprawy międzynarodowe», 1965, № 5, str. 27—43, № 6, str. 31—54; № 7, str. 24—38; E. Busch. Ostpolitik v novém vydani. — «Mizunarodni politika», 1964, № 9, S. 365—384.

²⁵ R. Goguel. Zu einigen Veränderungen in internationalen Krafteverhältnis im Spiegel der westdeutschen Ostforschung. — «Informationen», 1961, № 1, S. 5—37.

²⁶ См.: K některym současným tendencím a tezim zapadnoněmeckých «vychodních studiiv». — «Informační bulletin o otázkach nemeckého imperialismu a revanísmu», 1962, № 7—8, S. 5—30; R. Goguel. Zur Definition und den Tätigkeitsmerkmalen der deutschen Ostforschung. S. 13, 14; B. Loewenstein et al. Obraty současného «východného badání» — «Dějiny a současnost». 1962, № 11—12, s. 9—13. R. Goguel. Der Einflus der wachsenden Starke der sozialistischen Lagers auf einige ideologische Konzeptionen der westdeutschen Ostforschung. — «Ostlandreiter ohne Chance». Berlin, 1963, S. 149—184; он же. Koncepcje zachodnio-niemieckiej Ostforschung (Ciągłość i przeobrażenia). — «Przegląd zachodni», 1964, № 5—6, str. 70—81; он же. Die Westdeutsche Ostforschung — Kontinuität und neue Tendenzen. W. Chełmiński. Ostforschung. — «ZAP», 1964, № 33, str. 35—53; № 37, str. 47—58; E. Vomáčková. Neve rysy v zapadnoněmeckém badání o východu. — «Informační bulletin o otázkach...». 1964, № 12, S. 5—16; J. Sulek. «Ostforschung» — «Sprawy

Надежде той части западногерманской буржуазии, которая ратует за перенесение центра тяжести восточной политики Бонна на идеологическую диверсию и стремится реализовать свои планы в условиях мирного сосуществования, внутри «остфоршунга» служит «советология». В то же время советология раздвигает рамки самого «остфоршунга», так как предметом ее изучения являются история, философия, право, экономика, социология и идеология тех стран, которые вступили на путь строительства социализма и коммунизма. Анализу этой новой отрасли «остфоршунга» посвящены работы Г. Блашай и Ф. Х. Гентцена²⁷. Советология отвечает стремлениям тех империалистических кругов ФРГ и США, которые надеются, изучив коммунизм во всех его проявлениях, с помощью соответствующей контрпропаганды нейтрализовать его воздействие. Историки ГДР отмечают, что задача западногерманской советологии состоит в пополнении историческими, философскими и юридическими анализами американских исследований, которые сконцентрированы в основном на политических, социологических и экономических аспектах²⁸. Проблематика советологии затрагивается в работах Р. Гогуэля и К. Вольгемут. Р. Гогуэль рассматривает положение и роль «остфоршунга» в системе антикоммунизма²⁹, а К. Вольгемут полемизирует с серией статей, опубликованных в журнале «Остайропа», в которых ставилась под сомнение реальность выполнения Программы КПСС, принятой на XXII съезде³⁰.

Из других работ, рассматривающих различные аспекты «остфоршунга», следует отметить те, которые посвящены методологическим проблемам этой дисциплины, в первую очередь Г. Фойгта, Я. Зaborовского (ПИР) и В. И. Салова³¹. Влияние «ост-

miedzynarodowe», 1964, № 6, str. 96—104; Cr. Mückenberger. Zum Wesen und zur Entwicklung der «Ostforschung». — «Beiträge zur Geschichte der Slavistik». Berlin, 1964, S. 281—293; В. Т. П а ш у т о. «Остфоршунг» перестраивается. — «Критика западногерманского «остфоршунга», стр. 141—150.

²⁷ G. Blaschej. Einige Aspekte der Sowjetologie im Rahmen der westdeutschen Ostforschung. — «Informationen», 1964, № 2, S. 35—43; Ф. Х. Г е н т ц е н. Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого «остфоршунга». — «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 25—40.

²⁸ G. Blaschej. Указ. соч., стр. 36; Ф. Х. Г е н т ц е н. Указ. соч., стр. 35—37.

²⁹ R. Goguel. Einige neue Aspekte der Ostforschung im System der Antikommunismus. — «Der Antikommunismus in Theorie und Praxis». Halle—Wittenberg, 1964, S. 117—130.

³⁰ K. Wohlgemuth. Der Aufbau der Kommunismus in der UdSSR und das Fiasco der imperialistischen «Ostforschung». — «Unsere Zeit», 1962, N 1, S. 37—48.

³¹ G. Voigt. Methoden der «Ostforschung». — «ZfG», 1959, S. 1781—1803. Перевод: «К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед второй мировой войной». — В кн.: «Германский империализм и вторая мировая война», М., 1963, стр. 225—260; J. Zaborowski. Methoden der Ostforschung. — «Informationsbulletin der ZAP», 1961, str. 6—32; «Uwaga, falszerstwa!», Poznań — Warszawa, 1959; W. J. Salow. Der antiwissenschaftliche Charakter der west-

форшунга» на общественное мнение Западной Германии посредством прессы, кино, радио и телевидения убедительно показано Г. Шлезингером³² (ГДР).

Р. Р. Брюкнер (ГДР) подверг анализу библиографическую работу по «остфоршунгу», проводимую в ФРГ, ГДР и Польше, и пришел к выводу, что ученые Германской Демократической Республики должны, «если они хотят серьезно вести полемику с западногерманским „остфоршунгом“ и восточной политикой», интенсифицировать свою деятельность в этой области³³.

Вопрос об обосновании западногерманскими остфоршерами столь модной ныне на Западе «Европейской интеграции» затрагивается в работах О. фон Торне (ГДР) и М. Р. Тульчинского (СССР)³⁴. О преподавании «остфоршунга» в университетах и высших школах ФРГ говорится в статье Г. Флиена (ГДР) и работе К. Колянчика (ПНР)³⁵.

Большая литература, разбор которой завел бы нас слишком далеко, существует в социалистических странах по «осткунде», которое, по определению самих школьных органов ФРГ, является не только предметом, но и принципом преподавания, призванным воспитывать в западногерманских школьниках ненависть по отношению к народам Центральной и Восточной Европы³⁶.

deutschen Ostforschung.—«Informationen», 1964, N 3, 1—24; «Критика западногерманского „остфоршунга“», стр. 72—90.

³² H. Schlesinger. Der Einfluss der westdeutschen Ostforschung auf die öffentliche Meinungsbildung.—«Informationen», 1964, N 2, S. 24—34. (Перевод: «Критика западногерманского „остфоршунга“», стр. 105—113).

³³ R.-R. Brückner. Bibliographie zur Ostforschung — Hilfsmittel oder Instrument der Revanschepolitik.—«Informationen», 1963, S. 30—56.

³⁴ O. von Törne. Zur Abendland — Legende der Ostforschung.—«Wiss. Zeitschr. der Friedrich Schiller Universität. Jena, Ges. u. sprachwiss. Reihe», 1960—1961, N. 1, S. 45—58; M. P. Тульчинский. «Европейская интеграция» и некоторые аспекты западногерманского «остфоршунга».—«Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 58—62.

³⁵ G. Fließ. Die Bonner «Ostforschung» — ein Teil unbewältigten Vergangenheit im westdeutschen Hochschulwesen.—«Wiss. Zeitschr. der Friedrich Schiller Universität. Jena, Ges. u. sprachwiss. Reihe», 1962, N. 1, S. 39—50; K. Kolańczyk. Polityka kulturalna i szkolnictwo akademickie w Niemieckiej Republice Federalnej. Poznań, 1963, 457 str.

³⁶ См.: U. Sedmidubsky. Die Ostexpansionspolitik des deutschen Imperialismus gegenüber Polen in der Sicht der Geschichtslehrbücher seit 1900 und Aufdeckung ihres reaktionären Inhalts an Hand einer Gegenüberstellung zu den Schulbüchern der Deutschen Demokratischen Republik.—«Die Zwei Entwicklungswege unserer Nation und Ihre Widerspiegelung im Schulbuch». Berlin, 1963, S. 101—155; W. Sznauder. «Ostkunde» w szkołach Niemieckiej Republiki Federalnej. Katowice, 1964; R. Beyer, W. Billerbeck. Geschichtsunterricht im Dienste des Imperialismus.—«Einheit», 1965, N 7, S. 72—81; W. Billerbeck. Die westdeutsche bürgerliche vergleichende Pädagogik im Dienste imperialistischer Integrationsbestrebungen und der Europaideologie, Berlin, 1964; R. Sareik. Zur Einschätzung der Rolle und der Aufgaben der imperialistischen «pädagogischen Ostforschung».—«Ostpädagogik» im Westdeutschland», Referat, Berlin, 1964, 97 S.

Говоря об организационной структуре западногерманского «остфоршунга», его истории и основных направлениях его деятельности, нельзя не упомянуть и специальные брошюры, посвященные этой тематике, вышедшие в Германской Демократической Республике и ССР³⁷. В известной степени они могут дать представление о проблеме «остфоршунга» в целом, хотя некоторые содержащиеся в них положения явно нуждаются в уточнениях. Это касается в первую очередь и самого понятия «остфоршунг» и различных течений в его историографии — проблема, которая осталась за пределами внимания авторов обеих работ. В связи с этим следует отметить, что нам кажется неправильным трактовать «остфоршунг» как идеологию (В. Т. Пашуто)³⁸ или даже «политический принцип» (Р. Гогуэль)³⁹. «Остфоршунг» есть страноведческая дисциплина, направление исследований, носящее комплексный характер (включающее историографию, экономику, литературоведение, языкоизнание, почтоведение и другие дисциплины), пропитанное различными течениями буржуазной идеологии: от объективистского и либерального до реакционно-националистического, неофашистского. Разобраться в этих течениях — одна из главных задач марксистской критики в целом и историографии в частности.

Поскольку историография «остфоршунга» является частью западногерманской буржуазной историографии, ее критика содержится как во многих специальных трудах историков ГДР, ПНР, ССР и ЧССР, так и в работах, посвященных общеметодологическим проблемам и разбору отдельных концепций и отдельных трудов историков ФРГ⁴⁰.

³⁷ F. H. Gentzen, E. Wolfgang. «Ostforschung» — «Ostforscher». Berlin, 1960; M. P. Тульчинский. Адвокаты реванша. Западногерманский «остфоршунг» на службе боннской реваншистской политики. М., 1963.

³⁸ В. Т. Пашуто. Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского реваншизма. — «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 60—76.

³⁹ R. Goguel. Zur Definition und den Tätigkeitsmerkmalen der deutschen Ostforschung, S. 8.

⁴⁰ G. Lozek. Bürgerliche Geschichtsschreibung Westdeutschland in der Kriese. — «Einheit», 1964, N 9-10, S. 199—212; G. Lozek, H. Syrbe. Geschichtsschreibung contra Geschichte. Berlin, 1964, 327 S. W. Berthold. «Groszhungen und gehorhen». Berlin, 1960. Есть русский перевод: В. Бертольд. Голодать и повиноваться. Историография на службе германского империализма. М., 1964; H. P. Südosteuropa falsche Freunde. Revanchismus u. d. Dekinatell wissenschaftlicher Forschung. — «Neues Deutschland», 23.V 1965; Z. Stern. Der Antikommunismus die politische Hauptdoktrin der imperialistischen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik. — «Der Antikommunismus in Theorie und Praxis des westdeutschen Imperialismus». Hale — Wittenberg, 1964, S. 9—52; Zd. Kaszmarczyk. Die westdeutsche Geschichtswissenschaft in Dienste der Rewansche. — «Deutsche Aussenpolitik», 1961, N 1, S. 206—211; J. Kostrzewski. W. walce z szowinizmem niemieckim w nauce historycznej. — «Z. otchłani wieków», 1964, N 4-5, str. 213—215; J. Krasuski. Z dziejów niemieckiej myśli politycznej XIX u XX wieku. Poznań, 1965; F. Ryszkowa. Polska ludowa w zachodniej literaturze historycznej i politycznej. — «Kwartalnik historyczny», 1964, N 2, str. 571—580. А. И. Данилов. Фридрих Мейнеке и

Критика работ западногерманских остефоршеров, посвященных рассмотрению территориальных комплексов: Верхней Силезии и лужичан — содержится в статьях В. Длугоборского, П. Добровольского (ПНР) и Ф. Метчка (ГДР)⁴¹.

Проблема «Дранг нах Остен» в оценке немецких буржуазных историков критически рассматривается в статьях польского историка Г. Лябуды⁴², а фальсификация истории Польши и германо-польских отношений западногерманскими историками убедительно показана в статьях А. Каминского (ПНР)⁴³.

Не оставляют без внимания историческую литературу, выходящую в Западной Германии, и историки Чехословакии. Это относится как к работам, посвященным чешской и словацкой истории, так и к другим историческим исследованиям⁴⁴.

немецкий буржуазный историзм.— «Новая и новейшая история», 1962, № 2, стр. 43—62; В. Т. Па шу т о. Истоки немецкой неофашистской концепции России.— «Вопросы истории», 1962, № 10, стр. 61—79; А. Д. Э п штейн. Некоторые тенденции западногерманской клерикально-милитаристической историографии.— «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 88—101; В. Б. У шак о в. Западногерманская историография международных отношений послевоенного периода.— «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 143—148; Н. Д. Р а т н е р. Вопросы периодизации истории Чехословакии в западногерманской историографии (по поводу статьи О. Лемберга).— «Славяно-германские исследования». М., 1963, стр. 381—390; А. С. Е р у с а л и м с к и й. Германский империализм. История и современность. Исследования, публицистика. М., 1964, 664 стр.; А. Н. М ер ц а л о в. Тенденции западногерманской буржуазной историографии второй мировой войны.— «Новая и новейшая история», 1965, № 3, стр. 139—148; Н. А. С и д о р о в. Антикоммунизм — идеино-политическое оружие западногерманского империализма.— «Ученые записки» (1-го Моск. пед. ин-та иностр. языков), т. 34, 1965, стр. 360—382 и др.; J. K o g z a l k a. K ideologii protičesko-slovenského revanšismu v NSR.— «Mezinárodní politika», 1961, N 8, s. 518—527; A. S ne i d a r e k. Revanšiste proti Československu. Praha, 1963; И. Коржалка. История на службе реваншизма.— «Вопросы истории», 1960, № 6, стр. 210—215; J. K u d r p a. Ideové a politické korní současné zapadno-německé buržoazní historiografie.— «Nová mysl», 1961, N 3, str. 368—376; «Ke kritice historismu Arnošta Troeltscha».— «Filosoficky — Filosofia časopis», 1961, N 4, S. 587—610; «Einige Bemerkungen zur alteren deutschen bürgerlichen Geschichtsauffassung».— «Sborník prací filos. fak. brnens. univ.», 1963, N 10, S. 71—84; J. M a g e k. Novorankovci a Gerhard Ritter.— «Dějiny a současnost», 1964, N 8, str. 9—11.

⁴¹ W. D l u g o w s k i. Ostforschung und Upper Silesian problems.— «Po-lisch Western Affairs», 1963, N 1, p. 91—119; P. D o b r o w s k i. Najnowsza problematyka historyczna Górnego śląska na łamach czasopisma NRF.

⁴² Г. Лябуда. Историографический анализ так называемого германского «натиска на Восток».— В сб.: «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе». М., 1965, стр. 26—70; он же. Geschichte der deutschen Ostkolonisation in der neueren westdeutschen Forschungen.— «Polisch western Afairs», 1961, N 2, S. 260—283.

⁴³ A. J. K a m i n s k i. Geschichte Polens und der deutsch-polnischen Beziehungen im Zerrspiegel revanchistischer Darstellung.— «Dokumentation der Zeit», N 327, 1965, S. 21—32.

⁴⁴ Соответствующая литература приведена в библиографическом обзоре: Б. Л е в е н штейн. Изучение чехословацко-немецких отношений в ЧССР.— Сб.: «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 259—271; см. также: Z. H r a b o v á. Soucasné pojetí našich středověkých dějin v zapadním Německu

Большое внимание уделяют историки социалистических стран западногерманской историографии Советского Союза. За последние годы появился ряд работ, в которых были подвергнуты критическому анализу труды западногерманских остефоршеров и советологов по истории России. В. Т. Пашуто, В. И. Салов и А. Л. Хорошевич показали, как фальсифицируется история нашей Родины западногерманскими реваншистами⁴⁵. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России были вскрыты в статье В. Т. Пашуто⁴⁶. М. Р. Тульчинский подверг критике неофашистскую концепцию западногерманского историка старшего поколения Г. фон Римши. В другой своей работе он исследовал, как господствующие в ФРГ антикоммунизм и реваншизм приводят к преемственности основных исторических аргументов у современной буржуазной и нацистской историографии Советского Союза⁴⁷. А. Андерле (ГДР) показал, как история СССР служит западногерманским реваншистам для раздувания противоречий между Западом и Востоком⁴⁸.

Ряд работ историков социалистических стран посвящен разбору трудов остефоршеров по отдельным периодам истории нашей Родины. Так, фальсификация остефоршерами средневековой истории России разоблачается в работах В. Т. Пашуто, В. П. Шушарина, Э. Доннера и др.⁴⁹ Фальсификации истории советской эпохи в литературе западногерманских остефоршеров посвятили

a jeho poradi.—«Sborník prací historických», D. IV, 1963, str. 263—280 (разбор реваншистских концепций О. Лемберга).

⁴⁵ В. Т. Пашуто, В. И. Салов, А. Л. Хорошевич. Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М., 1961; V. T. Pasuto und W. I. Salow. Russland und Europa.—«Auf den Spuren der Ostforschung», Leipzig, 1962, S. 1—39.

⁴⁶ В. Т. Пашуто. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России.—«Вопросы истории», 1962, № 10.

⁴⁷ М. Р. Тульчинский. На службе неонацизма. (О книге Ганса фон Римши «История России»).—«История СССР», 1962, № 6, стр. 170—180; он же. Возрождаемое прошлое (О преемственности нацистской и боннской историографии Советского Союза).—«История СССР», 1964, № 3, стр. 190—208.

⁴⁸ A. Anderle. Über die russische Geschichte und der Ost-West-Gegensatz in der westdeutschland Geschichtsschreibung.—«Der Antikommunismus in Theorie und Praxis der westdeutschen Imperialismus». Berlin, 1964, S. 139—142.

⁴⁹ См. сборник статей: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962, 429 стр.; В. П. Шушарин. Западногерманская историография русского феодализма.—«Славяно-германские исследования», стр. 293—369; он же. Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964, 303 стр.; E. Donnert. Zur Behandlung der Geschichte des vorrevolutionären Russlands in der westdeutschen Osteuropa und Russlandforschung.—«ZfG», 1965, H. 5, S. 810—825. R. Hoffmann. Zur Auffassung der russischen Geschichte in Stender Peterson.—«Geschichte der russischen Literatur»—«Jahrbuch für Geschichte d. UdSSR...», Bd. I, 1963, S. 457—471; В. Т. Пашуто. Признаки феодализма и признаки прошлого.—«Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 188—204; он же. Аграрный вопрос в России в освещении современной буржуазной историографии.—«Вопросы истории», 1964, № 7, стр. 88—105.

свою статью И. И. Минц и А. Е. Иоффе⁵⁰. В трудах советских историков освещаются также частные вопросы этой обширной темы. Так, В. И. Салов написал монографию, в которой критически разобрал вышедшие в ФРГ работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции⁵¹. О фальсификации первых декретов Советской власти историками ФРГ опубликовал статью В. М. Халевин⁵². Большой фактический материал содержится в двух сборниках статей, посвященных разбору взглядов буржуазных авторов на отдельные вопросы истории КПСС и истории второй мировой войны⁵³. О том, как буржуазные авторы фальсифицируют Апрельские тезисы В. И. Ленина, курс партии на социалистическую индустриализацию, на освоение целинных земель, говорится в статьях В. М. Халевина, О. И. Величко и В. И. Куликова⁵⁴. Историки ГДР З. Квилич и Г. Горский в своих работах показали методы фальсификации западногерманскими историками внешней политики Советского Союза при помощи так называемой теории преемственности, «красного империализма» и т. п.⁵⁵

Вопрос об оценке Раппальского договора в литературе «остфоршунга» подробно разбирается в работе Г. Горошковой (СССР)⁵⁶.

З. Сладек и М. Шванкмайер (ЧССР) подвергли анализу фальсификацию западногерманскими историками чехословацко-советских отношений⁵⁷.

⁵⁰ И. И. Минц, А. Е. Иоффе. Фальсификация истории советской эпохи в литературе остфоршеров.—«Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 170—181.

⁵¹ В. И. Салов. Германская историография Октябрьской социалистической революции. М., 1960, стр. 212.

⁵² В. М. Халевин. Фальсификация первых декретов Советской власти в западногерманской буржуазной историографии.—«Вестник Ленингр. ун-та», 1965, № 8. Серия истории, языка и литературы, стр. 148—152.

⁵³ «Против фальсификации истории КПСС». М., 1964, 240 стр.; «Против фальсификации истории второй мировой войны». М., 1964, 399 стр.

⁵⁴ В. М. Халевин. Против фальсификации Апрельских тезисов В. И. Ленина в западногерманской буржуазной историографии.—«Вестник Ленингр. ун-та», 1964, № 8. Серия истории, языка и литературы, стр. 29—38; О. И. Величко. Извращение истории социалистической индустриализации СССР в западногерманской буржуазной литературе.—«Вопросы истории КПСС», 1964, № 7, стр. 122—130; она же. К критике буржуазных концепций курса КПСС на социалистическую индустриализацию страны.—«Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 133, 1963, стр. 305—333; В. И. Куликов. Буржуазная фальсификация роли КПСС в освоении целинных земель.—«Вопросы истории КПСС», 1964, № 5, стр. 119—126.

⁵⁵ S. Qilitsch. Der Kontinuitätsgedanke — ein Mittel der gegenwärtigen westdeutschen Ostforschung zur Verfälschung der sowjetischen Außenpolitik.—«Der Antikommunismus in Theorie und Praxis...», S. 131—138; G. Gorski. Eine Pseudo-Theorie zur Verfälschung des Charakters der sowjetischen Deutschlandpolitik nach dem zweiten Weltkrieg.—«Zwei Jahrzehnte deutsch-sowjetische Beziehungen 1945—1965». Berlin, 1965, S. 247—266.

⁵⁶ См. сб.: «Раппальский договор и проблема мирного сосуществования». М., 1963, стр. 227—338.

⁵⁷ З. Сладек, М. Шванкмайер. Буржуазная историография о чехословацко-советских отношениях.—«Советское славяноведение», 1966, № 1, стр. 12.

Таким образом, ученые социалистических стран рассмотрели довольно обширные области западногерманской буржуазной историографии. Однако анализ отдельных работ немецких буржуазных историков до сих пор не дополняется синтезом, который бы позволил воссоздать общую довольно пеструю картину современной историографии ФРГ,— в этом, на наш взгляд, стоит главная задача будущих исследований. Для решения этой задачи необходимы, с одной стороны, более интенсивное изучение выходящих в Западной Германии книг и журналов, а с другой,— кооперация историков социалистических стран, более тесные их контакты между собой. Такая кооперация и контакты позволяют более квалифицированно бороться с антикоммунистическими и реваншистскими устремлениями реакционного крыла западногерманского «остфоршунга» и вести научную полемику с теми из буржуазных ученых, которые держатся в рамках научных исследований.

И. Грозиенчик

К ВОПРОСУ О ПЛАНАХ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ОТНОШЕНИИ СЛОВАКИИ

В период второй мировой войны германский фашизм пытался реализовать свои агрессивные планы на Востоке, планы, которые в современной историографии получили название «Drang nach Osten». Формы и методы, с помощью которых немецкий фашизм хотел в ходе войны достичнуть этой цели, не имеют аналогии в мировой истории. Нацистская жестокость проявлялась в деятельности всех компонентов гитлеровской диктатуры, включая и армию. На оккупированной территории Восточной и Юго-Восточной Европы нацисты установили систему колониализма и насилиственной эксплуатации. Принудительный труд, денационализация, физическое истребление людей, целых народов, варварское ограбление оккупированной территории — это далеко не все, что составляет существо нацизма и его злодеяний. В историографии и публицистике об этом уже неоднократно писалось. Обращаясь сегодня вновь и вновь к этой тематике, историки исходят, во-первых, из того, что в послевоенный период и вплоть до наших дней в буржуазной, в том числе и в эмигрантской, историографии существует стремление уменьшить степень или вовсе отрицать злодеяния немецкого фашизма, извратить основные факты возникновения, хода и результатов второй мировой войны. Во-вторых, силы, которые развязали вторую мировую войну, хотя и потерпели в военном отношении поражение, не отказались от своих стремлений и снова выдвигают реваншистские требования с целью возобновить похороненный историей мюнхенский диктат и нацистскую экспансию, особенно в отношении Советского Союза, Польши и Чехословакии. И, наконец, существует необходимость постоянно объективно объяснять эти факты, показывать сущность гитлеровской оккупации Чехословакии, рассматривать вопрос о положении и функ-

ции «словацкого государства» как особой формы нацистской стратегии в рамках «Drang nach Osten».

Из документов истории второй мировой войны мы знаем, что нацистская расовая теория требовала уничтожения не только еврейского народа, но и славянских народов. После того как стали доступны архивы гитлеровских вооруженных сил и полицейских органов нацистской империи, появилась возможность более глубокого изучения этой проблемы. Нам известен ряд публикаций и статей о планах гитлеровской Германии, направленных на ликвидацию чешского и польского народов, о планах поставить территорию СССР в колониальную зависимость от Германии, о планах относительно народов Юго-Восточной Европы. Меньше внимания уделяется в исторической литературе исследованию планов германского фашизма в отношении словацкого народа. Видимо, это происходит потому, что само название: «самостоятельное словацкое государство» как бы маскировало истинные замыслы гитлеровских фашистов.

Внимание исследователей, работающих с архивными материалами преимущественно словацкого происхождения, до сих пор сосредоточивалось на вопросе о характере «словацкого государства» как формы вассальной зависимости от нацистской Германии¹. Подчеркивалась его экономическая и политическая зависимость от империи, его конъюнктурный характер. Правда, эмигрантская историография пытается иначе оценивать «словацкое государство». Она видит в нем вершину стремлений словацкого народа к собственному государствству, исполнение вековых чаяний народа иметь национальный и государственный суверенитет². Бессспорно, что подобные оценки «словацкого государства» скрывают его истинную сущность как орудия гитлеровского фашизма. Надо сказать, что «словацкое государство» времен второй мировой войны не обладало даже видимостью той свободы, какую оно имело; например, пользуясь автономией во «второй республике».

Следует подчеркнуть, что самый характер «словацкого государства» свидетельствовал о том, что речь шла об особой форме оккупации, при которой планы немецких оккупантов осуществля-

¹ Nemecká otázka a Československo (1938—1961). Sborník statí. Bratislava, 1962.

² Последним пытался это сделать Франтишек Внук в кн.: «Neuveritel' násprahanie» Midletown, Pennsylvania USA, 1964; см также: J. Mikuš. La Slovaquie dans le drame de l'Europe. Paris, 1955; J. Kirschbaum. Slovakia. National the Crossroads of Central Europe. N.Y., 1960; P. A. Hroboák. The Slovak Uprising of August 1944.—«Slovakia», v. IV, 1954; J. Raicó. The 1944 Communist Revolt in Slovakia.—«Slovakia», v. VII, 1957. Все работы крайне тенденциозные и, отрицательно относясь к словацкому национальному восстанию, считают, что оно уничтожило словацкое государство «как вершину национальных стремлений словаков». Подобную тенденцию имеет работа К. Чулена (K. Čulen. Po Svätoplukovi druhá násť hlava, Midletown, 1947).

лись через словацкие государственные органы. Уже договор между Германской империей и «словацким государством» в 1939 г., согласно которому Германия без каких-либо гарантий взяла на себя охрану «политической независимости» «словацкого государства» на 25 лет, значительно ограничивал эту самостоятельность³. При этом людяцкое⁴ правительство должно было отказаться в интересах германских военных властей от государственной власти на территории Schutzone (защитная зона), где германские поданные подчинялись имперской юрисдикции. Далее, германским военным властям были подчинены и граждане немецкого меньшинства в Словакии, хотя они являлись подданными «словацкого государства». Германская крупная монополистическая буржуазия контролировала и эксплуатировала всю экономику Словакии. Деятельностью словацких государственных органов руководили советники, офицеры вермахта, гестаповцы и представители германских монополий⁵. Германский посол в Братиславе имел больше власти, чем все правительство вместе с парламентом, равным образом, большое влияние имел и немецкий военный атташе, который решал военно-политические вопросы. Таким образом, бесспорно, что уже сама форма «словацкого государства», его вассальная зависимость были первой ступенью к ликвидации Словакии в политическом и этническом отношении. В Словакию, поставленную в такие политические и административные условия, легко просачивалась немецкая идеология и осуществлялась постепенная германизация. Людяцкие правители никак не сопротивлялись этой инфильтрации, даже, наоборот, поддерживали (в целом безуспешно) распространение идей «дружбы» словацкого и немецкого народов, в понимании нацистов, и, используя все средства пропаганды, пытались вытравить глубоко укоренившиеся симпатии словацкого народа к народам СССР и другим славянским народам.

О том, что немцы считали Словакию своим «жизненным пространством» и были готовы в подходящий момент ликвидировать «словацкое государство», свидетельствовал целый ряд проведенных ими мероприятий. Так, столица Словакии Братислава с прилегающими к ней районами (т. е. не только Петржалка, которая была аннексирована уже в марте 1939 г.) должна была быть в соответствии с «историческим правом» включена в состав третьей империи как немецкий город. К такому выводу пришли нацисты на основе псевдонаучных археологических раскопок. План присоединения Братиславы с прилегающими к ней районами к немецкой империи был разработан группой немцев, чле-

³ M. Vietor. Slovenský štát-vazal hitlerovského Nemecka.— Nemecká otázka a Československo (1938—1961), str. 113.

⁴ Клерофашистское правительство так называемого самостоятельного словацкого государства.

⁵ M. Vietor. Slovenský štát-vazal hitlerovského Nemecka.— str. 115.

нов «Karpaten deutsche Partei», во главе с Ф. Кармазином. В плане дословно говорилось следующее:

«1. Город Братислава принадлежит к немецкой национальной территории... Связь с Империей осуществляют немецкие поселения по обоим берегам Дуная — между устьем реки Моравы и Братиславой.

2. Город Братислава, который находится на территории старого немецкого поселения квадов, является с XI столетия немецким городом...

3. При участии немецкого города Братиславы уже в средние века были заселены немцами восточные окраины Карпат, нижнее течение Вага и части Большого и Малого Житного острова.

4. Как пограничный город, дунайский порт, промышленный и торговый город велико-германской империи Братислава будет переживать новый мощный размах и выполнять для империи три важные задачи:

а) будет культурным и экономическим форпостом для империи и Вены на главном водном пути дунайского бассейна, значение которого для империи и средней Европы возрастет после установления связи с Рейном и Одером;

б) будет посредником немецкой культуры и торговли для венгров и словаков;

в) будет форпостом важного стратегического значения для империи и особенно для ее второго крупнейшего города, миллионной Вены, в отношении которой Братислава — в том случае, если ее оставить в чужой государственной принадлежности,— имела бы всегда характер враждебного соперника»⁶.

Ясно, что этот план Кармазина имел целью лишить Словакию административного, промышленного и культурного центра и важного транспортного узла на Дунае. План Кармазина о присоединении Братиславы и ее окрестностей к империи имел и другие причины, о чем свидетельствуют переговоры Гиммлера с Тукой в 1939 г. о праве немцев проводить на словацкой территории археологические исследования. Раскопки должен был проводить СС-унтерштурмфюрер Вильфонседер из личного штаба Гиммлера⁷. Тука безоговорочно и с удовлетворением принял предложение Гиммлера о том, чтобы археологические исследования проводило нацистское общество Ahnenerbe (наследство предков), и приветствовал интерес нацистов к изучению Словакии⁸. Уже 18 ноября 1939 г. Гиммлеру сообщается, что археологические исследования начнутся под наблюдением шефа полиции безо-

⁶ «Príspěvky k dějinám KSC», 1961, N 3; F. Štepá n. Nové dokumenty o protičeskoslovenských plánech dnešních revanšístů z let 1938—1939, str. 727—728.

⁷ V. Král. Zločiny proti Evropě. Praha, 1964, str. 418.

⁸ «The National Archives of the United States». Washington, Microcopy, T. 175, roll. 29—2,536.164—2,536.282; см также: V. Král. Zločiny proti Evropě.

пасности в Праге СС оберфюрера Шталекера⁹. Гитлеровские главари чрезвычайно интересовались результатами этих исследований, о чем свидетельствует тот факт, что уже через год, в сентябре 1940 г., шеф Агентства сообщил, что удалось найти в долине Вага целый ряд германских захоронений¹⁰, т. е. неопровергимых доказательств того, что эти области были когда-то германскими и что, следовательно, сегодня можно распространить на нее «историческое право». Подобным образом, как известно, поступали нацисты и на территории Советского Союза.

Уже из приведенных выше фактов можно сделать вывод о том, что взгляды людяцких правителей на самостоятельность «словацкого государства» и неприкосновенность его территории были по крайней мере лишены иллюзии. Они молчаливо соглашались с тем, что в удобное время гитлеровская Германия может оккупировать и аннексировать всю словацкую территорию. Об этом свидетельствуют и другие проекты тем или иным образом превратить Словакию в «немецкое жизненное пространство».

В 1940 г. Кармазин пригласил в Словакию Панке¹¹. Поездка этого нацистского специалиста была замаскирована необходимостью провести расовое обследование немецких лесных рабочих в Бескидах. В действительности же Панке проделал в Словакии основательное расовое обследование не только немецкого меньшинства, но обратил внимание и на остальное население¹². В заключение он сделал действительно оригинальные выводы. Он утверждал, что все ценное и культурное в Словакии является наследием немецких пионеров культуры, а словацкое население — имеет в себе большую часть немецкой крови. «После устранения евреев и цыган,— развивает свои доводы Панке,— эта страна может быть опять, по моему мнению, полностью обретена для немцев». Для усиления позиций местных немцев Панке предлагает поселить здесь небольшое число тщательно отобранных в Германии немцев: «...100 000 новых немецких семей было бы достаточно для того, чтобы выставить крепкий вал против венгерских элементов и дать словакам ведущий слой, который окончательно соединил бы их с немецким народом»¹³. Приведенные установки, мнения и предложения Панке имеют очень конкретное содержание и цель — онемечить словаков. И если нацисты не приступили к реализации этих планов в ходе войны, то только потому, что это было связано с их военно-стратегическим положением.

⁹ V. Král. Zločiny proti Evropě.

¹⁰ «The National Archives of the United States», T. 175, roll. 29.

¹¹ V. Král. Zločiny proti Evropě, str. 417—418.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Известно, что еще накануне Мюнхена, в начале октября 1938 г., Вёрманн предлагал Гитлеру четыре возможных решения словацкого вопроса: самостоятельная Словакия; автономная Словакия в рамках Чехословакии; Словакия в рамках Венгрии; Словакия как составная часть Польши¹⁴. Вёрманн склонялся к первому из названных решений и указывал: «Самостоятельная Словакия была бы слабым государственным образованием и поэтому могла бы быть подкреплением для немцев при проникновении их на Восток в поисках жизненного пространства. Она была бы пунктом наименьшего сопротивления на Востоке»¹⁵. И немецкое правительство эту возможность реализовало¹⁶.

Пожалуй, самый полный и самый подробный план решения судьбы словацкого народа содержал документ, найденный в трофейных архивах немецких военных и политических органов, захваченных США. Это «Отчет о внутриполитической ситуации в Словакии с предложениями решения судьбы словацкого народа в рамках нацистской Германии, представленный руководителем главной канцелярии рейхсфюрера СС Г. Гиммлера»¹⁷. Отчет и предложения разработалoberштурмбанфюрер СС В. Наглер, советник при главном командовании глинковской гвардии¹⁸. Вначале в документе дан анализ внутриполитической ситуации в Словакии, которая, по мнению В. Наглера, развивается в значительной степени неблагоприятно для империи.

1. Словакия принадлежит непосредственно к немецким землям.

2. Расовая основа словацкого народа во многом одинакова с немецкой.

3. Из этнографического исследования становится ясным, что на этой территории произошло значительное взаимосмешение немцев и словаков.

4. Здесь не наблюдается глубоко укоренившейся национальной вражды между немцами и словаками.

5. Словаки сегодня национально сознательны, а в среднебеспеченных слоях мы встречаемся даже с ярко выраженными националистами.

¹⁴ V. Kráľ. *Zločiny proti Evropě*, str. 410.

¹⁵ Там же, стр. 411.

¹⁶ На реализации планов Вёрмана, т. е. включения Словакии в Венгрию, очень настаивала венгерская крупная буржуазия, которая проявила в этом направлении большую дипломатическую активность. Интересные заметки об этом см. в кн.: J. Fabian. «Svatoštefanské tíene». Bratislava, 1966, str. 71.

¹⁷ The National Archives of the United States, T. 175, roll. 119—2,643, 753-2, 643.788: Документ впервые опубликовал В. Пречан в сборнике документов «Slovenské národné povstanie». Bratislava, 1965, dokument 3; см. также: V. Kráľ. *Zločiny proti Evropě*, str. 419—420. В настоящей статье мы исходим из той версии, которая дана в документе, опубликованном В. Пречаном.

¹⁸ V. Kráľ. *Zločiny proti Evropě*.

Так нацистский специалист по германизации пытается охарактеризовать «национально-политическую ситуацию» в Словакии в феврале 1943 г. Эти положения, опирающиеся на археологические и этнографические «исследования», приводят автора документа к далеко идущим выводам. Оказывается, что переселение большой массы людей не является необходимым, потому что вызвало бы непреодолимое сопротивление. Напротив, оказывается что в Словакии имеются якобы все предпосылки для ассимиляции, но не немедленной, а постепенной. Процесс ассимиляции, первая фаза которой, по мнению Наглера, уже совершается, закончится значительно позже. «При этом,— продолжает автор документа,— надо было бы устраниТЬ нежелательные в расовом отношении, противодействующие элементы и потихоньку выселить их»¹⁹. Он имеет здесь в виду евреев, цыган, а также коммунистов и прогрессивные слои словацкого народа. В следующей части документа автор дает «идейно-политические» предписания, как нужно «включить лучшую в расовом отношении часть словацкого народа в состав немецкой национальности». Надо, по его мнению, всеми возможными средствами систематически поднимать общие глубокие исторические, культурные и общежитейские традиции словаков и немцев. Соответственно с этим надо разбивать чувство славянской взаимности и научно разлагать славянский комплекс, доказывать разобщенность и отчуждение между славянскими народами. Новый панславизм является одной из главных опасностей в решении данных проблем, поэтому ему надо «потихоньку, но радикально воспрепятствовать»²⁰. И, напротив, надо, по мнению Наглера, всесторонне поддерживать немецкое меньшинство в Словакии, целенаправленно насаждать немецкий язык, литературу и идеологию нацизма. Надо посыпать словаков учиться в империю, «твердых» принимать в вермахт и прямо в Словакии учреждать немецкие школы для словацких детей. Главную роль какого-то *Spiritus moves* в этих ассимиляторских стремлениях должна была выполнять глинковская гвардия, которая, по мнению нацистов, объединяла людей, способных обеспечить такое развитие. Правда, и в ней имелись враждебные для нацистов элементы. Этих предполагалось исключить и одновременно углубить идеологическую и военно-политическую работу в гвардии. Затем учить (школить) руководителей ГГ (Глинковской гвардии.— *Примеч. переводчика*) и усилить идейное влияние национал-социализма²¹.

Итак, мы привели главные «идеи» доклада Наглера Гиммлеру. Основные «идеи» и рассуждения, имеющиеся в этом отчете, не требуют комментариев. Бессспорно то, что это является убе-

¹⁹ V. K. gá l. Zločiny proti Evrope.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

дительным доказательством обдуманной германизации и асимиляции словацкого народа. Они показывают действительную сущность «самостоятельности» «словацкого государства», которой Гитлер дал 25-летнюю гарантю. Осуществить эти планы нацисты, правда, были не в состоянии. В приложении к указанному выше отчету нацисты признали, что в Словакии распространяются прогрессивные антинацистские, антинемецкие и «панславистские» идеи, которые проникают и в армию. Традиционные симпатии словацкого народа к Советскому Союзу, отклик побед Советской Армии и особенно победы на Волге, активная деятельность нелегальной коммунистической партии — все это создавало уже в 1943 г. такую политическую ситуацию в Словакии, что никто не мог сомневаться в том, что близится стихийное выступление словацкого народа против людяцкого режима и его нацистских покровителей.

Когда мы сегодня, по истечении двух десятилетий, исследуем эти отчеты и планы нацистских главарей, они нам кажутся наивными и нереальными. Но мы не должны забывать, что нацисты принялись бы за их реализацию, если бы история совершилась по их воле. Однако историческое развитие пошло иными путями. Гитлеровские планы в отношении Словакии потерпели крах благодаря героической борьбе Советской Армии против немецких оккупантов и сопротивлению словацкого народа, начавшего в августе 1944 г. вооруженную борьбу против нацистов и их людяцких приспешников. Но угроза безопасности славянских народов существует до тех пор, пока в Западной Германии заправляют реакционные и агрессивные силы реваншизма и неонацизма.

К. Оберманн

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕМЕЦКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Мы отмечаем десять лет тесного сотрудничества историков ЧССР и ГДР, десятилетие деятельности Немецко-чехословацкой исторической комиссии.

Впервые в истории наших народов установилось плодотворное и товарищеское сотрудничество между немецкой и чехословацкой исторической наукой. С самого начала было ясно, что оно имеет не только научное, но и политическое значение, что сотрудничество это должно рассматриваться как важный вклад в общую борьбу за мир и социализм.

В первые годы деятельности комиссии необходимо было провести большую организационную работу, наладить информацию, координировать планы и направления научного исследования, установить обмен литературой, наладить личные контакты и т. п. Заседания комиссии, происходившие тогда 2 раза в год, были посвящены этим вопросам. Уже при первом обмене мнениями стало ясно, что главным образом надо заняться исследованием таких проблем, которые имели наибольшее значение в истории обоих народов. Фальсификация истории немецко-чехословацких отношений империалистической и реваншистской немецкой историографией играла большую политическую роль, так как немецкий империализм стремился таким образом оправдать свою экспансионистскую политику. С основанием Немецко-чехословацкой исторической комиссии исследования взаимоотношений народов в прошлом, особенно исследования дружеских традиций во взаимоотношениях немецкого народа и народов Чехословакии, стали на прочную основу.

Результатом сотрудничества немецких и чехословацких историков явилась научная и публикаторская деятельность.

В сборнике «Из 500-летней немецко-чехословацкой истории» дан анализ прогрессивных традиций в истории борьбы обоих наших народов против преследований и гнета, начиная с гусит-

ского движения и кончая связями между революционными рабочими наших стран в XIX и XX вв., ибо именно в этих прогрессивных традициях следует искать корни дружбы наших народов. Исследуя проблему влияния гуситского революционного движения на Германию, вопросы сотрудничества демократов в 1849 г. и историю непосредственных связей революционных рабочих наших стран в их совместной борьбе, мы тем самым подготовили работы, которые призваны обогатить нашу историческую науку. О характере и направлении научной деятельности свидетельствует публикация, вышедшая в 1959 г. и посвященная Мюнхену, которая включила материалы международной конференции, состоявшейся в Праге в связи с 20-летием Мюнхенских событий. Следующий сборник включил работы чехословацких и немецких историков, связанные с международным конгрессом историков в 1960 г. в Стокгольме. В центре работы комиссии была подготовка научной сессии по основным вопросам чехословацко-немецких отношений. На подготовительных совещаниях было выработано единое мнение о том, что недостаточно рассматривать немецко-чехословацкие отношения только с точки зрения общих прогрессивных традиций наших народов, а следует учитывать, что народы Чехословакии относились к числу наций, угнетаемых господствующими классами Германии. Не нужно забывать также, что политика угнетения ложилась тяжким бременем и на немецкий народ и, следовательно, борьба народов Чехословакии против национального гнета объективно оказывала помощь освободительной борьбе немецкого народа. На заседании в ноябре 1962 г. комиссия дала положительную оценку состоявшейся сессии: «Сессия явилась завершением длительного этапа в работе комиссии, в выработке единого мнения по важнейшим вопросам истории немецко-чехословацких отношений. Историческое значение сессии состоит прежде всего в том, что впервые была выработана марксистская концепция политических и культурных отношений между немецким народом и народами Чехословакии».

Опубликовав материалы, связанные с упомянутой выше сессией: «Немецко-чехословацкие отношения в прошлом и в настоящее время», мы завершили важный этап нашей совместной работы, достигнув единства мнений по основным вопросам истории чехословацко-немецких отношений.

Теперь задача состоит в углублении ряда важных проблем, требующих дальнейшего освещения. При поддержке Института истории в ближайшие годы будут разработаны три комплекса вопросов:

1) проблема революции 1848/49 г. (имеется в виду прежде всего публикация источников по вопросу отношений между немецкими и чешскими демократами в период революции);

2) проблема рабочего движения в эпохи I и II Интернационалов;

3) национальный вопрос в Чехословакии и экспансионистская концепция немецкого империализма с конца XIX в. до 1939 г.

Центр тяжести должен быть перенесен при этом на работы, посвященные политике немецкого империализма по отношению к Чехословакии в период от Мюнхена до оккупации.

На сессии в мае 1966 года комиссия определила, что ее деятельность будет развиваться в следующих направлениях:

1) взаимная информация об исследованиях и их результатах в обеих странах,

2) совместные публикации по истории чехословацко-немецких отношений.

3) организация совещаний и дискуссий по научным проблемам, интересующим обе стороны, с привлечением специалистов.

Перед нами стоят большие задачи и требуются значительные усилия с обеих сторон, чтобы разрешить их. В ФРГ еще господствуют неправильные и вредные концепции империалистических реваншистских и фашистских историков по вопросу взаимоотношений между народами наших стран. Но благодаря работам наших историков историческая правда восстанавливается. Таким образом мы вносим свой вклад в дело укрепления дружбы народов, в дело мира. В этом значение десятилетней деятельности нашей комиссии.

СООБЩЕНИЯ

Т. А. Воздвиженская

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО НЕМЕЦКО-БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА

В 30-е годы XX в., особенно после прихода к власти Гитлера, германский империализм усиливает агрессивную политику по отношению к балканским странам, в частности к Болгарии, и постепенно начинает играть все большую роль в экономике страны. Это позволяет ему укрепить свое влияние на болгарскую буржуазию.

Осуществление агрессивной политики германского империализма в Болгарии шло различными путями. Германия стремилась завоевать важные позиции как в экономической, политической, так и в культурной и в идеологической областях. Главным проводником экономического и политического влияния германского капитала в Болгарии в эти годы был основанный в Софии еще до Балканских войн Кредитный банк. Этим же целям служили различные промышленные и торговые объединения, некоторые культурные организации. Среди них не последнее место принадлежит так называемому Немецко-болгарскому обществу.

Основание его относится еще ко времени первой мировой войны. В тот период Германия начинает приобретать на Балканах все больший вес. Вынашивая свои далеко идущие планы в отношении Балкан, германский империализм использует противоречия между буржуазией балканских стран, действуя по принципу «разделяй и властвуй!», он стремится к союзу с одними против других, втягивая балканские народы в общую линию своей политики.

Именно таким объектом оказывается в то время Болгария в силу политики, проводимой болгарской буржуазией.

Несмотря на результат Балканских войн, приведших страну к страшной национальной катастрофе, болгарская буржуазия и

монархическая верхушка не отказались от своих завоевательных планов, подаваемых под лозунгом «национального объединения». Будучи связаны с австрийским и германским капиталом, они считали, что реализация этих планов возможна лишь с помощью Австрии и Германии.

Правительство либералов, пришедшее к власти в момент окончания войны и состоявшее из представителей германофильских партий, свою деятельность направило на окончательное включение Болгарии в германо-австрийский лагерь. Оценивая эту политику, Г. Димитров писал: «Генеральной линией болгарской внешней политики на протяжении всей новой политической истории нашей страны было служение германскому империализму, который стремился осуществлять свою политику «Дранг нах ос-тен»¹.

Результатом этой деятельности явилось подписание (6 сентября 1915 г.) секретных военных договоров с Германией и Австрией. Договоры определяли условия, на которых Болгария должна была вступить в первую мировую войну в качестве союзника Центральных держав.

Вместе с тайной подготовкой к войне в союзе с Германией и Австрией против стран Антанты, а значит, и России шла и психологическая подготовка этого союза.

Используя печать и другие средства пропаганды, монархическая верхушка и буржуазия всячески разжигали национализм и шовинизм. Была развернута антирусская и антисербская кампания, особенно в газетах партий, входивших в правительство. Буржуазия понимала, что одним из главных препятствий осуществления ее политики были традиционные отношения дружбы и братства, связывающие русский и болгарский народы, чувства любви и признательности народных масс к России.

Параллельно с антирусской пропагандой была официально выдвинута идея политического, государственного и культурного сближения с Германией и Австрией.

В «идее сближения» были заинтересованы и предполагаемые партнеры, особенно Германия. Пятью месяцами позднее подписания тайного болгаро-германского военного договора, 15 февраля 1916 г., в Берлине было основано Немецко-болгарское общество (*Deutsch-Bulgarische Gesellschaft e. V.*).

Вспоминая впоследствии историю его возникновения, один из его деятелей писал, что стремления к созданию такого «общества особенно усилились в момент вступления Болгарии в мировую (первую мировую.—*T. B.*) войну»² на стороне Германии.

¹ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи, т. III. София, 1947, стр. 164.

² «Jahrbuch der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft e. V.», 1940—1941, S. 18.

Правящие круги обеих стран стремились привязать Болгарию к Германии не только в экономическом и военном отношении, но и в культурном. Общество возглавили официальные лица: его первым президентом был герцог Шлезвиг-Гольштинский Эрнст Гюнтер, первым почетным президентом — тогдашний болгарский посланник в Берлине, д-р Ризов.

О существовании какой-либо подробной программы, выдвинутой Обществом в момент его образования, у нас нет сведений. В общих чертах она официально формулировалась как деятельность, направленная на «процветание и оживление немецко-болгарских связей в области хозяйства и культуры»³.

Органом более откровенной немецкой пропаганды в Болгарии в то время была ежедневная вечерняя газета «Дейче Балканцайтунг» («Deutsche Balkanzeitung») (1917—1918). Болгарские исследователи, характеризуя печать тех лет, прямо называют это издание «газетой-агентом».

Основание общества наложило определенный отпечаток на развитие болгаро-немецких культурных взаимоотношений. Продолжавшаяся правительственные кругами и ранее ориентация на Запад в области культуры теперь получает конкретно выраженное прогерманское направление. А сами культурные взаимоотношения, которые в предшествующие годы (несмотря на подобную официальную ориентацию) носили в основном все же характер естественных контактов и были связаны с особенностями болгарского культурно-исторического и литературного процесса, теперь становятся официально проводимой культурной политикой. Заметно возрастает внимание к Болгарии с немецкой стороны.

Целый ряд видных немецких ученых того времени начинает в этот период интересоваться болгарской филологией и культурой⁴. Это прежде всего профессор Густав Вейганд, много сделавший для установления немецко-болгарских научных связей и развития болгаристики в Германии (он подготовил и издал словари, занимался переводами и основал болгарскую секцию в Институте балканистики в Лейпциге); профессор Август Лес-

³ «Jahrbuch der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft V.», S. 18.

⁴ Этому способствовал и тот факт, что в это время довольно большие группы болгар постоянно находились в разных городах Германии. В 1914 г. в Германии обучалось 580 человек болгарских студентов, больше всего в Мюнхене и Лейпциге, затем в Берлине, Дрездене, Иене и других городах. Это специалисты, представители интеллигенции, многочисленные студенты, организованные в землячества или в «академические общества» и в болгарские колонии. Позднее оживленную деятельность развернула болгарская колония в Берлине «Единство». Самое старое из них первое болгарское академическое общество «Шипка» было основано в Мюнхене еще в 1870 г. В Лейпциге существовало общество им. П. П. Славейкова. А в 1908 г. был образован в Берлине союз студентов болгар, обучающихся в Германии, под названием «Родина». Он включал 600 человек.

кин — автор печатных работ о Болгарии и посвященных ей разделов в энциклопедии Брокгауза; профессор К. Касснер, в дальнейшем член правления Общества, и др.

Одним из его основателей и активным его сторонником был много лет живший в Берлине художник профессор Никола Михайлов⁵.

В первые три года своего существования «Немецко-болгарское общество» организовало свои филиалы в Мюнхене, Штуттгарте, Дрездене, Вроцлаве (немецкое название Бреслау) и Гамбурге. Деятельность его в первые годы началась с мероприятий просветительско-издательского характера. Выдвигая в качестве цели своих мероприятий желание «познакомить немецкую общественность с достижениями культуры Болгарии» и стараясь снискать расположение болгарской интеллигенции, оно предприняло издание «Библиотеки болгарских писателей и поэтов». В 1917 г. вышел том избранных произведений Ивана Вазова⁶. В том же году по инициативе Общества был издан сборник болгарской поэзии «Blüten aus dem Balkan». К участию в своих изданиях Общество старалось привлечь известных в то время специалистов-болгароведов, славистов-переводчиков, например Ал. Дорича и др. Однако издание «Библиотека» просуществовало недолго⁷.

В этот начальный период деятельность Общества была более интенсивной в Германии, чем в Болгарии. Исход первой мировой войны не мог не отразиться (хотя бы временно) на всей совокупности болгаро-немецких отношений. Повлиял он и на судьбу Общества. В первые годы после войны в деятельности Общества наступает затишье⁸.

Так называемое возрождение общества, как считают его руководители, началось в 1928 г. Тогда по инициативе тогдашнего

⁵ Никола Михайлов — болгарский художник, творчество которого очень противоречиво. Обладая высокой техникой и точным рисунком в ранний период своего творчества, он создал ряд работ, оставивших след в истории болгарского изобразительного искусства. Однако потом его картины постепенно становятся все более академичными и холодными. Стиль его парадных портретов импонировал состоятельным заказчикам Америки, где он провел несколько лет, и Германии.

⁶ «Bibliothek bulgarischen Schriftsteller und Dichter», Bd. I. Ivan Vazov. Leipzig, 1917.

⁷ В это время в Лейпциге с гораздо большим успехом выходило и другое издание «Болгарская библиотека» («Bulgarische Bibliothek»), которое возглавил профессор Университета Г. Вейганд. В его редколлегию входили А. Лескин, К. Касснер, Юберсбергер, а с болгарской стороны — А. Иширков, Молов, И. Хербст, А. Протич. Издание осуществлял И. Парлапанов, болгарин, с 1904 г. живший в Лейпциге и немало сделавший для популяризации болгарской культуры в Германии. Он тоже был связан с Немецко-болгарским обществом.

⁸ Культурные же отношения тем не менее продолжают развиваться. Можно проследить целый ряд литературных контактов (поэты Гео Милев, Т. Траянов и т. д.), усиливаются связи в области науки, медицины, техники.

болгарского дипломатического представителя Попова и, как его именуют немецкие авторы, одного из «старых друзей Болгарии» профессора К. Касснера собрание берлинских членов Общества избрало новое правление, задачей которого было «оживить угасшую деятельность». Вслед за этим в 1930 г. при содействии Общества был показан в Германии популярный фильм о тогдашней Болгарии «В царстве роз», снятый Иваном Парлановым из Лейпцига.

Однако «истинный поворот» в деятельности Общества происходит после прихода в Германию к власти фашистов. Еще в 1928 г. во главе нового правления встал генерал-полковник Зекс, и руководство Обществом надолго перешло в руки военных. После его отъезда в Китай в 1934 г. президентом становится бывший военный уполномоченный в Болгарии бригаденфюрер СС Эвальд фон Массоф.

Имеющиеся материалы позволяют сказать, что в эти годы устанавливается зафиксированное членство, индивидуальное и коллективное⁹. Рождаются новые филиалы во Франкфурте-на-Майне, Граце, а позднее в Праге и в Вене (последнее 10 марта 1939 г.).

Общество стремилось выглядеть широко представительной организацией. К участию в нем в 30-е годы привлекаются немецкие и болгарские ученые, художники, писатели. Среди них были люди разной политической ориентации. Можно назвать и таких, кто в продолжение многих лет действительно олицетворял собой научные и культурные связи двух стран. Это — ученые либерального толка, известный немецкий славист Макс Фасмер, венский профессор Алоис Гаек. Членами Общества были такие известные болгарские ученые, как, например, биолог Методий Попов и другие, видевшие в практической деятельности Общества возможности для развития молодой болгарской науки¹⁰.

Однако полный состав членов Общества дает представление о том, кто в нем имел истинное влияние. В него входили болгарские дипломаты, представляющие в Германии болгарское монархо-фашистское правительство (почетным его членом был царь Борис), а с немецкой стороны — в его деятельности, кроме разного рода культурных и научных институтов, принимали участие многие банки (например, Dresdener Bank, Commerz und Privat Bank A.—G., Deutsche Bank), фирмы, торговые объе-

⁹ § 6 Устава Общества гласит, что членами его могут быть «немцы и болгары, а также немецкие и болгарские фирмы...». Взнос постоянных индивидуальных членов (согласно § 8) составляет не менее 10 марок, а коллективных (фирм и организаций) не менее 50 марок ежегодно. Впоследствии эти взносы (в 1943—1944 гг.) были соответственно увеличены.

¹⁰ Согласно списку членов 1938 и 1940 гг.

динения (Berliner Handels-Gesellschaft, Deutsche Waffen und Munitionsfabriken und s. w.)¹¹.

Немецкие монополии, проникшие в этот период во многие важнейшие области болгарской экономики и преследовавшие цель подчинения политики Болгарии фашистской Германии, не упускали из виду и другие стороны жизни болгарского общества. Используя культурное сотрудничество, они старались воздействовать на общественное мнение страны, склонить его на свою сторону.

Эта тенденция в германо-болгарских отношениях данного периода определила и истинную сущность деятельности Общества. Важнейшим ее направлением стала пропаганда «сближения», «общности». Члены Общества, выступая на встречах, собраниях, вечерах, всячески подчеркивали «дружественный» характер стремлений Германии, благожелательное отношение немцев к болгарскому народу. Пропаганда особенно усилилась после появления у Общества своего печатного органа: «Jahrbuch der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft e. V.»

Ряд немецких ученых, филологов и историков, занимавшихся в то время странами Юго-Восточной Европы, выступали в данном издании с теоретическим обоснованием этой политики. Они убеждали, что «сближение» болгар и немцев есть факт необходимый и исторически обусловленный. Обращаясь к именам Гердера, верившего в перспективы развития славянских народов, и Гете как символам величия немецкой культуры, они обосновывали свой повышенный интерес к Болгарии и к Балканам вообще традицией и «культурной миссией немецкой нации».

Выступая в Вене на собрании, посвященном учреждению Венского филиала Немецко-болгарского общества, его член Герхард Геземанн¹² (профессор Немецкого университета в Праге) говорил: «Юго-Восток (имеется в виду Юго-Восток Европы.—T. B.) всегда принадлежал к нашему духовному жизненному пространству; тысячелетиями мы связаны с ним тысячами крепчайших нитей, иногда счастливых, иногда несчастных, но всегда неизбежно ощущимых и значительных для наших судеб. Мы воспринимаем Юго-Восток со всей серьезностью, потому что всякое легкомыслие, как в политическом, экономическом, так и в культурном отношении имело бы роковые последствия»¹³.

Эти положения, применительно к культурным связям Герма-

¹¹ Согласно тому же списку.

¹² Герхард Геземанн в 20—30-е годы был одним из редакторов журнала «Slavische Rundschau», выходившего в Праге на немецком языке. Его интерес к болгарским сюжетам связан с именем болгарского поэта Кирилла Христова, с которым он в то время находился в тесных дружеских отношениях.

¹³ Цит. по: «Jahrbuch der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft e. V.». Leipzig, 1938, S. 176.

нии и Болгарии, трактуются в плане отношений «больших» («80 миллионов развитых в политическом, хозяйственном и культурном смысле немцев») и «малых» («всего 5,5 миллионов болгар») народов; в своего рода противопоставлении немецкой культуры, «вобрившей в себя все достижения германо-романской цивилизации «абендлянда», восточной («orientalisch») неевропейской болгарской культуре. Двусторонность культурного сотрудничества, о которой не раз заявляли основатели и деятели Общества, понималась его теоретиками в лице Геземана в русле идеологии культуртрегерства.

В том же выступлении, носящем название «Культурная деятельность в духе Гёте», Геземан старается изобразить политические, хозяйственные и культурные отношения Германии с народами юго-востока Европы (в том числе и с болгарами.— Т. В.) как «честную, искреннюю деятельность на благо сближения, приобщения», потому что, как он утверждает, Германия является якобы «посредником между Балканами и Западной Европой»¹⁴.

Продолжая свою теорию культуртрегерской миссии Германии на Балканах, он демагогически заявляет, что эти отношения немцы якобы «никогда не рассматривали с точки зрения колониальных претензий и империалистических завоеваний».

И в этой связи культурную политику, осуществляемую Обществом в тот период, его идеологи пытались представить как естественное продолжение дружеских контактов, установившихся между отдельными представителями болгарской и немецкой культуры в начале века. На эти моменты они в своей пропаганде обращали немалое внимание.

Желая привлечь к себе внимание, Общество широко отмечает в различных городах Германии юбилей болгарских писателей, деятелей культуры, помещает статьи о них, переводы произведений П. П. Славейкова, П. Яворова, П. Тодорова, Д. Немирова, И. Йовкова и т. д.; публикует в своем ежегоднике сведения о болгарской музыке, живописи, науке, технике, просвещении, проводит другие массовые мероприятия. В статьях, посвященных юбилейным датам писателей, их творческий облик рассматривается тенденциозно, под углом зрения, удобным для доказательства концепций¹⁵.

¹⁴ «Jahrbuch der Deutsch-Bulgarischen Gesellschaft e. V.». Leipzig, 1938, S. 176.

¹⁵ Например, в статье уже названного Г. Геземанна о П. П. Славейкове (написанной по случаю 25-летия со дня смерти поэта) автор, который не в силах отрицать симпатии Славейкова к русской культуре и литературе, утверждает тем не менее, что решающим фактором в творческой и жизненной судьбе поэта было усвоение им «немецкого духа» (в великогерманском смысле).

В большинстве из них проводится мысль о значении немецкой науки, образования, техники для развития отдельных областей болгарской культуры¹⁶.

Основа для «сближения» усматривалась его теоретиками и в тех «великоболгарских» тенденциях, которые усиленно пропагандировались буржуазией внутри страны.

Реваншистские устремления правящих классов Болгарии, затронувшие даже часть интеллигенции, особенно той, которая получила образование в немецких университетах, рассматривались как проявление силы «национального духа», родившей болгар и немцев. Со статьями, где в той или иной мере проводились подобного рода идеи, выступали в ежегоднике известные представители «остфоршунга» того времени. Можно указать на Георга Штадтмюллера, который был членом Общества (например, его работа «Болгария и соседние с ней народы в историческом освещении»), Ганса Коха, тоже члена Общества, а также Франца Дельгера (см., например, его статью «Болгария и Византия. Борьба за господство на Балканах») и др.¹⁷ Печатались там и некоторые реакционные болгарские историки того времени, П. Мутафчиев¹⁸, Б. Йоцов и т. д.

К концу 30-х началу 40-х годов все обнаженное становится политические цели Общества. Официально по-прежнему в качестве задачи выдвигается укрепление связей «в интересах развития обеих культур». Но все настоятельнее подчеркивается, что нынешнее сотрудничество, хотя и продолжает традиции культурных связей прошлого, родилось «в пламени первой мировой войны»¹⁹. Со страниц изданий Общества все отчетливее звучит голос германского милитаризма. Болгария рассматривается как «друг — военный союзник» в готовившейся войне. Лицемерная сущность этих дружественно-союзнических отношений «равенства» становится ясной, если сравнить заявления Общества с тем, что писала фашистская газета «Deutsche Nachrichten für

¹⁶ См., например: D. Kristev. Der Bulgarische Techniker. Die weltgeschichtliche Mission der deutschen Technik.— «Jahrbuch...» Leipzig, 1942.

¹⁷ В 30—40-е годы Георг Штадтмюллер и Ганс Кох были видными идеологами фашистского «остфоршунга». После войны они вновь выдвинулись в Западной Германии как «эксперты» по истории Восточной и Юго-Восточной Европы. Ганс Кох, непосредственно в прошлом связанный с гитлеровской разведкой, стал в 1952 г. директором «Института Восточной Европы» в Мюнхене. После его смерти (1959 г.) этот пост занял Георг Штадтмюллер. Там же, в Мюнхене (в сенатской комиссии по проблеме «остфоршунга» при Мюнхенском университете), работает сейчас и Франц Дельгер. В последнее время он занимается проблемами балканстики.

¹⁸ См.: «Grundzüge und Hauptprobleme der historischen Entwicklung Bulgariens seit der Befreiung»,— «Jahrbuch...» Leipzig, 1939.

¹⁹ Символом единения немецкой военщины с культурной политикой Германии являлась фигура президента Общества Эвальда Массофа. Его военная карьера в начале века была связана с усилиями немецкой военной дипломатии на Балканах и в Болгарии. Дослужившись до высоких чинов, он уже в гитлеровской Германии стал общественным деятелем в области культуры.

Griechenland» в это же время: «Нужно забыть существующие исторические, этнические, географические и другие особенности балканских народов... Юго-Восточная Европа будет сферой производства сельскохозяйственных продуктов и источником рабочей силы для Германии... В новой Европе речь идет о том, чтобы крестьянин, будь то серб, грек, болгарин или румын, обрабатывал землю и чтобы его труд давал как можно больше ценностей для развития и процветания Центральной Европы»²⁰.

В скрытой и явной форме ведется пропаганда фашистской идеологии. Заслуги Общества в этом отношении были оценены лично Гитлером и другими высшими чинами рейха в поздравлениях, присланных ими по случаю празднования 25-летнего юбилея Общества. Нужно отметить, что и ранее оно пользовалось их вниманием и благосклонностью.

Очень важным и обширным направлением работы Общества была практическая деятельность. Она выражалась в том, что Общество всячески помогало осуществлять самый широкий культурный обмен с Болгарией. Он был рассчитан на научные круги Болгарии, студенческую и учащуюся молодежь. Культурный обмен стал средством непосредственного влияния на эти слои населения. В программу обмена входили: поездки ученых, туристические экскурсии, обмен делегациями женщин и молодежи. Всячески поощрялись контакты между дружинами «Бранника» и молодежными фашистскими организациями в Германии.

В этот период гитлеровская Германия широко, как никогда, раскрыла двери своих университетов для болгарских студентов. В годы войны болгарские студенты в Германии по численности занимали первое место среди студентов-иностранных. Президент «Немецко-болгарского общества» Эвальд Массофф являлся одновременно и президентом фонда имени Гумбольдта. Поэтому при распределении стипендий этого фонда и фонда его собственного имени («Der Ewald von Massoff — Stiftung») почти все стипендии отдавались, как он сам выражался, «моим бравым болгарским студентам». «Заслуги» Массоффа были признаны тогдашним профашистским настроенным руководством Университета в Софии: он был избран почетным доктором многих факультетов. Пропаганда, которую вели Общество среди болгарских студентов в Германии, способствовала проникновению в среду академической молодежи идей фашизма. Руководители двух самых больших студенческих объединений — Мюнхенского и Лейпцигского — вошли в руководство Общества, а сами эти организации в годы войны составили крайнеправое крыло в болгарском студенческом движении. В программу Общества входила и работа среди болгарских землячеств в Германии. Оно устраивало посе-

²⁰ См.: Н. Васильев. Фашистский «новый порядок» на Балканах.— «Большевик», 1941, № 21, стр. 31, а также Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, стр. 289—290.

щение предприятий, лекции, концерты, вечера, вело пропаганду в духе нацизма. Идеологической обработке подвергались и болгарские рабочие, приезжавшие в Германию по найму, что стало в то время довольно распространенным явлением.

Общество постоянно следило за развитием германистики в Болгарии и болгаристики в Германии, приглашало ученых читать лекции. С докладами на вечерах, организованных Обществом в различных городах Германии, выступали, например, литератороведы Мих. Арнаудов, Г. Найденова и др.²¹ В своем издании Общество помещало библиографические бюллетени, рецензии на книги о Болгарии. Оно прямо или косвенно было связано со всеми почти проявлениями болгаро-немецких культурных контактов в этот период, осуществленных по линии научных соглашений, академий наук и т. д.

Широкая и всячески поощряемая официальными болгарскими кругами пропаганда Общества достигает известных успехов. В конце 30-х годов в Софии создается «родственное» Общество болгаро-немецкого культурного сближения (*Die Gesellschaft für Bulg.-Deutsche Kulturgänherung*) под председательством профессора Г. Данаилова, а затем 54 болгарские комиссии по культурному сотрудничеству в различных городах страны. В 1931 г. в союз объединились преподаватели немецкого языка в Болгарии. Берлинское Общество проводило среди них работу. Органом немецкой пропаганды в области культуры становится выпускаемый в Софии (с 1933 г.) на немецком, а позднее на двух языках ежемесячник *«Der Bulgarienwart»* («Български наблюдател»). Во время войны стало выходить еще одно издание, еженедельник *«Bulgarische Wocheschau»* тиражом 4000 экз. В этом издании, освещая проблемы политики, хозяйства и культуры, печатались и многочисленные переводы произведений болгарских писателей на немецкий язык. Подбор произведений и особенно комментарии к ним очень тенденциозны. Там сотрудничали такие реакционные литераторы, как Д. Владыкин.

Многолетняя деятельность Общества подготовила почву для создания в Софии в 1940 г. так называемого Германского научного института²², директором которого стал реакционный венский профессор, один из видных деятелей Общества Ганс Кох, о котором речь шла выше. Этот «научный» институт развернул

²¹ Михаил Арнаудов — крупный болгарский филолог-славист, профессор Софийского университета, общественный деятель. В 30—40-е годы в его работах сказалось влияние идеалистической и ницшеанской философии. После 9 сентября 1944 г. он пересмотрел свои взгляды, отказался от прошлой своей политической деятельности и написал ряд интересных работ.

Ганка Найденова — известный болгарский литераторовед. Она перевела в тот период на немецкий язык ряд произведений классиков болгарской литературы (которые были напечатаны в изданиях «Общества»). Сейчас является одним из специалистов по творчеству П. К. Яворова.

²² Ежемесячник *«Der Bulgarienwart»* стал в 1943 г. его органом.

широкую пропагандистскую деятельность в духе «приобщения» населения к «культурной общности новой Европы», а зачастую конкретно вмешивался в научную, культурную и политическую жизнь страны. Немецко-болгарское общество горячо приветствовало этот новый шаг германской политики в Болгарии, освещало в своем издании его работу.

На протяжении всей своей истории, а особенно в последние десять лет своего существования немецко-болгарское общество служило интересам немецких и болгарских правящих кругов. Оно было носителем немецкого влияния в Болгарии, проводником экспансии Германии в области идеологии. Подготавливая идеологическую основу «мирной оккупации» страны, принесшей болгарскому народу неисчислимые бедствия, оно явилось оружием политики «Дранг нах оsten», одной из форм, в которых осуществлялась эта политика в Юго-Восточной Европе, в частности по отношению к Болгарии, в XX в.

Т. А. Воздвиженская

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О БОЛГАРО-НЕМЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Изучение связей национальных литератур как существенной части культурных взаимоотношений народов — важная задача современной науки.

Для славянских литератур, как и для славянских культур вообще, проблема связей особенно многогранна. Ибо особенности исторических судеб славянских народов, естественно, наложили свой отпечаток на развитие культурно-исторического и литературного процессов в славянских странах, которые представляют собой сложное сочетание тенденций собственно национальных и результатов взаимоотношений с родственными славянскими литературами, с одной стороны, и неславянскими, — с другой.

Применительно к болгарской литературе из всей совокупности литературных связей наиболее изучены чрезвычайно тесные и плодотворные её связи с русской классической и советской литературами. Вопросы связей с другими европейскими литературами освещены весьма слабо и лишь сейчас начинают становиться предметом внимания исследователей.

Культурные взаимоотношения Болгарии и Германии сложны и противоречивы.

Поэтому, естественно, вызывает интерес новая работа болгарского литературоведа — германиста Стефана Ив. Станчева «Гёте в Болгарии»¹.

Она представляет собой результат многолетних изысканий ученого и продолжает целый ряд близких по теме работ, написанных им ранее².

¹ «Гьоте в България», ч. 1—3 («Годишник на Софийския университет». Филол. ф-т, т. VII, кн. 1, 1963, стр. 441—590; т. IX, кн. 1, 1965, стр. 173—243; т. IX, кн. 2, 1965, стр. 1—89).

² См., например: «Гёте в свете буржуазной литературной критики и истории» («Годишник на Софийския университет». Филол. ф-т, т. III, кн. 2, 1958/1959, стр. 368—385) и др.

Задача данного труда, как формулирует ее автор в предисловии,— «выяснить вопрос о проникновении, восприятии великого немецкого поэта Гёте в Болгарии в зависимости от исторического развития народа (болгарского.— Т. В.) и литературного процесса» (ч. 1, стр. 3, 443). Исследование охватывает период почти в 100 лет (с 50-х годов XIX в. до нашего времени).

В соответствии с принятой периодизацией истории культуры и литературы книга подразделена на несколько глав: Гёте в Болгарии до Освобождения; в период после Освобождения до Великой Октябрьской социалистической революции; затем в период от Октябрьской революции до 9 сентября 1944 и, наконец, Гёте в народно-демократической Болгарии. Уже сам материал подсказал автору необходимость выделения внутри межвоенного периода (от Октябрьской революции до 9 сентября 1944 г.) двух подпериодов, а соответственно двух глав, рубежом которых служит 1932 г., когда все человечество отметило 100-летие со дня смерти поэта.

Опираясь теоретически и методологически на достижение марксистского литературоведения в области теории литературных связей (работы П. Неупокоевой и др.) и общей теории перевода, Ст. Станчев справедливо считает, что в этом процессе взаимодействия литератур каждая литература (или ее отдельный творец) ни в коем случае не теряет своего национального своеобразия, а, наоборот, активно развивается и обогащается.

«При установлении литературных связей,— пишет автор,— будет выяснено их положительное или отрицательное воздействие», т. е. вопрос о том, помогают ли данные связи развитию литературы (как, например, влияние русской и советской литературы на болгарскую) или тормозят его.

Считая, что интенсивность и размеры связей зависят от общественно-исторических процессов внутри страны и многих других факторов, исследователь подчеркивает, что важным показателем является то, какие авторы и какие произведения одной литературы находят распространение в другой стране, кто и как их переводит.

Необходимо отметить, что в работе использован впервые собранный ученым огромный фактический материал. Рассмотрение его идет по трем направлениям. Во-первых, это появление переводов произведений Гёте в Болгарии, выбор произведений, их значение и анализ, во-вторых, восприятие творчества Гёте болгарскими литературоведами и критиками в зависимости от их политической ориентации и, наконец, в-третьих,— судьба драматургии Гёте на болгарской сцене в разное время.

Первое знакомство болгарского читателя с творчеством Гёте, как и с другими немецкими и западноевропейскими писателями, автор справедливо относит ко второй половине XIX в. В это время ее ведущие представители Хр. Ботев, Нешо Бончев

пишут о необходимости переводной литературы для болгарского народа. И в числе «замечательных» произведений, близких стремлениям болгар, называют «Тараса Бульбу», «Разбойников» и «Геца фон Берлихингэма».

Анализируя пути, по которым шло проникновение западноевропейской и немецкой литературы в Болгарию на этом и частично на следующих этапах, Станчев отмечает такой чрезвычайно интересный факт, что восприятие этих литератур шло через русскую. Не избежали этого пути и произведения Гёте. Первые его болгарские переводы были сделаны с русского. Болгарин Н. Катранов (которого считают прототипом тургеневского Инсарова из «Накануне»), тогда студент Московского университета, в 1853 г. публикует переводы с русского стихотворений Гёте «Знаешь ли ты этот край?...» и «An die Entfernte»³. Тем же путем шли позднее П. П. Славейков и И. Вазов. На основании тщательного анализа переводов автор работы приходит к выводу, что и долгое время после Освобождения русские переводы являются «главным источником знакомства с немецкой литературой... русский язык (для болгарской интеллигенции.— Т. В.) мостом к западной литературе, науке и культуре». Заключая рассмотрение этих периодов, Станчев подчеркивает, что до 90-х годов XIX в. Гёте входит в болгарскую культуру преимущественно такими произведениями («Эгмонт», «Клавиго», «Страдания юного Вертера»), идеиное содержание и демократическая направленность которых созвучны настроениям освободившегося народа и реалистическим тенденциям развивающейся литературы.

Усиление внимания к Гёте в Болгарии в 90-е годы автор справедливо связывает как с развитием самой болгарской культуры, литературы, ее поэтического языка, так и с развитием болгаро-немецких связей в этот период. Более близкое общение с демократической немецкой культурой, немецким классическим наследством вызывают у болгар, получивших образование в Германии, интерес к лирике Гёте, его эстетике и личности. К его творчеству обращаются многие, но прежде всего Пенчо Славейков⁴.

Станчев считает, что именно Пенчо Славейков в своих литературных эссе впервые в болгарской критике пытается воссоздать образ Гёте — поэта и гражданина, выступает против Менцеля и других буржуазных ученых, стремящихся затушевать де-

³ Автор проводит любопытные изыскания в поисках русского источника болгарских переводов, трехсторонний (или триязычный) анализ которых показывает, что оригинал служили переводы Мея, а не Тютчева.

⁴ Этому вопросу автор посвятил в работе специальный раздел, основные положения которого более подробно разработаны им в статье: St. Stančev. Penčo Slavejkov und Goethe.— «Zeitschrift für Slawistik», Bd. X, N 1, Berlin, 1965.

мократизм Гёте. Это соображение автора ставит в новом аспекте вопрос о связях выдающегося болгарского поэта с немецкой литературой.

Приводя новые, мало известные до сих пор факты, исследователь показал, что уже тогда восприятие Гёте болгарской критикой противоречиво. Буржуазная критика, находившаяся под влиянием немецкой идеалистической эстетики, выдвигала на первый план Гёте — «холодного олимпийца», изолированного от общественных движений своего времени. Прогрессивная же критика в лице Д. Благоева подчеркивала общественную обусловленность творчества немецкого писателя и его произведений (таких, как «Вертер» и др.).

С особым интересом читаются главы, в которых ученый прослеживает, как «борьба за Гёте», за его правильную интерпретацию в Болгарии, начавшаяся еще в 90-е годы, продолжается на протяжении всей почти первой половины XX в. Автор считает это отражением борьбы буржуазной и пролетарской культур в процессе их развития. Рассматривая ее на общем фоне развития болгаро-немецких связей, Станчев указал, что кульмиационного пункта она достигает в период перед второй мировой войной. В те годы лженаука гитлеровской Германии использует творчество Гёте в своих целях, фальсифицируя его в ницшеанском духе. Автор работы показал, что в силу отношений, сложившихся между Болгарией и Германией, такие тенденции проявили и в болгарскую критическую литературу. Он подверг резкой критике работы о Гёте болгарских исследователей того времени (особенно М. Арнаудова, К. Гылыбова, Я. Янева, Я. Арнаудова), в которых проявилось реакционное влияние фашистской идеологии⁵.

С этими взглядами, говорит автор, боролась революционная критика (Д. Полянов, Л. Авербух), которая, отмечая 100-летие со дня смерти писателя, провозглашала, что Гёте принадлежит прогрессивному человечеству, пролетариату.

Он утверждает, что, несмотря на то, что существенная часть творческого наследия Гёте была переведена в Болгарии по 9 сентября 1944 г. (А. Балабановым, К. Христовым, Н. Лилиевым, А. Разцветниковым, Д. Осинином и др.), истинную известность и признание великий немецкий классик нашел лишь в сегодняшней Болгарии. Теперь высокохудожественные переводы его творений по-настоящему стали частью культуры болгарского народа.

В работе много ярких страниц, посвященных собственно анализу переводов Гёте. С особой теплотой описана, например, болгарская «фаустиана» — история восьми переводов «Фауста»,

⁵ Сейчас М. Арнаудов и К. Гылыбов пересмотрели свои взгляды, хотя, как показывает Ст. Станчев, и не вполне еще отошли от интерпретации Гёте с идеалистических позиций.

сделанных видными представителями болгарской литературы. Немало в ней любопытных параллелей и сопоставлений, свежих, оригинальных толкований поэтических текстов.

Достоинством работы является обширная подробная библиография, в которой впервые учтены все основные переводы Гёте и статьи о нем, издававшиеся в Болгарии. Можно не согласиться с некоторыми частными оценками, данными в книге (например, толкование отдельных стихотворений П. П. Славейкова и др.). Досадны некоторые хронологические погрешности: так, например, перепутаны дважды в первой части (на стр. 6 и 53) годы рождения и смерти Гёте.

Но в целом новый труд Ст. Станчева, за каждой строкой которого стоит огромный опыт исследователя и тонкое литературное чутье, является заметным достижением в области исследования славяно-германских литературных связей.

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКТОРА СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР в 1966 г.

Основная задача сектора на ближайшие годы — написание коллективного труда «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». В связи с этим было решено провести весной 1966 г. широкий симпозиум по проблемам истории немецкого «Дранг нах Остен». Непосредственная подготовка к нему началась уже с осени 1965 г. За указанный период были подготовлены и обсуждены на заседаниях сектора все доклады и сообщения сотрудников сектора и ученых из других научных учреждений, которые предполагалось включить в программу симпозиума.

Симпозиум состоялся 20—22 апреля 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР. В нем приняли участие, кроме советских историков из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Минска, Харькова, Полтавы, Свердловска и Таллина, ученые из социалистических стран: Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Румынии.

Из Польши приехали В. Маркевич — директор Западного института в Познани, З. Новак — заместитель директора Западного института, З. Качмарчик — председатель ученого совета Западного института, из Чехословакии — А. Шнейдерек, директор Института мировой политики и международных отношений в Праге, И. Грозиенчик, директор Института истории европейских социалистических стран в Брatisлаве, Ф. Гондор, ученый секретарь того же института, из Болгарии — В. Божинов, заместитель директора Института истории Болгарской академии наук, Я. Йоцов, заведующий сектором новейшей истории Болгарии этого института, из Венгрии — Л. Кеваго, сотрудник института истории Венгерской АН, из Румынии — Н. Копою, сотрудник Института истории партии при ЦК Румынской трудовой партии, М. Дан, профессор университета в г. Клуж.

Основные доклады были сделаны сотрудниками сектора славяно-германских отношений Института славяноведения АН СССР докторами исторических наук В. Д. Королюком и В. М. Туруком, кандидатом исторических наук Н. Д. Ратнер и старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений доктором исторических наук М. С. Восленским. Они осветили основные проблемы истории «Дранг нах Остен», начиная с периода феодализма и кончая современной восточной политикой ФРГ.

Доклады сопровождались многочисленными сообщениями советских и зарубежных историков, в которых освещались различные аспекты поднятых в докладах вопросов.

Материалы симпозиума составляют основное содержание данного сборника, поэтому нет нужды характеризовать их подробно.

Все выступавшие отмечали большую значимость и актуальность настоящего симпозиума, продемонстрировавшего единство мнений ученых социалистических стран в борьбе с западногерманской идеологией.

В 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Гиглеровская экономическая оккупационная политика в Польше (генерал-губернаторство) 1939—1944 гг.» сотрудница сектора А. Ф. Носкова. Успешно окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Чехословацко-венгерские дипломатические отношения в период усиления германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе (1935—1939 гг.)» И. И. Поп. В 1967 г. защитил диссертацию заочный аспирант сектора Попков «Иоахим Лелевель в оценке польских и русских современников».

На заседаниях сектора обсуждались монография Ф. Г. Зуева (сектор истории социализма), главы из работы В. Н. Кондратьевой (сектор межславянских связей), выступил с сообщением о командировке в Чехословакию П. И. Резонов. Сектор поддерживает постоянные контакты с другими научными учреждениями страны: на его заседаниях обсуждались работы Чистякова (МГИИЯ им. М. Тореза), Шеламановой (Археографическая комиссия), Мерцацова (Воронеж), Шушарина (Институт истории), Мордуховича (Государственный ин-т народного хозяйства).

Обсуждение работы Л. М. Мордуховича «Социально-экономические взгляды Юрия Крижанича» было проведено сектором 20 февраля 1967 г. при участии сотрудников сектора истории периода феодализма и капитализма этого института. Выступавшие отметили, что автор собрал большой материал, ввел в научный оборот ряд новых архивных источников. Вместе с тем ряд существенных положений работы (элементы неортодоксальности в религиозных воззрениях Ю. Крижанича, трактовка социаль-

но-экономических взглядов Крижанича как отражения процесса развития капиталистических отношений в славянских странах, отношение к церковной унии и взгляд на цели русской внешней политики) вызвали возражения участников обсуждения.

В апреле 1966 г. состоялась встреча с заместителем директора Института по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы при Венском университете профессором Лейчем. Он рассказал об организации исследований в области истории языка и литературы в различных научных учреждениях Австрии. Темой беседы с Р. Плашкой, директором того же института, было понимание австрийскими учеными проблемы австрийской нации и ее взаимоотношений с другими народами. Эта встреча состоялась в мае 1966 г.

На заседаниях сектора обсуждались проспекты сборников, планы работы и отчеты сотрудников сектора, доклады и сообщения. Продолжает работу библиографическая группа сектора, приступившая к составлению ретроспективной библиографии к коллективному труду.

В январе 1967 г. было обсуждено оглавление первого тома труда и началась работа над проспектом.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи (материалы международного симпозиума
по проблеме «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран
Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы,
20—23 апреля 1966 г.)

В. Д. Королюк. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма	3
З. Качмарчик (ПНР, Познань). Средневековая немецкая колонизация в Польше и развитие городов на славянских землях	23
А. И. Рогов. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве	32
І. Э. Санчук. К вопросу об изучении идеологии немецкого «Дранг нах Остен» в раннефеодальный период	59
Н. Д. Ратнер. Из истории пангерманизма	72
И. С. Достян. Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и Сербское княжество	86
В. И. Фрейдзон. Проблема федерализации империи Габсбургов в 60-х — начале 70-х годов XIX в.	111
В. Божинов (НРБ, София). «Дранг нах Остен» и Болгария	131
Я. Иоцов (НРБ, София). Некоторые моменты экономической экспансии германского империализма в Болгарии	135
И. М. Кулинич (Киев). Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914—1918 гг.	140
А. Кёваго (Венгрия, Будапешт). Проблемы взаимоотношений малых народов в борьбе против германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе во второй половине 30-х годов XX в.	152
Д. С. Климовский (Минск). Германо-польское сближение в 1933 г. (Из истории подготовки пакта о ненападении между гитлеровской Германией и «санационной» Польшей)	157
И. И. Поп. Германская экспансия в Центральной Европе и чехословацко-венгерские отношения в 1935—1936 гг.	173
Ф. Гондор (ЧССР, Брatislava). Закарпатская Украина в планах международной реакции в 1938—1939 гг.	193

М. С. Восленский. Реваншистская восточная политика ФРГ и «остфоршунг» (1949—1965)	197
З. Новак (ПНР, Познань). Экономические условия и идеология «Дранг нах Остен»	211
В. Маркевич (ПНР, Познань). Проблема «Дранг нах Остен» в оценке современных общественных наук ФРГ	217
А. Ф. Носкова. Историки ПНР о гитлеровском оккупационном режиме в генерал-губернаторстве	223
М. Р. Тульчинский. Историки социалистических стран в борьбе против западногерманского «остфоршунга»	234
И. Грозиенчик (ЧССР, Братислава). К вопросу о планах германского фашизма в отношении Словакии	248
К. Оберманн (ГДР, Берлин). Десять лет Немецко-чехословацкой исторической комиссии	256

Сообщения

Т. А. Воздвиженская. К вопросу о деятельности так называемого Немецко-болгарского общества	259
Т. А. Воздвиженская. Интересное исследование о болгаро-немецких литературных связях	270

Хроника

О работе сектора славяно-германских отношений Института славяноведения АН СССР в 1966 г.	275
--	-----

**«Дранг нах остен» и историческое развитие
стран Центральной, Восточной
и Юго-Восточной Европы**

**Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР**

**Редактор издательства A. Г. Крапенкова
Технический редактор Н. Ф. Егорова**

Сдано в набор 11/IV-1967 Подписано к печати 28/VII 1967 г.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 17,75.

Уч. изд. л. 18,5 Тираж 2600. Т-00994.

Тип. зак. № 2484. Бумага № 1. Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Наука».

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
27	21 св.	городское	съродское
43	22 св.	самодержавному	державному
58	4 сн.	Зонов	Зонова
74	20 св.	империи, немецкой	империи немецкой
163	10 св.	подготовить	подготовиться
199	16 св.	западными	северо-восточными
245	4 сн.	признаки	призраки
245	4 сн.	«Вопросы истории»	«История СССР»

Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной,
Восточной и Юго-Восточной Европы.

